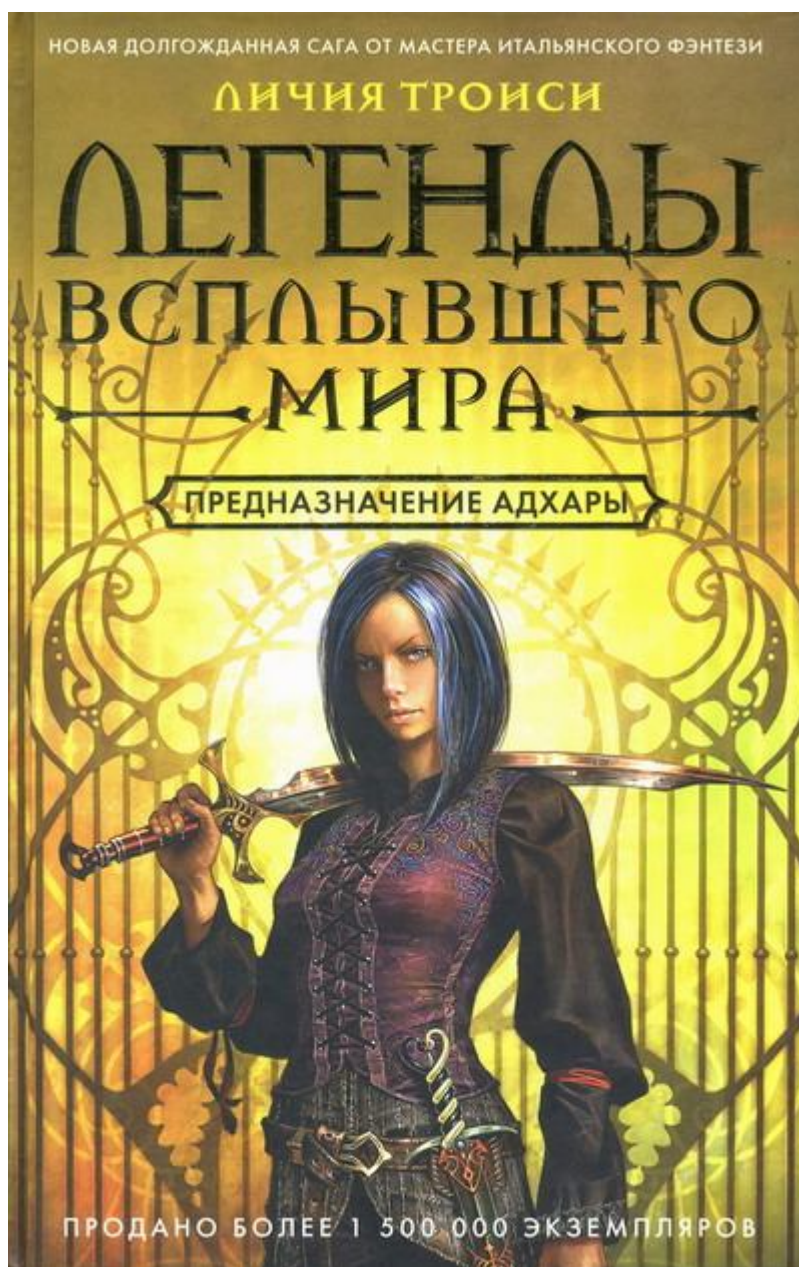

Личия Троиси
Предназначение Адхары

Легенды Всплывшего Мира – 1

- Alex1979. OCR & ReadCheck - Ergo80. <http://oldmaglib.com>
«Личия Троиси "Легенды Всплывшего Мира. Книга 1. Предназначение Адхары"»:
Центрполиграф; Москва; 2010
ISBN 978-5-227-02334-6

Аннотация

Король Леарко Справедливый и его супруга Дубэ все делали для того, чтобы Всплывший Мир забыл об ужасах войн, но древние эльфийские тексты говорят о том, что Разрушитель снова вернется. Будет война, смерть, разрушения и страшная, непобедимая болезнь. Вечное противостояние Посвященного и Разрушителя, борьба добра со злом. Но, если у Всплывшего Мира на этот раз не будет Посвященного, мир погрузится во мрак. И тогда, чтобы быть готовыми к встрече с неизвестным Разрушителем, запрещенная секта

Недремлющих решила создать Посвященную в своей тайной лаборатории...

Личия Троиси «Предназначение Адхары»

*Мелиссе и ребятам из общества Lands & Dragons
посвящается*

Пролог

Человек в черном медленно шел вперед. Он уверенно ориентировался среди пустынных городских улочек; капюшон скрывал его лицо, плащ плавно скользил по его сапогам. Одна за другой мелькали тени: человек решительно направился по знакомой улице. Он уже был здесь несколько дней назад.

Над входом не было никаких указателей: простая деревянная дверь и каменный архитрав. Ему не было нужды рассматривать символ, высеченный на ключе свода, чтобы понять, что он уже на месте.

Он остановился на мгновение, осознавая, что отнюдь не это было его первоначальной целью и что его миссия заключалась совсем в другом.

— Тебе нужно найти его во что бы то ни стало, ясно? — сказал ему Крисс во время их последней встречи.

— Знаю, — ответил он, склонив голову.

— В таком случае ты не остановишься до тех пор, пока не найдешь его, и не позволишь никому и ничему встать на твоём пути.

Крисс посмотрел на него, не добавив более ни слова, и человек в черном в полной мере мог оценить это молчание, заполнив его смыслом. Но он не был из числа тех, кого можно легко запугать такой чепухой.

Эти уловки хороши для тех, кто преклоняется перед тобой, как перед божеством, но только не для меня.

Он поклонился в знак уважения и направился к двери.

— Помни про наш уговор, — произнес Крисс прежде, чем тот успел переступить порог комнаты.

Человек в черном остановился на мгновение. Мне никогда не забыть его, подумал он.

И вот теперь он стоит перед этой дверью. Он еще может остановиться и уйти отсюда прочь. Снова пуститься в путь и вернуться к своей миссии.

А готов ли ты ради своей цели пойти на это? — спросил он себя, в то время как его глаза медленно скользили по природному древесному узору двери. Ему даже не понадобилось искать ответа.

Тяжело вздохнув, он вынул меч из ножен, затем, толкнув ногой дверь, вошел внутрь.

Ничем не примечательные кирпичные стены, абсурдно низкий потолок.

Провидец всегда говорил: «Потерпите, это лишь временное пристанище. Но здесь, по крайней мере, нам гарантирована секретность, в которой мы так отчаянно нуждаемся. Позже, когда все пойдет по плану, мы подумаем о том, чтобы найти более достойное помещение».

Удушающее пространство подземелья освещалось множеством встроенных в стены факелов. Запах плесени смешивался с горьким привкусом дыма. Люди в белом блуждали из одной комнаты в другую. На их лицах были абсолютно гладкие мрачного вида бронзовые маски с двумя отверстиями для глаз. Из-за закрытых дверей доносились приглушенные завывания и медленное гипнотическое пение псалмов, витал запах крови и магии — гнетущий запах смерти.

В этой унылой тишине грохот опрокинутой наземь двери прозвучал словно взрыв. Стоявшие прямо у входа Недремлющие не успели даже понять, что произошло. Человек в черном сразил их одним-единственным плавным ударом меча. Белые мантии побагровели, а

бронзовые маски со звоном покатались на пол. Среди поверженных с искаженными от боли лицами оказались пара низших офицерских чинов Академии и один министр. У остальных было время, чтобы подготовиться и отразить атаку. Те, что были вооружены, выхватили свои мечи и бросились в бой, многие же обратились в бегство, надеясь спасти то, что еще можно спасти.

Человек в черном был неудержим, тем более что среди сопротивлявшихся не оказалось достойных ему противников. За долгие годы скитаний ему не раз приходилось сталкиваться с серьезным врагом, об этом говорили многочисленные шрамы на его теле.

Вот она, изнеженность мира, слишком долго жившего без войн, подумал он презрительно.

За его спиной послышалось шуршание. Он даже не оглянулся, лишь произнес шепотом слова, и вокруг него появился серебристый шар. Нацеленные на него кинжалы отскакивали от защитной поверхности, не причиняя человеку в черном никакого вреда.

— Маг... — пробормотал кто-то в ужасе.

На что человек в черном свирепо улыбнулся.

Андрас, юный Недремлющий, вбежал в келью, захлопнул дверь и запер ее на засов. Он тяжело и прерывисто дышал, казалось, что воздух никак не может выбраться из его легких. Он всем телом припал к дереву и прижался к нему ухом. Лязг скрещенного оружия, вопли, стук падающих на пол тел.

Что происходит? Может, их раскрыли?

Андрас затрясся. Он всеми силами старался побороть страх. Нет, нет, совсем не этому его учили. Свой первый в жизни урок он получил уже тогда, когда ступил сюда ногой.

«Если нас когда-нибудь раскроют, попытайся спасти наш труд. Это единственное, что имеет здесь значение. Мы трудимся во имя великого замысла, во имя высшей цели, не забудь этого».

Это были слова Провидца. Андрас перевел дух. *«Спаси наш труд».*

Он решительно отпрянул от двери и побежал к шкафам, стоявшим вдоль одной из стен маленькой кельи. Андрас пошарил рукой между старыми пергаменами и многочисленными рукописями, исписанными мелким и изящным почерком. Некоторые из них он сунул в кожаный мешок, остальные порвал на клочки. Потом порылся между склянками с зельями, пузырьками и пучками трав. Годы труда. Как выбрать, что именно из трудов всей жизни нужно спасти в эти считанные судорожные мгновения?

В этот момент стон, раздавшийся в келье, привлек его внимание к стоявшему посреди комнаты столу.

Андрас пришел в себя. Вот что ему нужно было спасти — создание. Оно, единственное, стоило того, чтобы быть вынесенным за пределы подземелья: оно было дороже их жалких жизней, их дурацких исследований, оно было для них всем.

Женские крики за дверью.

Нет! Их тоже убивают!

Андрас подошел к столу, развязал кожаные ремни, связывавшие создание, и освободил его, потом грубо тряхнул его за плечи, вынуждая прийти в себя.

— Просыпайся же ты, ну давай, просыпайся! — взмолился он, хлопая создание по щекам. Но оно, прикрыв веки, продолжало оставаться неподвижным в его руках.

А за дверью усиливался шум. Враг подходил все ближе.

Сердце отчаянно забилось в груди Андраса.

«Я умру, но наш труд не пропадет даром. Я умру, но наш труд не пропадет...» — повторял он как мантру монотонный напев, которому его научили, когда он стал Недремлющим.

Только бы это помогло! Он был удивлен тому, как раздражены были его мысли. Но почему создание не просыпалось?

Он с силой стащил тело со стола, и оно плюхнулось на пол. Создание едва шевелило губами.

Тогда Андрас взял сосуд и окатил его водой. Создание вздрогнуло.

— Вот и прекрасно, молодец, молодец... послушай меня.

Юноша поднял его за плечи, пристально посмотрел ему в глаза, в потухшие глаза. Быть может, еще слишком рано... И отогнал от себя эту мысль.

— Сейчас я отведу тебя в одно место, договорились? Ну, послушай же меня!

Слабый проблеск сознания промелькнул в глазах существа.

— Вот и хорошо!

Прямо за дверью послышался треск. Андрас вздрогнул. Он подхватил создание под мышки и потащил прочь.

Ему удалось нащупать кнопку на стене. Небольшая часть стены откинулась назад, открывая мрачный подземный ход.

— Попытайся встать на ноги, заклинаю тебя... — умоляюще произнес он.

Он пригнул голову, чтобы войти в проход. Существо издало стон и наконец начало шевелить ногами.

— Молодчина, давай смелее...

Он попытался протиснуться между стенами, пропитанными мускусом. За ним с трудом двигалось создание.

Грохот за стеной стал ослабевать, и в сердце Андраса появилась надежда.

Мне по силам с этим справиться, мне по силам справиться...

— Давай туда! — крикнул он, повернувшись к первому раздвоению хода, а затем прошел еще немного, до тех пор пока не натолкнулся на стену. Вот мы и пришли, вот мы и пришли, твердил он скорее для себя, чем для существа. Андрас дрожащей рукой нажал на кирпич, и прямо перед ним открылась маленькая комната. Он схватил создание за руку и втолкнул внутрь. Существо попыталось воспротивиться. Он коснулся его щеки и почувствовал, что она влажная. Создание плакало. Сердце Андраса сжалось на мгновение.

Но он вспомнил слова Провидца: *«Создания — объекты чистой воды. Они орудия нашего спасения, и вам следует расценивать их только так. Не думайте о них как о людях; они ими не являются. Гоните прочь от себя сострадание и привязанность, которые будут одолевать вас: чувства не более чем препятствия на пути к завершению нашей миссии».*

Андрас снова обрел присутствие духа.

— Сейчас ни звука, ясно? Оставайся здесь и жди меня. Я не задержусь надолго, хорошо?

Существо едва заметно кивнуло.

— Вот и молодец. — Андрас улыбнулся. — Ни в коем случае не уходи отсюда.

Затем он закрыл за собой кирпичную дверь и постоял несколько минут возле кельи. Ни единого звука. Быть может, создание все поняло. Андрас позволил себе немного передохнуть. А теперь он может почить с миром. Как знать, возможно, как раз это слезливое существо, которое он оставил там, за дверью, могло бы спасти их. Но он выполнил свой долг. Он мысленно вспомнил весь свой пройденный путь.

Человек в черном не останавливался ни перед чем. Так он не бушевал с тех самых пор, когда был пойман и впервые столкнулся с Криссом. Ощущение совершенства собственного тела, отточенности движений, слабая ноющая боль в напряженных мышцах, запах крови — все это пьянило его, заставляя испытывать чувство эйфории.

Убивать всех без разбора. Солдаты и вожди, молодые и старые, девушки. Девушки в особенности. В конце концов, он пришел за ними. Несчастные орудия в руках этих сумасбродных колдунов. На мгновение ему в голову пришла мысль, что он делает им одолжение.

Вот он, Мастер, тот мир, в создании которого ты принимал участие. Быть может, ты правильно сделал, что ушел из жизни, так и не приняв его.

Затем пришелец вышел последнюю дверь. За ней скрывался тот самый Провидец, предводитель этого сборища сумасшедших, дрожащими пальцами сжимавший старинные

книги и пергаменты.

Человек в черном медленно вошел. Меч за его спиной оставлял после себя кровавый след.

— Всего один человек? — недоверчиво произнес Провидец.

— Всего один человек, — подтвердил человек в черном со свирепой улыбкой на лице.

Провидец попятился назад, прижавшись к стене.

— Кто тебя послал?

— Никто. И даже если я скажу тебе, кто мой повелитель, едва ли тебе удастся понять, о ком я говорю.

Провидец замолк на мгновение, затем воскликнул:

— Мы спасаем Всплывший Мир! Почему вы не понимаете этого? Вы все еще прислушиваетесь к бредням этой сумасшедшей старухи? Без нас наступит хаос, смерть!

— Меня совершенно не интересуют ни хаос, ни смерть. И еще меньше спасение этого мира.

Несмотря на маску, скрывавшую лицо Провидца, человек в черном почувствовал его растерянность.

— Ты — безумец.

— Быть может.

Один-единственный удар меча, и Провидец рухнул на пол.

Сборище Недремлющих прекратило свое существование.

Часть первая ДЕВУШКА НА ЛУГУ

1

ПРОБУЖДЕНИЕ

Жарко. Что-то сырое вливается в спину. Пространство вокруг кажется сплошь красным. Нестерпимая боль во всем теле. Оно словно охвачено внутренним пламенем, и ноет каждая жилка в отдельности.

Где-то в отдалении существо ощутило свою руку. Слегка пошевелило пальцами и почувствовало, как они наполнились умиротворяющим теплом. Оно медленно открыло глаза и увидело белый ослепляющий свет. Это похоже на внезапное появление всех чувств сразу, на мгновенное погружение в объятия ревущего хаоса. А вокруг непрерывное гудение, пронзительный и kloкочущий прерывистый грохот, а еще запах земли и травы, ощущение влажной росы под спиной. Существо чувствовало себя совсем подавленным.

Оно заморгало глазами и резко перевернулось на бок. В его теле ныл каждый мускул, отчего в горле перехватывало дыхание. В этой белизне постепенно начали вырисовываться очертания бледной руки, лежащей на траве, пара худых ног, белых и изящных, едва прикрытых грязной туникой.

Где я?

Вопрос, такой простой и ужасный, всплыл в его сознании. Но оно не смогло найти ответа. Оно посмотрело на руку, освещенную лучами солнца. Постепенно стали проявляться цвета. Бледная розоватость кожи, слепящая глаза зелень травы, непонятные оттенки туники, что была на нем.

Кто я?

Нет ответа. Виски сдавил холод. Существо коснулось груди, там, где сердце отстукивало время его тревоги. Маленькие и упругие груди.

Я — женщина.

Но это осознание не принесло облегчения. Существо огляделось по сторонам. Темно-синее небо без единого облачка. Окружавший его луг казался безграничным. Тут и там белели пугливые маргаритки и вызывающе розовели несколько маков.

И ни души.

Оно попыталось что-нибудь вспомнить, восстановить в памяти имя, лицо, какой-нибудь признак, который мог бы помочь понять происходящее. Но безрезультатно.

Лежа на земле, оно ощутило боль в боку, словно что-то сдавило его плоть. Существо снова развернулось и не без усилий поднесло руку к больному месту. Предмет продолговатой формы, довольно шершавый на ощупь, был привязан к его бедру полоской из некой материи, однако понять, какой именно, ему не удалось.

Ты об этом подумаешь позже, а теперь вставай, приказал ему внутренний голос. Существо положило ладонь руки на траву. Только тогда оно обратило внимание на красное сияние вокруг запястья. Существо инстинктивно дотронулось до него одним пальцем и сразу же отдернуло его. Это место невыносимо жгло. На запястье другой руки был тот же самый знак.

Это не важно, тебе нужно подняться, не унимался голос. Существо и другой ладонью оперлось о землю. Невыносимо ныли мышцы обеих рук, равно как и ног. Оно стиснуло зубы: с губ вырывались глухие стоны. Существо с большим трудом удалось подняться. Оно задышалось всякий раз, когда острая боль с новой силой пронзала его тело. Оно заметило, что и на его щиколотках были все те же отметины с красным свечением.

Живая кожа. Она что-то означает. Но существо не смогло бы сказать, что именно.

Шатаясь, оно наконец встало на ноги. Оно находилось посреди луга, но это открытие ни о чем не говорило ему. У него не было не малейшего представления о том, что с ним приключилось, где оно находится и даже кто оно такое. Оно осмотрело грудь, руки, ноги до самых ступней. Его поразило, что все это было его телом. Существо не узнавало его, оно было ему чужим. И даже осознание того, что оно было существом женского пола, ничего для него не значило. На нем была длинная туника, запачканная травой и кровью. Никакого нижнего белья. На бедре — полоски ткани, которые оно уже успело заметить прежде, и продолговатый предмет под ними. Существо неуверенно коснулось рукой рукояти предмета. Сжав ее пальцами, оно подняло предмет вверх. С легким свистом появилось нечто, искрящееся на солнце. Прищурив глаза, существо внимательно рассмотрело предмет: теплая коричневая рукоять как влитая лежала у него в ладони. Продолжением рукояти была часть из другого материала, сверкающего и холодного на ощупь. Оно имело змеевидную форму и было украшено непонятными символами, которые существо так и не удалось расшифровать. Оно провело пальцем по холодному острию и сразу же почувствовало боль. Оно одернуло руку и увидело длинную красную полосу на коже. И в эту минуту его осенило.

Это — кинжал.

Предмет, который был только что им извлечен, служил для того, чтобы наносить раны и защищаться, — подсказывал его инстинкт. Но сейчас он абсолютно бесполезен. Оно вложило его обратно и вновь огляделось вокруг. Казалось, что лугу не было конца и края.

Иного не дано, сказала оно себе с тупой тоской. Затем прямо перед собой вдали оно заметило тонкую темную полосу. Деревья?

Вот туда и нужно идти.

Существо спросило себя для чего, но не нашло ответа. Оно знало только, что сделать это было крайне необходимо. Осторожно шагнуло вперед: это все равно что заново научиться ходить. Ему с трудом удалось удерживать равновесие, ноги ныли, мышцы спины гудели от боли. Быть может, нужно сесть и передохнуть.

Я сяду и подожду, пока кто-нибудь придет, возникла в голове утешительная мысль, и на мгновение ему показалось, что так и следует поступить.

Никто не придет, ответило оно себе с хладнокровной уверенностью. Тогда оно обратило свой взор на зеленую линию и неуверенно, шаг за шагом, двинулось вперед. А вокруг при каждом легком дуновении ветерка склоняли свои головы цветы и медленно колыхалась трава. Оно не позволило себе отдыхать. И в той пустоте, где пребывало его сознание, в этом тягучем ужасе, что его объял, у него появилась цель, и ему нужно было ее достичь.

Существо увидело деревья, которые при приближении постепенно становились все

выше и выше. Коричневые стволы, ветви, простиравшиеся к синему небу, и странного вида бледно-зеленые листья. Оно смотрело на них как на мираж, а тем временем его шаги мало-помалу становились все увереннее. Когда наконец оно смогло коснуться шершавой коры одного из стволов, то с облегчением улыбнулось. Совсем обессилив, оно сползло вниз по дереву: зацепившуюся за кору и обнажившую ноги одежду удерживал только пояс. Существо посмотрело на пройденный путь. Оно не смогло бы его оценить и даже сказать, сколько на это ушло времени. Оно не знало ни в чем измеряется пространство, ни как обозначается бег времени. Его охватило уныние. Оно почувствовало, как что-то сырое скатилось по его щекам, и когда оно коснулось их, то ощутило, что они стали мокрыми. Это еще больше его опечалило. Раскрыв рот, существо предалось отчаянию, а тем временем из его глаз на живот капали большие капли, вырисовывая на тунике безукоризненно круглые темные пятна. Из его горла вырывались лишь неясные стоны.

После его пробуждения свет стал другим. Уже не такой ослепляющий, как во время его блужданий по лугу, но золотисто-красноватый. Похолодало. Существо даже не заметило, как уснуло. Оно коснулось щек и почувствовало, что они покрыты чем-то шершавым. Потерев их немного ногтем, сунуло палец в рот. Соль.

У боли вкус соли, сказала оно себе.

Оно вновь попыталось порыться в памяти. Быть может, отдых пошел ему на пользу, и оно теперь вспомнит. Ничего. Из его совершенно чистого разума всплывали с вполне твердой определенностью только те ощущения, которые оно испытало после того, как проснулось на этом лугу. Поначалу никаких воспоминаний, только неопределенная и мрачная магма. И снова страх, холодный и вкрадчивый. Но теперь его терзало нечто другое, что-то вроде внутреннего жжения, ощущение невыносимой сухости, раздиравшей рот и горло. Уши уловили ритмичный kloчущий звук, более напряженный, чем тот, что послышался ему *после* пробуждения.

Мне непременно нужно добраться до него. Вряд ли оно сумело бы ответить на вопрос, для чего ему это, собственно, нужно, но оно чувствовало вполне определенно, что это было правильное решение и что после этого ему станет лучше.

Существо подумало про ту ужасную работу, которую оно совершило прежде, заставив себя встать на ноги. Оно вцепилось руками в кору и приготовилось к боли. А между тем все оказалось менее сложным и мучительным. Конечно, мышцы все еще были в оцепенении и нестерпимо болели суставы, тем не менее оно уже чувствовало себя лучше. Существо оторвалось от ствола и пошло вперед. Теперь оно умело ходить и шаг за шагом переставляло ноги вполне уверенно, сосредоточившись на ритмичном движении и ощущая сухую листву под ногами.

Наконец оно различило сверкающую серебристую ленту, прокладывающую путь между деревьями, бросая в глаза розоватые блики заходящего солнца. Оно кинулось к ручью и, погрузив в него лицо, принялось жадно пить воду.

Жажда, хочется пить, решило оно. Холодная и такая сладостная вода проникала все глубже в горло, утоляя мучившую его сухость. Существо открыло глаза. Оно увидело перед собой черно-синие волосы, обрамлявшие его лицо. Его волосы. Глубоко вздохнув, оно подняло голову. У него возникла идея. Обследовав глазами окрестность, существо обнаружило на некотором расстоянии от себя нужный ему объект. Оно оценило отрезок пути, который требовалось пройти, чтобы добраться до цели. Нужно было пересечь ручей, перепрыгивая по целой веренице камней, и ненадолго погрузиться в воду. Ему по силам было справиться.

Существо заметило, что движется с особой ловкостью, без труда перепрыгивая с одной каменной глыбы на другую. Оно добралось до желаемой цели. В этом месте гряда лежавших по кругу камней удерживала ручей в углу, образуя маленький родник с почти стоячей водой. Солнце светило ему в спину. Существо наклонилось. На мгновение оно остановилось в страхе и нерешительности. У него вновь сжалось все внутри от ужаса увидеть в воде

незнакомое лицо. Но существо побороло себя. Быть может, оно знало, что увиденное поможет встряхнуть память.

Оно осторожно наклонило голову и посмотрело на свое отражение. Черные гладкие волосы обрамляли небольшой овал его головы. Тут и там ниспадали блестящие тонкие пряди темно-синего цвета. Вытянутое, худое лицо, но при этом с довольно круглыми щеками. Высокий лоб, вокруг которого волосы расходились в стороны, словно занавес. Маленький, хорошо очерченный рот с гладкими розовыми губами, заметно выделявшимися на фоне бледного цвета кожи лица. Прямой вытянутый нос. Тонкие брови. Как оно и опасалось, это было лицо чужака. Тень пробежала по его лбу и глазам, которые вмиг прояснились.

Вот как, оказывается, возникает страх на моем лице, подумало оно про себя.

Однако более всего его поразили огромные, несколько удлинённые глаза, один из которых был очень черным, а другой ярко-лиловым, чистым и каким-то тревожным. Не так много существует на свете людей с глазами разного цвета: по какой-то непонятной причине ему это было известно. Лоб отражаемого лица стал ровным. Добрый знак. Должно быть, теперь будет легче узнавать его с такой характерной чертой.

Существо встало на ноги, с решимостью, которой прежде у него не было.

Мне нужно идти.

Еще один приказ, смысл которого существо не понимало, но в категоричность которого слепо верило. Оно не узнавало собственного тела, но тем не менее с уважением относилось к его влиянию на свои действия: когда его мучила жажда, именно тело подсказало ему, что нужно делать. Существо понимало, что должно использовать неосознанную уверенность, которая время от времени мелькала в его мозгу. Именно эта уверенность до сего момента оказывалась для него спасительной.

Существо двигалось вдоль ручья, поскольку все еще хотело пить, и не знало, как можно унести с собой хотя бы немного воды. И потом, оно было убеждено в том, что если оно хочет кого-нибудь встретить, кто бы мог знать, кто оно такое, либо просто мог ему помочь, то следовало бы держаться реки.

Солнце описало на небе свой невидимый за верхушками деревьев полукруг. Янтарный свет сменился на розоватый, а затем окрасился в бледно-голубой. На какое-то время все стало фиолетовым, а чуть позднее в неизменном окружении тьмы медленно опустилась ночь.

Девушка не знала точно, сколько дорог прошла. Она знала только то, что было темно и она очень устала. Ей нужен был отдых.

Она взобралась на дерево. Каким-то странным образом она предчувствовала, что именно так ей следовало поступать. Она села верхом на одну из ветвей и спиной прислонилась к стволу. Ее мышцы изнывали от боли, но она сильно отличалась от той, которая мучила ее после пробуждения. Сейчас это была боль усталости.

Девушка подняла глаза к небу. Деревья позволяли ей видеть только небольшой его квадрат, черный как смола, сплошь усеянный десятками маленьких дрожащих белых огней. В воздухе пахло влагой и прохладой, и на мгновение она почувствовала себя почти умиротворенной. А вокруг дневные шумы уступили место новым звукам: далекое и протяжное завывание, осторожная поступь зверя в лесной чаще, умиротворяющее стрекотание насекомого, название которого она никак не могла вспомнить. Ей не было страшно. Ее отнюдь не пугала сдержанная и осторожная жизнь в ночном лесу: страх был вызван скорее абсолютной пустотой в ее мозгу, бездной, которая, как казалось, ее и породила. Девушка увидела, как за плотной завесой деревьев выплыла огромная и чистая луна, и она почувствовала, как ее сердце стало наполняться мимолетной безмятежностью и хрупким спокойствием. Довольно большая птица с приплюснутой головой и маленьким крючковатым клювом стремительно пронеслась между нею и луной. Она услышала ее мрачный и торопливый голос. Девушка проследила за ее полетом, насколько смогла. Она так и уснула, пытаясь вспомнить ее название.

Все последующие дни превратились в одно непрерывное движение. Время было ориентировано на солнце, встававшее и садившееся на всем протяжении пути, и на потребности ее тела.

Впервые, когда девушке захотелось есть, именно желудок направил ее внимание на красные плоды, висевшие на низких кустах. Она набила ими рот и набрала немного с собой в дорогу. Чтобы не поранить ноги, она обмотала их длинными полосками ткани, оторванными от туники, которая теперь стала заметно короче. Однако все это странствование казалось бесполезным. Окружавший девушку лес на всем своем протяжении выглядел совершенно одинаково, и ни единой тени подобного ей существа не встречалось на пути.

Быть может, кроме этого нет ничего, а мир — это один-единственный безграничный лес.

Но в один из дней она услышала далекие и непонятные голоса. Девушка помчалась вслед за ними, словно за миражем, по листьям папоротника и кустам ежевики, раздиравшим в кровь ее ноги.

Неожиданно она оказалась на поляне и увидела их перед собой: они были заметно моложе девушки.

Дети, подсказал ей внутренний голос. Девочка и два мальчика: один пониже, а другой повыше. Все трое, глядя друг на друга, замерли на месте на какое-то время, которое, как ей показалось, длилось бесконечно долго.

Заговори с ними. Скажи что-нибудь. Пусть они тебе помогут.

Девушка сделала несколько шагов вперед, попыталась открыть рот и протянула к ним свои руки. С губ слетел только бессвязный вой, который даже для ее собственных ушей показался мрачным и безумным.

Все рухнуло. Девочка поднесла руки ко рту, самый маленький из детей спрятался за ее юбку, а другой просто заревел. Все трое помчались из леса так быстро, как только могли.

Девушка побежала вслед за ними. Во время своих скитаний она только и делала, что ждала этого момента, пытаясь отыскать кого-нибудь, кто бы мог ее спасти. И она ни за что не упустит эту возможность.

Но дети были заметно ниже ее ростом и проворнее увертывались от папоротника и кустов ежевики. А вскоре она и вовсе потеряла их из виду. Тогда она побежала на звуки их тяжелого дыхания. Так продолжалось до тех пор, пока и они не стихли. Девушка снова осталась одна.

Она остановилась на мгновение: слепая ярость переполняла ее грудь. Она сжала кулаки и сдержала слезы. Нет, ей нельзя было останавливаться. Она продолжила свой путь, стараясь отыскать тропу, по которой направились дети.

Когда она уже потеряла всякую надежду настичь их, деревья неожиданно, как занавес, расступились, и ей открылась равнина. Ее взгляд, скользя вдоль линии горизонта, потерялся между сверкающей зеленью травы и неумолимой голубизной неба. Вдалеке, как раз там, где земля касалась облаков, она увидела нечто огромное. Оно казалось коричневым, но на таком расстоянии было довольно сложно определить цвет: это нечто, возвышавшееся над землей, было изящным и одновременно приземистым. Девушка от удивления раскрыла рот. Она не знала, что это было — может, гора, а может, что-то другое; по земле к нему вела коричневая лента.

Там есть люди, подумала она, *много людей*. И среди этих людей наверняка есть кто-то, кто смог бы ей помочь.

А если я окажусь там прежде, чем снова захочу есть и пить?

Она уже потеряла из виду ручей. Но у нее еще было время набрать с собой ягод и фруктов, и девушка снова ненадолго углубилась в лес. А некоторое время спустя она решительно направилась к строению.

Сначала девушка попыталась идти по коричневой ленте, но это оказалось намного хуже, чем передвигаться босыми ногами по траве, и поэтому она вскоре отказалась от этой

затеи. Но при этом она продолжала идти вдоль нее, ведь это был самый прямой путь, по которому она могла добраться до цели.

Девушка увидела башню — вот как она называется, теперь она это припоминала, — которая мало-помалу становилась все внушительнее. Она была цилиндрической формы. К тому же с боков возвышались остроконечные пристройки и виднелись круглые купола и покатые крыши. А у подножия башни на равнине простирались кирпичные дома, словно этот огромный цилиндр был не в состоянии вместить их в себя и позволял им выйти за его пределы. От вида этого внушительного и ужасного зрелища сердце девушки затрепетало. Это был неизвестный ей мир, находившийся за пределами леса, мир, полный всего того, отчего у нее захватывало дух. В лесу, среди деревьев она была в состоянии распознать, что представляет для нее опасность, а что нет. А там? Теперь девушке не с чем было все это сравнить, а инстинкт, казалось, был не способен ей помочь.

Она продолжала свой путь весь день, не останавливаясь даже тогда, когда солнце скрылось за горизонтом. Тьма медленно опускалась, но девушке нужно было идти. Она, должно быть, очень боялась уснуть под открытым небом на обочине дороги.

Девушка пришла в город, когда уже наступила ночь. Оказавшись у подножия башни, она почувствовала себя подавленной и растерянной. Издали это сооружение казалось огромным, но вблизи оно выглядело прямо-таки беспредельным. Оно закрывало собой добрую половину неба, и казалось, что его высота беспредельна. Дома, примыкавшие к ее подножию, выглядели так, словно были приплюснуты к земле ее громадой. Девушка рассматривала башню, высоко задрав голову. И только луна на небе вернула ей хоть немного смелости. Прямо перед ней открывался целый лабиринт кривых улочек. А кругом ни травинки, только камень и немного соломы на крышах некоторых домов.

Девушка, оглядываясь по сторонам, рискнула пойти по одной из этих улиц. Рыжеватые кирпичи, белые камни, низкие жилища с закрытыми деревянными дверями. Внутри — слабые дрожащие огни и отзвуки мирно беседующих голосов.

Что ей теперь делать? Остановить кого-нибудь и объясниться жестами? Но вокруг нее не было ни души. В надежде натолкнуться на кого-нибудь, она пошла по первым попавшимся ей переулкам. Но и там ее встретил только холодный и неведомый ей мир.

Девушка свернула на улицу побольше, и наконец картина изменилась.

По обеим сторонам были открыты широкие двери, за которыми просматривались комнаты с сидящими в них людьми. На улицах тоже сновал народ: не слишком много, но движение было довольно оживленным. Девушка нервно сжала в руках подол туники, но потом немного осмелела. Она выбрала одну женщину, вызывавшую у нее большее доверие, и, вытянув руку, пошла ей навстречу. Женщина же, смерив ее неодобрительным взглядом, резко свернула в сторону. Девушка осталась стоять посреди улицы, наблюдая за высокой незнакомкой, удалявшейся прочь. Она повторила попытку, остановив мужчину в просторной тунике. Она протянула руку, чтобы привлечь его внимание, а тот в ответ пошарил в мешочке, висевшем у него на поясе. Девушка вздохнула с облегчением и снова открыла рот.

Но мужчина остановил ее, взяв ее руку, и сунул в ладонь что-то холодное.

— Купи лучше одежду, — сказал он и быстро удалился.

Девушка раскрыла ладонь. На ней сверкал круглый золотистый предмет, на котором были выгравированы странные символы и стилизованное изображение башни. Девушка пригляделась повнимательнее: символы мало-помалу стали обретать смысл.

«Пятьдесят скудо».

«Салазар».

Она попыталась прочесть надпись вслух, и ее губы зашевелились, но прозвучало что-то невнятное. Девушка сжала ладонь и растерянно огляделась по сторонам. Что такое скудо? А Салазар? Она заметила, что прохожие смотрели на нее, и инстинктивно кинулась прочь с середины улицы. Девушка прислонилась спиной к стене и глубоко вздохнула.

«Полкароля за хорошую миску супа».

Девушка резко обернулась. Прямо перед ней возникло румяное девичье лицо.

— Он у нас действительно очень хорош, — добавила она с улыбкой. — Послушай, я прибавлю к нему еще и кусок хлеба, потому что вижу, что твои дела совсем плохи.

Девчушка попыталась заговорить. Ей очень хотелось спросить, где она находится, и объяснить, что ей очень плохо и что-то неладное творится с ее головой. Но вышло только невнятное бормотание.

Девчушка уставилась на незнакомку:

— Голова? Что с головой?

И ту осенило. Получается, что она произнесла нечто такое, что имело смысл! Она коснулась рукой головы.

— Болит... — попыталась она произнести наряду с другими бессвязными словами.

Девчушка подбоченилась с хитрой улыбкой:

— Ну так от боли в голове нет ничего лучше хорошего супа.

Она схватила руку девушки и потащила в одну из этих освещенных комнат, которые та увидела, едва оказавшись на этой улице.

И прямо перед девушкой развернулось зрелище, которое привело ее в полное замешательство. Это был просторный каменный зал с довольно высоким потолком, с массивными деревянными балками, поддерживающими свод. В углу внутри довольно большой ниши потрескивал огонь. В другом углу стоял широкий деревянный стол, уставленный мисками и стаканами, вокруг которого суетились двое вспотевших и довольно крепких мужчин. Впрочем, зал был полон людей, сидевших за длинными деревянными столами. В основном это были мужчины, у многих из которых сбоку висели предметы, похожие на ее кинжал, но только чуть длиннее.

Мечи, подсказал ей все тот же внутренний голос.

Девчушка продолжала тащить ее вперед до тех пор, пока они не оказались на балконе.

— Кел, суп для моей подруги, — сказала она.

Один из этих двоих мужчин, лысый, но с длинной бородой, обернулся и смерил чужестранку пристальным взглядом:

— А есть ли деньги у твоей «подруги»?

Девчушка мрачно улыбнулась. Она схватила руку своей спутницы и взяла у нее металлический предмет. Та попыталась было воспротивиться, но девчушка с силой сжала ее запястье.

— Не дури, а не то я украду их у тебя! — Она бросила предмет на стол. — Вот. По-твоему, я привожу в таверну клиентов без денег?

Лысый мужчина улыбнулся так, что девушке стало совсем не по себе.

— Суп так суп, — согласился он, принявшись хлопотать с тарелкой в руках.

— Я положу туда к тому же еще немного мяса, поскольку знаю, что тебе это нужно, — продолжила юная служанка, окинув девушку пристальным взглядом.

В ответ та попыталась выговорить еще какое-нибудь слово:

— Мне... помощь...

— А я, по-твоему, что делаю? — возмутилась девчушка. — Послушай, за такие деньги тебе ни за что не купить мяса. — С этими словами она уселась на край стола. — Сейчас я принесу тебе поесть. Хорошо? И к тому же меня зовут Галия, — добавила она.

В ответ девушка застенчиво улыбнулась. А ее? Как ее зовут? Она глубоко вздохнула и осмотрела других сидевших в зале людей. Мужчина и женщина, трое мальчиков в туниках, некто, одетый в железные доспехи, другой, пониже ростом, с лицом наполовину покрытым густой бородой, несколько здоровых мужиков с огромными ручищами. И наконец, двое щуплых субъектов, один из них был очень бледен. Они отличались от остальных, но девушка едва ли смогла бы объяснить почему. Может, причиной тому были своеобразные пропорции их тел или их необычное поведение. И к тому же она ощущала исходящую от них тревожную ауру.

Ее мысли были прерваны появлением Галии, которая с грохотом поставила перед ней

миску.

— Суп с фасолью и парой колбасок. — Она склонилась над ухом девушки. — Я их бросила тебе тайком. Хорошенько помешай ложкой, и ты найдешь их. — Она хлопнула пару раз девушку по плечу и исчезла в толпе.

Девушка осталась наедине со своей тарелкой. Рядом на столе стоял какой-то прибор с длинной ручкой и с закругленной частью на конце.

Ложка. Она знала, как называется этот предмет, но в этом не было абсолютно никакого толку, потому что она не помнила, как им следует пользоваться. А между тем от исходившего из миски аромата у нее заурчало в желудке. Сначала она хотела окунуть голову в похлебку с приятным ароматом и съесть все сразу до самого дна, но затем увидела, как ест ее сосед: он погружал ложку в стоявший перед ним суп, вынимал ее обратно и подносил ко рту.

Вот как это делается.

Она крепко схватила ложку и попыталась сделать так же. После пары попыток ей это удалось. После первой ложки она чуть не лишилась чувств от удовольствия. После холодных ягод положить в рот что-то теплое было необыкновенно приятно. И потом, эта бархатистая густота супа, аромат мяса... Она торопливо ела, вылавливая кусочки колбасок, с жадностью впиваясь в них зубами. В конце концов она выпила суп прямо из миски.

Сидевший рядом мужчина рассмеялся:

— Что, проголодалась?

Девушка только кивнула.

Галия прошла мимо и небрежно бросила ей на стол что-то белое, с плотной темной коркой. От него исходил приятный запах. Девушка взяла его в руки и понюхала. Откусив кусок, она изумилась его аромату. А потом съела все за один присест. Наконец ее желудок перестал урчать. Она приложила руки к животу и выдохнула с облегчением. Продолжая сидеть в центре всей этой суматохи, она неспешно разглядывала посетителей. Девушка видела, как одни, закончив трапезу, вставали, а им на смену приходили другие. И так несколько раз. Она уже почти задремала, когда Галия тряхнула ее за плечо:

— Ты все еще здесь?

Девушка вопросительно на нее посмотрела.

— Послушай, я и так уже сделала тебе большое одолжение, положив мяса, не хватало мне еще неприятностей по твоей милости. — Служанка взяла ее за руку, вынуждая встать, и тихо шепнула ей на ухо: — Ты не можешь здесь оставаться. Сюда должны прийти другие посетители, а если я позволю тебе остаться — это вызовет подозрения у моего хозяина. Ну давай, уходи отсюда.

Девушка успела уловить в карих глазах Галии проблеск угрызений совести. И тем не менее служанка потащила девушку через всю таверну и вышла вместе с ней на улицу.

— Поймай здесь немного, — бросила она, возвращаясь назад в заведение.

В голове девушки вспыхнул слабый проблеск надежды. На мгновение ей показалось, что тьма в конце концов рассеется и она найдет подсказку, кто она и откуда взялась. Галия вернулась и сунула ей в руку что-то желтое, покрытое темной корочкой, а еще немного того белого, что она ела вместе с супом.

— Больше не могу. А теперь иди, прошу тебя. — Сказав, она снова исчезла в таверне и больше не вернулась.

Девушка осталась стоять у стены с хлебом и сыром — да, именно так они и назывались — в руке. Та мимолетная искорка, еще недавно промелькнувшая в ее голове, исчезла. По крайней мере, теперь она была сыта. К этому времени улица стала темной и пустынной, а лабиринт переулков по обеим сторонам показался ей подобием мрачной пещеры, полной обмана.

И что теперь?

Ни единого деревца, под которым можно было бы прилечь, только голые камни.

Что-нибудь найду.

Она прижала хлеб с сыром к груди и пошла по примыкавшей к башне темной улочке.

2 АМХАЛ

Некоторое время девушка слышала только приглушенный шорох собственных шагов. Идти по камням оказалось делом совсем не приятным, даже несмотря на полоски ткани, которыми она вновь обмотала ступни. Поверхность мостовой была твердой и неровной. Края камней ранили ей ноги, и с каждым шагом из ее груди вырывалось слабое постанывание. Ей непременно нужно было как можно скорее найти место для ночлега. В лесу было значительно проще найти убежище. Там она устраивалась на дереве, влекомая своей интуицией, здесь же она ничего не чувствовала. Среди этих стен ее интуиция молчала. Странно, но теперь, когда к ней по крупинкам стало приходить осознание того, кто она и где находится, ее внутренний голос ничего ей не подсказывал.

Она бродила по узким пустым переулкам и по широким улицам, которые были также безлюдны, и ощущала, как за стенами домов вьется нить спокойного существования. Быть может, ей следовало постучать в одну из дверей и попытаться объясниться. Но какими словами? И потом, этим вечером она уже успела увидеть, что думают о ней люди. Нет, ей нужно искать другой выход.

Наконец она оказалась перед стеной наружной стороны башни. До этого момента она блуждала между домами, находившимися за ее пределами. Она коснулась рукой стены, выложенной из массивных камней квадратной формы, и посмотрела вверх. В стене было несчетное количество окон: в некоторых горел свет, другие были закрыты ставнями, а иные и вовсе пусты. Наверное, некоторые помещения в башне были нежилыми, и, вероятно, там она смогла бы найти себе пристанище.

Шагая вдоль стены, она попыталась разыскать вход. Первый охраняли двое вооруженных людей. На них были надеты железные латы с изображением какого-то символа, в такой темноте его было довольно сложно рассмотреть. Нечего было и думать, что они ее пропустят в башню. Девушка вздохнула и пошла дальше.

Ей пришлось идти довольно долго, ее ноги ныли все сильнее, а руки устали — она судорожно прижимала к груди свой сладостный груз — хлеб с сыром. Ей срочно нужен был отдых.

Но вот она набрела на дыру в стене. Здесь было выбито несколько камней, обнажая черную как смола бездну. Девушка прикинула, сможет ли она туда пролезть. Она оглядела свои худые бока и маленькую грудь и решила, что с этим проблем не возникнет. Скрепя сердце она, чтобы ничто не мешало ее движениям, положила хлеб с сыром с другой стороны лаза. Затем девушка влезла внутрь. Это оказалось проще, чем она предполагала. И снова девушка поразилась собственной проворности. Прошмыгнув в узкое отверстие, она, опираясь на руки, стремительно сползла на землю.

Внутри было совсем темно. Только на ощупь девушка смогла отыскать хлеб и сыр и в испуге остановилась посреди какого-то помещения. Она вытянула одну руку и, неуверенно двинувшись вперед, тут же ударилась о какой-то выступ и упала, приземлившись на что-то мягкое. Тяжело дыша, она оставалась лежать так еще несколько секунд. Ее обуял настоящий ужас. Она рукой провела по поверхности, на которую упала. Похоже, что это была ткань, огромный тюк материи. Девушка с трудом встала на ноги и принялась снова исследовать помещение. На этот раз она была более предусмотрительной и вытянула обе руки вперед, пытаясь касаться не только того, что находилось на уровне ее глаз, но и того, что было чуть выше или чуть ниже. Не сразу, но все же ей удалось мысленно составить довольно подробный план комнаты. Она упала на некое подобие низкого стола, на который были свалены разных размеров рулоны ткани. У стен на деревянном настиле стояли уложенные в штабеля тюки. Нашупав рукой холодную стену, девушка улыбнулась. Она шла вдоль стены до тех пор, пока не натолкнулась на деревянную дверь.

Девушка на мгновение остановилась в раздумьях. Она оказалась в укрытии, взаперти. Быть может, здесь она могла бы передохнуть и проснуться с первыми лучами солнца. Однако это место вовсе не казалось заброшенным. Все это сваленное в кучу добро, эта материя... И потом, в комнате не было ни одного окна и было жарко, даже слишком. Нет, лучше уж поискать пустую комнату.

Девушке удалось ухватиться за ручку и опустить ее вниз. Безрезультатно. Она снова повторила попытку, и пронзительный металлический звук заполнил все пространство вокруг. Девушку вновь охватила паника. И попала же она в переplet. Она прислонилась спиной к двери. Наверняка ей следовало бы покинуть эту комнату и поискать убежище в домах рядом с башней. Но потом девушку осенило. Ей нужен какой-нибудь заостренный предмет. Она улыбнулась своим мыслям: наконец вернулся ее старый друг — интуиция, которая вновь появилась для того, чтобы помочь ей.

Сначала девушка попробовала воспользоваться кинжалом, она достала оружие и попыталась вставить его кончик в замочную скважину. Но кинжал оказался слишком велик. Нет, здесь требовалось нечто более тонкое. Девушка принялась шарить по комнате. Она была уверена, что посреди этой кучи материи ей обязательно удастся найти какой-нибудь подходящий предмет. И действительно, ее палец укололся обо что-то острое. Девушка сразу же поднесла его ко рту и ощутила слабый привкус крови. На этот раз она осторожно ощупала находку рукой и медленно вытащила ее.

Слишком короткое, подумала девушка, касаясь предмета.

Тебе этого хватит, ответил привычный голос.

Она вернулась к двери и вставила иглу в замочную скважину. Игла и в самом деле оказалась коротковатой, но девушка не сдавалась. Кончиками пальцев она принялась ею манипулировать. Она не понимала до конца, что делает, и наблюдала за собственными действиями со стороны, словно это была не она, словно кто-то другой управлял ее руками.

Замок мягко щелкнул, и дверь отворилась, впустив в комнату луч света, показавшийся ей ослепительным.

И где я научилась этому? Быть может, это было частью моей прежней жизни?

Ловкость. Раны на руках и ногах. А теперь еще и это. Все эти признаки вели к вполне определенному заключению, которое было ей совершенно неизвестно. Все они имели свой язык, равносильный коду, позволяющему расшифровать загадку.

Девушка осталась вполне довольна тем, что ей удалось открыть дверь. Она воткнула иглу в один из находившихся поблизости от нее рулонов ткани и выглянула наружу. Это был коридор с широкими окнами, освещаемый несколькими факелами. Должно быть, она оказалась во внутренней части башни.

Девушка осторожно вышла, не забыв прихватить хлеб с сыром. Коридор был пуст. Она закрыла за собой дверь и направилась к одному из окон. Оно выходило в большой сад, окруженный стеной. Добрую его половину занимали декоративные растения, подстриженные причудливым образом и высаженные вдоль аккуратных дорожек, в то время как на другой половине сада был разбит обширный огород. Она увидела всевозможные виды фруктов, пригодных в пищу, названий которых она не помнила, а также ряд невысоких растений с более или менее длинными листьями. Девушка подняла глаза вверх, и от увиденного у нее перехватило дыхание. Стены, окружавшие этот оазис, были невероятно высокими. А наверху — круглый кусочек неба, освещенный изумительным сиянием полной луны. При этом лунный свет достигал земли благодаря целой серии отражающих поверхностей, установленных вдоль стен. Девушка проследила за ними глазами, насчитав их по меньшей мере с десяток. Получалось, что это все находилось внутри башни.

Девушка вздрогнула. Она пришла сюда отнюдь не для того, чтобы наслаждаться этой красотой. Ей во что бы то ни стало нужно отыскать себе пристанище.

Она заторопилась вперед по коридору. По крайней мере, здесь не было той суматохи, что царила среди жилых кварталов; не было такого количества кривых улочек, связанных между собой странными закоулками. Здесь же она обнаружила кривой коридор с лестницей,

которая вела вниз и заканчивалась другой, направленной вверх, опоясывавшей центральный двор по всей окружности. Оттуда в стороны расходились боковые улочки, совершенно прямые, оканчивавшиеся на внешней стороне крепостной башни. Девушка решила обследовать их все. Она натолкнулась на ряд запертых дверей, некоторые из них были даже замурованы.

Она не пала духом и продолжила свой подъем наверх. На каждом этаже размер и протяженность центрального коридора становились заметно меньше. Ей нужно было пройти их немалое количество, поднимаясь все выше, прежде чем она добралась до того из них, где, как ей казалось, она сможет найти пустое помещение. Наконец она нашла комнату с разломанной дверью. Девушка осторожно приблизилась и заглянула внутрь. Казалось, что в комнате царил полнейший мрак. Она вошла, стараясь не шуметь. На этот раз это было помещение, находившееся почти в самом сердце башни, оно освещалось единственным окном без стекол, не было на нем и штор. Из окна открывался вид на залитую бледным светом луны равнину. Девушка выглянула из окна и посмотрела вниз. Она прикинула, что находится довольно высоко. Равнина казалась безграничной и была похожа на зеркальную поверхность воды, покрытую мелкой рябью от налетевшего легкого ветерка. Затем справа от башни ее глаза натолкнулись на мрачную черноту простиравшегося неподалеку леса. Девушка с тоской посмотрела в его сторону. Там ей было хорошо: среди деревьев и зверей она не чувствовала себя так одиноко, как теперь в этом сооружении, среди себе подобных. Лес был для нее загадкой, которую она умела разгадывать, город же не укладывался в ее сознании.

Комната была пуста. Почерневшие стены. Пара деревянных поленьев на полу, в углу — лист пергамента. Для нее не было лучшего места для отдыха.

Девушка уселась на пол, прижав к себе хлеб с сыром, прислонилась головой к стене и почти сразу уснула.

Неразборчивые голоса, судорожное дыхание. Девушка резко открыла глаза и тут же пришла в себя. Вокруг нее все оставалось без изменений. Должно быть, прошло не так много времени, потому что свет в комнате показался ей таким же, каким и прежде. В окно виднелся только краешек луны. Девушка сосредоточилась на шуме, который ее разбудил. Он доносился из соседнего помещения. Она медленно встала на ноги и на цыпочках приблизилась к дверному проему, из которого в комнату проникал золотистый мерцающий свет. Затаив дыхание, она припала к стене. Одна рука девушки стремительно скользнула к рукояти кинжала, другой она оперлась о стену. Это были те самые подозрительные типы, которых она встретила в таверне и которые теперь внушали ей смутное ощущение беспокойства. Они тихо разговаривали на языке, отличавшемся от того, что она слышала до сего момента. Тем не менее ей удалось понять некоторые слова.

Человек, прислонившийся к стене, казалось, плохо себя чувствовал. Он тяжело дышал, и на его лбу проступал пот. Капли пота стекали у него по щекам, неся с собой еще и маслянистую плотную субстанцию, покрывавшую все его лицо. Кожа его лица была сплошь испещрена длинными бледными линиями, то тут, то там прерываемыми внушительными черными пятнами. Другой, стоявший напротив него, явно чувствовал себя значительно лучше. Он положил руки на плечи своего спутника. Должно быть, он шептал ему слова утешения. Девушка смогла разобрать только некоторые из них:

— Крепись... миссия... мы справимся.

Его спутник отвечал ему с трудом:

— Ты уверен? Никто... плохо...

Тот второй дал ему в руки факел и вытер ему лицо куском белого сукна. Сейчас же бледная и изможденная физиономия первого человека оказалась почти полностью покрытой отвратительными черными пятнами. Второй человек достал из заплечного мешка склянку и извлек из нее розоватое вещество. Он смазал им лицо, покрывая и черные пятна, и казалось, кожа вновь становится розовой. Они продолжали разговаривать, но с каждым разом все тише

и тише. Девушке не удалось разобрать слов, и ее сердце забилося еще сильнее. Она не понимала смысла увиденного, и это ей внушало страх. Было что-то ужасное в этом зрелище, в этом жутком цвете пятен, покрывавших лицо незнакомца, словно это было мрачное предзнаменование.

Наконец второй незнакомец вынул склянку, полную золотистой жидкости, и приложил ее к губам своего спутника.

Тот, отвернув голову в сторону, пытался воспротивиться.

— Нет... плохо...

Но его напарник не отступал и заставил его выпить все до конца. После этого он огляделся по сторонам. Девушка еще сильнее прижалась к стене. Если бы они вошли в комнату, то обязательно обнаружили бы ее. Она даже представить себе не могла, что могло тогда случиться.

В ужасе она обнажила кинжал, однако скрип клинка, вынимаемого из ножен, должно быть, привлек внимание незнакомцев.

Казалось, что время остановилось. Незнакомцы, неподвижно стоявшие на пороге — один опираясь о плечо своего спутника с мерцающим факелом в руках, — и она, с кинжалом в неподвижной руке, без единой мысли в мозгу. Затем оцепенение прошло. Девушка выставила вперед оружие. Но незнакомец застал ее врасплох, схватив девушку за руку и вывернув ее за спину. Кинжал со звоном упал на пол.

Дура, дура, дура! Тебе следовало быть более расторопной! — кричал ее внутренний голос.

Нападавший схватил ее за горло и ударил ее о стену. Одним движением он приставил к шее девушки свой меч. Девушка вздохнула.

— Кто ты?

Нападавший говорил с необычным акцентом: слова с трудом слетали из его губ. Девушка в ужасе посмотрела на него.

— Ты понимаешь, что уже мертва? — произнес он со злобой в голосе.

Девушка почувствовала, как что-то пробуждается в ее руках и ногах. Далекое воспоминание, некий отголосок инстинкта.

— Сейчас я пущу тебе кровь, — усмехаясь, продолжал незнакомец.

Словно в замедленной съемке девушка видела, как тип сжал в руках рукоять кинжала и приготовился нанести удар. Но теперь ее страх улетучился, к ней пришло осознание происходящего, а ее тело обрело холодную уверенность. У нее едва хватило времени пошевелить рукой, как вдруг черная молния отделила от нее нападавшего. Девушка увидела рассекавший воздух плащ и сверкание меча, возникшего из темноты комнаты.

— Сразитесь же с теми, кто может защищаться.

Это был солдат. На нем был просторный черный плащ, почти полностью закрывавший его тело. Из-под плаща виднелись только руки, крепко сжимавшие длинный меч.

Оба незнакомца довольно быстро пришли в себя от неожиданного поворота. Один из них, стоявший с уже обнаженным мечом, бросился на человека в плаще, другой, с трудом поднявшись с пола, отступил в угол. Схватка началась. Лезвия мечей отбрасывали мрачные блики на стены, скрежет металла заполнил собой все пространство. Девушка следила за тем, как оба противника набрасывались друг на друга, и увидела в этом смертельном танце что-то очень ей знакомое.

Остановись, увертывайся, прыгай.

Она была в состоянии предвидеть движения обоих сражавшихся. Девушка прижала руку к стене в надежде, что солдат одержит верх. Он был проворнее, сильнее, и его меч был неустойчивым.

Но затем краем глаза она заметила, как что-то промелькнуло за его спиной. Она сделала это, даже не задумываясь.

— Берегись! — выкрикнула она, насколько хватило воздуха в ее легких.

Солдат стремительно обернулся, пригнув голову. Кинжал второго незнакомца,

воспользовавшегося схваткой, чтобы обойти противника и поразить его со спины, задел только плечо. Но тот не обратил на это никакого внимания и, вращая мечом, нанес второму нападавшему удар в живот. Затем, упав на колени, он сделал еще один кувырок и ударил первого по ногам. Незнакомец с воплем повалился на пол. Солдат в один миг оказался над ним. Он остановился на мгновение, чтобы рассмотреть своего противника. Казалось, что он посочувствовал его слабости, и сейчас же мрачная улыбка удовольствия возникла на устах победителя. Взгляд поверженного был полон отчаянной мольбы. На мгновение показалось, что солдат прислушивается к себе. Но потом он закрыл глаза, поднял лицо к потолку и медленно погрузил острие своего оружия в человеческую плоть.

Девушка была охвачена неудержимой дрожью, потому что на мгновение ей показалось, что солдат наслаждался этой смертью, неторопливо смаковал страдания, причиненные его противнику. Поверженный вскоре перестал дышать, и победитель припал к своему мечу.

Он поднес руку к лицу, оставаясь в таком положении несколько секунд, после чего одним рывком вынул из тела меч и быстро отошел от трупов поверженных.

Он приблизился к девушке, наклонился к ней, и она наконец смогла разглядеть своего спасителя. Он был немного выше ее ростом, с длинными всклокоченными каштановыми волосами, собранными в короткую косичку, которая во время поединка оказалась перекинутой ему на плечо. Он был худощав и бледен, но более всего девушку поразили его глаза. Во время схватки факел упал на пол и потух, поэтому свет был довольно тусклым, однако даже в этом полумраке было видно, как сверкали его зеленые глаза. У солдата был притягательный взгляд, озаряемый искренней озабоченностью. Тяжело дыша и сжимая в одной руке обгаренный кровью меч, он спросил девушку:

— С тобой все в порядке? Ты не ранена?

Быть может, причиной тому был тон, с которым он произнес эти слова, или эти глаза, которые, как казалось, на самом деле выражали беспокойство о ней, но девушка почувствовала, как что-то шевельнулось в ее душе. Она бросилась солдату на шею и зарыдала на его плече.

— Спасибо, спасибо, спасибо... — бормотала она сквозь слезы.

Чуть позже она почувствовала, как его большая и теплая рука коснулась ее спины.

3 ПОИСКИ

Ветер, бьющий в лицо, ощущение пустоты в желудке — он летел. Весь мир проносился под его ногами: реки, леса, селения. Едва подняв глаза, он увидел огненно-розовую подвижную чешую. Сильный и мрачный рев привлек его внимание. Он посмотрел в сторону: раздувающиеся на ветру черные необъятные крылья то взмывали ввысь, то опускались вниз, удерживая в воздухе его и огромное тело, на котором он восседал. Он летел верхом на драконе. Закрыв глаза, он почувствовал, как что-то уносит его вдаль. Вновь открыв глаза, он увидел, что не сидит уже более на своем драконе, а просто висит в воздухе, будто невесомый. На его животном сидит кто-то другой, а он видит только его спину.

Он сосредоточился и попытался выглянуть из-за спины незнакомого наездника, чтобы сбоку разглядеть его лицо.

— Пиво?

Человек в черном вздрогнул и огляделся вокруг. Он сидел в окутанной дымом таверне, битком набитой шумными посетителями, по большей части солдатами. Его руки лежали на столе.

— Пива не желаете? — не унимался голос.

Человек обернулся: к нему обращалась дородная девчушка с лицом крестьянки. Она была совсем юной. Тогда он все вспомнил. Да, он пришел в эту таверну, чтобы встретиться с ним. Ведь он сам позвал его. Затем возникло это видение, как всегда внезапное, и унесло его отсюда прочь.

Человек в черном улыбнулся:

— Да. Одну пинту. Благодарю.

Девчушка улыбнулась в ответ и удалилась. Мужчина снова погрузился в свои размышления, пытаясь уловить смутные ощущения своих видений. Не так давно у него их было великое множество — явный признак того, что он близок к цели. Речь шла об одном и том же образе: юноша верхом на драконе с черными крыльями. Это определенно был он сам.

Та же самая девчушка принесла пиво. Мужчина слегка приподнял капюшон: он вовсе не желал раскрывать себя. Постепенно им стала овладевать усталость. В этих краях он блуждал по меньшей мере месяц, однако предпочел бы даже не ступить сюда ногой. Слишком много страшных воспоминаний с ними связано. К счастью, прошло уже много лет, и он теперь стал совершенно чужим в этой земле.

В любом случае, размышлял он, сделав большой глоток пива, миссия вынуждала его пойти на такую жертву, и он непременно выполнит ее. Миссия прежде всего.

Тот человек, с которым он должен был встретиться, появился внезапно и уселся за стол, не промолвив ни слова. Он также не снимал капюшона и был необычайно бледен. Он низко опустил капюшон на лицо, однако лучу света удалось проникнуть сквозь ткань и осветить пару его живых лиловых глаз.

— Тебе не кажется, что это место слишком людно? — произнес он.

Человек в черном улыбнулся:

— Расслабься. Это самое лучшее место. Здесь всегда полно подозрительных типов почти со всего света, и каждый занят собственными делами, не считая того, что большая часть пьяна или уже скоро будет таковой. — Он отхлебнул еще пива. — И никто не обратит на тебя никакого внимания.

Его собеседник озабоченно огляделся вокруг.

— Хотелось бы надеяться, — ответил он, не очень убежденный такими доводами.

Служанка снова возникла около их стола, поинтересовавшись у нового посетителя, что он хочет заказать.

— Сидра, — буркнул тот, отвернувшись в другую сторону.

— Если будешь придерживаться такой конспирации, то непременно начнешь привлекать к себе внимание, — подшутил над ним человек в черном.

Его собеседник не обратил внимания на это замечание и вытер платком вспотевший лоб.

— Твоя легенда еще в силе?

Человек в черном кивнул:

— Когда ты заболел?

— Пару дней назад.

— Ты намерен жертвовать своей жизнью?

Его собеседник бросил на него многозначительный взгляд:

— Всем нам с рождения известно, что это — наша миссия, и мы приняли ее.

— Я не об этом тебя спросил. Я спросил, вылечишься ли ты.

— Может быть. Но конечная цель значит больше, чем моя жизнь, и я готов умереть за это.

Новому посетителю принесли сидр, и тот с удовольствием опустил в кружку свое лицо.

— А как у тебя дела?

— Как никогда прекрасно. Ты же знаешь, я неуязвимый.

На лице его собеседника появилось гневное выражение.

— Ты думаешь, что мы шутим? Считаешь, что все это фарс?

Человек в черном потянулся:

— Вот именно. Но даже при выполнении самых сложных и опасных миссий можно позволить себе немного юмора, разве не так?

Собеседник не ответил.

Человек в черном вздохнул, а затем снова положил руки на стол.

— Полагаю, что сейчас я в хорошей форме, — заявил он.

Мужчина был весь внимание.

— Расскажи мне обо всем, — прошептал он, придвигаясь к человеку в черном.

Он отправился в путь, имея лишь слабые наметки и весьма размытые приметы, позаимствованные им из слов священника в храме: «Придет такой же, как и другие, полукровка, но он будет не из нашего рода. Его кровь изменится в воде, а его появление обратит воды мира в кровь».

Они долго обсуждали с Криссом смысл этих слов, но так и не сумели постичь его целиком. До тех пор, пока его не посетило первое видение.

Это был сон, навязчивый и повторяющийся, который изматывал его все ночи напролет.

Мирное селение, деревянные дома на сваях, словно повисшие над чудными чистейшими водами. А вокруг — леса, населенные прекрасными мимолетными созданиями, прятавшимися между деревьями, а иногда и превращавшимися в них. А еще имя — Кахир. Оно постоянно повторялось тысячами голосов и было начертано повсюду: на стеблях деревьев, на камнях строений, даже на воде.

— В его жилах наверняка будет течь кровь нимфы, — сказал однажды Криссу человек в черном.

На лице его суверена появилось странное выражение.

— Кого ты имеешь в виду?

— Ближе всего к пророчеству старика из храма подходит Марваш. И у него должна быть кровь нимфы. — Затем человек в черном рассказал ему о своем сне.

Крисс, погрузившись в раздумья, долго поглаживал свой подбородок.

— Что, по-твоему, это может значить?

— Все просто: кровь нимф — водянистая, следовательно, и у Марваша точно такая же. Вот почему в своем сне я видел селение из Земли Воды.

Услышав название Земля Воды, Крисс едва заметно вздрогнул.

— И потом, это имя, Кахир... Полагаю, что это название селения. Скорее всего, он оттуда родом.

Глаза суверена свирепо сверкнули.

— Ты утверждаешь, что мы можем разыскать Марваша и что ты знаешь, как его найти?

Человек в черном улыбнулся:

— Тот факт, что мне снятся эти сны, означает, что я начинаю чувствовать его. Он есть, он находится где-то во Всплывшем Мире. И он ждет меня.

— Ты должен его отыскать, — решительно заявил ему суверен. — С тобой и с ним, вставшим на нашу сторону, мечта может осуществиться. Вы — два оружия, которые непременно должны быть в моем арсенале, если я хочу возратить моему народу то, что ему принадлежит по праву.

— Я могу объединиться с ним, а ты сдержишь свое обещание?

Крисс свирепо ухмыльнулся:

— Разве не в этом заключается твое предназначение, чтобы разыскать Марваша и стать с ним единым целым.

— Меня не волнует мое предназначение. Я пошел еще дальше: у меня только одна цель, и тебе она хорошо известна.

Повисшая тишина таила в себе множество подтекстов. В конце концов Крисс спокойно откинулся на спинку своего стула.

— Я дал тебе обещание и сдержу его. Ты вернешься вместе с Марвашем, и, когда Всплывший Мир будет возвращен законным владельцам, ты получишь то, что захочешь.

Человек в черном поклонился.

С этого все и началось.

Он вернулся, вопреки собственной воле, хотя и поклялся, что никогда более не ступит

ногой на эту землю. Когда впервые он шел по просторам Земли Воды, почувствовал, как от отчаяния сжалось его сердце. С тех пор прошло много событий, и вот теперь он снова здесь, в этом месте, которое отныне ненавидел.

Обнаружить это селение оказалось делом непростым. В Земле Воды было бесчисленное множество деревень, похожих как две капли воды на то, что пригрезилось ему во сне. При этом каждое оказывалось таким маленьким, что людям было довольно сложно упомянуть их все. Ему нужно было исходить эту землю вдоль и поперек. Но он был уверен в том, что обязательно появится какая-либо случайная примета или слух и он найдет наконец дорогу, которую искал. Кахир. Четыре хижины у подножия крошечной башни. Его жители — рыбаки, жившие по большей части в окружении нимф, которые, перевоплощаясь в деревья из близлежащего леса, мирно соседствовали с людьми.

— Они называют это место Дамахар, что значит эксперимент, — рассказала ему одна из женщин селения, единственная, согласившаяся поговорить с ним. — Потому что мы ведь не так давно живем вместе с нимфами.

Человек в черном с недоумением взглянул на нее.

— А ты откуда родом?

Он неопределенно махнул рукой:

— Я — издалека. И не был здесь уже целую вечность.

Женщина со вздохом пояснила:

— Двадцать лет тому назад эти земли были поделены надвое: на севере — Болота, там жили люди, а на юге — Западный лес, принадлежавший нимфам.

— Да, это я помню, — ответил мужчина.

— Ну а потом мы решили снова попытаться создать единое государство, как много лет тому назад, еще при жизни Ниал. По правде сказать — это была больше идея короля Леарко, правителя Земли Солнца, благодаря которому мы теперь живем в мире. Он попросил нас попробовать, и правители наших земель прислушались к нему. Вот мы и оказались здесь, — объяснила женщина, опустив руки. — С появлением нескольких селений людей здесь, на юге, и стольких же селений нимф — на севере наши два королевства объединились. Но все не так уж удачно складывается. Считается, что это одно из немногих селений, в котором в действительности и нимфы и люди живут бок о бок.

— Странно, — произнес человек в черном. — Никто не знает о вашем существовании, мне пришлось приложить немало усилий, чтобы разыскать вас.

Женщина коснулась мужчины локтем:

— Разве это не говорит о том, насколько действенным оказался эксперимент?

Эта женщина была женой одного из рыбаков. Человек в черном надеялся, что в этих местах наверняка найдутся таверны или торговые лавки, где бы можно было собрать сведения, не вызывая лишних подозрений. Но тщетно. Ему пришлось обращаться напрямую к одному из двух рыбаков, развернувших неподалеку свою деятельность.

Он заметил, что местный люд был довольно замкнут. В ответ он обычно слышал лишь недовольное ворчанье и предложение заняться своим делом. Так было до тех пор, пока он не встретил эту женщину.

— А в этих местах случался смешанный брак?

Женщина насторожилась:

— А для чего тебе это нужно знать?

— Я разыскиваю сына моего друга.

Лицо женщины приняло заговорщический вид.

— Союзы между нимфами и людьми не выставляют напоказ. Прошли времена супругов Галлы и Астреи, человека и нимфы, правивших этими землями. Тем более что здесь никогда не было такого, чтобы браки между двумя этими расами считались вполне нормальными.

Человек в черном не проронил ни слова. Ему хотелось бы услышать более содержательный рассказ, но мужчина не мог давить на свою собеседницу.

Теперь история, которую он приготовил, чтобы оправдать свое любопытство, трещала по швам.

— Как бы то ни было, — вздохнув, продолжала женщина, — а среди нас жила одна полукровка. — Для пущей важности она сделала паузу, но мужчина никоим образом не торопил ее. — Ее звали Герле. Мать — нимфа, а отец — человек. Она росла у нас на глазах. Мать девочки умерла при родах. А отец снова женился. На деле она была человеком, если бы не ее волосы... Видел ли ты когда-нибудь нимф? Они целиком из воды и совершенно прозрачны. Так вот, у нее такими были только волосы. И очевидно, кровь, прозрачная, студенистая, это действительно впечатляет.

Сердце замерло в груди у мужчины. «Ее кровь меняется в воде» — так говорилось в пророчестве.

— Как бы то ни было, но она росла вместе с нами. Однако потом приключилась скверная история. В первые годы воссоединения двух королевств возникла какая-то междоусобица. Ну, может быть, даже больше, чем обычная ссора. В общем, мы оказались на грани гражданской войны, вот поэтому сюда были присланы Объединенные войска в сопровождении разношерстной команды Всадников Дракона. Я всегда была уверена, что всадники — порядочные люди, поэтому даже не знаю, что тебе сказать; быть может, ей просто не повезло... Тем не менее, когда ей было только пятнадцать, она оказалась обманутой одним таким кавалером. Ну, знаешь, как обычно бывает в таких случаях: долгие ночи сидения под луной, прогулки рука об руку, почти все время они вдвоем проводили в лесу... Короче говоря, она забеременела.

— Мальчик или девочка?

Казалось, что женщина была несколько раздосадована, что ее прервали.

— А для чего тебе это нужно знать? — спросила она, удивленно подняв брови.

— Я ведь разыскиваю юношу, сына моего друга?

— Мальчик, — ответила она с подозрительным видом. Затем женщина вновь с удовольствием принялась за свой рассказ: — Ну, как водится, впоследствии все раскрылось. Потому что всадник сбежал, едва узнав, что его новая пассия ждет ребенка, а что касается девушки, то, само собой, все жители ее осудили. Позволять себе встречаться с незнакомым человеком, как гуляющая женщина... Это неприлично, ты не находишь?

Человек в черном сдержанно кивнул. Он больше не слушал развитие этой банальной истории. Его интересовал только ребенок, в котором на четверть была кровь нимфы и который на самом деле оказался мальчиком.

— Где ее найти? Я имею в виду эту женщину с ребенком?

— Она ушла отсюда еще перед родами. Ей не нравилось, что говорили за ее спиной, и, потом, она хотела избежать позора для своей семьи. Однажды она вернулась сюда, только чтобы показать ребенка бабушке и дедушке, но они повздорили, и с тех пор ее здесь никто не видел.

— Где ее найти? — продолжал настаивать мужчина.

— Наверняка тебя интересует только то, как бы выследить этого бедного ребенка! Да ты, значит, друг того бесстыжего всадника! — воскликнула женщина со злобой в глазах.

Человек в черном и в самом деле терял терпение.

— Он мертв, но, прежде чем испустить дух, он раскаялся и попросил меня отыскать его ребенка, — сказал мужчина, чтобы заставить женщину замолчать.

Та покраснела. Быть может, в этот момент она размышляла о том, к кому первому пойти и рассказать про человека в черном.

— Говорят, будто она живет в Новом Энаваре.

Ну наконец-то! Мужчина резко встал.

— Ты мне очень помогла.

— Расскажи мне, что это был за человек? Он был твоим близким другом?

Человек в черном не стал попусту тратить время.

— Мне нужно идти. Дело очень срочное, — ответил он и отвернулся.

Пиво закончилось, а у его собеседника в кружке еще оставалась половина сидра.

— Это все, что тебе известно? — спросил он.

— Недавно у меня было еще одно видение.

Мужчина был весь внимание.

— У меня есть основание полагать, что этот юноша — Всадник Дракона и находится здесь или, по крайней мере, в Макрате.

— Значит, ты уже близок к разгадке!

Человек в черном только кивнул в ответ.

— Но ведь у тебя есть еще и другая цель, не так ли?

Человек в черном почувствовал, как дрожь пробежала по его телу.

Он поднял глаза на своего собеседника: тот свирепо ухмылялся.

— Запомни, его величество хочет быть уверенным в исходе дела, и он уже подумал над тем, как ты сможешь позаботиться сам знаешь о ком. — Он осторожно огляделся по сторонам.

— Я уже предупредил тебя о том, чтобы ты перестал играть в конспиратора, — с раздражением упрекнул своего собеседника человек в черном. Пришел черед второй, самой ужасной части его миссии. Прежде редко кому доводилось устраивать более кровавую бойню.

Другой мужчина сунул руку под плащ и достал какой-то предмет. Это оказалась склянка с розовой жидкостью.

— Это моя кровь. Я прихватил ее сегодня утром, и она определенно еще заразна. Полагаю, ты знаешь, о чем я говорю, не так ли?

Человек в черном сидел, словно загипнотизированный розовыми бликами флакона. Он некоторое время смотрел, не проронив ни слова, а потом отвел взгляд от склянки.

— Почему так? — спросил он почти растерянно.

— Потому что наш правитель уверен, что тебе никоим образом в одиночку не справиться. По некоторым долгам еще долго придется расплачиваться, а ведь тебя тоже что-то еще связывает с этой землей, не правда ли?

Человек в черном заскрежетал зубами. Как бы ему хотелось сказать, что нет, это все не так. Но он не смог.

— Этот способ проще и чище.

— Это будет ужасная смерть.

Мужчина пожал плечами:

— Но ведь не обязательно тебе самому убивать, не так ли?

Человек в черном нервно проглотил слюну. Поколебавшись всего мгновение, он решительно взял склянку. И в этот самый момент напряжение, возникшее между ними с появлением яда, неожиданно спало. Оба расслабились и схватили в руки кружки.

— Я уже не увижу правителя. Расскажи ему, что я умер во имя нашего народа.

Человек в черном растерянно посмотрел на собеседника и также рассеянно кивнул. Его не интересовал ни план Крисса, который тот приготовил, чтобы прибрать к рукам весь Всплывший Мир, ни его оправдания этого обычного захвата земель — абсолютно ничего.

Значение имело только то, что ему предстояло выполнить в какой-либо из дней, а также конечная цель, до которой, к сожалению, было еще довольно далеко. Его собеседник выпил свой сидр.

— Ну, тогда прощай, — сказал мужчина, поднимаясь из-за стола и пожимая ему руку. — Я знаю, что ты это делаешь не ради нас, это видно из твоих поступков, но все равно спасибо. Наш род будет тебе вечно благодарен.

— Это — мой долг, — чуть слышно ответил ему человек в черном.

Мужчина вышел из таверны, смешавшись с толпой. Человек в черном следил за ним взглядом до тех пор, пока тот не исчез из вида.

Затем встал и он. Ему предстояло много дел.

4 ИМЯ

Юноша накинул на нее свой плащ и посмотрел ей в глаза с едва заметной ободряющей улыбкой. Он не спрашивал ее, кто она такая и что здесь делает.

— Тебе есть куда пойти?

— Нет... — Девушка была поражена быстротой и естественностью, с которой она ответила.

Молодой человек снова посмотрел на нее:

— Ночной Салазар — не место для одинокой девушки, особенно здесь, в башне.

Она сразу же поверила ему. Он оказался первым человеком, позаботившимся о ней. Когда он предложил ей руку, девушка мельком заметила на ткани его рубашки широкий порез, оставленный мечом противника. Странно, но материя, казалось, была испачкана не кровью, а просто была сырой, словно пропитана вязкой и прозрачной жидкостью.

Девушка не стала ни о чем спрашивать своего спасителя. Она устала, а еще испытывала отчаянную потребность довериться кому-либо.

Они шли по коридору башни: бледный свет, проникавший из внутренних окон, освещал их через равные промежутки времени. Когда она стала спотыкаться и прихрамывать, потому что силы ее были на исходе, юноша, не колеблясь ни минуты, нагнулся и взял ее на руки.

— Я... сама... справлюсь... — попыталась воспротивиться девушка, все больше удивляясь неожиданной способности говорить без затруднения.

Он покачал головой:

— На сегодняшний вечер с тебя достаточно.

Ее смущали ощущения, вызванные прикосновением его рук к ее телу. От раскачивающейся походки молодого человека и спокойного ритма его сердца усталость взяла свое: девушка обвила руками его шею и полностью, с головы до ног, отдалась во власть сна. В полудреме она увидела свет гостиницы, в которой они остановились, смутно ощущая скрип досок под его сапогами. А затем она погрузилась в спасительный мрак.

Молодой человек еще некоторое время продолжал смотреть на нее. Он уложил сонную девушку на свою кровать. Теперь она мирно спала, ее тяжелое дыхание постепенно успокаивалось. Созерцание ее спящего тела отвлекало его мысли, не позволяя думать о том, что произошло чуть раньше, когда он спас девушку. Но воспоминания упорно роились где-то на периферии его мозга. А вместе с ними и ощущения, испытанные им в тот момент: дрожь, пробежавшая по его спине, когда он вонзал меч в живую плоть, удовлетворение от последнего вдоха, испущенного его противником, удовольствие перед лицом нанесенной боли.

Он провел руками по лицу, и его внезапно охватило отчаяние. Он вскочил на ноги, взял меч и ушел, растворившись в ночи.

Один. Два. Три. Круг, круг, выпад. Один. Два. Три.

Юноша обливается потом, мышцы его рук ноют от изнеможения. Длинный двуручный меч сжимают пальцы, покрытые мозолями. Но он продолжает тренироваться.

Один. Два. Три.

Но сколько бы пота он ни проливал, сколько бы труда он ни вкладывал в это упражнение, несмотря на необходимость ощущения физической боли, вызываемой тренировкой, отчаяние и чувство вины остаются без изменений, лишая его сна и рассудка. Почему он опять, как и тогда, получил наслаждение от причиненной им боли. Почему снова, как и всегда, кровь и смерть влекут его за собой.

Ему шесть лет. Ему сказали об этом. Наконец ему сказали, что его отец не погиб с честью на поле брани. Его мать лгала ему все эти годы. Он — незаконнорожденный. У него нет отца. А его мать — проститутка. Именно так говорит ему другой мальчишка, постарше его.

«Твоя мать — шлюха!» И все вокруг смеются.

Он чувствует, как мир рушится за его спиной. Реальность тает у него на глазах. Слезы затуманивают взгляд. От ребячьего хохота кровь приливает к его голове. Тогда он с воплем выскакивает вперед. Он набрасывается на мальчишку и обрушивает на него всю свою ярость, бурлящую в его венах, и получает от этого удовольствие. Он бьет ногами, вопит, кусается, царапается. Он чувствует себя животным и ведет себя как животное. И если сначала он словно лилипут, сражающийся против великана, то постепенно, бог весть откуда, возникает его сила. Другие дети пытаются оттащить его от своей жертвы, но тщетно. Он побеждает. Он слышит стоны своего обидчика. И тогда, впервые в жизни, он ощущает тайное удовольствие.

Вкус крови, ее аромат и мрачное, упоительное осознание того, что он делает плохо и причиняет кому-то боль. Это его возбуждает. Это не имеет никакого отношения к ярости из-за того, что он стал объектом насмешек. Это — просто жажда крови, жажда смерти. И он погружается в это страстное желание, как в бездну.

Мальчик приходит в себя только после того, как кто-то из взрослых оттаскивает его от обидчика. «Ты что, сума сошел?»

Жизнь возвращается в свое привычное русло. На земле без движения лежит, раскинув бледные, залитые кровью руки, побитый мальчишка с опухшим лицом. Его грудь то бешено вздымается вверх, то опускается вниз. Наконец приходит чувство вины и ужас. Ребенок плачет. Взрослый говорит ему что-то, но он не понимает. Он просто испугался того, что натворил, а еще больше своих ощущений.

Этим же вечером, только уже дома, он нагишом убегает в лес, на холод. Потому что только так проходит отчаяние и стихает чувство вины.

Девушка проснулась, когда было уже светло и солнце сверкало высоко в небе. Поначалу ей показалось, что она снова оказалась на том лугу, где впервые осознала себя, и словно все то, что произошло с ней, было не более чем сон. Затем она вспомнила солдата, спасшего ее накануне вечером, и все постепенно встало на свои места. Мало-помалу в свете утра стали вырисовываться очертания комнатухи с каменными стенами и потолком, поддерживаемым огромными деревянными балками. В углу стоял стол, а рядом лежал мешок. На противоположной стене взору открывалось великолепное стрельчатое окно, сквозь которое ослепительно ярко сияло солнце. Девушка приподнялась, прикрывая глаза рукой. За окном расстилалась бескрайняя равнина, над которой возвышался лес.

Она сидела на мягкой и удобной кровати. Простыня, пахнувшая свежестью, пышная подушка за спиной и чистые полоски ткани на запястьях и щиколотках. Но одета она была по-прежнему в свои лохмотья.

Девушка осторожно встала с кровати. В комнате она была одна. Как знать, где он теперь. Боль разочарования изрядно подпортила великолепие всей картины. Быть может, он бросил ее. Впрочем, он ее спас, принес сюда, чего же больше она хотела? Он конечно же не мог быть все время возле нее, ведь он и так был слишком заботлив. Девушка зевнула, потягиваясь и наслаждаясь приятным солнечным теплом, греющим ее спину. За кроватью она заметила сундук. На нем она нашла хлеб и миску, полную белой жидкости с легкой пенкой наверху. Девушка улыбнулась своим мыслям. Даже если юноша и ушел, то напоследок он благородно подумал о ней.

Она уселась на полу, скрестив ноги, и принялась по чуть-чуть отщипывать хлеб, смакуя содержимое миски: оно было необычайно вкусно.

Во время трапезы девушка обнаружила вокруг себя множество признаков присутствия солдата. Прежде всего его мешок — он не мог принадлежать ей самой. Несколько книг в

углу, одна из которых лежала открытой. И даже гусиное перо на пергаменте. И тут ее охватило ликование: он ушел не навсегда.

Она спрашивала себя, что ей теперь делать. Она была совсем одна и даже не знала, в каком городе находится. Судя по виду из окна, она находилась двумя этажами выше того места, где прошлым вечером на нее напали. Выходило, что девушка по-прежнему оставалась в башне: Салазар, так называл ее солдат. Впрочем, воспоминания о том, что произошло после ее спасения, были довольно смутными. Быть может, она находится в гостинице. Или ей следует дождаться его возвращения? А может, он дожидался ее ухода? Девушка, облокотившись об окно, подперла голову руками, закрыла глаза и стала наслаждаться солнцем, согревавшим ее кожу.

От звука раскрываемой двери девушка вздрогнула. Она резко обернулась, опираясь ладонями о подоконник, и виновато посмотрела на солдата. Он остановился в дверях. На нем был все тот же черный плащ, что и накануне, штаны из замши и просторная белая рубашка, торчавшая из-под кафтана из дубленой кожи с железными пряжками.

Но на этот раз капюшон плаща был надвинут на лицо. Из-за плеча виднелась длинная рукоять меча. Он быстро снял капюшон с лица.

— Это я! — произнес юноша.

Девушка успокоилась, смутясь своей реакцией.

— Да... я... — И снова она не смогла ничего выговорить.

— Ты права, — перебил он девушку, снимая с плеча набитый чем-то вещевой мешок. — Этим утром я не должен был оставлять тебя одну, и, прежде всего, после того, что ты пережила, но я увидел, в чем ты была одета, и соблазн найти для тебя что-нибудь получше оказался сильнее... — улыбаясь, произнес молодой человек. — Меня зовут Амхал.

Улыбка юноши была искренней. Но на его лице лежал отпечаток страданий. Девушка взглянула на него и не нашлась что ответить.

Она посмотрела ему прямо в глаза. Девушка хорошо запомнила их зеленое сияние.

— А я не знаю, кто я, — выпалила она и села на кровать, печально заламывая руки.

Ему не потребовалось долгих объяснений. Способность говорить вновь вернулась к девушке, однако у нее все еще возникали трудности, когда она пыталась согласовать слова и найти наиболее правильное определение для выражения своего душевного состояния. Она рассказала ему о луге, о блуждании по лесу, о своем прибытии в Салазар. Но прежде всего она попыталась объяснить ему, что ничего не помнила ни о своей прежней жизни, ни собственного имени и что ей казалось, что именно в тот самый день, лежа в траве на животе, она и появилась на свет.

Слушая рассказ девушки, молодой человек становился все более сосредоточенным: маленькая морщинка пролегла у него между бровями.

— Значит, ты не знаешь, на какой земле мы находимся?

— Что это — земля? — спросила растерянно девушка. — И что все это — Всплывший Мир? — Девушка смущенно отвела свой взгляд.

Амхал улыбнулся:

— Извини, я не хотел смутить тебя, а просто пытался понять...

— Именно это я и делаю все эти дни. Но так ни к чему и не пришла. Я умею... что-то делать, но не знаю, как это у меня получается.

— Например?

Она рассказала ему про замок, который она так ловко отперла, и про странное ощущение, возникшее у нее во время нападения.

— И потом, я понимала, что ты делаешь во время схватки. Я... — девушка попыталась подобрать слова, — предвидела все твои движения, — произнесла она наконец.

Молодой человек внимательно посмотрел на девушку.

— Кто были те двое, что напали на тебя вчера вечером? — спросила она.

Амхал помрачнел:

— Не знаю. Какие-то бандиты. Быть может, воры. Подозрительные типы либо просто постояльцы какой-нибудь гостиницы, — отрезал он.

Девушка попыталась рассказать ему о необычных пятнах на коже одного из них, о языке, на котором они говорили, но потом подумала, что, наверное, это нормально, что жители Всплывшего Мира разговаривают на разных языках, а пятна они, возможно, сами наносили себе по какой-то причине.

— А теперь я не знаю, что мне делать... — простила девушка. — Мне бы так хотелось отыскать кого-либо, кто бы знал меня и смог бы наконец объяснить, откуда я взялась...

— Опиши мне место своего пробуждения.

Девушка стала рассказывать ему обо всех деталях, даже самых незначительных, и о том, как все эти дни она блуждала по лесу, так и не зная, где находится.

— Если по какой-либо дороге ты добралась до башни, то выходит, что ты пришла с востока, — пришел к заключению Амхал.

Девушка просияла:

— Тогда ты можешь сказать мне, откуда я пришла?

— На востоке находится Новый Энавар, а еще дальше — Земля Дней. Но ты похожа на человека, следовательно, ты, должно быть, пришла с той земли, где людей большинство. Однако твои глаза и волосы...

— Полагаешь, что это особый признак? — спросила она с надеждой в голосе.

— Безусловно. Я видел твоё оружие. Думаю, что и в нём есть свой смысл...

Амхал в растерянности долго не мог вымолвить ни слова.

— Я принес тебе кое-что из одежды, — сказал вдруг молодой человек, схватив свой мешок. — Твою, скорее всего, мы оставим — она может пригодиться тебе, чтобы понять, кто ты, однако ты ни в коем случае не станешь так ходить. — Он принялся вынимать из мешка одежду всевозможных фасонов и цветов. — Она довольно старая — её мне подарила хозяйка гостиницы. Но все же это лучше, чем то, что на тебе.

Девушка следила за тем, как молодой человек не переставая разговаривает с ней, продолжая шарить в своей сумке.

— Это, наверное, слишком маленькое... О, пара штанов — это мои.

Девушка сжала в руке одну из вещей огненно-красного цвета.

— Ты pomoжешь мне? — спросила она внезапно. Молодой человек, казалось, был в замешательстве.

— Я иду в Лаодамею. У меня миссия, поэтому...

— Я не знаю, куда мне идти, — перебила его девушка. — Мне бы хотелось... хотелось побыть здесь ещё немного времени, чтобы попытаться понять... Ах, если бы ты мог направить меня... — Её слова потонули в глухих всхлипываниях.

Амхал посмотрел на девушку и улыбнулся.

— Я говорю тебе, что должен идти в Лаодамею, и если ты хочешь пойти со мной, то я буду этому только рад. Не знаю, устроит ли это тебя, но... если ты не знаешь, куда идти...

Девушка вздохнула, а затем взяла из кучи одежды первое попавшееся платье:

— Это мне подойдет.

— Вот и хорошо. Я выйду, а ты примерь его.

Когда молодой человек снова стоял в дверях, девушка осмелела.

— Спасибо! — воскликнула она, поворачиваясь к Амхалу.

Молодой человек только улыбнулся:

— Кто-то сказал, что если спасаешь чью-то жизнь, то тебе следует взять на себя заботу о ней. Я в этом не сомневаюсь. — С этими словами он вышел.

Юноша прислонился спиной к двери, безотчетно прислушиваясь к шуршанию одежды и звукам шаркающих по полу босых ног.

Он спрашивал себя, почему сказал «да», почему согласился взять её с собой. Его жизнь и так была непростой, и случай, произошедший прошлым вечером, ясно это доказывал.

Потому что она нуждается в тебе, мысленно ответил он. *Потому что именно так поступает всадник.*

Честь. Его давно преследовала эта мысль, с тех пор как он узнал, что является незаконнорожденным. Взять реванш, показать свою значимость и победить свою жажду крови.

И потом, она довольно симпатичная, подумал молодой человек, даже не сумев сдержать улыбки.

— Заходи! — позвала его девушка.

Амхал вошел, но остался стоять в дверях как вкопанный, затем и вовсе разразился смехом.

— Я что-то не так сделала? — спросила девушка.

— Дело в том... что это — мужская одежда и она немного тебе велика.

На ней были надеты брюки, которые были явно широки и к тому же еще и длинны, отчего девушка была вынуждена их подвернуть несколько раз с боков и подпоясать ремнем от кинжала. Затем она надела широченную рубашку, а поверх нее — еще и женский жилет, взятый от другого платья. Девушка была не в состоянии завязать все эти шнурки, и этот ее наряд на груди был в полном беспорядке.

— Эти вещи по сравнению с другими мне кажутся наиболее подходящими. Я пробовала надеть красное платье, но чувствую себя в нем не в своей тарелке... — произнесла она в свою защиту, указывая на лежавшие на кровати вещи.

— Ничего страшного, если тебе так будет удобно... Но позволь, я поправлю твой жилет.

Опытной рукой Амхал затянул несколько шнурков так, что жилет сел как влитой на миниатюрной груди девушки.

Затем он окинул ее внимательным взглядом:

— Быть может, позднее мы раздобудем тебе еще и пару подходящих брюк, что ты на это скажешь?

Девушка в ответ только покраснела.

Салазар встретил ее своей привычной суматохой. Девушка нервно ухватила за плащ Амхала. А вокруг с улочек доносились возгласы торговцев, сновали дети, стоял невообразимый гвалт и оживленное движение озабоченной своими делами толпы. Она пыталась понять, сможет ли найти в этом ответы на свои вопросы. Слишком много людей, поглощенных собственными интересами, чтобы обращать внимание на какую-то странную девушку.

Было уже довольно поздно, поэтому они направились в одну из таверн, чтобы перекусить. В отличие от того заведения, в котором девушка оказалась в первый раз, эта таверна выглядела более пристойно, а ее посетители казались более воспитанными. Молодые, привлекательные официантки сновали между столами, и в зале было довольно тихо. Еду заказывал Амхал, и блюда он выбрал даже чересчур питательные. Но девушка сильно проголодалась: все еще ощущались лишения предыдущих дней, и ей нужно было восстановить силы. Она с жадностью проглотила всю пищу, наслаждаясь ароматом специй.

Молодой человек рассмеялся, увидев такую спешку:

— Да ты чертовски проголодалась!

И девушка рассказала ему, как в еде она довольствовалась тем, что находила в лесу.

Амхал подпер лицо рукой.

— Все это время ты держалась молодцом. Не так-то просто суметь выжить во враждебной среде. Подумай только, наше обучение в рядах Всадников Дракона также предусматривает занятия на выживание. А по окончании нас оставляют одних в лесу без пищи и воды. Это одно из самых тяжелых испытаний, и были такие, которые даже поплатились за это жизнью.

Девушка посмотрела на своего спутника:

— Что это значит — Всадник Дракона?

Амхал улыбнулся:

— Солдат. В мирное время он более чем просто обычный хранитель установленного порядка. Он что-то вроде стража, но при этом обучен военному искусству. И кроме того, всадники являются наездниками драконов, их неразлучных боевых спутников.

Заметив на лице девушки немой вопрос, молодой человек улыбнулся:

— Драконы — удивительные существа, у меня есть один такой. Ты увидишь его чуть позже.

Она, смущаясь еще сильнее, согласно кивнула. Она не имела представления обо всех этих вещах, потому что либо пришла откуда-то издалека, совсем не из Всплывшего Мира, либо она просто обо всем забыла.

— А как я пойму, кто я? — неожиданно спросила девушка.

— Как знать... — ответил Амхал с неуверенностью. — Я скажу тебе об этом, а теперь мне нужно отправляться в Лаодамею, выезжаем завтра утром, поэтому... Но я не думаю, что ты родом из этих мест. Ты ведь пришла сюда пешком?

Девушка кивнула, вгрызаясь в яблоко.

— Когда мы окажемся в Лаодамее, то поиски нужно будет начать, имея в виду твои волосы и глаза. Я никогда не видел ничего подобного. Быть может, ответ придется поискать в каких-либо книгах.

— Книгах?

— Да, это такая рукописная штукавина... — Амхал запнулся. — А ты умеешь читать?

Девушка застыла с куском во рту.

— Я не уверена, что знаю, что это такое.

Молодой человек порылся в своей дорожной сумке и достал оттуда пару золотых дисков, один из таких девушка оставила в прошлый вечер в таверне.

— Я их знаю. На них можно поесть.

— Это — монеты, — пояснил Амхал и показал девушке гравировку. — Понимаешь, что здесь написано?

— Конечно! «Салазар, пять скудо».

— Великолечно, — улыбнулся молодой человек. — Читать ты умеешь. Книги вмещают в себя записи на самые разнообразные темы. Даже о людях, у которых черно-синие волосы, а глаза разного цвета.

Девушка немного приободрилась.

Амхал, опираясь локтями о стол, выдвинулся вперед:

— Если ты хочешь, чтобы мы путешествовали вместе, то я не могу больше обращаться к тебе «эй, ты!» или «девушка», и точка. Тебе нужно имя.

Что-то екнуло в ее душе: имя, личность, уход от безвестности и маленький шаг навстречу существованию, которое не означает просто выживать, есть и пить.

— Своего имени я не помню...

— Я тебе дам другое. Какое тебе бы хотелось иметь?

Девушка попыталась вспомнить какое-либо имя. Но все ее усилия оказались тщетными. Даже теперь, когда она знала такие названия, как Салазар, Новый Энавар и Лаодамея, они ни о чем не говорили ей и оказывались просто звуками, возникающими из ничего, того самого ничего, которое удерживало ее воспоминания, словно заложников.

Девушка покачала головой:

— Я не знаю ни одного женского имени. — Она посмотрела на яблоко. — И, по правде говоря, мужского тоже. — Она призадумалась еще на мгновение. — Вчера вечером в таверне мне помогла одна девушка по имени Галия.

Амхал поморщился:

— Это слишком заурядное имя, имя прислуги. Тебе нужно что-нибудь получше.

Девушка с трепетом посмотрела на своего спутника:

— Что ты предлагаешь?

На лице Амхала появилась едва заметная улыбка.

— Адхара.

Адхара. Она не представляла, что означало это имя, равно как не могла сравнить его с другими, чтобы понять, нравится оно ей или нет. Но сразу же восприняла его как свое, ощутила свою предопределенность в нем. Адхара.

Обретение собственного имени, с которым можно бродить по свету, произвело на девушку странное впечатление. Она доела яблоко, мысленно еще раз повторяя свое имя. Адхара. Нет больше девушки без имени, которая бродила по лесам, не зная мира. Есть девушка по имени Адхара.

5 ЗАРАЗА

Проснулись они почти на рассвете. Амхал сказал, что хотел бы выехать как можно раньше.

— В любом случае нам необходимо найти тебе что-нибудь из одежды. В том, что ты для себя выбрала, ты похожа на чучело, — добавил он.

Адхара покраснела.

Они устремились на рынок, который представлял собой ряд навесов, прижавшихся к городской стене, с выложенными прямо под солнцем овощами, фруктами, кусками мяса и одеждой. Девушка была заворожена буйством красок и ароматов. Казалось невероятным, что имя до такой степени может менять положение вещей. Она все еще чувствовала себя чужестранкой в этой неведомой ей земле, но уже не такой растерянной, как это было днем раньше. Определенно присутствие Амхала рядом с ней имело к этому прямое отношение. Но дело было не только в этом. Теперь она стала личностью.

Молодые люди направились прямо к прилавку, заваленному кучей свисавшей со всех сторон одежды. Адхара издали боязливо рассматривала товар, а потом, немного осмелев, приблизилась к нему вплотную. Она протянула руку и коснулась пальцами замшевых штанов.

Девушка посмотрела торговцу прямо в глаза и робко, полупшепотом спросила:

— Сколько стоит?

Она натянула их, укрывшись за маленькой ширмой, стоявшей в одном из углов, не уверенная в том, что никто не станет подглядывать за ней. Там было зеркало, Адхара обернулась, пытаясь рассмотреть свои ноги и зад. Штаны сидели на ней гораздо лучше, чем те, что она выбрала накануне. Девушка взяла еще и пару сапог. Из прежней одежды на ней оставались только рубашка и жилет. В последнюю очередь она затянула на талии ремень с кинжалом. Полностью одевшись, она почувствовала, что в этой одежде ей легко и удобно. Это был мужской костюм — так ей сказал Амхал. Тогда почему она так хорошо ощущала себя в нем? И почему висевший сбоку кинжал придавал ей такую уверенность в себе?

В этих маленьких деталях и кроется тайна моего происхождения, подумала девушка. Быть может, Амхалу удастся и в самом деле помочь ей распутать это темное дело. Он дал ей имя и наверняка сможет вернуть ей еще и прошлое.

Само собой разумеется, за все платил Амхал.

— Спасибо... надеюсь, я не слишком тебя разорила, — произнесла девушка, глядя на то, как молодой человек озабоченно шарил рукой в своей сумке.

— Нет, нет... эти вещи стоили недорого. И потом, они так хорошо на тебе сидят, — ответил он, оглядывая девушку с головы до ног.

Адхара вспыхнула и почувствовала себя польщенной.

При выходе из башни стражники, раздвинув пики, пропустили молодых людей. И вскоре юноша и девушка вновь оказались в наиболее удаленной и неизведанной части Салазара.

Амхал точно знал, в какую сторону им следовало держать путь, и Адхара уверенно

скакала на лошади рядом с ним. В этих местах она была только ночью. А в темноте они ей казались жуткими и угрожающими. При солнечном свете эти кварталы все еще оставались загадочными, но уже не представлялись такими опасными. Девушка узнала некоторые улочки, по которым два дня назад бродила в растерянности. Молодые люди проехали также и мимо таверны, где работала Галия. Адхара сгорала от желания войти и показать себя.

Здравствуйте. Я — Адхара. Да, наконец я вспомнила все. Теперь я оруженосец молодого всадника. Приятная ложь, которую ей так хотелось поведать.

Молодые люди покинули город, но ехали они совсем не по той дороге, по которой Адхара пришла в Салазар. Через некоторое время они сделали остановку у целого скопления длинных деревянных построек. Амхал решительно вошел внутрь и остановился, заговорив с каким-то типом ужасной наружности. Тот был весь покрыт рыжеватой щетиной, из его выступающей нижней челюсти торчали два грозных клыка. Он был не высок ростом, но при этом у него были неестественно длинные руки. Неуклюже передвигаясь, он сгребал вилами солому.

Адхара машинально ухватила за кинжал.

Амхал остановил ее:

— Ты не знаешь, кто это?

Девушка отрицательно замотала головой. Она попыталась сделать над собой усилие, однако ни одного воспоминания не выплыло из ее сознания.

— Это — фаммин. В этом хлеву хозяйничают только они.

Амхал сделал шаг вперед.

— Привет, Эташ, — произнес он с улыбкой.

Существо подняло глаза и что-то хрюкнуло в ответ.

— Как там моя Джамила?

Эташ пожал плечами:

— Как всегда. Никто не ухаживает за драконами лучше нас. Ты же знаешь. — Голос фаммина прозвучал резко; в нем послышалось столько гортанных звуков, что казалось, что он совершенно не приспособлен для того, чтобы говорить на этом языке.

— Мой учитель говорил, что вы лучшие наездники.

Эташ горько улыбнулся:

— Только у твоего учителя был оруженосец фаммин. А для других, ну ты знаешь, кто мы... отбросы, и причем самого низшего сорта.

— Все изменится.

— Так длится уже на протяжении ста лет. Говорю тебе, что все останется по-прежнему.

Эташ пошел впереди. Молодые люди последовали за ним по длинному коридору, в который выходило множество огромных бронзовых дверей. А за ними слышались жуткий рев, тяжелые шаги, от которых дрожала земля. Беспокойство Адхары нарастало.

— А я вижу, что ты предпочитаешь в качестве оруженосцев людей, — заметил Эташ.

— Да. Ее зовут Адхара, — ответил Амхал. — Ее история немного... необычна.

— Так же как и ее глаза.

— Ты уже видел нечто подобное?

Эташ покачал головой:

— Поэтому-то я их и заметил. Иногда у нашего брата такое встречается, но у людей я ничего подобного не видел. — Фаммин остановился возле одной из дверей. — Только после тебя.

Амхал взял за руку Адхару и приблизил ее к себе:

— Стой спокойно и не двигайся. Смотри ей в глаза. Возможно, что она захочет обнюхать тебя: не сопротивляйся. Если она начнет на тебя рычать, оставайся стоять на месте, договорились?

Девушка оцепенела.

— А что там внутри?

Амхал не ответил, а только, шагнув за порог, толкнул от себя створку двери.

Адхара почувствовала, как у нее от страха подкашиваются ноги: у нее возникло непреодолимое желание умчаться прочь.

Они находились в огромном деревянном хлеву высотой от пола никак не меньше пятнадцати локтей. Пол был устелен соломой. Посреди этого огромного пространства стояло невероятных размеров животное. У него была заостренная чешуйчатая морда, а позади глаз торчал усеянный острыми шипами гребень. Его стройное громадное тело, вплоть до самого кончика его длинного хвоста, покрывала чешуя. На уровне лопаток начинались два огромных прозрачных перепончатых крыла черного цвета. Остальная часть тела была ярко-красная с выделяющимися на ее фоне двумя изумрудными глазами. Едва молодые люди вошли в загон, как дракон поднялся на задние лапы и, касаясь головой крыши, заревел. Адхара в испуге закрыла уши руками.

— Ну что, Джамила, рада меня видеть?

Животное опустило голову до уровня Амхала. Его голова была чуть ли не вполовину роста молодого человека. Но казалось, что тот совсем его не боялся. Амхал положил руку на морду дракона и погладил. Затем он повернулся в сторону и рукой указал на девушку.

— Это — Адхара, она отправится вместе с нами. Она — мой оруженосец.

Громадное создание бросило на девушку свирепый взгляд, выпустив из ноздрей струи дыма.

— Не пугай ее, она никогда еще не видела дракона, — добавил Амхал.

Адхара стояла, не шевелясь от страха. Она подумала про то, сколько, должно быть, еще таких гигантов спрятано за каждой из этих бронзовых дверей, что она видела в коридоре, и чуть не лишилась чувств от ужаса.

— Молодец. Стой где стоишь, — шепнул ей Амхал, а девушка подумала, что даже если бы и захотела, то ни за что бы не смогла сдвинуться с места.

Джамила приблизила к ней свою морду и обнюхала девушку, а Адхара с трепетом ощутила всем своим телом огненное дыхание. Наконец животное толкнуло мордой девушку в плечо, отчего та даже покачнулась. Потом оно недовольно подняло голову и сосредоточило все свое внимание на Амхале.

— Молодчина, — похвалил молодой человек дракона, поглаживая его по морде. — Это животное из конюшен Дохора, помнишь? — добавил Амхал, на этот раз обращаясь уже к девушке.

Девушка, еще не придя окончательно в себя, смогла только покачать головой.

— Дохор был последним королем, попытавшимся пятьдесят лет назад завоевать весь Всплывший Мир. Он скрестил обычных драконов с черными, а получившихся отвратительных существ он позднее использовал в сражениях.

Адхара, все еще напуганная видом стоявшего перед ней животного, ничего не понимая, слушала рассказ молодого человека.

— Когда Идо сразил Дохора, Новый Совет принял решение умертвить всех этих существ. Джамила в то время была еще детенышем. От смерти ее спас один довольно странный всадник, забрав дракона вместе с собой. Несколько лет она росла в условиях полной секретности, в окрестных лесах Макрата. Потом ее обнаружили, но Джамила уже была обучена. Ее поместили вместе с остальными драконами и оставили там, так и не отваживаясь использовать в сражениях. Когда я стал учеником Всадников Дракона, мой учитель позволил мне взять ее под свою опеку и сделать своим драконом.

Когда Амхал обернулся назад, то увидел, что Адхара, белая как полотно, стояла прислонившись к стене. Молодой человек разразился громким хохотом.

— Ну, все хорошо...

Девушка сползла по стене, усевшись прямо на пол.

Амхал подбежал к девушке:

— Ну давай, смелее, не стоит так бояться...

Девушка перевела дыхание.

— Сейчас мы полетим все вместе, и больше не возникнет никаких трудностей, вот

увидишь. — Амхал обратился к фаммину: — А ты поднимай крышу.

Эташ кивнул и куда-то испарился.

Девушка, указывая пальцем на Джамилу, спросила:

— Она отправится вместе с нами?

— По правде сказать, это мы отправляемся с ней. Мы полетим на спине дракона.

Из груди Адхары вырвался стон.

— Это не так сложно, как кажется. Ты прижмешься ко мне, и все пойдет как надо.

Амхал протянул девушке руку, и ей ничего не оставалось, как встать на ноги. Она сжала в руке кинжал. Это помогло ей почувствовать себя немного уверенней.

Адхара услышала сильный скрип и подняла глаза. Прямо над ней, при помощи двух огромных зубчатых колес, установленных в верхней части стены, медленно открывалась крыша строения. Это приспособление девушка поначалу даже не заметила. В образовавшемся отверстии показалось абсолютно чистое голубое небо. Джамила, подняв голову кверху, снова заревела.

Амхал подвел Адхару к животному, встав сбоку от него, и похлопал дракона по животу.

— Вниз, Джамила, вниз.

Животное послушно опустилось на пол. Девушка увидела на нем упряжь: металлическое седло, закрепленное при помощи огромных кожаных ремней, поводья, также металлические, в виде крепкой цепи. Она вздрогнула, увидев, как Амхал одним прыжком вскочил на круп животного. Адхара инстинктивно попятилась назад.

— Все в первый раз испытывают страх, так всегда бывает. Ну же, смелее.

Адхара посмотрела на животное, на его желтое брюхо, сквозь кожу которого проступали очертания грудной клетки. Девушка была словно загипнотизирована его дыханием, тем, как раздувались, а затем сжимались эти громадные мех. Она сжала руку Амхала и сделала над собой усилие.

Молодой человек крепко схватил ее и усадил девушку в седло перед собой. Он сжал в руках поводья, обхватив Адхару со всех сторон.

— Сделай глубокий вдох, — посоветовал он девушке.

Поводья сухо щелкнули. Адхара зажмурила глаза, дракон взлетел, а ветер стал все сильнее теребить волосы девушки.

— Посмотри же, — шепнул ей на ухо Амхал, и девушка тут же открыла глаза.

Под ними деревянные строения становились все меньше и меньше, а башня Салазара, как скала посреди моря равнины, неслась им навстречу. Адхара от удивления разинула рот; страх улетучился, уступив место нежному восхищению.

Адхара, ощущая с боков порывистые движения Джамилы, видела, как и башня постепенно стала уменьшаться в размерах, а затем опустила глаза вниз, на бархатистую поверхность леса, из которого она пришла в город, на серебристую полоску ручья, сопровождавшего ее в скитаниях.

Она поняла, насколько, оказывается, огромен мир, и почувствовала, как теряется в этих просторах. Откуда она взялась? Какое чрево ее породило? Была ли это лесная чаща либо зелень травы? Неужели она действительно была частью этого мира?

— В Лаодамею! — крикнул Амхал, и девушка очнулась от своих фантазий.

Джамила сделала вираж, и путешествие началось.

Они летели целый день без остановки. Под крыльями дракона простиралась бесконечная зеленая равнина. Солнце нещадно палило, и Адхара была вынуждена накрыть голову капюшоном плаща Амхала.

— Когда мы прибудем в Лаодамею, тебе нужно будет купить плащ, — заметил молодой человек.

Адхара все время сидела опустив голову. Она была подавлена этим чудом. Наблюдая за тем, как колыхалась внизу трава, она запоминала мельчайшее изменение пейзажа во время

своего полета. Она жаждала все охватить взглядом, надеясь отыскать некие следы внутри себя, в своей измученной памяти.

Амхал время от времени рассказывал ей о том, что они видели. По левую сторону от них протекала огромная река Саар: именно она питала речушки и ручьи, над которыми они теперь пролетали. Города-крепости Земли Ветра, столицей который и был Салазар. Бесконечная равнина, усеянная нивами и деревнями.

Названия за названиями, великолепные пейзажи и ничего, что оказалось бы ей знакомым.

Первую ночь они провели под открытым небом, и, в общем, все прошло даже забавно. На равнине веял легкий летний ветерок, отдававший влагой и свежестью.

Во время второй остановки Амхал решил, что им нужно переночевать в одном из селений.

— Мы только что пролетели границу с Землей Воды, — заметил молодой человек, когда они стремглав мчались на своем драконе; огненно-красное солнце светило от них по левую сторону.

Адхара посмотрела вниз, и ее взгляд уловил густую сеть переплетенных между собой деревьев, в основе которой лежали извилистые русла рек.

— Это из-за водных потоков? — спросила она.

Амхал понял девушку с полуслова:

— Именно так. Чуть впереди находится селение людей, там мы и передохнем.

Они сели на небольшую поляну. Джамиле следовало быть очень осторожной, поскольку ее огромные крылья едва могли там уместиться.

— А тебе, к сожалению, придется дожидаться нас здесь. — Амхал, снимая упряжь, обратился к своему животному. Затем он повернулся к Адхаре: — В Земле Воды драконы не водятся, поэтому местные жители не могут управляться с ними. В Лаодамее все иначе, а пока мы вынуждены оставить его здесь.

Затем Амхал двинулся в путь. Небо медленно меняло свой цвет на лиловый, он постепенно распространился по всему небосклону. Адхара чувствовала себя удивительно спокойной, словно оказалась у себя дома. Она рассказала об этом Амхалу.

— Потерпи до Лаодамеи. Там ты сможешь отыскать все, что захочешь, — ответил молодой человек.

Небольшая часть их пути пролежала по лесу. Лиловый цвет неба полностью растворился в бледно-голубом, затем в более темном, а в это самое время между деревьями загорались крошечные огоньки. Адхара с изумлением разглядывала их.

— Это — светлячки, — объяснил Амхал. — Эти насекомые светятся. Много лет тому назад, когда в лесу зажигались огоньки, люди говорили, что это духи.

Девушка вопросительно взглянула на своего спутника.

— Такие крошечные создания ростом с ладонь, с огромными цветными глазами, с разноцветной шевелюрой и маленькими прозрачными крыльями. Ночью они излучали легкий свет, словно светлячки.

— Они, должно быть, были восхитительны...

— Говорят, что из них в живых остался всего только один и он живет в Великом Лесу Земли Ветра. Он, единственный из своего племени, обречен на бессмертие. По ночам одинокий печальный огонек освещает его медленное блуждание по лесу.

Адхара подумала про одиночество этого последнего духа и о путниках, которые шли на этот свет, когда сбивались с пути. Она, брошенная всеми, казалось, чем-то походила на них, а Амхал был словно дух, ее печальный свет в мире тьмы.

Молодой человек указал пальцем на что-то впереди себя:

— Эти огоньки из селения Чирсио. Там есть довольно милая гостиница, и к тому же я знаю ее хозяйку. Ты проведешь очень приятный вечер, вот увидишь, а быть может, пребывание там поможет отчасти вернуть тебе память.

Адхара улыбнулась. Было что-то завораживающее в этом воздухе, и, как знать, наверное, и в самом деле все возможно. Они направились по утоптанной тропинке, ведомые только светом месяца да этим мерцающим сиянием из леса. Спустя некоторое время перед ними предстала деревушка. Это было скопление деревянных строений с соломенными крышами, расположившимися вокруг водного потока. Некоторые из домов стояли на сваях. Адхаре показалось, будто это волшебное место находилось в самом центре заколдованного леса.

И тем не менее по мере приближения холод сковал все ее тело. Похоже, что Амхал испытывал те же ощущения, поскольку, едва приблизившись к домам, он крепко сжал рукоять своего меча.

Над главными воротами возвышалась деревянная арка, незатейливая, но выполненная добротно, с двумя металлическими опорами для факелов. Один из них находился на своем месте, в то время как другой лежал на земле и отбрасывал тлеющие искры, те самые, что виднелись из леса. Амхал замер на месте и рукой остановил свою спутницу. А вокруг вовсю стрекотали сверчки.

— Здесь что-то не так.

Окна в некоторых домах были темными и пустыми, словно глазницы черепа, другие же были наглухо забиты.

— В последний раз, когда я был в этом селении, здесь вовсю кипела жизнь.

Адхара машинально схватилась за кинжал. Однако все выглядело так спокойно и так тихо...

Амхал, не вынимая меча из ножен, но и не выпуская из рук его рукоять, сделал первый шаг.

В деревне стояла гробовая тишина. Улицы были пустынные, одни факелы полностью истлели, другие просто валялись на земле. Адхара чувствовала, что за ней наблюдают. Некто шпионил за ними, желая оставаться незамеченным.

— Может, лучше уйти отсюда... — заикнулась она.

Амхал ничего не ответил. Он был весь в напряжении, и на его лице было то же выражение, что и в тот вечер, когда он спас девушку. Его движения были осторожны, но при этом четко выверены, словно он знал эту местность.

Молодые люди остановились напротив гостиницы с деревянной вывеской. Логово... а дальше неразборчиво. Часть вывески была уничтожена огнем.

— Это здесь? — тут же спросила его Адхара.

Амхал только кивнул в ответ.

Двери в гостинице не было, ее окна почернели от дыма и огня. Должно быть, после случившегося прошло не так много времени, потому что все еще чувствовался едкий запах гари.

Амхал вошел внутрь.

— Не думаю, что это хорошая мысль, — попыталась предостеречь его Адхара, но молодой человек уже скрылся во мраке.

Девушка еще некоторое время постояла на пороге, а затем решила пойти вслед за ним.

Стены зала гостиницы были целиком покрыты копотью. На полу — толстый слой пепла и тлеющие угли. Некоторые оставшиеся невредимыми столы были опрокинуты наземь. От балкона осталось всего несколько почерневших деревянных обломков, а стоявшие на шкафах бутылки и кастрюли были разбиты вдребезги. Адхара подошла к Амхалу и сжала его руку.

Казалось, что он снова пришел в себя.

— Может, ты и права, что это была не самая лучшая мысль.

— В лесу лучше, — добавила девушка.

— В лесу лучше.

Молодые люди осторожно вышли из гостиницы и пошли назад той же дорогой, по которой пришли. Затем они свернули с прежнего маршрута, но только потому, что им

показалось, что они нашли более короткий обратный путь. Наконец они оказались на небольшой площади. С одной стороны находился деревянный мост, под которым протекали воды бурлящего потока. Прямо напротив снова оказалось деревянное сооружение, но на этот раз более изящное в сравнении с теми, что они увидели до этого. Двери главного входа были искусно украшены. Наверху виднелась какая-то надпись. Адхара не смогла разобрать — то ли Теевар, то ли Тиинар. Одна из дверей была чуть прикрыта, из-за нее раздавался тихий протяжный стон. Девушка почувствовала, как мороз пробежал у нее по спине. Что-то говорило ей, что нужно было уходить отсюда как можно скорее. Но Амхал, похоже, так не думал. Он поспешно направился к строению. Девушка ухватила за край плаща своего спутника, чтобы удержать его.

— Кому-то сейчас очень плохо, и он нуждается в помощи, — возразил он.

— Если бы так было, они наверняка покинули бы дом, чтобы прийти ему на помощь.

— Здесь никого нет.

Девушка подошла к Амхалу.

— Здесь полно глаз, что следят за нами, — прошептала она.

— Откуда ты это знаешь? — с некоторой усмешкой в голосе спросил ее молодой человек.

— Я это чувствую.

Амхал, простояв в нерешительности еще мгновение, повернулся назад и без промедления направился в сторону строения. Девушка, не переставая судорожно сжимать в своей руке рукоять кинжала, была вынуждена вопреки собственной воле последовать за ним.

Внутри было совсем темно: повсюду чувствовался тошнотворный приторный запах. Оба шли, закрыв рукой рот; Адхару едва не стошнило. Амхал достал из заплечного мешка огниво с затравочным порохом и зажег то, что осталось от факела в углу комнаты. Их взору предстало кошмарное зрелище. С боку валялись нагроможденные одна на одну лавки, которые, по всей видимости, были частью внутренней обстановки, а на полу лежало по меньшей мере пять или шесть тел. Завернутые в белые саваны с проступившими пятнами крови, они неподвижно покоились посреди комнаты, словно куча грязного тряпья. Стоны заполняли все пространство помещения, словно исходили из-под глинобитного пола или от стоявшей в самом его конце довольно грубой статуи, изображающей мужчину: его лицо выражало явное благодушие, его волосы развевались на ветру, в одной руке он держал молнию, а в другой меч.

Адхара с вытаращенными от удивления глазами и прижатой ко рту рукой застыла в дверях. Она догадывалась, что под тканью лежат тела мертвых людей. Но Амхал прошел вперед и склонился над саванами.

— Прошу тебя, уйдем отсюда... — пробормотала девушка, но ее спутник, казалось, не слышал ее слов. Он не успокоился до тех пор, пока не понял наконец, откуда исходил стон.

— Пошли!

Адхара не двинулась с места: казалось, что ее ноги отказывались слушаться.

Амхал обернулся:

— Ну!

Девушка, не отрывая глаз от пола, осторожно, стараясь не глядеть на трупы, пошла вслед за ним. Она подняла глаза только тогда, когда оказалась рядом с Амхалом. На полу у его ног лежало тело, похоже, это было тело женщины с искаженными чертами лица, неопределенного возраста.

Из ее рта, похожего на темный колодец, исходил непрерывный хрип, а от лихорадочного и неестественного дыхания веяло смертью. На лбу несчастной проступил пот, а вся кожа была сплошь покрыта черными пятнами, такими же, какие Адхара видела на двух напавших на нее субъектах.

Девушка попятилась назад:

— Нам нужно уходить отсюда.

Амхал не ответил.

— У тех двоих, что на меня напали... у них были такие же пятна, и одному из них было плохо.

Амхал внимательно посмотрел на лицо умирающей: казалось, что кровь сочилась сквозь кожу ее терзаемого муками тела.

— Амхал!

От крика девушки молодой человек наконец пришел в себя. Он поднялся и, не отрывая глаз от женщины, сделал пару шагов назад. Однако Адхаре этого оказалось вполне достаточно, чтобы ухватиться за него и увлечь его за собой прочь из этого дома.

Они выбежали на свежий воздух: с одной стороны от них бурлил водный поток, а с другой — слышалась непрекращающаяся трескотня сверчков. Не переводя дыхания, они промчались по улицам селения в полной решимости убежать как можно дальше от этих мест.

Два человека перегородили им дорогу.

У одного в руках была палка, а у другого — ржавый меч. На обоих были лохмотья, местами их кожа была покрыта черными пятнами. У одного признаки болезни проявлялись на шее, а у другого пятнами была покрыта половина головы. Их лица исказил гнев.

— Кто вы такие?

Этот вопрос застал Амхала врасплох. Он машинально ухватился за рукоять меча.

— Не двигайся и отвечай! — приказал ему человек, размахивая проржавевшим от старости мечом в руках. — Кто вы такие?

— Это вы принесли сюда эту заразу, ведь так? Вы пришли сюда, чтобы распространить ее повсюду, как тот проклятый чужестранец... — добавил другой, вооруженный палкой.

— Как нимфы, ведь нимфы не болеют... Если выпить их кровь, то станет лучше, — добавил первый.

Второй гневно плюнул:

— Будь они прокляты, прокляты...

— Дайте нам пройти, — обратился к мужчинам Амхал.

Адхара сжала его руку. Она испытывала безумный страх и оттого, что увидела в деревянном строении, и оттого, как Амхал несколько дней тому назад с наслаждением вонзил меч в грудь своего противника.

— Отсюда не уйти, — сказал человек с мечом в руках. — Селение охвачено заразой.

Адхара отчетливо слышала, как ее спутник заскрипел зубами, и почувствовала, как напряглись под ее рукой мускулы молодого человека.

— Не вынуждайте меня делать то, чего мне не хочется...

— Мертвые останутся с мертвыми, а вы через пару дней сгинете здесь. Или вам повезет, как нам, и вы избежите смерти. Но отсюда вам точно не уйти, — добавил с беззубой ухмылкой тип с палкой.

Амхал, ухватившись обеими руками за меч, направил его на незнакомцев.

— Амхал, нет...

— Говорю вам в последний раз: дайте нам пройти. Я не хочу причинять вам зла, позвольте нам пройти...

Адхара почувствовала, как его переполняли гнев и жажда схватки. Она чуть отступила, но человек с палкой оказался проворнее, ударив ее по плечу, отчего девушка упала на землю. Она едва успела заметить, как впереди промелькнул плащ Амхала, а затем она слышала пронзительный скрежет его меча, скрещенного с оружием обоих незнакомцев.

Он обезоружил их в одно мгновение. Но этого оказалось недостаточно. С яростным ревом он поверг одного из нападавших.

— Амхал, не надо! — закричала Адхара.

Но этот призыв оказался бесполезным, равно как и крик поверженного наземь незнакомца:

— Я сдаюсь!

Амхал вонзил ему свой меч в грудь и тут же вытащил его из поверженного тела. Он повернулся в сторону другого нападавшего: глаза молодого человека были полны дикой

ярости и мрачного удовольствия.

— Амхал!

На этот раз отчаянный вопль Адхары заставил Амхала прийти в себя.

Он опустил меч, закрыв на мгновение глаза. Другой нападавший воспользовался этой заминкой, чтобы наброситься на него и ударить своей палкой.

Амхал схватил его за руку и вывернул ее назад.

— Пошел вон, — прошипел он.

Мужчина метнул на него гневный взгляд.

— Пошел вон, я дарю тебе жизнь, — с горечью повторил Амхал. Он еще сильнее выкрутил ему локоть, отчего палка выскользнула из его руки и упала на землю.

Сжимая свое запястье, нападавший с ненавистью посмотрел на Амхала.

— Все равно тебе не жить, — бросил он, прежде чем свернуть на одну из улочек.

6

КОРОЛЕВА И ПРИНЦ

В Макрате светило солнце. Стоял один из первых прекрасных летних дней с его прозрачным воздухом и чистым светом, при котором так явственно проступают очертания всех предметов.

Как и каждое утро, Дубэ приходила в сад. На ней была лишь просторная рубашка и штаны. Сжимая кинжал в руках, она тренировалась среди деревьев в одном из укромных уголков обширной территории, окружавшей королевский дворец.

В жизни Дубэ был непродолжительный период, когда ее регулярные тренировки казались ей смешными. Это пришлось как раз на то время, когда она начала ощущать свою старость. Королева была поражена тем, как внезапно этот факт поразил ее сознание. Однажды утром, разглядывая себя в зеркало, она вдруг заметила морщины, печать усталости на своем лице и седые волосы. К тому времени ей было пятьдесят пять, тридцать семь из которых она была королевой.

А может, мне пришла пора прекратить свои тренировки?

И на какое-то время она перестала ходить в сад.

Ее муж Леарко подшучивал над ней:

— Ну что, решила повесить свой кинжал на гвоздь?

— Я просто устала, — ответила Дубэ, и это была правда. В конце концов, старость не что иное, как смертельная усталость, которая мало-помалу увлекает человека к единственно возможному для него покою.

Но вскоре ее тело взбунтовалось. Ее все еще проворные ноги, мускулистые руки под кожей, уже не такой упругой, как еще несколько лет тому назад, остро нуждались в движениях. И ее мозг остро нуждался в этих каждодневных утренних занятиях, когда для ее работавшего как машина тела все теряло свои очертания. И тогда Дубэ возобновила тренировки, на этот раз избрав для них более укромное и удаленное место. И лишь немногие знали о ее местонахождении. И то на случай крайней необходимости.

Дубэ сделала последний выпад и, метнув кинжал, завершила упражнение. Ее оружие оставалось неизменным на протяжении долгих лет: это был подарок ее учителя Сарнека, который много лет тому назад обучил ее ремеслу убийцы и спас ей жизнь. Она время от времени еще вспоминала о нем, о том времени, когда без памяти была влюблена в него и винила себя в его смерти. На место прежней боли пришла сладостная ностальгия. С годами каждое воспоминание стало еще прекрасней.

Дубэ метко вонзила кинжал в ствол, находившийся в нескольких локтях от нее. Лезвие закрипело, раскачиваясь из стороны в сторону, почти перед лицом тяжело дышавшего человека.

Дубэ резко вскочила.

— Тебе нужно было предупредить меня. Я же могла тебя убить, — сказала она холодно

и направилась к дереву, чтобы вынуть кинжал.

Человек опустился на колени, склонив голову.

— Вы никогда не промахиваетесь, моя королева, — ответил он дрожащим голосом.

— Встань, — приказала Дубэ, и он подчинился ее приказу.

— Положение очень тяжелое, — объявил он мгновение спустя с выражением крайней озабоченности на лице.

Дубэ помрачнела.

— Пошли, — бросила она.

Штаб находился в подземелье королевского дворца. Именно Дубэ принадлежала идея его создания. Все начиналось как некое подобие игры. В первые годы вновь испеченная королева чувствовала себя не у дел в своей новой роли. Придворная жизнь, состоявшая из сплетен и тянувшегося бесконечно времени, торжественные выходы, скучные обязанности, соответствовавшие ее положению, — все это приводило ее в замешательство. Королева испытывала жгучую потребность в действии. Она начала медленно угасать.

И тогда Леарко подал ей идею:

— А почему бы тебе снова не вернуться к своему прежнему занятию? Ведь исполнять роль королевы можно по-разному. Придумай нечто такое, что удовлетворяло бы тебя в большей степени и не вынуждало бы тебя становиться тем, кем ты на самом деле не являешься.

И тогда Дубэ приняла решение создать службу слежения. В Земле Солнца еще не было ничего подобного. Обычно это дело доверяли наемникам, которым, очевидно, нельзя было довериться в полной мере. Дохор прибегал к услугам своих союзников в Гильдии убийц, и по этой причине королевство оказалось лишенным собственной сети тайных агентов.

— Да, сейчас мы живем в мире, а тебе не кажется, что мир нужно охранять? Ведь именно в такие времена, как сейчас, и возникают заговоры, — говорила она Леарко, стараясь убедить его одобрить ее замысел.

Но для этой цели ей не понадобилось слишком много усилий.

— Если от этого тебе будет лучше, я ничего не имею против.

И тогда Дубэ целиком и полностью погрузилась в это предприятие. Она обустроила все в обстановке относительной секретности: и отбор кандидатов, и подготовку штаба, проектированием которого занималась лично. Это был период чрезвычайной важности для нее. Дубэ вновь почувствовала интерес к жизни: она ощутила свою значимость и одновременно смогла найти применение всему тому, чему она научилась в мрачные годы своих странствий в поисках смысла жизни и своего места в мире.

Ее умения, которые некоторое время назад казались такими ужасными, теперь вновь стали полезными делу претворения в жизнь хороших идей и гарантии светлого будущего ее земли.

В первые годы после создания к услугам службы слежения прибегали крайне редко, поскольку Леарко расценивал ее не более чем один из способов времяпрепровождения своей несколько эксцентричной супруги. Однако впоследствии Дубэ добыла много весьма полезной информации о гражданской войне, охватившей Землю Воды, и положение серьезно изменилось.

— Ты оказала мне огромную услугу, — сказал однажды ей муж, когда все было позади.

— Я даже не думала о том, что моя идея может привести к подобным результатам, — согласилась Дубэ.

С тех пор служба значительно выросла, создавая все новые базы в других землях Всплывшего Мира и становясь очень полезным инструментом в руках короля и Совета. Иногда Дубэ лично участвовала в операциях. Тогда королева снова становилась эффективным орудием, каким она была много лет тому назад, однако теперь ее действия не носили прежний злобный характер, они служили великим целям.

При дворе понятия не имели о ее двойной жизни. Никто во всем Всплывшем Мире

даже не знал ее агентов, которые, в свою очередь, редко появлялись во дворце и были малозаметными и весьма уклончивыми фигурами. Об их существовании было известно только Леарко и их сыну Неору.

Дубэ вошла в Директивный зал, ничем не примечательный с виду, только немного шире, чем все остальные, с низкими сводами, с большим столом из красного дерева посередине, стоявшим в окружении множества стульев. Она села на один из них, и ее агент, Джосар, сделал то же самое.

— Рассказывай.

Джосар тем временем успел перевести дыхание, однако не стал менее озабоченным.

— Я прибыл из Земли Воды. Там происходит нечто, вызывающее явную тревогу. — Агент замолк на мгновение. — Я и Кан, как обычно, объезжали селения севера страны. Согласно вашим указаниям, мы контролировали ситуацию между двумя расами в поисках возможных признаков напряженности.

Дубэ молча кивнула.

— Так вот. — Мужчина проглотил слюну, словно не решаясь продолжать свой рассказ. — Мы натолкнулись на одно селение... довольно странное.

— Нимфы и люди снова в ссоре? — со скучающим видом спросила Дубэ.

Тревога на лице Джосара предвещала что-то и в самом деле серьезное, но королева никак не могла понять, что именно.

— Нет, моя королева... А может, да, я не знаю. Просто все жители там мертвы.

Дубэ вздрогнула.

— В этом селении жило человек двадцать. Ничем ни примечательное место, существовавшее в основном за счет рыбной ловли. Мы отправились туда, потому что нам сказали, что уже на протяжении двух недель оттуда нет никаких вестей. Когда мы прибыли туда... я сразу понял, что там творится что-то неладное.

— Как это все мертвы?

— Заразная болезнь.

Дрожь охватила Дубэ.

— Это, должно быть, красная лихорадка. Ты же знаешь, что она время от времени снова возвращается.

— Да, но при этом она не убивает целое селение.

— Рассказывай дальше, — невозмутимо продолжала Дубэ. С годами она научилась пускать в ход холодную логику, которой ее научил Учитель, когда она еще только постигала искусство убивать: не позволять себе поддаваться на соблазны, сохранять ясность ума, рассуждать, не отвлекаясь на эмоции.

— В селение вошел один только Кан, а я остался за его пределами. Он вышел оттуда сильно взволнованным. Он сказал, что в деревне в домах полно трупов. Там стоял отвратительный запах гниения — верный признак того, что жители умерли несколько дней тому назад. Мужчины, женщины, дети — одни лежали на кроватях, другие на полу. И все были покрыты черными пятнами.

Дубэ откинулась на спинку стула. Красная лихорадка не оставляла темных пятен на теле.

— А это не могут быть обычные синяки? Может, это следы от побоев?

Джосар покачал головой:

— Эти пятна совершенно черные, и они совсем не похожи на синяки, моя королева. И потом, кровь. Она вытекала из носа, рта, ушей. Она была даже под ногтями.

— Речь идет только о человеческих трупах? И ни одной мертвой нимфы?

— Нет, моя госпожа. Только люди.

Дубэ глубоко вздохнула, а потом пристально посмотрела на агента:

— А как чувствует себя Кан?

— Я поместил его в карантин.

Дубэ немного расслабилась. У ее людей хорошая выучка.

— Я оставил его в Земле Воды, снабдив всем необходимым для жизни, а также постарался свести к минимуму общение с ним.

Королева, размышляя над услышанным, некоторое время сидела молча.

— Описанная тобой ситуация очень тяжелая, — заключила она наконец, вставая со стула. — Если и вправду это — новая зараза, то необходимо все как следует разузнать, а для этого следует получить соизволение у его величества.

Джосар кивнул. Он все отлично понимал.

— Пока оставайся здесь, и пусть тебя непременно навестит священник. Мы известим Кана, а заодно проверим и его самого. Отложим все до завтра.

Джосар встал и приложил сжатую в кулак ладонь к сердцу в знак прощания. Поднявшись с колен, он направился к двери.

Королева осталась одна. Она привыкла обдумывать положение вещей, опираясь на логику, но при этом она старалась не упускать из виду и собственные предчувствия. А ее инстинкт подсказывал ей, что вот-вот должно случиться нечто ужасное.

Дубэ осторожно постучала в дверь. Она знала, что ответа не последует, но это было нечто вроде ритуала: прежде чем войти, она стучала, тем самым давая о себе знать. Она подождала еще несколько мгновений, а затем открыла дверь. Он сидел за столом в центре комнаты. Сквозь витражи, со всех сторон окружавшие светом его сосредоточенный силуэт, в помещение падали золотистые блики.

Это был молодой человек лет тридцати, худой и бледный, с длинными редкими, завязанными в хвост волосами, такими светлыми, что они казались белыми. Черты его лица были довольно тонкими и несколько изможденными. Он сидел в небольшом кресле на колесиках, на его безжизненных ногах лежало квадратное покрывало из тяжелого сукна. Он склонился над листами бумаги и с интересом рассматривал их, поглаживая подбородок пером, которым делал пометки на полях.

Дубэ улыбнулась. Она медленно вошла в комнату, стараясь двигаться как можно тише. Ей доставляло удовольствие наблюдать за дорогими ее сердцу людьми, которые при этом уже давно вели самостоятельную жизнь. Это удовольствие еще более усиливалось в отношении ее собственного сына. Чувствовать его сходство с собой и в то же время его непохожесть, вспоминать, как ребенком она держала его на руках, а теперь наблюдать за ним, когда тот, уже будучи мужчиной, управлял делами королевства. Это был очень желанный и долгожданный сын. На протяжении долгих лет Леарко и Дубэ пытались подарить трону наследника, но что-то у них не клеилось: быть может, проклятие, которому до этого была подвержена Дубэ, что-то нарушило в ней, а может, просто им не дано было иметь детей. Неор родился, когда они почти совсем потеряли всякую надежду.

Они называли его Неором в честь дяди Леарко, которого он так любил и который был казнен по приказу Дохора. Это все равно что найти наконец смысл своего существования и обрести пристанище после слишком долгого странствования.

Королева, продолжая все так же внимательно смотреть на сына, уселась напротив него, и в конце концов он улыбнулся, не отрывая глаз от страниц.

— Я слышал, как ты вошла и подошла ко мне.

Дубэ растроганно улыбнулась:

— Но ты казался таким задумчивым...

Неор был наследником престола, но все знали, что ему никогда не стать королем. Его парализованные ноги и слабое здоровье не позволяли ему стать достойным преемником. Или, по крайней мере, именно так он сам полагал. Какое-то время Дубэ пыталась убедить его в обратном.

— Чтобы стать королем, прежде всего важна не физическая сила. Здесь нужны иные качества, которыми ты обладаешь в полной мере.

— Во время войны король командует войском. А как, по-твоему, я смогу это сделать?

— Для этого есть Всадники Дракона.

Но Неор только покачал головой:

— У меня не королевское тело. Как, впрочем, и голова, — добавил он, постукивая указательным пальцем по виску. — Это скорее голова стратега, дипломата, чем правителя.

Таким образом, несмотря на то что Леарко уже перевалило за семьдесят, а Неору было чуть за тридцать, наследник престола все еще не стал королем. Однако в управлении государством он отвел себе особую роль, и всем при дворе было известно, что именно он был мозговым центром, определявшим политику Земли Солнца. Он был искусным дипломатом, человеком холодного и острого ума, который постепенно из обычного советника короля превратился в настоящего серого кардинала в королевстве. Он и его отец представляли собой два воплощения одного целого: Леарко был телом, его физической силой, а Неор — его мозгом. И именно поэтому его мать пошла прежде к нему, а не к его отцу.

Неор положил документы, которые держал в руках, и посмотрел на королеву.

— Рассказывай.

— От своих людей я получила тревожные известия, — начала она, сурово нахмурив брови.

Эти информаторы были хорошо известны Неору. Иногда он принимал участие в их собраниях и даже помогал матери руководить ее службой слежения.

— Дальше.

Дубэ передала рассказ Джосара как можно подробнее, стараясь не упускать из виду ни единой детали. Она знала, что для ее сына важна любая мелочь.

После ее рассказа в комнате на некоторое время повисла тишина. Так было всякий раз во время размышлений Неора: он сидел с отсутствующим взглядом, затерявшимся где-то в пустоте, а на его лице появилось такое выражение, которое для не знавших его близко людей могло показаться совершенно дурацким. Тем не менее именно в такие моменты его логика работала в усиленном режиме.

— Каковы твои соображения? — спросил он наконец мать.

— Недостаточно деталей. У меня есть только рассказ одного из моих агентов, в котором он информирует меня о том, что увидел его напарник. Где доказательства того, что в действительности причиной смерти всех этих людей стала болезнь? В то же время нам нужно быть особо осторожными при проведении дополнительного расследования. Если для проверки я отправлю туда других агентов и, не дай бог, они заразятся, то по их возвращении, если, конечно, речь действительно идет о неизвестной болезни, они могут заразить всех.

Неор улыбнулся:

— Скажи, ты пришла ко мне, чтобы найти подтверждение твоим выводам, которые ты уже для себя сделала?

Дубэ улыбнулась в ответ, но затем снова стала серьезной:

— Я не доверяю только собственным умозаключениям. Это очень неприятная история. Меня смущает то, что нет ни одного трупа нимфы. Быть может, это случайность, а если нет? Если мы снова оказываемся перед лицом обострения конфликта между двумя народами? Я оставила Кана в карантине, а Джосара отправила к священнику. А что дальше? Как, потвоему, нам следует поступить дальше?

— Как ты сама говоришь, все должно быть предельно ясно, — ответил Неор. — И если в действительности мы имеем дело с новой заразой, то нам следует выслушать мнение священника. У меня есть на примете один очень хороший. — Принц многозначительно посмотрел на мать.

— Мне бы не хотелось беспокоить такую значимую персону по вопросам, которые вполне могут оказаться лишены оснований для беспокойства, — заметила Дубэ.

— Я доверяю твоей интуиции. И потом, не обязательно обращаться к нему лично. Достаточно отправить к нему одного из людей Братства Молнии. Он наверняка знает, как уберечь их от вероятных рисков, не так ли? И конечно же намного лучше, нежели это можем сделать мы сами.

— А что потом?

— А потом я поговорю с отцом. Через месяц соберется Новый Совет. Это повод, чтобы поставить в известность правителей Земли Воды с тем, чтобы они могли принять контрмеры, способные воспрепятствовать распространению вероятного заболевания. А ты продолжишь свое расследование, касаясь в первую очередь взаимоотношений нимф и людей. На данный момент именно это вызывает наибольшее беспокойство.

Неор откинулся на спинку кресла. Дубэ слегка оперлась своей рукой о его ногу. Она никогда не позволяла себе чрезмерно выказывать свое отношение к сыну. Она совсем не так показывала свою любовь к нему. Их взаимоотношения были почти полностью лишены физического контакта, поскольку оба предпочитали иные способы выражения собственных чувств. Еще раз королева подумала о том, насколько Неор был на нее похож.

— Ты довольна? — спросил ее принц.

Дубэ отдернула свою руку.

— Вполне. — Дубэ встала, чтобы направиться к выходу. — А как поживает Амина? — добавила она.

Едва заметное беспокойство отразилось на лице Неора.

— Как всегда неугомонная, недовольная, и боюсь, что несчастная. — Он провел руками по лицу. — Но ведь и я был не простым ребенком?

— Неор, все мы отличаемся друг от друга. Твоя дочь... быть может, она как я, — со вздохом сказала королева. — Она пока молода и еще найдет свою дорогу.

— Ты даже не представляешь, как бы мне хотелось ей помочь... Но эти государственные дела и обязанности... Да и потом, она сама не желает, чтобы ей помогали, вот в чем дело.

— Она знает, что ты желаешь ей добра. Этого уже достаточно.

Дубэ направилась к двери. Как и всегда, разговор с сыном действовал на нее успокаивающе. Она чувствовала готовность противостоять новому ненастью, которое, быть может, снова нависло над горизонтом.

7

ЛИКИ АМХАЛА

Амхал шел впереди, за ним обеспокоенная Адхара. Они покинули селение через те самые ворота, через которые прежде входили, и двигались без остановки, пока наконец не добрались до поляны.

— Ты останешься здесь, — приказал девушке Амхал.

Адхара попыталась воспротивиться, но он отвернулся от нее прежде, чем она успела вымолвить хоть слово.

Так она осталась одна рядом с Джамилой. Девушка снова вспомнила тот день, когда познакомилась с Амхалом, и тот вечер, когда увидела, с какой яростью и безумием он сражался. Быть может, ей следовало его опасаться или даже бежать, пока еще было время. И все-таки она не могла не доверять ему. Что-то снесало его изнутри, что-то очень страшное, но при этом не исходившее от него самого — это Адхара осознавала четко.

Девушка испытывала по отношению к нему бесконечное сострадание и острое желание хоть как-то ему помочь.

Она увидела, как он возник из лесной чащи, сжимая в кулаке какие-то травы. Молодой человек уселся на землю и принялся обрывать один за другим листья со стебля. Его движения были резкими и грубыми.

— Быть может, нам лучше уйти отсюда, — предложила Адхара только для того, чтобы нарушить нависшую между ними грозную тишину.

— Сядь.

Девушка продолжала стоять, не отрывая от него глаз.

— Все хорошо, ты всего лишь защищался...

— Замолчи и сядь! — раздраженно крикнул он девушке. Его глаза были полны каким-то таинственным отчаянием.

Адхара послушно последовала его приказу.

— А те типы, от которых я тебя спас, тоже были заражены? — спросил он девушку, измельчая руками листья.

Его спутница поспешила кивнуть:

— Я увидела их перед тем, как они вошли в комнату, где я находилась. Один был совсем плох. Мне очень не понравилось его лицо: кожа была чем-то намазана, но в какой-то момент вещество стекло вниз, и показались эти пятна. Они не говорили на нашем языке, но я понимала их.

Амхал строго посмотрел на Адхару:

— Почему ты не рассказала об этом?

— Потому что я не думала, что это важно, ведь, насколько я знаю этот мир, вполне нормально, когда кто-то маскирует пятна на своей коже.

Амхал продолжал смотреть на девушку с едва сдерживаемой яростью. Потом он снова вернулся к своему занятию.

— Ты здесь ни при чем, — сказал он тихо. — Ни при чем.

Адхара видела, как он, сосредоточившись, закрыл на мгновение глаза и, упершись руками в бедра, принялся что-то бормотать. Его руки стали горячими и окрасились в разные цвета, проливая на траву нежный свет. Он положил их на измельченную траву, передавая ей часть этого свечения.

Магия, подсказал ей внутренний голос. *Что-то знакомое*. Но она не смогла сказать, в чем это выражалось. Она знала только, что этот свет наполнял ее ощущением расслабляющего умиротворения, тем, в чем она в этот момент так отчаянно нуждалась.

Наконец Амхал остановился. Его руки снова стали такими, как прежде, а листья продолжали светиться еще какое-то время.

Он взял небольшую щепоть травы и протянул Адхаре:

— Съешь их.

Девушка в нерешительности взяла снадобье. Молодой человек стремительно засунул его Адхаре в рот. Девушка почувствовала приятный вкус трав.

— Если мы уже заражены, то этого будет явно недостаточно, но, по крайней мере, оно замедлит заражение. Тот человек сказал, что через пару дней заболеем и мы. Быть может, эти листья позволят нам продержаться чуть дольше.

Адхара похолодела от ужаса:

— Ты действительно считаешь, что мы заболеем?

Молодой человек отвел глаза в сторону:

— Не знаю. Но мы успели коснуться их, а нам неизвестно, как эта болезнь передается. Ты говоришь, что у тех двоих в Салазаре были те же симптомы, а мы оба были с ними в контакте. Это случилось четыре дня тому назад; если тот человек из селения говорил правду, то мы уже должны заболеть.

Адхара приложила руку к груди. Девушке казалось, что она горела и что ей не хватает воздуха. Адхару охватил ужас.

— И что нам делать?

— Ждать, — со вздохом ответил ее спутник. Затем он протянул руку. — Дай мне свой кинжал.

Девушка отдала свое оружие без слов.

— И твою руку.

Адхара какое-то время стояла в нерешительности. Она все еще помнила взгляд Амхала и то, каких трудов ему стоило контролировать себя. Дрожа от страха, она протянула руку. Амхал взял ее и нежно сжал указательный палец девушки.

— Будет немного больно, — сказал молодой человек и не мешкая уколол его.

Слабый стон вырвался из груди Адхары. Амхал сжимал рану до тех пор, пока на ее

поверхности не показалась круглая и блестящая красная капля. Молодой человек высосал кровь. Странное чувство тепла охватило Адхару от прикосновения губ Амхала к ее собственному пальцу. Она в смущении резко отдернула руку.

Амхал закрыл глаза, пробуя ее кровь.

— В тебе течет кровь нимфы, — затем произнес он, глядя девушке прямо в глаза. — Во мне тоже есть немного.

Адхара непонимающе посмотрела на него.

— Тот человек из деревни сказал, что нимфы невосприимчивы к этой болезни. Быть может, поэтому ты и не заразилась.

Девушку вздохнула с облегчением, но затем новый приступ тревоги охватил ее.

— А ты?

Амхал горько улыбнулся. Он оголил предплечье, поднес к нему лезвие кинжала и одним движением сделал на теле глубокий надрез.

Адхара, зажмурив глаза, схватила его за руку:

— Довольно, довольно!

Молодой человек слегка отстранил ее и, обхватив руками лицо девушки, сказал:

— Смотри.

Адхара открыла глаза. Из раны вытекала густая, чуть розоватая жидкость, прозрачная, как вода. Девушка коснулась ее пальцем. От прикосновения к ней осталось ощущение свежести.

— Нимфы — это существа, состоящие из воды. Они прозрачны и прекрасны. В их венах течет не кровь, а ключевая вода. У моей матери была такая же, как и у меня, прозрачная и прохладная кровь. Она — полунимфа.

Он снова был ребенком и все еще жил в своей деревне. Это произошло только что: со временем тот образ не поблек в его памяти. Нет, наоборот, он был самым настоящим и вполне осязаемым.

Это была всего лишь игра — демонстрация перед друзьями силы, заключенной в его руках, совершенно невероятной, которая явно имела магическую природу. Разноцветные всполохи, поднятые в воздух предметы, мысленная передача приказов животным. Он и сам точно не знал, как это произошло. Мгновение назад он играл там вместе со своими друзьями, окружившими его и восторженно хлопавшими в ладоши. Затем вдруг появился луч, не похожий на все остальные, и его рука, вместо того чтобы нацелиться вверх, повернулась к одному из детей. Малыш без единого звука замертво упал на землю.

Амхал хорошо запомнил тот день. Именно тогда он поклялся себе, что никогда больше не будет заниматься магией. Он вспомнил испуганные глаза своих друзей, туманы его матери и упреки сторожа, которого позвали на помощь ребенку.

— Больше никогда этого не делай, или дело для тебя кончится тюрьмой!

И теперь он снова там. Он стоит неподвижно в окружении притихших детей. Тот, кого он сразил, лежал на земле с открытыми закатившимися глазами, его лицо было смертельно бледным. Только спустя какое-то время он заметил фигуру в черном, расплывчатую и неопределенную. Лишенная лица, она стояла возле самого круга. С собой у нее был только прекрасный черный меч.

Фигура подошла к нему поближе и положила руку ему на плечо.

— Ты же знаешь, что в этом нет ничего плохого и что таково твое естество.

И хотя невозможно было разглядеть ее лицо, мальчик *чувствовал*, что она улыбалась, и от этой улыбки он успокоился и ему стало хорошо. Чувство вины постепенно улетучилось, страх исчез. И внезапно он испытал полное умиротворение.

— Когда мы снова встретимся, тебе все станет ясно, — сказала напоследок фигура и испарилась, оставляя после себя что-то вроде темной мягкой дымки, которая постепенно заволокла все пространство вокруг, скрывая от глаз место происшествия. Но ее голос остался: «Ты все поймешь, когда мы встретимся».

Амхал резко вскочил на ноги. Где он сейчас? Его глаза привыкли к темноте, и мало-помалу стали возникать очертания поляны, свернувшейся в огромный клубок Джамилы с одной стороны и спавшей прямо перед ним Адхары. Он вспомнил все: и селение, и болезнь, и убийства, и сон. Он закрыл лицо руками.

Такой сон снился ему не впервые. Молодой человек часто вспоминал тот эпизод из своего детства; впрочем, едва ли возможно было забыть такое, когда магией он едва не убил своего друга.

Не намеренно. Это произошло по ошибке, быстро добавил его внутренний голос.

Да. Но и на этот раз, так же как и прежде, он ощутил некоторое удовольствие, побудившее его раскаться. Тогда он сунул руки в кипящую воду. Его мать смогла остановить сына прежде, чем тот натворил бы еще больших бед, и тем не менее несколько дней он пролежал в лихорадке.

С некоторых пор неожиданностью для него стал этот человек в черном. Он являлся ему во многих снах. Амхалу никогда не удавалось разглядеть его лицо, но от того человека всегда веяло спокойствием. В его фигуре было что-то умиротворяющее, что-то, от чего ему было хорошо. Амхал помнил только его черное одеяние и такого же цвета меч.

Существует ли и в самом деле кто-то, кто бы был в состоянии снять с моих плеч это бремя...

Молодой человек посмотрел на свою спящую спутницу и улыбнулся. Нет, конечно же это не она: девушка и сама нуждалась в помощи. А может, это беззащитное и хрупкое существо и есть тот человек, ведь всякий раз, когда он смотрел на девушку, он испытывал странное чувство покоя, как если бы перед ним лежал спящий ребенок.

Он снова провел руками по лицу.

Хороший же ты воин. Посмотри, куда ты ее завел и что, черт подери, там произошло.

Амхал подумал про мертвых, про обезображенное лицо зараженной женщины. И про мужчину, которого убил. Отчаяние вновь вышло из самых глубин его тела и дошло до головы, заставив мучительно пульсировать в ней кровь.

Молодой человек лег и уставился в небо. Он подумал про слова, которые постоянно твердил ему учитель: «Сражайся, Амхал, только это имеет значение, даже если тебе придется сражаться всю свою жизнь. Ты честный человек и великий воин».

И, сдерживая слезы, он закрыл рукой глаза.

Учитель...

Адхара проснулась на рассвете. Солнце пробивалось сквозь ветви деревьев, освещая то тут, то там зеленый ковер из трав, на котором она лежала. И снова лес, с самого первого дня остававшийся неизменным. Но при этом не было ощущения гармонии, только тревога.

Девушка провела рукой по глазам, пытаясь защититься от солнечного света. Что она увидела во сне? Адхара вспомнила только смутное волнение. Быть может, ей что-то и снилось. И она изо всех сил попыталась вспомнить.

Мрачное место. Кирпичи. Медленное и низкое, не прекращающееся ни на мгновение пение, похожее на стенания умирающей женщины, только еще более гипнотическое.

Адхара попыталась припомнить что-нибудь еще, но в ее голове всплывали только смутные беспорядочные образы, а также ощущение неудобства, и она толком не могла разобрать, было это связано с ее переживаниями прошлого вечера или со сном.

Девушка обернулась в поисках Амхала. Она увидела только лежавшую на траве морду Джамилы. Ее огромное брюхо медленно и величественно поднималось и опускалось. Животное еще не проснулось.

Адхара встала. Вещи ее спутника были сложены в одном месте. Значит, он не сбежал, а просто куда-то ушел.

Девушка огляделась по сторонам. Осознание того, что произошло, возникло в ее мозгу

внезапно. Нужно посмотреть на землю и отыскать тропу: будь то следы, оторванные от деревьев листья или сломанные ветви.

Адхара, сама не зная почему, медленно и осторожно пошла по лесу.

На небольшой поляне она увидела стоявшего к ней спиной Амхала. На нем не было ни плаща, ни железных лат, которые он носил на протяжении всего путешествия. На его влажных от пота плечах была одна только рубашка. Он тренировался с мечом. Рубящий удар сверху вниз, затем по диагонали, в противоположном направлении и, наконец, по кругу плашмя, справа налево. И так по кругу, без остановки. Адхара видела, как, преодолевая боль, напряглись мышцы его покрытых потом рук. Похоже, что рана на предплечье, которую он себе нанес, снова вскрылась, поскольку повязка на ней была совсем сырой: она приобрела нежный и чистый цвет его смешанной крови. Из его кровоточащих ран по рукам стекали ручьи с прозрачной и вязкой жидкостью.

Амхал считал. Он, неистово бормоча себе под нос, отсчитывал каждый удар. Адхара почувствовала, как ее переполняет глубокая боль. Она сделала шаг вперед, и Амхал, вздрогнув, обернулся назад, а затем опустил свой меч и покраснел.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он девушку, и его вопрос прозвучал, быть может, чуть более грубо, чем он того хотел.

Адхара продолжала идти вперед, не останавливаясь.

— Довольно, — всего лишь сказала она.

Смущенный Амхал отвел взгляд в сторону. Какое-то время он стоял неподвижно, а затем в последний раз поднял меч и вложил его в ножны, висевшие за спиной. Он прошел мимо девушки, не промолвив ни слова.

Их еда снова состояла из хлеба и вяленого мяса. Амхал съел совсем немного, и Адхара протянула ему свой кусок.

— Дело не в этом, ты не беспокойся, я просто не голоден, — успокоил ее молодой человек.

Девушка бросила взгляд на раны, полученные Амхалом во время тренировки. Амхал, должно быть, заметил это, поэтому попытался скрыть свои руки.

Тогда девушка встала, вытащила рубашку из штанов и оторвала от нее несколько полосок.

— Но что...

Но Адхара не желала ничего слышать. Она смочила водой, что они принесли с собой, его руки, а затем принялась их перевязывать.

— Зачем? — прошептала девушка.

Повисла тишина, которая для обоих казалась бесконечной.

— Просто это — мой долг. За каждую ошибку нужно платить.

Адхара, не отрывая глаз от его рук, продолжала их забинтовывать.

— Только...

— Только этой платы никогда не бывает достаточно.

Амхал отвел взгляд в сторону.

— Это как... — Произнести эти слова стоило ему больших усилий. — Во мне как будто что-то не так, и это что-то ведет меня в направлении противоположном тому, по которому мне следует идти.

Адхара затянула последнюю повязку, а затем, усевшись на пятки, откинулась немного назад.

— В тебе нет ничего неправильного. Ты спас мне жизнь и помогаешь сейчас. Ты мой единственный наставник. Что может быть неправильного в человеке, который делает подобные вещи для чужестранки?

Девушка широко и искренне, как только могла, улыбнулась ему, и Амхал устало ей ответил, что его всегда преследует тень.

— Сегодня ночью мне приснился сон, — сказала Адхара, меняя тему разговора. Она

попыталась рассказать своему спутнику о своих утренних ощущениях. — Тебе не кажется, что это могут быть мои воспоминания?

Амхал пожал плечами:

— Вполне возможно. Наверняка это знак, что к тебе возвращается память.

— А тот факт, что во мне течет кровь нимфы... Ты полагаешь, что я родом из этих земель?

— На самом деле в тебе мало что осталось от нимфы. Вероятнее всего, речь идет о каком-нибудь твоём далеком предке. Если уж говорить начистоту, то я никак не могу разобраться в этом.

Адхара опустила глаза:

— Все всегда оказывается слишком сложным, когда речь заходит о том, кто я и откуда...

Амхал встал:

— Тебе нужно потерпеть. Днем мы уже будем в Лаодамее.

Адхара наблюдала за тем, как ее спутник собрал свои вещи, и предложила помочь ему надеть доспехи.

Позади них, выпуская из ноздрей дым, сидела Джамила и с нетерпением ожидала возможности возобновить свой полет.

Они прибыли в Лаодамею ближе к вечеру. Солнце уже начало клониться к закату и отбрасывало янтарные отблески на тысячи рек, пронизывающих город.

Адхара посмотрела вниз. Казалось, что город почти полностью построен прямо на воде. Каменные дома, довольно массивные и просторные, красноватого цвета кирпичи, из которых были выложены стены, служили маскировкой столице Земли Воды среди окружавших ее лесов. Но наиболее ошеломляющим сооружением оказался огромный дворец, возникший прямо у края водопада. Вода стекала по его бастиянам и частично по некоторым контрфорсам. Дворец был вырублен прямо в серой скале, на которую и обрушивались воды водопада. Любопытно, но добрая половина сооружения огибала скалу, вытянувшись вдоль ее гребня, откуда, в свою очередь, и падал водный поток. Эта часть здания, будучи ослепительно-белой, по всей видимости, была сделана из мрамора.

— С тех пор как Земля Воды стала единым государством, правление в ней осуществляется совместно: люди выбирают своего короля, а нимфы — своего. И оба правят вместе, — пояснил Амхал. — Ни одно из решений не может быть принято, если на этот счет нет обоюдного согласия. Это факт, что политическое управление в этом государстве несколько путано, но в мирное время, как сейчас, это не доставляет серьезных трудностей. Дворец был построен путем присоединения нового крыла к старой его части, которая принадлежит нимфам, где как раз и обитает их королева со своей семьей, а в новой, белой части расположился король людей.

Адхара с большим вниманием разглядывала простиравшуюся под ней панораму, изо всех сил стараясь понять, знакомы ей эти места или нет. Всем своим существом девушка стремилась почувствовать свою принадлежность к этой земле, но ничего из увиденного ею не вызвало в ее памяти и тени воспоминаний.

Джамила приземлилась в окрестностях королевского дворца, со стороны его нового крыла.

— У Ордена Всадников Дракона во дворце есть своя казарма, где, в свою очередь, имеется единственное место для возможного размещения в нем драконов. Сегодня мы остановимся там, а завтра отправимся в Новый Энавар. Но прежде я напишу рапорт, после чего мы отправимся на встречу со священником, — объявил Амхал.

Путешественники остановились на узкой мраморной площадке, которая выходила прямо к водопаду. Их встретил юноша в бледно-голубой рубашке и холщовых штанах. Оба путника спешили, а юноша взял в руки поводья дракона.

— Позаботься о ней как следует, — попросил его Амхал.

Таким Адхара его еще никогда не видела, теперь он выглядел непривычно воинственно. На нем были надеты все доспехи, свой меч он нес не за спиной, а сбоку, чуть наклонив вперед, чтобы не касаться им земли.

Молодые люди вошли в помещение с белыми стенами, битком набитое сновавшими туда-сюда солдатами. Амхал, выгнув грудь колесом и с важным выражением лица, двигался среди этой толпы. Адхара чувствовала его напряжение, которого она совсем не замечала в Салазаре. Девушка не знала, свойственно ли это всем людям, или это ей казалось, но Амхал непрерывно менялся в лице. Словно его душа была многослойной, он всякий раз менял свою, выставляемую напоказ всему миру, маску.

— Амхал, ученик учителя Миры, — представился молодой человек. — Мне нужно срочно встретиться с генералом.

Стражник задержал на мгновение на нем свой взгляд, а затем снова вернулся к своим делам.

— Мы ждем тебя, — сухо ответил он. — Йерав — там.

Амхал зашагал вперед, а Адхара вслед за ним.

Стражник остановил ее своим взглядом:

— Кто это?

— Это мой оруженосец, Адхара, — ответил Амхал.

— Оруженосцы ждут снаружи.

— Мне нужно обсудить вопрос, который требует ее присутствия.

Мужчина смерил девушку пристальным взглядом.

— Без оружия, — с раздражением сказал он наконец.

Адхара положила руку на кинжал. Она четко осознавала, что не имеет никакого желания расставаться с ним. Она помедлила еще немного, чтобы отважиться снять ремень и отдать его стражнику.

— Позаботьтесь о нем. Он мне очень дорог, — попросила девушка.

Мужчина презрительно ухмыльнулся:

— Ты принимаешь меня за разбойника?

Наконец оба вошли в зал.

8

ОТВЕТЫ

В довольно просторном зале было широкое распахнутое окно, выходившее к водопаду, посреди стоял только один мраморный стол, за которым сидел тучный мужчина. На его блестящей лысой голове не было не единого волоска. Он собирался написать что-то длинным гусиным пером. Амхал щелкнул каблуком и робко спросил:

— Господин...

Мужчина рассеянно поднял глаза, а затем без особого интереса посмотрел на обоих.

Амхал назвал себя и представил Адхару как своего оруженосца.

Йерав положил перо и потер переносицу.

— Подойди поближе, — сказал он.

Молодой человек послушно сделал шаг вперед. Адхара последовала за ним.

— Господин, Мира, мой учитель, сказал мне, что вам нужно отправить важные бумаги в Новый Энавар, и для этой цели он направил меня сюда.

Мужчина некоторое время пытался сосредоточиться, а потом, как показалось, все вспомнил.

— Ах да... замечательно. Я передам их тебе завтра утром.

Амхал слегка наклонил голову и добавил:

— Есть кое-что еще...

Его доклад об увиденном в селении, пораженном страшной болезнью, был предельно четким и лаконичным. По мере того как Амхал сообщал все новые подробности, Адхара

заметила, как генерал становился все более раздражительным.

— А можно узнать, почему ты здесь? Почему ты не известил нас раньше? Ты должен был направить на зараженные земли священника! — выпалил он, вскакивая на ноги и отступая назад, едва молодой человек закончил свой доклад.

Амхал не смутился:

— У меня есть основание полагать, что я невосприимчив к этой болезни.

И он рассказал о своей теории про нимф и о том, что он узнал от двух больных жителей деревни.

Однако казалось, что генерал никак не мог успокоиться. Он снова сел, но при этом продолжал смотреть на обоих с подозрением. Генерал позвонил в колокольчик, и вошел один из солдат.

— Передай священнику, чтобы тот срочно спустился в камеру!

Солдат щелкнул каблуками и направился к двери.

— А ну, немедля в камеру, — приказал Йерав обоим.

— Я бы никогда не стал подвергать вас опасности, ведь если я здесь, то только потому, что у меня есть основания быть уверенным в том, что не представляю угрозы.

Генерал небрежно кивнул, но казалось, что эти доводы не слишком его убедили.

Молодые люди оставались в камере одни всего несколько минут. Амхал молчал, а Адхара нервно заламывала руки. Это была комнатуха с низким потолком, с покрытыми плесенью стенами, одна из которых была наглухо перекрыта железными балками. За дверью, держась от обоих на должном расстоянии, стоял с озабоченным видом стражник.

— Я предполагал, что все так и обернется, — улыбаясь, произнес Амхал.

Адхара резко обернулась:

— Ты же мог предупредить меня...

И в этот самый момент в камеру вошел молодой человек ростом чуть выше Амхала. Поблуднев, он остановился в дверях. На нем была длинная белая туника с полоской из светло-голубой ткани, спускавшейся от шеи до самых ног. На его груди была вышита стилизованная молния, перекрещенная с мечом. На плече у него висел дорожный мешок, под тяжестью которого его фигура выглядела несколько сгорбленной.

— Я — священник, направленный сюда, чтобы проверить вас, — произнес он дрожащим голосом.

Амхал представил себя и свою спутницу, а затем пригласил его войти.

Адхара видела, как священник просеменил в камеру, положил на пол мешок и принялся нервно шарить в нем рукой. Ей очень захотелось расспросить Амхала о том, кто был этот тип, что значит быть священником и что это за вышивка на его тунике. Однако ей было неудобно показывать свое незнание перед лицом чужака, и она промолчала.

Девушка смотрела на то, как священник достал из мешка разнообразные склянki с травами и необычными жидкостями, пару веточек и несколько пиал.

— С кого начать? — спросил он растерянно.

— С меня, — ответил Амхал, вставая.

Это был довольно длинный анализ. Священник заставил Амхала снять рубашку и принялся ощупывать его живот. Он заглянул также в рот, долго рассматривал глаза, а затем перешел к малопонятным жестам. Он растер в одной из пиал немного принесенной с собой травы, окунул в нее чистую, без листьев, веточку и, закрыв глаза, принялся водить ею по телу Амхала. Свои действия он сопровождал монотонным пением.

Адхара следила за происходящим с любопытством и изумлением. Была ли это магия? Откуда исходила эта обладающая гипнотическим свойством молитва? Ее взгляд остановился на обнаженной груди Амхала. Контуры плечевых мышц, едва заметное переплетение шрамов на спине, плоский и упругий живот. Девушка, сама не зная почему, почувствовала смущение, а в это время все ее нутро охватило странное пламя. Адхара не без удовольствия рассматривала своего спутника, отчего ей было и хорошо и плохо одновременно.

— Все в порядке, — вдруг произнес священник, и Адхара снова вернулась в действительность. Едва встретившись взглядом с Амхалом, она быстро опустила глаза вниз. — Однако Расскажи-ка мне лучше, что же там произошло?

И Амхал снова принялся описывать события того ужасного вечера.

Молодой священник молча выслушал его. При этом Адхара заметила, что, по мере того как Амхал приводил все новые подробности, его лоб постепенно покрывался мелкими капельками пота. Но никаких иных признаков своего беспокойства священник больше не выказывал. Хлопнув руками по коленям, он встал.

— А теперь твоя очередь, — обратился он к девушке.

Он подошел к ней поближе и принялся проделывать те же манипуляции, что и с Амхалом. Затруднительное положение возникло тогда, когда священник попросил девушку снять рубашку. Адхара бросила на своего спутника озабоченный взгляд, и тот покраснел.

— Достаточно того, чтобы она просто ее приподняла. Мне нужно проверить живот, — произнес священник, смутившийся не меньше Адхары.

Было очень непривычно ощущать на себе прикосновения чужого человека. Он едва дотрагивался до тела девушки своими дрожащими руками. Адхара не помнила такого, чтобы кто-то прикасался к ней прежде или, по крайней мере, делал бы это с такой нежностью. Было еще кое-что, что приводило ее в крайнее замешательство. Она чувствовала на себе, на спине и на худых боках взгляд Амхала. Казалось, он так же осязаем, как пальцы священника на ее коже.

Та часть обряда, которая предусматривала использование веточки, оказалась самой сложной. Адхаре нужно было завернуть рукава как можно выше, чтобы открыть руки, а также завязать под грудью рубашку на узел, с тем чтобы оставить открытой наибольшую поверхность ее тела. Девушка выдохнула с облегчением, едва процедура была завершена.

— И у тебя все в порядке, — сказал молодой священник. Было очевидно, что он остался доволен.

— Я могу попросить тебя об одном одолжении? — Вопрос Амхала прозвучал неожиданно.

— Да.

— Мне нужно, чтобы ты еще раз осмотрел мою спутницу, — поспешил пояснить молодой человек. В нескольких резких словах он передал всю историю потери памяти Адхары.

Девушка почувствовала себя так, будто оказалась голой, и охватившее ее чувство стыда оказалось еще большим по сравнению с тем, когда она была вынуждена обнажиться, это было так унижительно — показывать свою уязвимость перед лицом чужака.

— Рыться в мозгу того, кто ничего не помнит, совсем не просто, и я даже не знаю, смогу ли я это сделать... — возразил священник.

— На данный момент нам будет достаточно самого простого, — успокоил его Амхал. — Ну, например, говорят ли о чем-либо тебе цвет ее волос, глаза...

Священник обхватил обеими руками худое лицо Адхары. При этом у девушки возникло желание вырваться. Когда тот пристально посмотрел ей в глаза, Адхара отвела в сторону взгляд.

Священник отстранился на мгновение и пошарил в своем мешке. Затем он достал из него нечто вроде примитивной головешки и поджег ее огнем. Поваяло слегка дурманящим ароматом. Он взял руку девушки и принялся водить головешкой над самой ее кожей. У изумленной Адхары не возникало ни малейшего ощущения жара. Наоборот, лизавшее ее руку пламя было холодным. Через считанные мгновения рука девушки покрылась необычными светящимися знаками, возникавшими на ее поверхности, едва пламя касалось кожи, и исчезающими, как только ощущение свежести пропадало. Амхал встал и принялся разглядывать эти символы. На его лице также читалось искреннее изумление.

Священник нахмурил лоб.

— Что... — прошептала Адхара.

Тот отпустил ее руку и, потушив уголек, глубоко вздохнул.

— Ну так что же?

Священник, указывая пальцем на синие пряди волос девушки и на ее глаза, произнес:

— Подобные физические свойства возникают спонтанно и, прежде всего, у тех, в чьих жилах течет смешанная кровь, и похоже, что таковая есть и у девушки.

— Да, она частично нимфа, — подтвердил Амхал.

— Я это заметил, но...

Адхара почувствовала, как сердце екнуло у нее в груди.

— Это довольно редкое явление, когда две подобные особенности так естественно присутствуют в одном человеке. И потом, синие волосы были у полуэльфов, которых уже нет на свете.

— Что это значит? — спросила Адхара. Девушка не понимала слов священника, равно как не была уверена в том, что, зная она, кто такие полуэльфы, смогла бы понять то, о чем шла речь.

— Такие своеобразные характеристики иногда встречаются у людей, являющихся объектами магии.

— Что ты имеешь в виду? — насторожился Амхал.

— Как известно, Тиранно проводил эксперименты по созданию человекоподобных созданий, не так ли?

Адхара вопросительно смотрела то на священника, то на Амхала. Кто такой Тиранно?

— Я слышал о нем.

— Он использовал Запретные формулы к их телам, чтобы попытаться создать новые расы. Так появились фаммины. Итак, у некоторых людей могут присутствовать черты, свойственные самым разным расам, — результат того, что по отношению к ним была применена магия. Иногда результаты таких экспериментов были просто чудовищными.

— Я ничего не понимаю, — неожиданно вмешалась Адхара. — Кто такой этот Тиранно? Во мне что-то не так?

Видя растерянный взгляд девушки, священник, казалось, немного смягчился. Он перестал обращаться к Амхалу и посмотрел прямо на нее.

— Такого цвета волосы, глаза... они были у тебя не с рождения. Кто-то наделил тебя ими при помощи магии. Я это сразу заметил. Ты обратила внимание на тот уголек, которым я водил по твоей коже?

Адхара кивнула.

— Это особая форма магического измерения, позволяющая понять, был ли человек и в самом деле подвержен волшебным чарам. А над тобой их проделано немало.

Адхара хранила молчание.

— А кто бы мог это сделать? — едва слышно спросила она спустя некоторое время. Это была единственная здравая мысль, возникшая у нее в голове.

Священник только покачал головой:

— У меня нет ни малейшего представления. Я даже не знаю, о какой магии идет речь. И потом, подвергать людей постоянному воздействию колдовских чар запрещено.

Все трое покинули камеру в полной растерянности. Священнослужитель дал молодым людям по пузырьку с голубоватой жидкостью.

— Это на случай, если вы неожиданно почувствуете себя хуже. Это мягкое средство вылечивает многие инфекции и может вам пригодиться.

Однако Адхара так и не смогла заставить себя подумать о болезни. Обеспокоенность девушки вызывали откровения, услышанные ею в камере.

— Лучше спроси меня о том, что тебе непонятно, — прерывая размышления Адхары, предложил ей Амхал.

— Мне все непонятно, — ответила она печально. — Вернее, с колдовскими чарами все ясно, но как это может помочь мне разобраться, кто же я такая?

Амхал посмотрел на свою спутницу.

— Мне очень жаль, — произнес он наконец. — Я надеялся, что смогу быть тебе более полезным...

Девушка слегка коснулась его руки:

— Ты и так много сделал. Даже слишком.

Адхара печально улыбнулась. И что теперь? А теперь она снова одна. Амхал пойдет своим путем, а она останется ни с чем; есть только имя — прощальный подарок ее спутника, чтобы предстать с ним перед всем миром.

— Послушай, — вдруг обратился к ней Амхал. — Есть еще кое-что, что до сих пор остается нам неизвестно. Вот это. — И он коснулся рукой кинжала, висевшего на поясе у Адхары. — Быть может, в нем заключен какой-нибудь важный знак.

Девушка неуверенно кивнула.

— Это очень странный кинжал особой формы, — рискнул предположить Амхал. — Наверное, он принадлежит какой-нибудь знатной и известной семье... Мой учитель — знаток фамильного оружия. Он — Всадник Дракона.

Оба инстинктивно остановились посреди дороги друг против друга.

— Нам необходимо встретиться с ним, — продолжал Амхал. — Быть может, он сумеет помочь нам понять, кто ты.

Адхара почувствовала, как ее сердце учащенно забилося, но девушка не хотела предаваться обманчивым иллюзиям.

— А где живет твой учитель?

— В Новом Энаваре, следующей остановке на моем пути. Я отправляюсь туда завтра.

Девушка не решилась возразить ему. Она так и не произнесла ни единого вразумительного слова, только стояла, положив руку на кинжал и глядя Амхалу прямо в глаза.

— Мы отправляемся завтра, — поправил себя молодой человек.

Адхаре потребовалось время, чтобы обдумать сказанное и уловить в нем самую суть. Затем она опустила глаза и прошептала:

— Спасибо.

— Тебе вовсе не нужно меня благодарить, — ответил Амхал и снова двинулся в путь. — Однако уже пора ужинать.

Они молча ужинали в трапезной, сидя в стороне от остальных присутствующих. Амхал устался в свою миску. Адхара размышляла над услышанными днем признаниями. В конце концов, у нее в руках было уже кое-что. Как бы то ни было, но некто незаконно навел на нее магические чары. Быть может, поэтому девушка была лишена памяти. Это — первый значимый шаг. Теперь она знала маленький кусочек своего прошлого.

— А кто был этот Тиранно? — неожиданно спросила Адхара, решившись нарушить молчание своего спутника.

Амхал, казалось, вздрогнул от неожиданности.

— Невероятно сильный и ужасный маг. Почти сто лет тому назад он попытался завоевать весь Всплывший Мир. Прибегнув к своей колдовской силе, он сумел создать войско. Помнишь того типа из Салазара, который ухаживал за Джамилой? Так вот это был фаммин. Эти существа были созданы при помощи магии, они оказались прекрасными воинами, лишенными души.

— И я такая же, как эти фаммины?

Амхал усмехнулся:

— Довольно привлекательная версия.

Девушка покраснела:

— Да, но ведь и я тоже оказалась подверженной магическим чарам, не правда ли?

— Так говорит священник.

Адхара проглотила еще немного супа.

— А что стало с Тиранно?

— Он был повержен великой героиней нашего времени, воительницей, единственной женщиной-Всадником Дракона — Ниал.

Это было равносильно удару. Казалось, время остановилось, и комната начала свое стремительное вращение вокруг девушки. Полуэльфийка Ниал. Девушка с синими волосами и лиловыми глазами, маг и воительница, Посвященная. Эта история заполнила собой сознание Адхары, словно воды весеннего паводка, дополняя ее образами, датами и сведениями.

— Астер...

Амхал запнулся от неожиданности.

— Да, Тиранно и есть Астер.

Адхара внезапно снова пришла в себя:

— Как ты сказал?

— Ты произнесла слово «Астер» — настоящее имя Тиранно.

Ложка Адхары застыла в воздухе, и на стол потекла тонкая струйка густого белого супа.

— Я вспоминаю... — произнесла девушка чуть слышно. — Я вспоминаю эту историю... Ниал родилась в Земле Дней, но жила в Салазаре со своим отчимом Ливоном. Она была из рода полуэльфов, уничтоженного Астером, который, в свою очередь, также был полуэльфом... Я это помню!

Адхара с силой сжала руку Амхала, и он посмотрел на нее с улыбкой.

— К тебе возвращается память? — В его взгляде промелькнул луч надежды.

Адхара отпустила руку своего спутника:

— Не знаю, но... я помню эту историю! Поначалу я ее не помнила, а теперь помню!

— Ну, дай бог тебе как следует выспаться, и чтобы это помогло тебе найти недостающие фрагменты, — сказал напоследок Амхал, отодвигая в сторону пустую миску.

Адхара была вне себя от радости. Наконец что-то стало проясняться.

На следующее утро на рассвете молодые люди отправились в путь. Ночь не принесла никаких изменений, тем не менее Адхара пребывала в приподнятом настроении. Она была счастлива оттого, что, будучи долгое время не в состоянии восстановить в памяти хронологию своей жизни, смогла наконец получить пусть и незначительные, но все же факты. Однако при этом девушка успела заметить темные круги под глазами Амхала. У Адхары возникло подозрение, что тот снова изводил себя упражнениями, но предпочла промолчать.

За целый день полета молодые люди почти не разговаривали. Под ними все так же простирались леса, изрезанные сверкающими полосками, и бесконечное водное пространство.

Вечером они приземлились на одной из полян: с одной стороны лежала, свернувшись в клубок, Джамилла, а с другой стороны, разведя костер, сидели ее наездники. На ужин — неизменное вяленое мясо с хлебом и молчание.

Адхара первой нарушила это безмолвие:

— А что это за город, в который мы летим?

— Он называется Новый Энавар. В действительности это довольно древний город с многострадальной судьбой.

Адхара приготовилась слушать. Ей нравилось учиться у Амхала, нравилось смотреть на него и слушать его рассказы.

— В стародавние времена, почти сто пятьдесят лет тому назад, на том месте стоял город Энавар, который позднее был стерт с лица земли Тиранно. Ты это помнишь?

Адхара порылась в своей памяти.

— Кое-что, — ответила девушка.

— Прекрасно. Итак, во времена правления Дохора... ведь я тебе уже говорил про него,

верно?

Адхара кивнула. Сказать по правде, она почти не знала, что это был за человек. В отличие от Астера и Ниал это имя ни о чем ей не говорило.

— Так вот, в то время как Дохор попытался наложить свои лапы на Всплывший Мир, место, где некогда стоял Энавар, продолжало оставаться в запустении. Тогда там были еще целы остатки Цитадели, дворца Тиранно. И задумал Леарко, новый король Земли Солнца, восстановить его. Вот так и возник Новый Энавар. Тебе это говорит о чем-нибудь?

В ответ Адхара покачала головой. Это было всего лишь беспорядочное нагромождение имен, почти ничего для нее не значащих.

— Быть может, когда мы попадем туда, моя память вдруг разом ко мне вернется.

Амхал улегся прямо на траву.

Девушка, все еще продолжая смотреть на своего спутника, спросила:

— Сколько же нам еще осталось лететь?

— Самое большее — дня три.

Тихий стрекот сверчков заполнил собой ночную тьму.

В пути они пробыли еще три дня. Вечером второго дня путешественники решились остановиться на ночлег в одном из селений Земли Воды. Молодые люди так и не смогли открыто признаться друг другу в том, что воспоминание произошедшего с ними на Земле Воды в тот роковой вечер все еще довлело над ними, отчего оба старались держаться подальше от городов и деревень. Адхара иногда, несмотря на заверения посетившего их священника, внимательно обследовала свое тело и украдкой щупала свой лоб в поисках вероятных признаков болезни. Амхал пару раз заставлял ее за этим занятием, но оба так ничего друг другу не сказали. Все это походило на молчаливое соглашение, по которому оба умышленно не вспоминали про то происшествие, стараясь стереть его из своей памяти.

Однако их пребывание в деревне прошло вполне спокойно. Джамилла ждала их в лесу, в то время как молодым людям был оказан гостеприимный прием в одном из постоянных дворов. Только однажды они оказались в затруднительном положении, когда поняли, что в единственной комнате, которую они могли снять, стояла всего одна кровать.

— Я лягу на полу, — предложил тогда Амхал. А Адхара не отважилась признаться ему, что почла бы за счастье спать рядом с ним. Она так и смотрела всю ночь на него, лежавшего на скрипучем полу, целиком закутавшись в свой плащ. Девушка думала о том, с какой радостью она разделила бы с ним узкий матрас, ощущая при этом рядом с собой его дыхание.

Вечером следующего дня молодые люди были уже на Большой Земле.

От встречи с ней у Адхары осталось самое приятное ощущение. Оба путника оказались в цветущем лесу, при этом земля в нем была блеклой и полностью изрезанной необычными темными прожилками. Она коснулась рукой одной из них и увидела, как вся ее ладонь покрылась тонкими переливающимися соломинками черного цвета.

— Черный кристалл — самый прочный материал во всем Всплывшем Мире. Это все, что осталось от Цитадели Тиранно. Похоже, что зло в какой-то мере все еще продолжает жить. — Амхал указал на окружавший их лес. — Всего того, что ты видишь сейчас перед собой, не существовало до прихода к власти короля Леарко. Это место было голым и безлюдным. Именно наш король задумал посадить здесь лес. Но земля оказалась бесплодной. Тогда настал черед магии. Эта проделанная сотнями магов гигантская работа оказалась беспримерной во всей истории Всплывшего Мира. Так и появился на свет этот лес. Сказать по правде, периодически все же приходится прибегать к волшебным чарам: земля все еще бесплодна, и потребуется еще не одно столетие, прежде чем все снова станет таким, как когда-то. Но год от года все меняется к лучшему.

Адхара огляделась по сторонам. Побуждаемая недавними успешными попытками, она попыталась отыскать в своих воспоминаниях мало-мальское упоминание об этом месте. Не найдя ничего, девушка тем не менее не пала духом. Она наслаждалась этой природой,

которая в итоге одерживала верх над злом.

9

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

Воздух был наполнен ароматом ладана. Закручиваясь в неторопливые завитки, он охватывал в свои чувственные объятия колонны и скамьи храма.

Благовоние исходило из кадила Верховной Жрицы, стоявшей напротив статуи и в упор смотревшей в ее глаза.

Статуя представляла собой человека внушительного телосложения с хмурым выражением лица. В одной руке он держал меч, а в другой — молнию. Его лицо выражало сосредоточенную суровость, смягчаемую при этом некоей таинственной мудростью, отчего его черты не казались слишком строгими.

Верховная Жрица передала кадило стоявшей рядом монахине, а затем опустилась на колени. Она закрыла глаза и мысленно повторила те же самые слова, что на протяжении многих лет произносила всякий раз, когда храм наполнялся людьми. И хотя она давно их знала, они не стали для нее чем-то обыденным. Ее вера продолжала жить, оставаясь такой же, как в первый день, а может, даже еще крепче. Все потому, что она прошла испытание болью, закалилась за годы одиночества и окрепла в тяжелых трудах по распространению нового культа.

Она просила сил и терпения, оставаясь при этом не более чем посредником, и, как всегда, ее последние мысли были обращены к отцу.

Где бы я ни была, не покидай меня.

Верховная Жрица с трудом поднялась на ноги. Они уже не были такими крепкими, как когда-то, и с каждым днем вставать ей становилось все труднее. Помощница подошла поближе, но Верховная Жрица решительным жестом остановила ее. Уже вполне твердо стоя на ногах, она обернулась назад и простерла руки к переполненному залу.

— Подходите, пожалуйста, ко мне, как обычно, по одному, ибо все вы будете исцелены.

Толпа в едином порыве двинулась вперед, словно морская волна во время шторма. Верховная Жрица спустилась с алтаря и оказалась в окружении своих приближенных.

— Сегодня был также славный день, — заметила сестра-помощница, помогая Верховной Жрице снимать с себя церемониальное облачение. — Я чувствую веру людей, их участие... Служить в храме — это необычайная честь для меня.

Верховная Жрица горько улыбнулась:

— Очень часто я задумываюсь над тем, что все они приходят ко мне только из-за моего дара целительства. Ведь это что-то вроде вымогательства, подумать только: уверуйте, и я исцелю вас.

— Ваше святейшество! — возмущенно воскликнула монахиня.

Верховная Жрица небрежно махнула рукой:

— Не обращай внимания на мои слова. Иной раз я чувствую себя старой и уставшей; груз увиденного и пережитого приводит меня к слишком большому разочарованию.

Сестра встала напротив нее. Она была молода, может, даже слишком: волосы, собранные в обычный высокий хвост, пухлое лицо девчушки, еще не перешагнувшей порог зрелости. Ее серьезный взгляд любопытно контрастировал с все еще детскими чертами лица.

— До вас этот культ был популярен Гильдией, которая очернила имя Тенаара и использовала его в своих мрачных целях. До вас люди дрожали только от одного упоминания имени нашего бога. А теперь посмотрите: сотни храмов по всему Всплывшему Миру, тысячи верующих — разгорелось пламя новой веры, объединяющей разные народы и расы. И все это — ваша заслуга.

Верховная Жрица улыбнулась. Прекрасно осознавать, что часть пламени, так

вдохновляющего ныне эту девушку, было обязано своим возникновением ее неустанным усилиям по распространению учения катехизиса, а еще, а, собственно, почему бы и нет, благодаря ее знаниям медицины, которые, впрочем, она не рассматривала как свое единственное достоинство. Все братья и сестры Ордена обучались искусству врачевания. Конечно, никто не преуспел в этом деле так, как она, но ведь не в этом дело.

Переодевшись, Верховная Жрица с трудом уселась в кресло.

— Можешь идти, — произнесла она своей помощнице со скуповатой улыбкой на лице. Ей хотелось побыть наедине после этого буйства толпы в храме.

Сестра опустила на колени.

— Всегда в вашем распоряжении, — сказала она, прежде чем удалиться.

Верховная Жрица осталась одна. В храме было очень трудно насладиться одиночеством: то верующие, которых нужно было исцелять, то совершение культовых обрядов, то обучение братьев и сестер, а потом еще и административное управление Братством. В действительности ей оставалось не так уж и много времени на себя и на свои размышления.

Она посмотрела в большое зеркало, прислоненное к одной из стен. Без церемониального облачения она снова становилась тем, кем была изначально: Теаной, девушкой, верившей в презираемого всеми бога. С тех пор прошло слишком много времени, и каждый прожитый год оставлял на ее теле свой след. И хотя локоны ее волос все так же блестели, теперь они были не белокурыми, а седыми. А ее девичье лицо уступило место сухому, изрезанному морщинами суровому лицу старой женщины. Ее тело отяжелело, его проступавшие в складках черной туники формы потеряли былую привлекательность: бедра стали слишком широкими, плечи костлявыми, а грудь обвисшей.

Это не столь важно, ведь теперь уже нет никого, кто бы мог возжелать это тело.

Теана провела рукой по своему темному одеянию. Она не снимала траура с того самого дня, как пятнадцать лет тому назад умер ее муж. Медленная и неумолимая болезнь постепенно лишала подвижности его суставы до тех пор, пока окончательно не перехватила дыхание в его груди. Теана не позволяла себе ни единой передышки в стороне от невыносимых страданий мужа и была с ним рядом до самого конца. А потом — пустота. Она умерла вместе с Лонерином, осталась только Верховная Жрица: ее вера была отныне ее единственной опорой, а Братство — единственным прибежищем.

Опершись локтями о стол, она принялась изучать документы. То были депеши, дарственные и сложные бюрократические акты, регулировавшие жизнь в этих местах. Теана вспомнила простую прямолинейность ее культа, его незапятнанность в то время, когда она была еще совсем одна и не существовало Ордена Братства Молнии. Тогда имя Тенаара вызывало ненависть, но ее вера была истинной. Но разве властная структура, в которую неизбежно превращалось Братство, не рисковала затмить собой такое простое и искреннее чувство?

То были бесполезные мысли, которые время от времени позволяла себе Верховная Жрица. А может быть, это всего лишь старость.

Теана просмотрела документы, некоторые из них подписала, а затем, когда стало смеркаться, зажгла свечу. И тут ее руки легли на куций кусок пергамента. На вид всего лишь разъединенный обрывок бумаги, и не более того. Ей были очень знакомы подобные обрывки. В них — послания, которые монахи из отдаленных храмов ежедневно отправляли к ним с помощью магии. Лишь немногие попадали Теане прямо в руки. Большая их часть прочитывалась братьями, ответственными за организацию и распространение культа в других землях с тем, чтобы потом, как это бывало в большинстве случаев, осесть в позабытых всеми папках на пыльных полках шкафов. Но это донесение попало прямо к ней.

Сверху надпись — «Верховной Жрице».

Теана покрутила его в руках. Оно было кратким. Но почему тогда адресовано лично ей?

Верховная Жрица прочла послание, наспех написанное дрожащей рукой. Теане

понадобилось прочесть его еще пару раз.

Но тут открылась дверь, и в комнату вошла та самая девушка, что прежде прислуживала ей. Теана вздрогнула.

— Моя госпожа, мне не хотелось вас беспокоить, — опустив голову, обратилась к Верховной Жрице сестра.

— Далия, не надо оправдываться... Я просто задумалась. Говори же.

— Госпожа, одна дама желает поговорить с вами.

Теана потеряла переносицу.

— Не сейчас. Я устала и...

— Моя госпожа, это — королева, — кланяясь, пояснила девушка.

Тень изумления пробежала по лицу Верховной Жрицы. Дубэ не любила приходить в храм. Причиной тому, возможно, было мрачное воспоминание о временах существования Гильдии, когда Тенаар был не чем иным, как ужасным божеством, питавшимся человеческой кровью, либо сам факт того, что она не хотела верить в какого бы то ни было бога, вынуждал ее держаться на расстоянии от подобных мест.

Все их свидания проходили вне этих стен, как правило во дворце, и основным поводом к ним служили, пожалуй, какие-нибудь значимые церемонии. Они продолжали встречаться, памятуя особые отношения, возникшие между ними двоими во времена борьбы с Дохором. Но с годами их встречи случались все реже. К тому же Теана большую часть своей жизни проводила в храме. При этом ни уважение, ни дружба, ни искренняя привязанность обеих по отношению друг к другу не ослабевали.

— Тогда пусть она войдет! — поспешила ответить Теана.

Далия едва заметно кивнула и удалилась.

Теана сунула записку под стопку лежавших на столе бумаг. Она задумалась, а стоило ли ей рассказывать об этом Дубэ.

Сначала выслушаю то, с чем она ко мне пришла. Верховная Жрица попыталась восстановить в памяти дату их последней встречи. Но ей так и не удалось отчетливо вспомнить ее. Наверное, это событие имело место около года тому назад, когда королева вызвала ее по причине внезапного ухудшения состояния здоровья принца Неора. Поразмыслив, она решила, что подавляющее большинство их встреч, после смерти Лонерина, были предписаны придворным этикетом либо продиктованы необходимостью. Как знать, по какой такой причине Дубэ постучала в ее дверь теперь.

Королева была в своей старой одежде воровки; она всегда комфортно чувствовала себя в брюках и рубашке. И когда ей нужно было отправиться по делам Всплывшего Мира — а такое случалось довольно часто, — она с удовольствием закутывалась в свой старый плащ, тот самый, что когда-то давным-давно подарил ей Учитель.

Теана сразу поняла, что, как она и подозревала, в данном случае речь шла не о визите вежливости. Она была крайне изумлена тем, как молодо выглядела ее подруга. Да, седые теперь уже волосы Дубэ были завязаны в хвост, точно так же, как и в юности, а руки и шея сплошь покрыты мелкой сеточкой морщин. Однако благодаря ежедневным тренировкам ее тело было все еще полно сил. Кожа Дубэ выглядела еще довольно свежо, ее манера двигаться продолжала оставаться стремительной и элегантной, а ее ноги были такими, как и прежде, точеными и мускулистыми. Живые и беспокойные глаза королевы, как всегда, были похожи на два темных колодца. Они обе были почти ровесницами, но по сравнению с Дубэ Теана казалась дряхлой старухой.

Верховная Жрица встретила свою подругу улыбкой:

— Извини, что не приветствую тебя на коленях. Мои суставы не такие тренированные, как твои, и доставляют мне немало хлопот.

Дубэ небрежно махнула рукой и села.

— Ты же знаешь, что я никогда не придерживалась этикета.

На мгновение воцарилась тишина, но затем королева задала несколько традиционных вопросов. Она поинтересовалась, как идут дела у Теаны, не устала ли она, все ли в порядке с

культом. Словом, те самые приличествующие встрече разговоры, которые только оттягивают момент, когда нужно бы перейти к делу.

— Скажи мне, почему ты здесь? — спросила наконец Верховная Жрица.

Дубэ лукаво улыбнулась:

— Разве я не могу просто захотеть навестить свою старую подругу?

Теана многозначительно на нее посмотрела:

— Здесь? В том самом месте, от которого ты бежишь как от чумы?

— Ты же знаешь, что небо для меня всегда было пусто. — Дубэ улыбнулась одной из своих искренних и открытых улыбок, которые она позволяла себе только в присутствии тех, кого действительно очень любила. — И потом, определенные скверные воспоминания никак не хотят покидать меня. Это место для меня навсегда осталось пропитанным духом Гильдии. — Затем королева осознала смысл сказанного и попыталась поправить себя: — Я отнюдь не намекаю на то, что настоящий культ Тенаара может иметь нечто общее с теми безумцами, но после всего, что Гильдия со мной сделала, считаю вполне естественным то, что я так и не смогла в него поверить.

Теана с трудом выпрямилась:

— Тебе не нужно ничего объяснять. Я тебя знаю и понимаю. Это — самое страшное наследие, которое Гильдия оставила после себя: несмотря на мои многолетние усилия, для многих имя Тенаара продолжает оставаться все еще чем-то очень мрачным. Многих из нас эта секта лишила веры.

Какое-то время она растерянно смотрела в пустоту впереди себя.

Слова Дубэ вернули ее в реальный мир:

— Как бы то ни было, ты права. Я здесь по вполне конкретному поводу.

Теана обратилась в слух.

Королева кратко рассказала ей об известиях, полученных ею от агентов, равно как и о беседе со своим сыном.

Теана выглядела очень озабоченной, ее сковал страх. Верховная Жрица пробежала по лежащим на столе папкам с бумагами и, выхватив краткую записку, протянула ее Дубэ.

— Она попала ко мне только что. Я читала ее в тот самый момент, когда доложили о твоём приходе.

Дубэ пробежала сообщение глазами, отчего морщины на ее лбу стали еще глубже. История, о которой говорилось в записке, была ужасно похожа на ту, о которой она только что поведала Теане.

«Брат Молнии Дамир. Земля Воды.

Двадцать пятый день первого месяца лета.

Я обследовал двух подозрительных молодых людей, рассказавших о неизвестной болезни. Они говорят, что в одном из селений этой земли, Чирсио, все жители оказались мертвы по причине неясной болезни, вызывавшей сначала лихорадку и бред, а затем продолжительное кровотечение и появление на теле черных пятен. Обоих я нашел совершенно здоровыми. Прошу провести дополнительное расследование.

Да восславится имя Тенаара».

— Ты слышала об этом? — спросила Теана.

Дубэ помешкала с ответом.

— Нет, по крайней мере, об этом конкретном случае нет...

— Думаешь, речь идет об обострении конфликта между нимфами и людьми?

— У меня нет достаточных оснований, чтобы делать подобные выводы. Но, как бы то ни было, это — одно из предположений. В любом случае я согласна с тем, что ситуация требует изучения. Происходит что-то тревожное и вызывающее наше беспокойство.

В комнате вновь воцарилась мертвая тишина.

— Мне нужно взглянуть на тела, — произнесла Теана.

Дубэ улыбнулась:

— Собственно, за этим я и пришла. Но совсем нет необходимости тебе самой отправляться в путь. Ты можешь послать кого-нибудь из своих людей. Более того, я решительно советую тебе это сделать.

Теана едва кивнула. Она выглядела изможденной, ее пальцы нервно барабанили по столу.

— Ты чем-то встревожена? — спросила ее Дубэ.

Теана, не зная, что сказать в ответ, просто посмотрела на нее. Ей показалось, что такое уже случалось с ней; она вспомнила о своем выборе, сделанном много лет тому назад. Верховная Жрица покачала головой:

— Немного. Но в любом случае ты увидишь, что ничего страшного не случится.

— Надеюсь. И все же мне очень интересно, в чем же дело. Я уже поручила моим людям попытаться определить вероятные причины возникновения этой болезни и надеюсь, что в скором времени смогу сказать тебе что-либо конкретное по этому поводу. И конечно, предупреди своих о том, чтобы они предприняли кое-какие меры безопасности.

Теана согласно кивнула. На самом деле ее обеспокоенность была намного больше, чем она в этом признавалась даже самой себе.

Дубэ встала.

— Я всегда рада встречам с тобой, — сказала королева.

Теана улыбнулась воинственным и поспешным жестам своей подруги. Годы безмятежной жизни не смогли изменить ее, и она всякий раз приходила в сильное замешательство оттого, что была вынуждена показывать свои чувства к кому-либо.

— Приходи ко мне во дворец. Пребывание в этих стенах, посреди ладана и больных, не идет тебе на пользу.

Теана небрежно махнула рукой:

— Это — моя жизнь. Если только иногда... почему бы и нет.

Еле заметно кивнув, Дубэ направилась к двери.

Оставшись одна, Теана попыталась убедить себя в том, что нет никакой опасности и что агенты доложат королеве, что те люди умерли от обычной красной лихорадки. Но что-то напоминало ей о ее давнишнем споре, имевшем место много лет тому назад, в самое смутное в истории Братства время.

«Мы ведь говорим о конце времен. О вечном круговороте, что правит Всплывшим Миром. Мы говорим о всеобщей и окончательной войне! Как во времена Астера!»

Эти слова принадлежали одному молодому члену Братства. Он, потрясенный своим открытием, просто обезумел: перед ним находился эльфийский текст, способный перевернуть их способ трактовки Всплывшего Мира, книга великая и ужасная.

В комнате были только Теана и молодой человек по имени Дакара.

— Попытайся взять себя в руки.

— Вы ничего не понимаете! И все же мы все узнаем, что случится, когда последний Разрушитель появится во Всплывшем Мире. Этот момент уже близок, и на сей раз мы должны быть к нему готовы.

— То, что ты предлагаешь, означает разрушение законов природы, ускоренное движение естественного круговорота, которым, однако, мы не в силах управлять. Ты же сам говорил о том, что Всплывший Мир так жил всегда. Разрушители сменяли Посвященных, в вечном круговороте времени всегда выживали расы, вне зависимости от того, кто вышел победителем в схватке. В этом — суть существования мироздания, и это общепринято. Нет ничего вечного.

— Следовательно, вы утверждаете, что мы должны сидеть сложа руки, следить за этим разрушением?

— Я говорю, что нам нужно сражаться, и, когда наступит такой момент, мы, как всегда, так и сделаем. В этом заключается наша роль.

— Вы полагаете, что мы всего лишь марионетки в руках богов? Вы считаете, что Тенаар именно для этого нас создал, чтобы мы, как куклы, играли в спектакле, написанном для нас?

Теана покачала головой:

— В мире есть вещи, которые нельзя изменить, они незыблемы. И чередование, которое ты обнаружил, — часть этого порядка вещей. Мы не можем и не должны изменять круговорот. Но это вовсе не означает, что мы не хозяева своей судьбы; это значит уметь верно реагировать на то, что неизбежно.

Но Дакару эти доводы не убедили, и, продолжая настаивать на своем, он описал будущий сценарий возвращения Разрушителя.

— Эльфийские тексты говорят нам, что он вернется! Будет война, смерть, разрушения. И болезнь.

Болезнь.

Ты бредишь. Насколько тебе известно, речь, должно быть, идет об обычной красной лихорадке.

Но с тех пор, как Дакара покинул Братство Молнии, Теану преследовала мысль о том, что она ошиблась. Быть может, он был прав, и в действительности следовало бы попытаться предвосхитить приход Разрушителя. Она долго твердила сама себе, что рассуждения молодого человека привели его к безумству и что он совершал ошибки, оправдывая себя желанием спасти Всплывший Мир от неотвратимого. Но она не могла запретить ему сомневаться. Это был его способ веры.

А если и в самом деле смерть тех людей из Земли Воды была знаком прихода конца времен?

10

ПРИЗНАНИЕ

Новый Энавар предстал перед ними в виде цветного пятна на фоне окружавшей его зелени лесов. Город возник вместе с разнообразной мешаниной цветов отполированного закатом неба. С высоты одни его участки казались бурными, другие — ослепительно-белыми. Некоторые из них выглядели довольно грубо, другие, наоборот, необыкновенно изысканно. В самом центре города возвышалось непропорционально высокое здание из стекла, сплошь утыканное шпильми и заостренными гребнями крыш, отбрасывавшее в глаза путешественникам огненные блики. То тут, то там, как грибы на усыпанном пестрой листвой ковре, устремлялись ввысь просторные, внушительного вида дворцы. Амхал указал на них Амхаре:

— Здесь находится Совет Всплывшего Мира, в котором заседают короли из разных земель и избранные народом маги. Вот это — Дворец Объединенных войск, а там — Общий трибунал.

Адхара переводила взгляд с одного здания на другое, наталкиваясь на их помпезные очертания, сверкавшие золотом крыши, искусно выполненные своды.

— А почему все они так не похожи друг на друга? — спросила ошарашенная зрелищем девушка.

— Потому что для их возведения были приглашены архитекторы со всего Всплывшего Мира, и при строительстве каждый привнес в тот или иной участок города элементы, напоминающие им земли, откуда они сами родом. Да, действительно, ты права, получилась настоящая мешанина, — с улыбкой добавил Амхал.

Адхара не знала, что и сказать. По сравнению с элегантной Лаодамеей Новый Энавар производил довольно жалкое впечатление, уступая при этом массивной и аскетичной мощи Салазара. И тем не менее то была столица Всплывшего Мира, где находились самые значимые органы управления.

— Этот город совсем новый и не имеет своей истории, — заметил Амхал, словно предчувствуя мысли своей спутницы. — Он возник в короткие сроки, и в основе его возведения лежало желание создать сообщество людей иного типа. Так постепенно город стал заселяться жителями. Он был построен для того, чтобы перечеркнуть прошлое, поэтому, быть может, он и стал флагом нового миропорядка. Людей всячески поощряли селиться здесь. Это — искусственно созданное поселение, место без прошлого.

Амхал вдруг резко умолк. Он понял смысл сказанных им слов, но было уже поздно что-либо исправить.

Этот город такой же, как и я. Это — мой город, с тоской подумала про себя Адхара.

Джамила задрала кверху голову, а в это время под ее широко расправленными крыльями стремительно проносились многочисленные дворцы. Путники приземлились на утоптанную площадку перед одним из таких сооружений. Вверх поднялась туча пыли, и Адхара разглядела в ней мельчайшие черные соломинки.

Возможно, этот город вовсе и не лишен прошлого, а просто он не в состоянии забыть собственные руины.

Очередной ординарец принял под свою опеку дракона, и Амхал спрыгнул на землю с крупа нетерпеливого животного. Адхара видела, как ее спутник взволнованно оглядывался по сторонам, пытаясь отыскать глазами кого-нибудь рядом с собой или под видневшимися вдалеке арками.

Это был Дворец Объединенных войск, сооружение довольно массивное, не высокое, но длинное, которое позднее было утяжелено целой серией украшавших его шпилей, начиная от меандра под укатанными крышами до изваяний под портиком. Адхара, растерянно следуя за Амхалом, двигавшимся более чем стремительно, заметила, что вокруг дворца были еще и другие драконы. Зеленые, красные, среди которых попадались и совсем маленькие, с прозрачными крыльями и очень вытянутыми телами, но ни у кого при этом не было таких черных крыльев, как у Джамилы.

— Все еще ищешь материнскую юбку? Ты должен был научиться справляться самостоятельно. Вот поэтому я и отправил тебя в дорогу, — послышался хриплый, грубый голос.

Амхал вздрогнул, обернувшись в том направлении, откуда он доносился.

— Учитель! — воскликнул молодой человек и помчался к нему навстречу.

В тени навесов стояла мерцающая смутными бликами фигура, облаченная в то, что, должно быть, звалось доспехами.

Тень поглотила Амхала. Адхара с трудом догадалась, что ее спутник обнимал кого-то, и этот кто-то энергично бил рукой по его плечу.

Девушка медленно подошла к ним, нервно теребя пальцами прядь своих волос. Впервые между нею и Амхалом возник некто третий, и это обстоятельство производило на нее странное впечатление. Девушка чувствовала смутное раздражение.

Постепенно ее глаза привыкли к темноте, и она смогла наконец различить фигуру смотревшего на нее человека, имевшего к тому же весьма внушительный вид. По мере приближения отчетливее становились и другие детали: на мужчине были начищенные до блеска и сидевшие как влитые доспехи. На груди — выгравированный в виде круга символ с вписанными в него кругами меньшего диаметра, в каждом из которых, в свою очередь, были заключены разноцветные камни. Над латами возвышалась огромная лысая голова на бычьей шее. Это был громадного роста человек, обладавший, должно быть, недюжинной силой. Несмотря на гладко выбритый затылок, его лицо окружала окладистая борода и белесые усы. Небесного цвета глаза едва видны были из-под густых и суровых бровей.

Амхал всегда казался Адхаре худощавым, но в целом высоким и хорошо сложенным молодым человеком. Но рядом с этим великаном он казался мелким и хрупким. Глаза мужчины неистово сверкали.

— Это — Адхара, — произнес Амхал, указывая на девушку.

Адхара остановилась и скрестила руки за спиной: она вдруг с ужасом ощутила, что не

знает, что делать с собственным телом.

Мужчина посмотрел на нее проницательным, изучающим взглядом.

— Я посылал тебя в дорогу не для того, чтобы покупать себе красивых девиц, — заметил он.

Амхал рассмеялся:

— Учитель, это длинная история...

— Ты расскажешь ее во время обеда, — парировал мужчина, а затем обратился к девушке: — Меня зовут Мира, было приятно с тобой познакомиться, Адхара.

Ошарашенная девушка не сводила с него глаз.

— Что, немного струсил? — спросил Мира, слегка улыбнувшись.

— Я же уже сказал вам, что это длинная история, — повторил Амхал.

Дворец Объединенных войск изнутри выглядел довольно сурово. Строгие с виду бочкообразные кирпичные своды, просторные залы, лишенные какого-либо убранства, за исключением целой серии внушительных статуй, стоявших по одной в каждой комнате. В большинстве своем то были изваяния воителей в иератических позах с поднятыми к небу мечами, а некоторые даже с коронами на голове.

— Короли получились особенно симпатичными, — шепнул Амхал на ухо Адхаре, заметив ее смущение.

Невероятная по своим размерам трапезная кишела людьми. Повсюду доспехи, звон мечей и ложек, погружаемых в глиняные тарелки. И шумная болтовня, смех и звон чокающихся бокалов. Почти все присутствующие были в полном боевом снаряжении.

Адхара еще никогда не была среди такого количества людей и в местах, подобных этому. О сутолоке, царившей на улицах Салазара, по сравнению с этим столпотворением, просто не стоило и вспоминать.

Все трое: Адхара, Амхал и Мира — уселись в углу. Вокруг них хлопотал молодой человек в холщовой рубашке. Его глаза прямо-таки искрились, когда он обслуживал Миру. Парень смотрел на него с восхищением и почтительно обращался к нему «мой господин».

— Еще супа, мой господин? Еще хлеба, мой господин?

Мира вежливо отказывался. Затем он, придвинувшись поближе к Амхалу, склонился над столом и шепнул:

— Я так тебе скажу: иногда такая учтивость доставляет неудобства. — Мира разразился хохотом, и Амхал, счастливый, как ребенок, засмеялся вместе с ним.

Очень часто Адхара задавалась вопросом: а бывали ли вообще моменты, когда печаль покидала Амхала и он, безо всякой иной мысли, мог бы чему-то искренне радоваться? Так вот, это был один из таких моментов. Он смотрел на своего наставника с восхищением, быть может не таким откровенным, как у молодого слуги, но гораздо более глубоким; казалось, что он вернулся наконец домой. Адхара кусала губы. Это выглядело глупо, но она сожалела о том, что с ней Амхал никогда не был таким простодушным и жизнерадостным.

Ты не можешь соперничать с ним, он же его учитель, и они оба с давних пор знают друг друга.

А между тем Амхал вводил Миру в курс дел относительно своей миссии. Он рассказал о своей поездке в Салазар, во время которой он, похоже, сопровождал одного преступника, а затем поведал о документах, которые получил в Лаодамее.

— А что насчет присутствующей здесь девицы? — спросил Мира.

Амхал в общих чертах поведал о случившемся, опустив наиболее щекотливые подробности истории спасения Адхары. Однако почти сразу разговор коснулся и болезни. Мира, не отрывая глаз, смотрел на Амхала.

— Так, значит, на тебя напали те типы? — спросил он девушку, когда речь зашла о том, каким образом молодые люди познакомились друг с другом.

В ответ Адхара смогла только кивнуть, и именно Амхал вместо девушки объяснил странности в поведении обоих нападавших.

Мира тем временем с задумчивым видом поглаживал бороду.

— А как по-вашему, кто это мог быть? — спросил его Амхал.

Мира какое-то время хранил молчание.

— Понятия не имею, — ответил он наконец, — но это все мне не нравится. Здесь есть очевидная связь с зараженной деревней.

— Да, но болезнь, похоже, свирепствует только там и с виду напоминает красную лихорадку... ну, то есть уже известную болезнь... как я полагаю.

Мира продолжал поглаживать бороду.

— Не знаю... Но я отправлю рапорт о необходимости обследования трупов и поговорю об этом с Феа. Однако нам следует держать ситуацию под контролем.

Амхал кивнул. Молодой человек, по-видимому, очень гордился собой, оттого что он принес своему учителю интересную весть.

— Как бы то ни было, — вновь отозвался Мира, — теперь мне очень не терпится узнать как можно больше об этой прелестной девушке.

Адхара вспыхнула — этот человек приводил ее в смущение. Амхал начал свое повествование с самого начала.

Но девушка ограничилась только тем, что принялась стремительно доедать свой суп. Ей непривычно было слушать рассказ о себе в присутствии чужака. Ее левая рука непроизвольно затеребила рукоять кинжала.

Мира внимательно слушал, время от времени бросая на Адхару пронизательный взгляд. Девушка продолжала сидеть, не поднимая глаз.

— Я подумал, что она, вероятно, родом из этих мест. Я пятнадцать дней добирался отсюда до Салазара и могу сказать, что на юге лесов больше, — заключил Амхал.

Мира снова принялся теревить бороду. Он делал это всегда, когда над чем-нибудь размышлял.

— Все может быть, но даже если ты и узнаешь, откуда она, не знаю, право... что тогда ты станешь делать? Ведь луг она помнит лучше, не так ли?

Адхара согласно кивнула.

— Но если мое предположение верно, то получается, что она жила где-то в этих краях, — настаивал молодой человек.

— Это еще неизвестно, — заметил его учитель. — Ты сказал мне, что на ней была белая рубашка, и потом я заметил на ее запястьях отметины, словно она долгое время носила кандалы.

Адхара инстинктивно посмотрела на свои руки. Красные полосы становились слабее и постепенно превращались в едва заметные белесые круги.

— А это наталкивает нас на мысль о том, что она была в заключении.

Амхал от неожиданности привстал, а у Адхары замерло сердце в груди.

Преступница? Неужели нужно было пройти через все лишения этого пути, чтобы узнать, что она преступница?

Мира поднял руку:

— Но это объясняет также и происхождение ее навыков: к примеру, ее умение драться или ловко вскрывать замки.

Мужчина двусмысленно посмотрел на девушку, отчего та почувствовала себя уязвленной.

— Учитель, откровенно говоря...

— Ни в одной из тюрем Всплывшего Мира не носят робу в виде белой рубашки. В Земле Солнца предпочитают тунику из грубой холщовой ткани, в Земле Ветра — робу красного цвета. Здесь, на Большой Земле, носят в большинстве своем штаны и рубашки из зеленой материи. И потом, кандалы на руках и ногах отменены Советом лет десять тому назад, а что-то мне подсказывает, что у твоей подружки есть отметины и на лодыжках.

— Это так... — восхищенно прошептала девушка.

Амхал бросил на Миру взгляд, полный изумления.

— Не смотри так на меня! Она же почесывает ногу кончиком кинжала, и не говори, что ты этого не заметил.

Амхал отвел взгляд, и Мира позволил себе едва заметную улыбку.

— Нет, я думаю, что она была похищена. И это объясняет ее потерю памяти. Страх, ужасные воспоминания... Быть может, кто-то ее освободил, но тогда он забрал бы ее с собой. Более вероятно то, что она освободилась сама и, спасаясь бегством, несколько лиг была вынуждена ползти, затем на лугу она полностью обессилела и там же уснула. А наутро — паф! — все воспоминания улетучились.

Молодые люди смотрели на Миру с открытым ртом.

— Но, учитель, тогда получается, что прав именно я, ведь она не убежала слишком далеко, значит, она родом из Нового Энавара.

Мира поднял вверх палец:

— Дай мне закончить. Быть может, ее держали здесь, в Новом Энаваре, а откуда она родом, сказать невозможно. Пожалуй, что издалека. Рабство было отменено под давлением его величества Леарко. Но спешу тебе напомнить, что нелегальная торговля рабами все еще довольно оживленная. Нередки случаи, когда молодых девушек забирают из родительского дома и продают богатым господам, которые пользуются ими по своему усмотрению. Возможно, что она одна из них.

Амхал откинулся на спинку стула:

— Следовательно, Адхара может быть откуда угодно.

Мира пожал плечами:

— Однако здесь есть еще кое-что интересное. — Он пальцем указал на глаза девушки. — Такие глаза встречаются не так часто. А подобные волосы и того реже.

Амхал ударил себя кулаком по лбу:

— Учитель, я забыл одну очень важную деталь! — И он рассказал обо всем, что стало им известно во время встречи со священником.

— Это только подтверждает мою теорию похищения, — возразил Мира, не прекращая поглаживать бороду. — Но по некоторым причинам это еще хуже, чем рабство.

Адхара почувствовала, как дрожь пробежала по ее телу.

— Покажи ему свой кинжал, — попросил он девушку.

Ошеломленная Адхара повернулась к Амхалу.

— Ах да, — сказала она, опомнившись, и, вынув из-за пояса свое оружие, положила его на стол.

— Когда мы впервые встретились, кинжал уже был при ней. Она говорит, что он был с ней с момента ее пробуждения.

Мира взял его в руки. Впервые Адхара внимательно рассмотрела свое оружие. До этого момента она считала его просто частью собственного тела и настолько привыкла к нему, что даже ни разу не удосужилась рассмотреть его как следует.

А между тем это было особенное оружие. Его рукоять имела форму двуглавой змеи, извивавшейся вокруг собственного тела. Одна из голов была белой, а другая черной. Рукоять без особых изысков — обычный прямой металлический прут, чуть изогнутый к нижнему краю, лезвие — заостренное, рифленое и необычайно острое. В верхней его части имелась гравировка, и Мира пригляделся к ней повнимательнее.

— Вы знаете кого-нибудь, кто бы умел обращаться с подобным оружием? — Амхал сгорал от нетерпения.

— Оно эльфийского происхождения, — прошептал его учитель, прищурив глаза. — Какая жалость, что я не могу его прочесть, — добавил он затем, положив кинжал на стол. — Мне никогда еще не доводилось видеть оружие подобного рода.

Адхара внимательно посмотрела на гравировку. А потом, прищурившись, прочла по слогам:

— Тенаар... там написано «Тенаар».

И Мира и Амхал были крайне изумлены.

— Ты знаешь эльфийский язык?

Адхара растерянно посмотрела на обоих:

— Нет... я его не знаю. Эта надпись гласит «Тенаар». А это так важно?

Мира ответил не сразу.

— Не настолько. Гравировки с именем Тенаара теперь не редкость.

Адхара медленно приходила в себя. Амхал был явно разочарован.

— И не нужно так на меня смотреть. Я же не могу знать все оружие мира. Порывшись часок-другой в библиотеке, мы наверняка найдем ответы на все вопросы. — Мира обратился к Адхаре: — А ты умеешь читать?

— Да.

— Хорошо. Мне кажется, что лучше всего начать поиски с библиотеки. Кинжал — это все, что у тебя есть, следовательно, сосредоточь поиск именно на нем.

Девушка согласно кивнула.

— Завтра у меня не очень много дел, и я смогу тебя туда отвести.

Адхара снова вспыхнула.

— Учитель, я ведь...

— А ты пойдешь туда, куда я скажу. У меня есть несколько знакомых информаторов, которые смогут дать тебе сведения относительно незаконной торговли рабами в этих местах. Будешь искать в том направлении. Я не возлагаю на это больших надежд, но потолкаться немного среди этой братии будет нелишним. Ты отлично справился с той миссией, которую я поручил тебе, но теперь пришла пора начинать действовать самостоятельно, без моей постоянной опеки.

— Да, учитель, — ответил Амхал.

Адхара старалась смириться с мыслью, что ей целое утро придется провести с незнакомым человеком, внушавшим ей страх и подсознательную антипатию. Но тем не менее она вынуждена была признать, что впервые с момента ее пробуждения на лугу прозвучали вполне определенные предположения относительно ее происхождения.

— Но должен предупредить тебя, что вся надежда только на то, что память снова вернется к тебе, — глядя прямо в глаза девушке, добавил мужчина. — Ты можешь быть родом откуда угодно, поскольку это всего лишь мои предположения и наверняка есть иное объяснение следам на твоих руках. И все эти поиски могут оказаться тщетными.

— До этого времени я только и делала, что путешествовала по незнакомому мне миру, целиком полагаясь на Амхала. Лучше искать и ничего не находить, чем продолжать бесцельно блуждать вслепую.

Мира улыбнулся:

— Ты мне нравишься. Мы что-нибудь отыщем, вот увидишь, — добавил он с почти отеческой теплотой в голосе.

И на мгновение Адхаре показалось, что она поняла, что Амхал находил в этом человеке.

Вечером они нашли для Адхары комнату в одной из гостиниц. Мира и Амхал жили в казармах Дворца Объединенных войск. Длительное пребывание посторонних в нем было запрещено. Но молодой человек решил снять в гостинице комнату и для себя.

— Мне не следует оставлять ее одну, — сказал он своему наставнику.

Мира улыбнулся:

— Эй, да ты настоящий рыцарь.

Амхар покраснел до самых корней волос.

Все трое направились в гостиницу, блуждая по пустынным улочкам ночного города. Они поговорили о том о сем, но, когда пришла пора расстаться, Мира неожиданно произнес:

— Ты можешь подниматься к себе. — Его слова были обращены к Адхаре. — А мы тут поговорим еще немного о деле.

Девушка посмотрела на обоих в недоумении. Но ей очень хотелось спать, поэтому она

без возражений направилась в свою комнату.

— Я догоню тебя, — успокоил Амхал девушку и посмотрел вслед поднимающейся по ступенькам Адхаре, такой изящной и беззащитной.

— Выйдем-ка на улицу, — бросил ему Мира.

Амхал не имел ни малейшего представления о предстоящем разговоре, но он был очень рад тому, что смог побыть еще несколько мигнут с учителем. Ему очень нравилось обсуждать с Мирой миссии, в которых они оба принимали участие, и выхватывать в его взгляде лучик одобрения.

— Она тебе нравится? — напрямую спросил его учитель, едва они вышли за порог гостиницы и уселись на краю маленького фонтана.

— Учитель! — вскочил Амхал.

Мира рассмеялся от души:

— Ты еще молод, Амхал, и в твоей жизни должны быть девушки! Ты слишком серьезен, а тебе как раз нужна симпатичная и милая подружка.

Амхал устался на носки своих сапог. Он считал, что женщины не для него. Его жизнь слишком запутанна, в ней столько глубоких и болезненных дилемм, стоит ли осложнять ее еще и сердечными проблемами.

— Она нуждалась в моей помощи, и я помог ей. Так поступают истинные рыцари.

Мира смотрел на него с отеческой улыбкой.

— Жизнь нужно воспринимать чуточку проще, Амхал, а иначе для чего жить. Так тебе она нравится или нет?

В одно мгновение Амхал вновь вспомнил стоявшую у прилавка Адхару, когда они покупали ей новую одежду. Он вспомнил ее маленькую упругую грудь, сдавленную узким корсетом, ее ягодицы в обтягивающих замшевых штанах.

— Быть может... но ведь не в этом дело!

Мира снова рассмеялся, и этот смех учителя воспринимался юношей как живительный бальзам на его сердце. Амхалу так не доставало этого смеха в дни его одиночных скитаний.

— Прекрасно, положим, что не в этом дело... А в чем же тогда, Амхал?

Мира в одно мгновение снова стал серьезным. От его бывлой безмятежности не осталось и следа.

— Да в том, что во время твоего путешествия случилось нечто такое, о чем ты не хочешь мне рассказывать, ведь так?

Амхал не смог выдержать взгляд своего наставника. Он почувствовал, как признание застряло в его горле, словно горькая пилюля.

— Твои руки все в мозолях, да еще и этот порез на руке...

— Я убил трех человек! — Амхал выкрикнул эти слова прямо в лицо учителю, словно его рот был более не в силах сдерживать эту ужасную правду.

Потом стало легче. Молодой человек рассказал о том, что случилось, о своем нежелании сдержать свое неистовство и о получаемом им удовольствии от убийства. Амхал, как всегда, почувствовал себя раздавленным и уничтоженным. Но при этом он испытывал и смутное облегчение: это было сродни освобождению от собственных грехов и поиску несуществующего прощения.

Мира позволил молодому человеку излить душу, а затем положил ему на плечо руку:

— Борьба, Амхал, это суть выпавшей нам на долю жизни. И ты должен говорить себе, когда тебе очень плохо, что ты борешься. Поражение тоже часть сражения, и ты должен уметь прощать себя.

— Не знаю, учитель, это словно... словно во мне что-то не так, словно... — Он не смог закончить свою мысль.

Мира крепко прижал к себе молодого человека, и щека Амхала оказалась на его кожаном жилете, под которым все это время билось сильное, энергичное сердце.

Юноша закрыл глаза и подумал про своего отца. Где он теперь? Не он ли посеял насилие в его сердце? Амхалу ужасно хотелось найти этого презренного человека,

бросившего его мать и не пожелавшего ничего знать о собственном сыне, оставившего его, Амхала, один на один со своей участью, отверженного. И когда Мира, не говоря ни слова, так крепко прижимал его к себе, Амхалу очень хотелось, чтобы учитель был его отцом и заполнил собой ту черную дыру, что поглотила такую значимую часть его жизни.

Боль, отступая, становилась все слабее. Крупные слезы беззвучно скатывались по лицу, покрывая его щеки и кожаный жилет Миры.

Так они и стояли, освещаемые безжалостным лунным светом.

11 ВСТРЕЧА

Человек в черном проснулся, когда уже вовсю светило солнце. Великолепный солнечный день хлынул в комнату прямо из окна гостиницы, в которой он остановился.

Его раздражала хорошая погода. Он ненавидел лето и жару, предпочитая им унылые зимние дни, с их неподвижной и безмятежной атмосферой, безликую серость их небес и холод, что, проникая через плащ, пробирал до самых костей. Вдали от Всплывшего Мира ему больше всего не хватало зимы. Орва — место вечной весны, нескончаемой и невыносимой. И вот теперь, когда он наконец вернулся в земли с длинными и суровыми зимами, ему на долю выпало сразиться именно летом.

Человек в черном был зол на весь мир. Он быстро оделся, захватив с собой перед выходом со столика возле кровати склянку со сверкающей красноватой жидкостью. Он едва не забыл про подарок, сделанный его другом несколько дней тому назад.

Его раздражение вскоре переросло в скрытую злобу. Он не желал признаваться себе самому, что именно она была причиной его недовольства. Он не желал признавать то, что, несмотря на прошедшее время, на сделанный им выбор и осознание неотвратимой реальности, мысль об убийстве человека причиняла ему боль.

Он быстро схватил склянку и также стремительно сбежал вниз по лестнице. Бросив на балкон хозяина гостиницы условленную сумму, он, не промолвив ни слова, вышел на улицу.

Встреча проходила в одной из таверн, в месте наиболее удобном для того, кто хотел бы затеряться среди толпы. А человеку в черном крайне необходимо было оставаться неузнаваемым. Наступило обеденное время, и он нарочно позаботился о том, чтобы отыскать людное место, где бы никто не обращал внимания на его постоянно скрываемое под капюшоном лицо.

Последние два дня он только и делал, что безуспешно рыскал по этому проклятому городу в поисках женщины по имени Герле. У него не было ее точного описания, и даже видения больше не посещали его.

Теперь он решил разыскать юношу — Всадника Дракона совершенно особого образа.

В помещение вошел тип, с которым он договорился встретиться здесь, и остановился напротив человека в черном.

— Ты Маяр? — спросил он, смерив его пристальным взглядом.

Человек в черном кивнул, не оборачиваясь. Он называл себя Маяр, чтобы беспрепятственно передвигаться в этих местах до тех пор, пока не почувствует себя в относительной безопасности, и тогда он сможет назвать свое настоящее имя.

Пришелец сел и позвал служанку.

— Сидра и мяса, — заказал он.

Маяр посмотрел на своего собеседника, с виду довольно худого, в замызганном балахоне и изодранных штанах. Он подумал, что лучше общаться с кем-нибудь из низов, тогда не возникнет много лишних вопросов о том, кто он такой и для чего ему понадобились эти сведения. Молчание этого типа можно было купить. Кроме того, так он может оставаться на безопасном расстоянии от Дворца Объединенных войск, приближаться к которому для него рискованно.

Оба сидели, не проронив ни слова, до тех пор пока не принесли сидр и мясо. Бродяга с

жадностью накинулся на еду.

— Надеешься, что я заплачу за тебя? — спросил его Маяр.

Тот едва оторвал голову от тарелки:

— Таковы мои условия.

Человек в черном раздраженно посмотрел по сторонам:

— Тогда давай отработывай.

— Во время еды я не разговариваю.

Человек в черном был вынужден наблюдать за тем, как его собеседник засовывал в рот один за другим куски кроваво-красного мяса и неторопливо, с наслаждением их прожевывал. Ему очень захотелось ткнуть его лицом в тарелку и держать так до тех пор, пока тот не перестанет дышать.

Бродяга вытер рот рукавом рубахи:

— Ну так что?

— Мне сказали, что ты служишь во Дворце Объединенных войск.

Тип кивнул:

— Я работаю в трапезной.

Маяр задумался над тем, а не слишком ли это был низкий для него уровень, чтобы получать определенные сведения.

— И что тебе известно о всадниках армии?

— Только то, что требуется для обслуживания их за столом. Они едят как свиньи и никогда не удостаивают меня даже взглядом.

— Я хочу знать, знакомы ли тебе те всадники, что служат по найму? Тебе известно, кто они такие?

Его собеседник погрузил нос в кружку с сидром.

— Я приношу им еду, а не занимаюсь их переписью. Однако похоже, что ты не имеешь ни малейшего представления о тамошних порядках.

Маяр раздраженно скрестил руки:

— И какие же там порядки?

— А такие, что если говорить по правде, то Объединенного войска не существует. Есть только отряд Всадников Дракона, которые, в случае войны, вступают в боевые действия, но при этом они не живут в Новом Энаваре постоянно. Они обязаны находиться здесь только определенное количество дней в году. И потом, когда собирается Совет, во дворец прибывают еще и другие всадники, а также солдаты, которые сопровождают царствующих особ. Вот поэтому-то, друг мой, довольно сложно сказать, кто здесь служит по найму.

Маяр посмотрел в лицо этого нелепого человека с пороссячьими глазками и глупой улыбкой и почувствовал, как в его груди росло искреннее желание расправиться с ним. Человек в черном сжал пальцы в кулак.

— Тогда сделаем проще. Я разыскиваю юношу, но не знаю его имени. Он — Всадник Дракона и летает верхом на драконе с черными крыльями.

Тип запустил ногти между зубами, пытаясь вытащить застрявшие там остатки пищи. А затем, облизнувшись, вовсе затих.

Маяр потерял терпение. Он действовал молча и стремительно. Вытащив кинжал, он под столом схватил типа за рубашку и приставил к его бедру лезвие. Затем он придвинул к себе его лицо:

— С меня хватит. Мне достаточно мгновения, чтобы заставить тебя вывалить наружу все, что ты проглотил, тебе ясно? Так ты его знаешь или нет?

Смотревшие на него в упор глаза типа округлились. Возможно, что на таком близком расстоянии он сумел разглядеть под капюшоном нечто такое, что человек в черном так тщательно скрывал от посторонних с тех самых пор, как ступил на земли Всплывшего Мира.

— Кто ты? — спросил он дрожащим голосом.

Маяр еще сильнее сжал кулак на его груди и, пронзая ткань, надавил лезвием на бедро неудачливого осведомителя.

— Ты его знаешь или нет?

Тип в страхе зажмурил глаза.

— Время от времени такой дракон появляется, но я не знаю, кому он принадлежит. Я не служу на конюшне, и мне неизвестно, какие животные принадлежат тем, кого я кормлю. Он бывает здесь, но, клянусь тебе, я не знаю, кто он такой!

Маяр разжал кулак. Он спокойно положил кинжал на место, а затем встал и бросил на стол несколько монет.

— Хватит с тебя, — буркнул он сухо.

— Ты... ты...

Маяр ударил рукой по столу:

— Я — это я. И ты не обязан знать, кто я такой. — Сказав это, он направился к выходу.

Он был вне себя от гнева. Это провал, крах. Столько времени провести в этом городе, чтобы оказаться ни с чем. И что теперь делать? Спрятаться возле конюшен и ждать, когда появится этот сопляк на своем красно-черном драконе? И все же он был там.

Маяр вспомнил про свой уговор с Криссом, подумал про все те унижения, которым подвергался только для того, чтобы сдержать клятву и достичь своей цели. Он проклинал самого себя, как это уже было не раз на протяжении многих лет, за те давние дни безумства, приведшие его к своему теперешнему состоянию.

Непонятный шум за спиной.

Ты выбрал не лучший момент, в одно мгновение пронеслось у него в голове.

Испуганный юноша. Кинжал человека в черном пригвоздил часть его плаща к находившейся позади кирпичной стене.

Затем человек в черном выдернул кинжал из стены и приставил его к горлу юноши.

— Ну?

Юноша поднял руки и попытался что-то сказать.

— Я здесь, чтобы помочь тебе... — произнес он сдавленным голосом.

Маяр посмотрел в его полные ужаса глаза. Он ослабил хватку, но кинжал не убрал.

— А с чего ты решил, что мне нужна помощь?

Казалось, что юноша стал приходить в себя.

— Я слышал тебя там, в таверне...

— Ты подслушивал?

— Нет, нет! Я просто сидел рядом с тобой и не мог тебя не слышать!

Маяр подумал, что он уже довольно развлекся и что, быть может, у этого парня и в самом деле есть какие-нибудь полезные для него сведения. Он опустил кинжал вниз, но не стал вкладывать его в ножны.

— Потрудись поторопиться.

Юноша потер шею и замер на мгновение.

— Да, но ты ведь заплатил тому типу из таверны...

Маяр свирепо ухмыльнулся и вновь поднял свой кинжал.

— А ты заметил, что он почти ничего мне не сказал? Мы поступим так: ты рассказываешь мне то, что знаешь, а потом посмотрим, действительно ли ты заслуживаешь вознаграждения.

— Я слышал, что ты разыскиваешь человека, который летает верхом на драконе с черными крыльями. Я его знаю, но он, собственно, никакой не всадник.

Маяр почувствовал легкое головокружение — явный признак того, что он был в двух шагах от цели.

— И кто же он?

— Я когда-то учился вместе с ним в Академии.

— Ты — всадник?

Юноша ответил не сразу.

— Нет, я ее не закончил... Но, как бы то ни было, это здесь ни при чем. Мы учились вместе, и, насколько мне известно, сейчас он занимается с одним из Всадников Дракона.

- Как его зовут?
- Кого?
- Того юношу, кого же еще?
- Амхал.

Амхал. Как знать, какую бездну силы и разложения могло таить в себе это вполне заурядное и ничем не примечательное имя. Амхал и его двойник Марваш, объект поисков человека в черном. Маяр сердцем почувствовал, что это было одно и то же лицо, и его охватило странное умиротворение.

— Я точно не знаю, где он и чем сейчас занимается, но вообще всадники и их ученики живут либо в Земле Солнца, либо здесь.

— Он — незаконнорожденный, ведь так? Он — внебрачный ребенок, в жилах которого течет кровь нимфы, — произнес Маяр, и свирепая ухмылка отразилась на его лице.

Молодой человек не сумел найти объяснение этой злобной усмешке.

— Да... да... В Академии как раз из-за этого над ним и подшучивали.

Ликующий Маяр разразился глухим смехом. Сидевший перед ним юноша сжимался все больше и больше. Человек в черном похлопал его по плечу:

— А наш парень не промах.

Пошарив в своем мешке, он вытащил оттуда несколько монет и положил их ему в руку.

— Ты меня никогда не видел, и мы никогда ни о чем не говорили.

Молодой человек нервно сглотнул слюну, но, должно быть, он и на самом деле был змеенышем, поскольку отважился еще и возразить:

— За это нужно еще набавить.

Маяр молниеносно приставил кинжал к его горлу, слегка вонзив лезвие в плоть. Под своей прижатой к этой шее рукой мужчина чувствовал, как судорожно пульсировала кровь в его яремной вене.

— Не перегибай палку. Я могу убить тебя прямо здесь, и спокойствие мне будет обеспечено.

Насмерть перепуганный юноша тяжело дышал.

— Молчу, молчу! Я ведь даже не знаю, кто ты!

Как знать, быть может, даже знаешь... — подумал повеселевший Маяр.

Он чувствовал, как ярость текла по его венам и переполняла его жгучим желанием смерти. Но брошенный посреди улицы труп мог создать для него некоторые трудности. Как бы то ни было, он уже излил свои чувства. Человек в черном отпустил юношу, и тот, закашляв, упал на колени.

— Пошел прочь и забудь про меня, — сказал ему Маяр напоследок и погрузился во тьму.

Два дня потребовалось ему, чтобы разыскать Амхала. Достаточно было просто подружиться с одним из работников конюшни. Несколько каролов, и тот сказал, что черный дракон здесь. Амхал был в Новом Энаваре. Человек в черном трепетал от волнения.

— Но через пару дней он покинет город, потому что его величество Леарко возвращается в Макрат, а наставник Амхала, Мира, входит в число личной охраны короля.

Два дня. В его распоряжении только два дня, чтобы связаться с Амхалом и увести его прочь. Но было ли иное, более разумное решение? Кто мог гарантировать, что юноша последует за ним?

Он — воспитанник всадника, а это значит, что он пытается сопротивляться своей истинной природе.

Маяр должен был все разузнать. Он не принадлежал к породе людей, предпочитающих последовательность и закулисные игры. Он был человек действия, и поэтому ему трудно было удерживать себя от порыва ворваться туда, где в это время был юноша, и силой увести с собой. Но предстоявшее сражение было очень трудным, и от его успеха зависело то, чего он хотел больше всего на свете и ради чего потратил долгие годы своей жизни.

Маяр расспрашивал о нем повсюду. Он интересовался о его детстве и о том, чем тот занимался теперь. Человек в черном снова отыскал юношу, который рассказал ему об Амхале. Но сделать это было не так-то просто. Едва заведя черную силуэт, юноша пытался скрыться, но на одной из улочек Маяру удалось схватить его за шиворот.

— Я никому ничего не сказал, клянусь!

— Глупец, я вовсе не для этого искал тебя. Мне нужно узнать кое-что еще о твоём друге-полукровке.

В конце концов Маяр убил его. Это произошло после того, как он снова пообещал юноше жизнь, сунув ему в руку несколько монет.

— За причиненное неудобство.

Он перерезал ему горло. Потому что ярость невозможно долго сдерживать, а желание убивать для него как наркотик.

Так же, как и для Амхала.

И человеку в черном удалось его увидеть, ведь теперь Маяр знал, кто он и где его найти. Безымянная гостиница. Он взобрался по наружной стене со стороны безлюдной улицы. Белоснежный диск луны отбрасывал четкие тени. Человеку в черном не было нужды узнавать, в какой из комнат остановился Амхал. Он его чувствовал. Теперь он был абсолютно в этом уверен. Амхал, в точности похожий на него самого, был подарен ему самой судьбой. Юноша был дверью, за которой сбывались его мечты. Маяр запрыгнул на подоконник распахнутого настежь из-за жары окна и остался на нем.

Амхал спал. Как истинный воин, свой меч он поместил в ноги, а кинжал положил под руку. Из одежды на нем были только штаны. Вспотевшее тело, рука под головой — его сон был очень тревожным.

Человек в черном задержал на спящем юноше свой взгляд. Совсем еще юный, почти такой, каким он и представлял его себе. Маленькая морщина, пролегающая между бровями, говорила о нем как о человеке беспокойном, что в точности соответствовало описаниям. Растерянное создание, мечущееся между импульсами, выходящими из его подсознания, и сумасшедшим желанием быть нормальным человеком.

Но мы с тобой не такие, как все, и никогда ими не будем. Мы предназначены для великих дел.

Потом Маяр почувствовал головокружение, и ощущение пустоты, словно клещами, сдавило его внутренности. Реальный мир исчез, растворившись в густом мраке.

Они оказались в безлюдном месте. Развалины, виднеющиеся вдалеке языки огня, запах гари. На земле — мертвые тела, кровь и поваленные деревья. Вокруг них едва осязаемый вихрь пепла.

Амхал и человек в черном: каждый из них ощущал присутствие друг друга. Человек в черном мог наконец увидеть лицо своего двойника Марваша, за которым гнался все это время и который завел его в эти края, куда бы он сам по доброй воле ни за что не ступил ногой.

Амхал видел перед собой только размытый силуэт человека без лица, одетого в черное.

— Кто ты?

Человек почувствовал его страх.

— Ты.

Амхал потянулся за мечом, вытащил его из ножен и приготовился к нападению.

— Кто ты? — повторил Амхал свой вопрос.

На этот раз человек в черном просто улыбнулся:

— Мы скоро встретимся, и тогда, со временем, ты все поймешь.

— Хватит преследовать меня, — не отступал Амхал, его голос дрожал. — Что тебе нужно от меня и что это за место?

— Это место назначено нам судьбой, — ответил человек в черном.

Наконец все прояснилось, и видение стало четким.

— Ты все поймешь, так же как когда-то, много лет тому назад, понял я, и примешь это, — добавил он.

Амхал набросился на человека в черном. Но тот остановил юношу, ухватившись одной рукой за его оружие. Лезвие меча больше не могло пронзать плоть.

— Так это ты мучаешь меня, разрастаешься в моей груди и вселяешь в душу испепеляющую меня ярость? — сквозь зубы спросил юноша.

— В каком-то смысле. — Человеку в черном удалось выкрутить меч Амхала и опрокинуть его на землю. — Когда мы встретимся, доверься мне, Амхал. Я — тот самый ответ, что тебе нужен.

Затем их окутало облако пепла, затуманивая видимость.

Человек в черном снова оказался на окне, одной рукой судорожно опершись о стену. Ему потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя и вспомнить, где он находится: гостиница, окно, спящий Амхал.

Это было отчетливое и вполне осязаемое видение. Послышался стон, и Маяр увидел, как Амхал беспокойно заворочался в кровати. Без сомнения, то же видение было и у юноши. Они на какое-то мгновение встретились во сне.

Пора уходить.

Назад он двигался тем же самым путем, которым пробирался в комнату Амхала. Оказавшись на улице, он прижался спиной к стене. Человек в черном был явно взволнован. И хотя он с трудом в это верил, тем не менее видение поразило его сознание.

Он посмотрел вверх, на окно. Как бы то ни было, но эти переживания оказались весьма кстати. Теперь он это знал совершенно точно. Амхал был все еще очень далек от него, и не будет никакого проку, если он прямо сейчас заберет юношу с собой.

Нет, ему непременно нужно бороться за его душу, убедить его в своей правоте; только тогда он сможет увести Амхала, когда тот сам лично будет умолять его об этом.

Человек в черном улыбнулся. Да, теперь он знал, что ему нужно делать.

12

ПРИЗНАКИ НОВОЙ ЖИЗНИ

Амхал проснулся в странном смятении. Он спал плохо и мало; быть может, виной тому была жара. Но было кое-что еще. Он испытывал внутреннее беспокойство и лишь спустя некоторое время вспомнил почему.

Смутное видение медленно всплывало в его сознании. Сначала появился образ человека в черном, наполняя юношу двойственным ощущением холода и незыблемости одновременно. Амхал боялся этого человека и в то же время испытывал к нему странное влечение.

Юноша резко вскочил. Он хотел отделаться от этой мешанины чувств, и самым лучшим способом для этого было заняться делом. Амхал оделся и приготовился к предстоявшей ему в этот день миссии.

Когда Мира постучал в его дверь, юноша был уже наготове, одевшись так, как велел ему учитель.

— Не терпится начать? — спросил его Мира с улыбкой.

— В некотором смысле, — ответил молодой человек.

Адхара ждала их, сидя на кровати. Мира настоял на том, чтобы девушка потщательнее закрыла свое лицо.

— Твоя внешность бросается в глаза, и будет лучше, если ты останешься незамеченной. И в этом, — продолжил он, обращаясь к Амхалу, — ты также можешь кое-чем помочь.

Юноша сделал вид, что ничего не понял.

Мира подошел к нему поближе:

— Твое неприятие магии меня удивляет все больше и больше. Я уже говорил тебе, что это великолепное средство и что ты должен пользоваться им, вместо того чтобы скрывать его от всех.

Амхал покраснел, а потом приблизился к Адхаре. Он закрыл ей глаза рукой и пробормотал какие-то слова. Волосы девушки окрасились в ровный черный цвет, а ее глаза стали ярко-голубыми.

— Магия изменения внешности... — шепнула себе под нос девушка.

— Как ты сказала? — спросил ее Амхал.

Казалось, что Адхара приходила в себя.

— Инстинктивно... я знаю... магические чары, которыми ты воспользовался. Они действуют всего несколько часов.

— А ты сообразительная! — с улыбкой воскликнул Мира, когда все трое направились к двери.

Адхара посмотрела на него с тревогой, и Амхал впервые серьезно спросил себя, кто была эта девушка, встретившаяся ему на пути.

— Мы будем в библиотеке, — объявил Мира, а затем, обращаясь к Амхалу, добавил: — А ты тем временем займись своим делом. Вечером доложишь о том, что удалось обнаружить.

Молодой человек опустил голову в знак согласия и через мгновение растворился в толпе. Амхал надеялся, что это новое поручение избавит его от чувства беспокойства, переполнявшего душу, которое, в свою очередь, еще больше усиливали удивительные способности Адхары.

Новый Энавар был наводнен людьми, прежде всего военными. Мира пояснил Адхаре, что город выглядел так только по случаю проведения заседаний Совета, когда царствующие особы прибывали сюда со своими свитами. В такие дни столица Всплывшего Мира не сильно отличалась от любого другого города; она и в самом деле казалась обитаемым местом, наполненным такой приятной глазу повседневной неразберихой.

— А когда каждый возвращается к себе домой, город пустеет. Эти улицы вновь становятся безлюдными, как всегда: ни одного прохожего кругом, только черная пыль.

Мира, приложив руку к стене, указал на нее Адхаре: на его ладони сверкали мириады черных крошек.

— Истина в том, что это место следовало бы сохранить только в памяти: безжизненная пустыня как вечное напоминание о безумствах Тиранно, о безумствах Всплывшего Мира. Так нет, напротив, люди попытались задушить прошлое и основать искусственный город на месте настоящей трагедии. Но воспоминания возвращаются, отстаивая свое место в настоящем, и долетающая сюда из леса черная пыль покрывает собой все на своем пути.

Адхара огляделась и заметила, что пыль была повсюду. Она задумалась над тем, как выглядело это место прежде, когда это был лишь могильник лежавшего в руинах города. Но она так и не смогла выйти за пределы того образа, что был у нее перед глазами: внушительного вида дворцов, длинных, засаженных деревьями улиц, кажущегося порядка искусственного города.

Они переходили от квартала к кварталу, двигаясь вдоль неизменно широких и прямых улиц. Адхара плохо разбиралась в городах: ее знания ограничивались лишь Салазаром и Лаодамеей. Но она чувствовала, что все здесь какое-то неестественное. Было довольно странно, пройдя мимо прямоугольных дворцов, вдруг оказаться среди деревенских хижин из бревен и соломы, а каменные постройки неожиданно сменялись мраморными строениями. И это странное, чрезмерное, какое-то наигранное веселье и видимость жизни.

Амхал был прав, здесь не хватает истории.

Девушке на ум пришла ее собственная грустная история о том, как она из ниоткуда появилась на свет. Форма искусственной жизни, каким-то неведомым образом созданное существо — вот кто она на самом деле.

— А ты совсем ничего не помнишь? — спросил ее Мира, словно читая мысли девушки.

Адхара покачала головой:

— Первое, что я помню, — это луг. Время от времени появляются рассеянные сведения и умения, которыми я не в состоянии владеть как следует, и ни одного значимого воспоминания. Даже имя мне придумал Амхал.

Мира улыбнулся:

— Что ты о нем думаешь?

Этот прямой вопрос застал Адхару врасплох.

— Он — мой спаситель, — ответила она, хотя ей и показалось, что искренность этого заявления не могла вместить в себя все безграничное многообразие чувств, которые она испытывала по отношению к юноше.

— Это хорошо, что ты так говоришь. Амхал очень долго искал кого-нибудь, кто бы смог спасти его самого... И иногда мне кажется, что он еще не нашел.

Адхаре хотелось сказать, что она поняла это, что она это *чувствует*, но ей показалось едва ли не кощунством говорить об Амхале с человеком, который знал его намного лучше.

Что тебе о нем известно? Только потому, что ты провела с ним в пути не один день, ты полагаешь, что можешь судить о нем?

— Я верю в него, — добавил Мира, словно теряясь в разрозненных размышлениях. — Я всегда в него верил и хотел быть ему опорой. Но я осознаю, что мне это не всегда удастся. Он ведь человек благородной души, ты согласна?

— Это безусловно, — ответила Адхара, пытаясь придать своему голосу больше уверенности.

Внезапно прямо перед ними возникло огромное здание библиотеки. Оно выглядело так, словно задышалось от прижимавшегося к нему вплотную множества других строений. Это был утыканный шпилями стеклянный дворец, который Адхара видела еще по прибытии. Он был полностью построен из сатинированного стекла, почти непрозрачного снаружи. А там внутри едва просматривались размытые фигуры, маленькие цветные пятна, поднимавшиеся и опускавшиеся вниз либо стоявшие неподвижно, словно что-то рассматривая. Свет свободно проникал только сквозь отдельные отверстия в виде стрелчатых окон, проделанных в общей конструкции этого строения и покрытых прозрачным стеклом.

Адхара осмотрела все сооружение снизу вверх: его головокругительную высоту и упорядоченное многообразие шпилей, устремившихся в небо в виде закрученных спиралей.

— Красиво, не так ли? Это — подарок жителей Залении, — пояснил Мира и в противоположность сосредоточенному молчанию Адхары звонко ударил себя рукой по лбу. — Ну конечно, ты же не знаешь... Этот народ живет под водой в некоем подобии огромных стеклянных сосудов. Они много чего делают из стекла. Они долго были нашими противниками, а теперь, подумать только, дарят нам целые дворцы.

Мира усмехнулся, Адхара же была восхищена этим сооружением.

Мужчина вынужден был толкнуть ее легонько в спину.

— Можешь мне поверить, что внутри еще лучше, — шепнул он девушке.

Они подошли к высокой двери, похожей на резаную рану в громадном теле этого здания, и вошли внутрь.

Библиотека представляла собой бесконечное чередование коридоров и просторных помещений для консультаций. Книги стояли в шкафах из эбенового дерева, темный цвет которых контрастировал удивительным образом с сияющим окружением. Снаружи они были защищены стеклом, а иногда и решетками, и добраться до них напрямую в большинстве случаев не представлялось возможным. Мире и Адхаре потребовалось позвать одного из множества библиотекарей, каждый из которых, будучи закрепленным за своей секцией, приносил нужные тома и решал, за какое время они могут быть прочитаны. Адхаре показалось, что этот человек прекрасно разбирался в своем деле. Из-за постоянного пребывания среди книг его кожа стала цвета пергамента, а его худые хрупкие пальцы,

казалось, предназначались только для того, чтобы аккуратно перелистывать пожелтевшие от времени страницы.

— Практически всем, что ты здесь видишь, мы обязаны одному-единственному человеку по имени Лонерин, личности почти легендарной в этих местах, — пояснил учитель Амхала, беря в руки нужные им тома. — Он сыграл очень важную роль в разгроме Дохора. Так вот, именно он собрал большую часть хранящихся здесь книг, и в первую очередь эльфийские тексты и рукописи Тиранно. Как жаль, что его работа была прервана так рано.

— А что с ним случилось?

— Он умер лет пятнадцать назад. Неизлечимая болезнь постепенно свела его в могилу. Жена Лонерина пыталась продолжить начатое им дело, но она слишком сильно поглощена религией. Она — Верховная Жрица Братства Молнии.

Мира замолчал на мгновение, но потом понял, что эти широко известные во Всплывшем Мире имена ни о чем не говорят Адхаре.

— Эта та самая религия, которую теперь исповедует большинство людей. Они поклоняются богу по имени Тенаар.

Дрожь пробежала по телу девушки. От этого имени что-то шевельнулось в ее душе, возникло ощущение тепла, а может, это было воспоминание.

— Шеврар... — пробормотала Адхара.

Мира резко обернулся:

— Как ты сказала?

Девушка посмотрела на него с недоумением:

— Не знаю... я вспомнила имя... Может, это мое? — спросила она с надеждой.

— Шеврар — это Тенаар на древнеэльфийском.

Но это открытие ни к чему не привело. Оно было подобно зажегшейся во тьме искорке, осветившей только очень ограниченное пространство вокруг себя.

Мира позаимствовал целую кучу книг. Страницы с геральдическими символами, исторические и религиозные манускрипты, перечни оружия. Им потребовалось не раз сбегать туда-сюда, чтобы сложить на столе все эти тома.

— А вы уверены, что сможете посвятить мне все это время? — спросила Адхара, как только они уселись за стол.

— Сегодня не моя очередь обеспечивать безопасность Дворца Совета, мы это делаем по очереди.

— И все же, вы очень любезны.

— Наверное, я это делаю не для тебя, а для моего воспитанника. У меня такое впечатление, что ты вызываешь в нем определенную симпатию, и только одному Богу известно, насколько ему это необходимо.

Адхара почувствовала, как кровь прилила к ее лицу. Ей очень хотелось стать хотя бы в какой-то мере полезной Амхалу.

— Это для тебя, — сказал Мира, пододвигая к девушке пару стопок книг. — А остальные — мне.

Адхара взяла одну и чихнула от поднявшейся с ее страниц пыли.

— А что мы конкретно ищем?

— Сведения о твоём кинжале. Я полагаю, что это необычное оружие принадлежит какой-либо семье или особой вооруженной группе. Следовательно, читать все подряд не нужно, а только то, что может заинтересовать нас в этой связи, понятно? В нашем распоряжении только один день — завтра мы уезжаем.

Адхара открыла лежавшую перед ней книгу. Ее смутил мелкий почерк, но она не отступила. Глубоко вздохнув, девушка принялась за работу.

Это занятие оказалось весьма изнурительным. Некоторое время спустя слова стали прыгать у Адхары перед глазами, вынуждая ее встряхивать головой. Бесконечные даты, неодинаковый почерк, то мелкий и четкий, то почти нечитаемый, и рисунки, подписи к ним,

схемы... Адхара тонула в этих черных значках. Мира стоически погружался в чтение, ни единым жестом не выдавая своей усталости.

Весь этот труд для меня, поэтому мне нужно держаться.

Проникавший сквозь окна и стены свет стал приобретать иной оттенок. Неожиданно Мира подозвал Адхару:

— Пойди-ка сюда.

Адхара подняла голову, встала и, подойдя к Мире, заглянула в раскрытую книгу. Это был рисунок, увидев который она вздрогнула от неожиданности.

— Это — он!

— Точно, — спокойно сказал Мира.

— Что это?

— Ритуальный кинжал, используемый для обряда инициации в одной из сект под названием Недремлющие.

Адхара почувствовала, как сердце в ее груди забилось сильнее. Говорило ли это ей о чем-нибудь? Помнила ли она что-нибудь об этих людях?

— Однако здесь больше нет никаких описаний. — Мира обернулся к девушке. — Бросай все эти книги. Они больше не нужны. Нам надо разыскать сведения об этих Недремлющих.

Мужчина встал и, подойдя к библиотекарю, задержался возле него на некоторое время.

Адхара осталась наедине с изображением кинжала. Она прочла строчки с комментариями. Ничего сверх того, что рассказал ей Мира. Никакой информации о секте.

Недремлющие... Недремлющие...

«Я приду за тобой».

Девушка остолбенела. В ее мозгу, отчетливо и ясно, промелькнули эти слова. Теперь ее сознание стало заполняться. Она ощутила острую боль.

Темно. И я одна.

Новая стопка книг с грохотом обрушилась на стол, и это привело Адхару в чувство.

— Что еще? — спросил ее Мира.

Девушка с испугом посмотрела на него:

— У меня... было нечто вроде видения. Но я не знаю, что это... Какой-то голос сказал мне, что придет за мной.

— Быть может, к тебе в голову начинает что-то приходить. Давай продолжим. — С этими словами Мира уселся за стол. — Но прошу тебя, ищи только сведения о Недремлющих.

Адхара вернулась на свое место.

Они продолжили поиск.

— Библиотека закрывается.

Мира читал последние строчки последней книги, а у Адхары оставалось еще два объемистых тома.

— Мне очень жаль, но вам пора уходить, — настаивал библиотекарь.

Мира и Адхара скрепя сердце были вынуждены покинуть библиотеку. Адхара совсем выбилась из сил.

Они встретили Амхала в трапезной Дворца Объединенных войск; он также выглядел усталым.

— Что-нибудь нашел? — спросил его Мира.

— Совсем ничего, учитель. Я сделал все, как вы сказали, стараясь быть благоразумным. Никто ничего не знает об этом. Не было ни случаев бегства рабов, ни каких-либо похищений. В настоящее время в этих местах преступность процветает. Ну а вы?

Мира потянулся, а потом рассказал о своих весьма успешных поисках.

Амхал, казалось, воспрянул духом.

— Отлично!

Видя реакцию Амхала, девушка вновь воодушевилась. Она слишком устала, чтобы до

конца осознать, что ей удалось отыскать еще одну деталь в мозаике своего прошлого.

— Неплохое начало, — заметил Мира. — Но почему у нее оказался этот кинжал? Она что, принадлежала к Недремлиющим, кто бы они ни были? Или была похищена ими?

— Нужно продолжить поиски, — заключил Амхал.

Мира бросил на него неодобрительный взгляд:

— Завтра мы возвращаемся домой.

Эта короткая фраза положила конец их разговору. Адхару охватило уныние.

— Но... мы не можем останавливаться, — заметил Амхал. — Во всяком случае, не сейчас, когда все так хорошо начало складываться.

— Верно. *Она* не должна останавливаться. А у нас есть свои обязательства.

Адхара переводила взгляд с одного на другого. Она научилась ценить человека, который потратил на нее целый день. Что же это было на самом деле: некое подобие жестокой игры?

— Тогда почему мы ей помогали?

— Потому что у нас была такая возможность. Но у нас есть еще и обязанности.

Амхал откинулся на спинку стула. У него больше не было аргументов.

Мира повернулся к Адхаре:

— Ты же видела, как это делается, верно? Завтра ты можешь вернуться в библиотеку и отыскать книги, которые мы еще не просмотрели.

Девушка побледнела. Неужели ей придется остаться одной в этом городе? Где она будет жить? Где возьмет деньги на жизнь?

— Значит, вы закончили? — пробормотала она.

Амхал собрался что-то сказать, но Мира его опередил:

— Я этого не говорил.

Адхара прикусила губу:

— Прошло уже довольно много времени с тех пор, как я очнулась на том лугу, а мое положение ничуть не улучшилось. Я вспомнила, что такое ложка и как ею пользоваться, вспомнила, как вскрывать замки и что Шеврар — это эльфийское название бога Тенаара. Но я ничего не помню о себе самой, о моем лице и о том, кто я такая. И теперь, когда замаячил проблеск надежды, след... — Девушка опустила ложку в тарелку с супом. — Это все равно что не существовать на этом свете, — повторила она слова, сказанные ею Амхалу несколько дней тому назад. — Будто бы я — пустое место. А мне нужно знать, кто я.

Мира невозмутимо слушал ее.

— Мы сделали все возможное.

Это справедливое замечание заставило Адхару устыдиться своих слов. Но она чувствовала, что в действительности никто не понимал всей глубины ее трагедии.

— Я не предлагаю тебе сдаться. Я говорю о том, что тебе нужно найти свой путь. У нас с Амхалом одни задачи, а у тебя другие. Конечно, прошлое очень важно, но самое главное — это устраивать свою жизнь в настоящем. Тебе нужно начать это делать. Мы должны уйти, а ты — выбрать, что делать дальше: найти работу и продолжать поиски. Пора выходить за пределы круга, в котором ты находишься. Ты не существуешь, потому что еще не обрела себя как личность.

Адхара опустила глаза в тарелку. Как обрести себя как личность, когда вокруг тебя только груда обломков?

Все оставшееся время они ели в полной тишине.

Амхал так и не смог заснуть. Его преследовало то неприятное воспоминание о тревожном сне, оставшееся после предыдущей ночи, и некоторое волнение по поводу предстоящего отъезда...

Но больше всего его беспокоила Адхара. На следующий день им придется расстаться. И это производило на него какое-то странное действие. Они вместе пережили самые значимые события их путешествия, и Адхара была... Он не мог выразить, кем она для него

была, такая чистая, незащищенная... Но, главное, она нуждалась в нем.

Юноша встал, наспех натянул штаны и вышел. Помедлив немного, он постучал в дверь Адхары.

Девушка открыла почти сразу. Увидев ее красные глаза и растрепанные волосы, Амхал почувствовал, что его охватывает стремительно нарастающая волна нежности. Ему захотелось обнять ее.

— Можно?

Адхара молча позволила ему войти.

— Он делает это не специально. Он всегда знает, что говорит, понимаешь? Все, что бы он ни сказал тебе, — это ради тебя же самой. Он и со мной ведет себя так же.

Адхара нервно заламывала руки, сидя на кровати. Затем она подняла голову:

— Ты действительно его любишь...

— Он мне как отец, — не без гордости ответил Амхал.

Девушке вновь явственно пришла на ум вчерашняя сцена возле фонтана.

— Он просто хочет, чтобы ты нашла свой путь.

Вспышка ярости промелькнула в необыкновенных глазах девушки, вернувших себе свой прежний будоражащий цвет.

— И что мне теперь делать? У меня нет денег, я не умею ни о чем договариваться и чувствую себя просто выброшенной в неизвестный мне мир. А он говорит мне: «Выкручивайся сама». А что я делала до этого в лесу или в Салазаре? Но одна я не справлюсь!

— Тогда пошли с нами. — Эти слова слетели с его губ машинально, погрузив обоих в глубокое молчание.

Девушка посмотрела на Амхала, вытаращив от удивления глаза.

— В Макрате много хороших библиотек. Не таких, как эта, но все же довольно приличных. Библиотека принца, что находится в королевском дворце, очень богатая. И при дворе всегда есть возможность найти работу.

Адхара ответила не сразу.

— Ты говоришь правду? — прошептала она наконец.

Амхал решительно кивнул:

— Для тебя тот город будет таким же чужим, но, по крайней мере, там будем мы... и я.

Он чувствовал себя довольно глупо. Их обоих ничто не связывало. Он спас девушке жизнь, ну и что? В конце концов, это был его долг. Но тогда почему его тянуло к ней, почему он хотел быть с ней рядом?

Потому что она нуждается в тебе.

Адхара размышляла.

— А я не помешаю вам?

— Нет, конечно.

Потом наступила тишина, показавшаяся Амхалу бесконечной.

— А завтра в котором часу?

Юноша вздохнул с облегчением:

— Я разбужу тебя.

Часть вторая ФРЕЙЛИНА

13 КОРОЛЕВСКАЯ СЕМЬЯ

Адхара увидела его еще издали: Амхал уже успел рассказать ей о нем.

— Поначалу он может вызывать некоторое стеснение, но уверяю тебя, это — необыкновенный человек. В любом случае придерживайся этикета. Когда он окажется не более чем в десяти шагах от нас, все мы опустимся на колени. Ты — женщина, поэтому ты будешь стоять на обоих коленях, руки — впереди себя, голова опущена вниз. Не вставай до тех пор, пока он сам тебе этого не предложит. Не говори ему ни слова, жди, когда он спросит тебя. Однако откроешь рот только после того, как я тебя представлю. Мы всегда обращаемся к нему «ваше величество».

Девушка была поражена таким большим количеством предписаний. У нее было довольно смутное представление о том, кто такой король, но то почтение и еле ощутимая озабоченность, сквозившая в голосе Амхала, вызывали у нее легкую тревогу.

Именно от этого человека зависит мое будущее. Если он меня примет, я останусь вместе с Амхалом, в противном случае буду вынуждена пойти своей дорогой в полном одиночестве.

Девушка увидела, как эта фигура, в окружении множества других, постепенно приближалась к ним. Мира стоял возле Адхары. Она не знала, как Амхал преподнес ему известие о том, что она отправится в путь вместе с ними. Со своей стороны учитель не сделал на этот счет ни единого замечания и поприветствовал ее так же, как и раньше.

Из-за утреннего тумана Адхаре пришлось изо всех сил напрячь свое зрение. Они стояли на широкой мраморной площадке внутри Дворца Объединенных войск. Окружавшие их аркады, опоясывая все пространство, вели прямо к конюшням. Именно там и содержались драконы. Джамила была в полной готовности: один из денщиков держал ее за металлические поводья. Рядом находился еще один довольно большой дракон, красновато-рыжего цвета. На голове животного красовался густой кожистый гребень, еще более внушительный, чем у Джамилы. У него было ярко-коричневое брюхо и приземистые лапы с огромными когтями. На крупе дракона возвышался огромный золотистый балдахин с тяжелыми шторами из красного бархата.

Адхара приставила руку ко лбу. Казалось, что воздух вспыхивал от первых лучей солнца. Было жарко: день обещал быть душным.

Очертания приближающейся фигуры становились все отчетливее. Это был высокий сухой человек в строгом тяжелом плаще, под которым он наверняка изрядно вспотел. По мере его приближения становилась более заметна легкая хромота, что создавало впечатление неуверенности. Вокруг него озабоченно суетились другие фигуры.

Адхара прищурила глаза.

Этот старик и есть тот самый знаменитый король?

Все присутствующие упали на колени; девушка, чуть помешкав, отчего Амхал посмотрел на нее с укоризной, сделала то же самое. Адхара уставилась на камни мостовой. Теперь она отчетливо слышала шаги короля и его свиты. Ее распирало желание поднять голову.

Шаги замерли на месте.

— Встаньте, ни к чему все эти формальности, тем более что на протяжении предстоящих десяти дней нам всем вместе снова придется порядком попотеть, разделяя все тяготы походной жизни.

Слабый, усталый голос. Постепенно все встали на ноги. Но Адхара все еще не знала, может ли она наконец поднять голову и посмотреть на Леарко.

— Все ли готово?

Должно быть, король обращался с вопросом к Мира, поскольку ответил именно он.

— Все, ваше величество. Для этого путешествия воспользуйтесь Драгоной.

— Я отравлюсь верхом на ней? — В слабом голосе короля слышались нотки изумления и беспокойства.

— Белог очень измотан. Он еще окончательно не пришел в себя после болезни. С вашего позволения, на нем полечу я.

В конце концов любопытство взяло верх, и Адхара слегка приподняла голову. Король

положил свою руку на плечо Миры: рядом с учителем он выглядел старым и хилым. Его волнистые волосы ниспадали ему на плечи, слегка касаясь строгой и тяжелой материи плаща. Они были ослепительно-белыми. На лбу у короля красовалась сделанная из красного золота полоса, вероятно та самая, которую Амхал днем раньше называл короной. Сухое, без бороды, лицо короля было изрезано глубокими морщинами: две пролегали по лбу, одна — между едва заметными бровями, такими же белесыми, как и волосы, а еще две — по углам рта. В его глазах, таких же зеленых, как и у Амхала, но только чуть бледнее, сверкали мутноватые зрачки. Он улыбался.

Адхара была явно разочарована: это был всего лишь старик. Великий король Леарко Справедливый, который на протяжении пятидесяти лет поддерживал мир во всех землях, тот самый герой, что сражался со своим собственным отцом во имя спасения бесчисленного количества душ, был всего лишь изможденным стариком.

— Конечно же тебе известно, что я никогда никому бы не доверился, кроме тебя.

Мира улыбнулся.

Правитель подошел к Драгоне, огромному животному с балдахином.

— Ваше величество... — Амхал шагнул вперед, опускаясь на левое колено.

Король обернулся к нему:

— Ну, Амхал, не стоит...

Леарко положил юноше на плечо свою прозрачную, всю в выступающих голубоватых прожилках руку. Но она была еще довольно крепка, поскольку король смог заставить Амхала встать на ноги. Из-под распахнутого плаща Леарко показались обычные нагрудные латы, закрепленные поверх красной рубашки. *Необычайно простое одеяние*, подумала про себя Адхара.

— Ваше величество, я бы хотел представить вам еще одного человека...

Голос Амхала слегка дрожал. Адхара не знала, нужно ли было ей сделать шаг вперед, придя ему на помощь, и был ли это тот самый случай, чтобы представиться самостоятельно. Король лично положил конец всем колебаниям. Он быстро осмотрел свое немногочисленное окружение и остановился на Адхаре. Его взгляд оказался необыкновенно проницательным. Адхара, вспомнив рекомендации Амхала, тут же опустила глаза вниз.

— И в самом деле, здесь есть некто, кто мне незнаком...

— Мой учитель уже в курсе всего, и ваша безопасность гарантирована...

— У меня нет никаких сомнений по этому поводу, — прервал его король с улыбкой, в которой чувствовалась почти отеческая теплота.

Леарко снова посмотрел на Адхару:

— Ну и?.. Не желаешь ли ты представить мне этого новичка?

Амхал попытался быть кратким, сказав только, что эта девушка оказалась лишенной памяти и что он помог ей и теперь она пытается заново построить свою жизнь. Король молча выслушал молодого человека. Ни одна морщинка не дрогнула на его лице, только лишь проблеск слабого участия, скрытый где-то очень глубоко в его глазах.

— Я подумал, что ей может помочь ее святейшество Верховная Жрица, и мне бы хотелось просить вашего разрешения препроводить ее к ней.

Амхал замолчал, словно тяжкий груз свалился с его души. Очевидно, он не привык разговаривать напрямую с правителями.

— Посмотри на меня.

Адхара подняла голову и посмотрела королю прямо в глаза. Какое-то время они просто глядели друг на друга, а потом Леарко мягко улыбнулся:

— Кто-то всю свою жизнь пытается убежать от своих воспоминаний, а ты, наоборот, жаждешь поймать хотя бы одно-единственное...

— Жизнь без памяти — это жизнь лишь наполовину, — сказала Адхара, переводя дыхание. Ей все твердили, что во Всплывшем Мире пролито немало слез...

— Знаешь, не так давно... Ну, я бы сказал, что довольно давно, — добавил король, улыбаясь, — я стоял перед таким же выбором. Мне довелось встретить двух девушек,

отчаянно нуждавшихся в моей помощи, и я, легкомысленный еще юноша, совершил один безумный поступок, взяв их с собой во дворец. Тогда я был всего лишь перепуганным принцем. Одна из них, так же как и я, несла на своих плечах тяжелое бремя памяти. Но не прошло и года, как она стала моей женой.

Правитель посмотрел на Миру, и тот улыбнулся ему в ответ. Совместные воспоминания о пережитом наверняка были очень хорошо знакомы всем, находившимся рядом, всем, за исключением Адхары.

Люди говорят на непонятном мне языке памяти, который я не в силах постичь.

— Я снова с удовольствием сделаю этот выбор, — изрек король. — У меня много придворных, а дворец — это адская машина, которой, для того чтобы нормально работать, требуется много людей. Так что добро пожаловать, — вновь улыбнулся король, а затем повернулся к своей свите. — А не пройти ли нам дальше...

Мира протянул королю свою руку и повел его к Драгоне.

— Получилось, — шепнул Амхал в ухо девушке. — Еще месяц, и ты встретишься с Верховной Жрицей. Она сможет тебе помочь, вот увидишь.

Затем он подал Адхаре знак и направился к Джамиле.

После десяти дней, проведенных в пути, Макрат предстал перед их взорами окутанным в густую пелену грозных туч. Стояла влажная удушливая жара, сулившая ненастье, летнюю грозу, смывающую напрочь нестерпимый зной.

Адхара рассматривала его со вниманием, а в это время Амхал рассказывал ей о том, что этот древний город был столицей Земли Солнца, и в подробностях описывал его хаотичный облик с дворцами, обильно украшенными фризами и дорогим орнаментом. Девушка же, напротив, просто предавалась очарованию окружавшей ее панорамы. Перед ней простирался город огня. Яркий свет, проникавший сквозь тучи, воспламенял плоские низкие крыши, золотистые купола, контуры статуй. Дома громоздились одни над другими, его беспорядочные и кривые улочки и площади внешне сильно отличались друг от друга. Этот, в отличие от Нового Энавара, город был живым и неоднородным. А в самом его сердце возникли очертания огромного дворца с широкими шарообразными куполами. Королевский дворец.

Они пролетели совсем низко над городом. Адхара всмотрелась в его очертания, еще раз пытаясь отыскать образ этих мест в своей памяти.

Но и этот город не был ее домом.

Две молнии обозначили границы туч. Два последовавших друг за другом раската грома сотрясли воздух.

— Надеюсь, что, по крайней мере, нам удастся укрыться, — заметил Амхал, глядя на свинцовое небо.

Они приземлились на выложенную из кирпича просторную круглую террасу. Издали она была похожа на жерло, расположившееся возле королевского дворца. Один за другим драконы, выпуская когти, цеплялись за камни брусчатки. Амхал спрыгнул на землю. Адхара сделала то же самое, с любопытством оглядываясь по сторонам.

В глубине под балдахином из красного бархата стояла группа людей. Вдруг от нее стала стремительно отделяться маленькая фигурка.

— Дедушка! — выкрикнула она, заглушая возгласы пытавшихся остановить ее людей.

Король обернулся, развел в стороны руки, и эта маленькая фигурка бросилась в его объятия, отчего его величество едва не потерял равновесие. Фигура почти такого же роста, как и первая, придерживая рукой длинный жилет, торопливо поспешила ему вслед.

— Амина, сколько раз говорить тебе, чтобы ты не была такой несдержанной!

Эта женщина с трудом добралась до короля, она казалась несколько приземистой и даже слегка несоразмерной. У нее были очень длинные черные волосы, заплетенные в пышную косу, голубые глаза и довольно четкие черты лица. От нее исходила сила и мощь. Лиловая туника мягко струилась по ее телу, которое было одновременно и женственным и

мужеподобным.

Король обнял девушку, очень похожую на женщину, только немного выше и стройнее ее. А еще у нее были короткие черные волосы и светлые глаза неопределенного цвета, которые в зависимости от падающего света казались то зелеными, то голубыми. Девчушка недовольно фыркнула на окрик.

Женщина топнула ногой, схватила Амину за руку и потащила ее из объятий короля, которого, похоже, такая ситуация очень забавляла.

— Ну, Феа,пусти ее, я же еще держусь на ногах.

— Дело не в этом... — попыталась возразить женщина, но Амина и Леарко улыбались друг другу с заговорщическим видом.

— Феа — это гном, представитель одной из населяющих этот мир рас. А Амина — ее дочь, — шепнул Амхал на ухо Адхаре.

Девушка с жадностью впитывала все эти сведения, наряду с остальными, которые ее спутник выкладывал ей по мере приближения королевской семьи. Сначала показалась королева Дубэ с гордой осанкой, затем принц Неор, парализованный из-за неудачного падения с лошади в возрасте двадцати лет; следом еще один юноша — точная копия Амины, Калт, ее брат-близнец. И еще множество самых разных людей, чьи имена Адхара ни за что на свете не смогла бы запомнить: оруженосцы, министры, придворные.

Но лишь королевская семья привлекала ее внимание. Она с интересом смотрела на то, как они общались друг с другом, на их привычные жесты, открытые и естественные улыбки. Адхара впервые увидела перед собой семью, и она подумала о том, что если и у нее где-то тоже была точно такая же семья и если когда-то в прошлом ее отец и мать обращались с ней при помощи точно таких же жестов, то разве могла бы она забыть их.

На свинцовом небе вновь вспыхнула молния.

— Ваш величество, наверное, уже пора войти во дворец, — заметил Мира, и все разом поспешили ко входу.

Адхара пошла вслед за остальными: она приближалась к тому месту, которое должно было стать ее домом на весьма неопределенный срок. Ливень застал девушку прежде, чем та успела переступить порог дворца. От капель дождя ее волосы прилипли к лицу. Едва очутившись внутри, она увидела, что все стали разбредаться по разным сторонам. А она так и осталась стоять посреди коридора. На полу лежал красный ковер, возле стен, выложенных из квадратных камней, стояли бронзовые треножники, отбрасывавшие в помещение горячий свет. Амхал пошел по коридору, и девушка двинулась вслед за ним.

Мира шел впереди них.

— Пойди в комнату и переоденься: сегодня вечером мы отправляемся в Академию, — резко бросил он Амхалу. — Жду тебя через полчаса.

Молодой человек кивнул и направился вниз по одной из узких лестниц. Адхара следовала за ним неотступно.

Молодые люди спустились на пару этажей и оказались в довольно скромной части дворца, лишенной какого-либо убранства, с узкими коридорами и обычными факелами на стенах. Амхал устремился к деревянной двери.

— А я? — спросила его Адхара.

Молодой человек посмотрел на нее так, словно забыл о ее существовании, но вскоре опомнился.

— Сегодня ты переночуешь в моей комнате. Я думаю, что с этим сложностей не возникнет. А завтра я отведу тебя к тому, кто сможет найти для тебя работу.

Амхал открыл дверь. Комнатка была довольно тесной. Рядом с кроватью, обычной походной раскладушкой, стоял потертый от времени сундук, а еще чучело, которое, по всей вероятности, служило для того, чтобы вешать на него доспехи.

— А я — твой оруженосец?

Амхал смущенно улыбнулся:

— Я так сказал, чтобы во время нашего пути избежать ненужных вопросов. Но на

самом деле я не имею права иметь своего оруженосца, по крайней мере до тех пор, пока не стану всадником.

Адхара молча следила за всеми передвижениями Амхала по комнате.

— Нам нужно найти для тебя работу, и здесь ты непременно ее найдешь. Этот дворец чрезвычайно велик, при дворе насчитывается несколько сот человек только одной прислуги...

Адхара почувствовала, как ее сердце охватило смутное беспокойство. Значит, ей предстоит остаться совсем одной в этом огромном дворце. Девушка попыталась возразить, но, видя, как Амхал уверенно складывал вещи, попутно рассказывая о том, как он поведет ее к Верховной Жрице для того, чтобы помочь ей вернуть память, она так и не отважилась это сделать. Адхара подумала про больно ранившие ее слова Миры, высказанные им несколько дней тому назад в Новый Энавар. Ей внезапно стал ясен их смысл. Пришла пора самостоятельно двигаться вперед, выйти из тени Амхала или кого бы то ни было еще. Ведь существовало не только ее потерянное прошлое, которое она с таким упорством стремилась воссоздать, но и ее настоящее, та самая дорога, по которой ей отныне придется идти одной и без посторонней помощи выбирать, кем быть. Стараясь не падать духом, она положила на пол маленький сверток со своими немногочисленными пожитками.

— Только на одну ночь, — добавил Амхал, глядя на девушку.

— Не беспокойся, я справлюсь, — ответила Адхара, изображая несуществующую уверенность, которой ей ужасно не хватало.

Юноша взял свой мешок.

— Тогда до завтра.

Оба в растерянности стояли друг напротив друга, так и не решаясь нарушить повисшее молчание. Затем Амхал неожиданно наклонился к девушке и поцеловал ее в щеку.

Адхара едва успела ощутить нежность прикосновения его губ, как юноша уже направился к дверям.

— Спокойной ночи, — шепнул он напоследок и был таков.

А Адхара осталась неподвижно стоять посреди комнаты.

Тьма стремительно опустила на Землю Солнца. А может, Джирио это просто казалось. Будучи членом Братства Молнии, он пришел в эти земли со специальной миссией по поручению Верховной Жрицы. В те дни его путь пролегал по ужасным местам, среди зловонных трупов и предсмертных хрипов больных. Голубое небо над его головой и окружавшие его цветущие леса резко контрастировали с отвратительным зрелищем смерти, вынужденным свидетелем которой он был ежедневно.

Он боялся. Безумный страх сковывал его нутро, лишая спокойного сна, страх заразиться в тот самый момент, когда своими руками, защищенными только слабыми чарами, он рылся среди тел. Но таково было его задание, и он должен был подчиняться. С первого дня своего появления в Братстве он знал, что так тому и быть: больные важнее всего, важнее даже собственной жизни. И вот теперь настал момент доказать свою приверженность договору, заключенному им два года назад.

Перед ним шла вооруженная до зубов женщина в кожаной одежде. Она вела его к скрытому от глаз подземелью. Джирио не знал точно, кто она и что делает в этих местах, но показанного ею при встрече письма было вполне достаточно: под ним стояла печать и подпись королевы.

— Я нахожусь здесь по поручению короны и полагаю, что у меня есть кое-что интересное для вас, — сказала она священнику. Джирио покорно последовал за ней.

Зловонный дух смерти становился все сильнее. Его желудок неистово сопротивлялся, холодный пот выступил у него на лбу. Напрасно Джирио пытался закрыть рот и нос рукой.

— Держись, мы почти пришли.

Это был каменный грот с выдолбленной в нем парой неказистых ниш. В одной из них лежало тело.

— Я обнаружила его в ближайшем лесу. Он задыхался в предсмертной агонии. Я попыталась отвести его к священнику, но он умер по дороге.

Джирио медленно приблизился к труп. Вонь была невыносимой.

— Когда это случилось?

— Вчера утром. Мне потребовалось еще какое-то время, чтобы разыскать тебя, — предупредила она дальнейшие расспросы священника. Затем женщина протянула ему платок. — Надолго его не хватит, и все же это должно помочь.

Джирио закрыл платком рот и нос.

Затем он принялся рассматривать труп. Это был молодой человек с необычными пропорциями. Его очень худое тело имело неестественно длинные руки и ноги и было сплошь покрыто черными пятнами. Следы крови виднелись возле рта, носа, ушей и даже под ногтями.

Джирио простоял неподвижно еще некоторое время. Здесь было что-то не так, но что именно, он не знал.

Священник приоткрыл одно из век мертвеца и вздрогнул от неожиданности. На него смотрел безжизненный ярко-лиловый глаз. Тогда Джирио открыл и другой. Тот же самый цвет. У него задрожали пальцы. Затем священник принялся изучать волосы. С виду матовые и клейкие, они были явно перекрашены. Джирио судорожно порылся в своем мешке и достал из него прозрачную жидкость. Он смочил ею платок, которым прикрывал рот. Проведя им по волосам мертвеца, он увидел, что ткань почти сразу стала коричневой, а волосы обрели свой природный зеленый цвет.

Джирио сделал пару шагов назад и обратился к женщине:

— А что было при нем еще?

— Абсолютно ничего. Только его одежда и пустой пузырек.

— Где он?

Женщина указала рукой на нишу возле трупа. Джирио подошел поближе, но брать его не отважился. Обычный стеклянный пузырек, в котором, должно быть, содержалась какая-то цветная жидкость, частично засохшая на стенках.

Священник выпрямился. У него кружилась голова.

— Ну и?.. — спросила его женщина. Она стояла, скрестив на груди руки, с выражением твердой решимости на лице.

— Даже не знаю, — пробормотал священник. — Это и не человек, и не полуэльф. Я понятия не имею, кто он и откуда взялся. Но он не из Всплывшего Мира.

— Как я и боялась, — невозмутимо заявила женщина.

Но как такое возможно? — спрашивал себя Джирио, тщетно пытаясь сдержать судорожную дрожь в руках.

— Он — не единственный, — добавила женщина. — Двое других были убиты в Салазаре одним молодым человеком уже давно. Первые случаи заражения были отмечены спустя два дня после убийства.

Джирио сжал кулаки:

— Это они... они принесли ее с собой...

14 АМИНА

Яркий утренний свет врывается через окно. Ставни были плотно закрыты, но их верхнюю часть украшала ажурная резьба в виде геометрического рисунка. Проникавшие сквозь отверстия солнечные лучи били прямо в глаза девушке, лежавшей на кровати. Адхара проснулась и тщательно оделась. Мгновение она сомневалась, не лучше ли было бы во дворце носить женское платье, но потом решила, что в своих старых вещах она, по крайней мере, будет чувствовать себя уверенней. Девушка замешкалась немного, решая, как поступить с кинжалом, и именно в этот момент раздался стук.

Амхал! — промелькнуло в голове Адхары, и она кинулась к двери. На пороге комнаты перед ней стоял молодой человек в белой рубашке. Он был явно моложе девушки, в его взгляде сквозило высокомерие.

— Его высочество, принц Неор, хочет тебя видеть. Меня послали сообщить, что он ждет тебя на дворцовых бастионах.

Адхара остолбенела от неожиданности. Она попыталась сосредоточиться. Неор — тот самый человек, что сидел в кресле на колесиках, самый странный из всей королевской семьи. Чего ему от нее нужно?

— Я не знаю, где находятся бастионы... — растерянно пробормотала девушка.

Юноша позволил себе улыбнуться, и в его улыбке промелькнула едва различимая насмешка.

— У меня распоряжение привести тебя, я подожду за дверью, — отчеканил он. Затем юноша повернулся спиной к девушке и вышел из комнаты.

Адхара повязала волосы лентой и направилась к выходу.

Внутренняя отделка дворцовых переходов постепенно менялась. Стены этажа, на котором она провела эту ночь, были покрыты плесенью, чуть выше оштукатурены, а уже в крыле знати щедро украшены лепниной и роскошной отделкой. То тут, то там висели гобелены, стояли золотые канделябры, на полу — красные ковры, на потолке — великолепная мозаика.

И повсюду сверкало золото.

Возможно, ему что-то известно обо мне? А может, я родом из этих мест? Или он узнал меня и поэтому хочет арестовать, как преступницу?

В голове девушки роилось множество смутных предположений, отчего кровь неистово пульсировала у нее в висках.

Молодые люди вошли в просторный светлый зал. Одна из его стен была сплошь увешана зеркалами в золотых рамах, а другая, напротив входа, состояла из множества витражей. Снизу сквозь белое стекло в комнату проникал свет, а верхняя ее часть была представлена в виде картины, сложенной из множества прозрачных цветных кусочков, соединенных между собой свинцовыми полосками в виде фигур животных. Там были изображения сражающихся друг с другом драконов и их всадников и выстроившихся на поле брани войск. Адхара, очарованная великолепной работой, едва не потеряла из виду своего спутника.

Прямо из зала имелся выход на балкон длиной никак не меньше двадцати локтей. Он был огорожен кирпичным парапетом, украшенным богатым ажурным орнаментом, а под балконом простирался огромный сад, сочная зелень которого приятно контрастировала с млечной белизной летнего неба. Но даже ночная гроза не сумела справиться с удушающим зноем.

Неор сидел за столом, покрытым белоснежной скатертью. На столе стояла корзина с фруктами, два огромных куска сыра, только что испеченный хлеб, наполнявший воздух дивным ароматом, и две тарелки.

Паж низко поклонился принцу и вышел, а Адхара осталась стоять у внешнего края балкона, вся в лучах солнечного света.

— Подойди поближе, — позвал принц девушку.

Она с опаской шагнула вперед. Где же Амхал? И лишь оказавшись всего в нескольких шагах от принца, Адхара вспомнила о придворном этикете и опустилась на колени.

Но Неор остановил ее:

— Не стоит. Мы ведь одни.

Смущенная девушка встала на ноги. Ее взгляд остановился на сидевшем перед ней человеке. На вид ему было лет тридцать, хотя его лицо было совсем юным, но высохшее тело, похоже, с трудом держалось в кресле. Ноги мужчины, едва проступавшие сквозь длинную тунику, имели особенно жалкий вид.

Принц улыбнулся:

— Так, значит, это правда, что ты ничего не помнишь...

Адхара посмотрела на него рассеянным взглядом.

В ответ принц указал девушке на стул:

— Садись. Ты наверняка голодна.

Адхара послушно села, она не имела ни малейшего представления о том, правильно ли она себя ведет и уместно ли сидеть с принцем за одним столом. Неор взял хлеб бледными худыми руками и разломил его на куски. У него были длинные и изящные пальцы. Принц положил в рот маленький кусочек хлеба.

— За все тринадцать лет, что я сижу в этом кресле, ты — первый человек, кто так на меня смотрит.

Адхара покраснела. Она не сомневалась в том, что совершила оплошность.

— Но в этом нет ничего плохого, — поспешил добавить Неор. — Вообще-то все стараются не смотреть на меня, считая, что если они будут разглядывать меня с любопытством, то нанесут мне оскорбление. Вот так я и привык быть невидимым. Люди, если того требует крайняя необходимость, с некоторым смущением смотрят мне прямо в лицо, а во время церемоний предпочитают сосредоточивать свое внимание либо на одежде королевы, либо на улыбке моей дочери, нежели на моем больном теле.

Адхара опустила глаза. Прямо перед ней стояла миска с теплым молоком. От его запаха, смешанного с ароматом хлеба, у нее сильно заурчало в желудке.

— А ты запросто смотришь на мои ноги и думаешь, что же это за кресло. И даже вчера ты не побоялась устремить на меня свой взгляд.

— Я очень сожалею, что вела себя так невежливо. Я в самом деле не хотела...

Принц поднял руку:

— Мне это нравится, то есть я хочу сказать, мне нравится быть объектом любопытства. Я люблю, когда на меня смотрят не с жалостью, а с обычным интересом, словно я такой, как все остальные. Вот поэтому я и обратил на тебя внимание. — Принц положил в рот еще один кусок хлеба. — Ешь, пожалуйста.

Адхара медленно обхватила руками миску и сделала один глоток. Теплое и такое сладостное молоко оказалось отменным на вкус.

— Вчера вечером я расспросил Миру о тебе, и он рассказал, что ты пытаешься разузнать о своем прошлом и нуждаешься в работе.

Девушка продолжала молча разглядывать принца. У него были прекрасные темно-зеленые глаза, обрамленные длинными ресницами, и неизменная полуулыбка на губах, в его лице великолепным образом слились черты его отца и матери.

— Я испытываю огромный интерес к людям, которые пренебрегают условностями, существующими в обществе. Они — другие, они — сами по себе, так же как и я, — продолжал Неор уверенным тоном.

Адхара взяла нож, отрезала кусок сыра, отправила его в рот и с удовольствием прожевала.

— Поэтому я сам решил поручить тебе одно задание, которое, по моему мнению, окажется весьма подходящим для такой девушки, как ты.

Удар в самую точку.

— Спасибо... — Адхара зажмурила глаза, надеясь, что это было единственно верным поступком в данной ситуации.

— Полагаю, что ты вчера успела заметить Амину, мою дочь.

«Невоздержанная» девочка, как назвала ее мать. Адхара согласно кивнула.

— Знаешь, она тоже особенная. Быть может, она слишком много унаследовала от своей бабушки, либо такова ее реакция на мой миролюбивый характер и мою вынужденную неподвижность, но она не в состоянии приспособиться к порядкам придворной жизни. Она бьется, словно рыба на песке, ощущая свою непонятость окружающими, а порой дело доходит до неповиновения в самом худшем его проявлении.

Адхара никак не могла взять в толк, а какое отношение все это имеет лично к ней.

— Она очень одинока, Адхара, а быть одиноким в двенадцать лет очень плохо. Ее мать... ну, ее мать женщина очаровательная, но она слишком скована рамками этикета... А я всегда очень занят. Ни я, ни Феа, мы не можем дать ей того, в чем она нуждается.

Адхара проглотила еще один кусок сыра.

— Может, тебе это удастся.

Кусок встал у нее поперек горла.

— Мой господин, — девушка не была уверена, было ли такое обращение уместным, — я совсем не разбираюсь в придворной жизни, сказать по правде, я вообще ничего не знаю и не вижу, как...

— Ты ведь ненамного старше ее. Ты ничего не знаешь о светском обществе как раз потому, что не принадлежишь к нему. Ты такая же, как и она.

— Мой господин, сказать по правде...

— Я не требую от тебя ничего невозможного. Ты просто будешь ее фрейлиной.

Адхара положила нож на стол.

— Я даже не знаю, что значит быть фрейлиной!

Неор улыбнулся:

— Вот именно.

Адхара посмотрела на принца как на сумасшедшего. Он был самым необычным человеком, когда-либо увиденным ею в жизни с момента ее пробуждения на лугу. Другие, даже Амхал, были до некоторой степени предсказуемы, понятны, но он...

— Будь с ней рядом, — уже вполне серьезно добавил принц. — Играй с ней, разговаривай, а еще изучай ее. Я не прошу ничего другого.

Со стороны все казалось предельно просто. Но...

— Я ведь не принцесса. По крайней мере, насколько я в этом разбираюсь.

— Именно поэтому.

— Я одеваюсь как мужчина.

— Она находит это восхитительным.

Адхара не сдавалась:

— Но вы даже не знаете меня. Вы впервые видели меня только вчера, а сейчас приглашаете сюда, предлагаете еду и поручаете мне вашу дочь.

Неор лукаво улыбнулся:

— Жизнь возле окна учит быть наблюдательным. Я весь день наблюдаю за всеми и все понимаю. Мне достаточно видеть то, как ты подошла ко мне, непосредственность, с которой ты меня изучала, даже то, как ты берешь в руки нож и режешь сыр, чтобы понять, что ты — именно тот человек, который нужен. Сейчас я знаю о тебе намного больше, чем ты сама о себе знаешь.

Адхара изумлялась все больше.

— Боязнь всего нового, твоя неспособность оценить меня, понять то, о чем я прошу, и то, о чем я тебе говорю, твоя любовь к Амхалу и твоя ревность к Мире.

Адхара переменилась в лице.

Неор похлопал ладонями по поручням кресла.

— Собственно, потому, что мое тело приковано к этому креслу, мой мозг, ни на мгновение не останавливаясь, все изучает, исследует...

Девушка сидела неподвижно, а принц как ни в чем не бывало снова принялся за еду.

Съев хлеб, он снова внимательно посмотрел на девушку:

— Я вовсе не собирался ставить тебя в неудобное положение. Я лишь пытался убедить тебя.

Адхара посмотрела на залитый солнцем сад, на накрытый стол и на человека, который оказывал ей доверие, по ее мнению незаслуженно.

— Я не думаю, что окажусь на высоте.

— Попробуй. Ведь это мне решать, на высоте ты или нет.

У девушки внезапно возникло сильное желание сбежать.

— В тебе живет только страх. Страх перед столкновением с людьми, перед тем, что увидят в тебе и что увидишь ты. Но ведь нет ничего дурного в том, чтобы быть слабым, а ты далеко не такая немощная, как думаешь.

Девушка уставилась на корзину с фруктами. В конце концов, разве у нее был выбор? Оставаясь во дворце, она, по крайней мере, сможет видеть Амхала сколько захочет.

— Я попробую.

— Вот и хорошо. А теперь ешь. Я представлю тебя дочери, как только ты позавтракаешь.

Адхара видела, как принц выпил содержимое миски, и только после того, как он поел, она отважилась довести до конца свою трапезу.

Девушка шла на шаг позади коляски Неора. Принц передвигался только благодаря усилиям своих худых рук. Казалось, что он уже привык к такому тяжелому труду.

Может, мне следует помочь ему толкать коляску... Они были едва знакомы, но она уже знала, что принц вряд ли этого захочет.

Они проходили мимо целой вереницы залов, отделанных золотом и украшенных зеркалами и фресками. Адхара почти сразу потеряла ориентацию, ослепленная красотой отливающей всеми цветами парчовой обивки стен вкупе с роскошью окружающего убранства. Затем они оказались в коридоре с массивными канделябрами. И наконец, белая дверь. Принц подъехал вплотную к дверному косяку и дернул за шнур. Зазвонил колокольчик. Должно быть, его никто не слышал, поскольку из комнаты доносился беспорядочный гомон из возбужденных, перебивающих друг друга голосов...

Принц посмотрел на Адхару с улыбкой:

— Я бы сказал, что мы можем войти. Должен попросить тебя открыть дверь.

Девушка вышла вперед, ухватившись за позолоченную ручку, и толкнула дверь.

На первый взгляд эта комната ничем не отличалась от остальных, разве что была очень светлой. На стенах — обивка кремового цвета, на потолке — орнамент с обычными цветочными мотивами, а еще огромные окна.

Повсюду царил невероятный беспорядок. На кровати с балдахином из светлого дерева все было перевернуто, атласная простыня наполовину сползла на пол. Повсюду были разбросаны игрушки, куски пергамента и одежда.

И в центре всего этого бедлама восседала Амина в своей короткой ночной рубашке, из-под которой торчали худые ноги. Прямо перед ней стояла явно измученная горничная, а в другом углу, сжав кулаки, Феа.

Все трое разом обернулись навстречу Неору.

Амина бросилась к отцу.

— Скажи же ты им, что я не хочу идти на примерку платья, — накинулась она на Неора.

Принц обнял ее хрупкие плечи и вопросительно посмотрел на жену.

Женщина подняла глаза к небу.

— Все та же история с девичьими капризами! — воскликнула она раздосадованно и, обернувшись к Амине, добавила: — Ты всегда говоришь, что хочешь быть воспитанным человеком, тогда прекрати вести себя как маленькая! Взрослые понимают, что существуют еще долг и обязанности...

— Ненавижу этого портного! Он колет меня булавками и возится очень долго, а я все это время должна стоять как столб. Но тогда зачем еще одно платье, ведь у меня их не счесть!

Феа собралась уже было ответить, но Неор опередил ее. Он посмотрел Амине прямо в глаза:

— Ты же знаешь, что это никуда не годится...

Вмиг на лице девочки возникло ожесточенное выражение.

— Твоя мать права, есть обязанности, которые нужно выполнять, и пошив новых

платьев для церемоний — одна из них.

— Это дурацкая обязанность.

— Быть может, но она займет всего один час твоего времени. Обещаю тебе.

Амина фыркнула:

— Ты же всегда говоришь, что внешность не важна. Тогда почему я не могу ходить в платьях, которые нравятся мне?

— А если внешность не важна, тогда для чего ты придумываешь все эти небылицы про платья?

Девочка замолчала, и Неор мгновенно воспользовался возникшей заминкой.

— Сделаем так: я скажу портному, чтобы он не занимал тебя больше получаса, а ты за это время будешь умницей и позволишь снять с тебя мерки. По рукам? — И принц, улыбаясь, протянул дочери руку.

Амина, немного поразмыслив, также протянула руку и крепко сжала отцовскую ладонь.

— А теперь оденься, потому что нам нужно поговорить. — Затем принц обратился к жене и горничной: — Наедине.

Однако и теперь не обошлось без помех. Стоя за дверью, Адхара улавливала эхо очередной перепалки на предмет выбора платья, но в конце концов Феа и горничная с мрачными лицами покинули детскую, а Неор и Адхара снова появились в ней.

Амина сидела на кровати в совершенно непривычном одеянии: на ней была вся в кружевах и рюшах женская рубашка, а поверх нее — туго затянутый корсаж с длинными рукавами. Однако помимо этого на ней были еще и брюки. Неор, сдерживая улыбку, приблизился к дочери.

Адхара не спеша проследовала за ним. При виде девочки у нее заметно поубавилось решимости. Что ей следовало делать? Потакать прихотям этой маленькой фурии? Разговаривать? Помогать Феа убеждать свою дочь одеваться как женщина и выполнять свои обязанности принцессы? Она снова посмотрела на девочку, в любую минуту готовую к нападению, в эти подвижные глаза, и едва не испугалась.

В ответ девочка метнула на Адхару свой полный недоверия взгляд.

— Что ты хочешь мне сказать? — спросила Амина, повернувшись лицом к отцу.

— Я просто хочу представить тебе одного человека. Это — Адхара.

Амина смерила девушку пристальным взглядом, а потом снова сосредоточилась на отце.

— Ну и что дальше?

— Мне бы очень хотелось, чтобы ты ей помогла.

Амина насторожилась.

Неор объяснил дочери ситуацию во всех подробностях. Он рассказал о событиях, пережитых Адхарой за последний месяц, и о том, что эта девушка ничего не помнит.

— Поскольку друзья Миры мне очень дороги, я бы очень хотел, чтобы ты немного позанималась с ней и вы подружились, — сказал он в заключение.

К счастью, Адхаре ничего не оставалось, как просто восхищаться принцем. Он очень достойно развернул ситуацию в свою пользу, и теперь Амина смотрела на отца с горящими глазами.

— Она одна в чужой стране, и до тех пор, пока Верховная Жрица не уделит ей свое внимание, мне бы очень хотелось, чтобы рядом с тобой она не чувствовала себя так одиноко. Как по-твоему, ты справишься?

Ответ был написан на лице у девочки. Адхара подумала о том, как одинока эта девочка, если она с такой готовностью доверяется незнакомому человеку, лишь бы только положить конец собственной отчужденности.

Тем не менее Амина продолжала жеманиться.

— Ну, я не знаю... Моя мама не дает мне покоя с этими уроками по истории, хорошим манерам, верховой езде... Когда же я смогу уделить ей внимание?

— Не нужно делать из этого трагедию, у тебя вдоволь свободного времени.

— Да, но если бы ты мог избавить меня от некоторых из них...

— Не перегибай палку. Я всегда тебе говорил, что каждый должен исполнять свои обязанности. Ну же, я всего-навсего прошу тебя посвятить немного твоего времени Адхаре, и это мне вовсе не кажется таким уж невозможным.

Амина улыбнулась, словно соизволила сделать великое одолжение:

— Я попробую.

— Очень хорошо, — сказал Неор с удовлетворением. — Тогда оставляю вас одних. Позднее я подумаю над тем, как лучше проинструктировать ее по поводу твоих занятий и обязанностей. Вероятно, она также будет посещать вместе с тобой некоторые уроки.

Неор направился к двери, и Адхара проследила за ним с таким же выражением лица, с каким утопающий смотрит на удаляющееся судно, с которого только что свалился.

Дверь не успела еще закрыться, как Амина подскочила к девушке:

— Ты и в самом деле ничего не помнишь? А почему ты так одеваешься? Твой кинжал просто чудо! А ты умеешь драться? Я, например, учусь, правда, тайком от мамы. А почему у тебя такие глаза? Это — волшебные чары? Или это такая болезнь? А волосы? Ты их перекрашивала?

Адхара инстинктивно попятилась назад. Она была явно подавлена.

— Да... мне нравится... что-то...

Но потом она даже перестала отвечать.

Амина, перемещаясь по комнате как ураган, продолжала спрашивать в том же духе минут десять. Девочка рассказала, что ее уроки фехтования проходят успешно, что ей ужасно нравится драться, что ее мать-мучительница пишет стихи, но никому их не показывает, а брат — ужасный зануда.

— Ты пойдешь со мной?

Адхара была явно сконфужена.

— Пойти... куда?

Амина от души расхохоталась.

— Ну конечно же прятаться от этого невыносимого учителя!

15 ПОДРУГИ

Амина направилась прямо к двери и, осторожно приоткрыв ее, заглянула внутрь.

— Не думаю, что это хорошая мысль... — отчаянно попыталась возразить Адхара.

Принцесса резко обернулась к ней, приложив палец к губам:

— Иди за мной.

Она схватила девушку за руку и потащила ее за дверь. Они пробирались по коридору, прижимаясь спиной к стене, до тех пор пока не оказались возле одного гобелена. Амина предусмотрительно огляделась по сторонам, а затем приподняла полотно. Прямо под ним находилась маленькая деревянная дверца. Принцесса толкнула ее и шагнула во мрак.

Адхара стояла на месте как вкопанная.

Лицо Амина вновь показалось из темноты.

— Ну же, пошли!

Она потащила Адхару за собой, и обе очутились в довольно узком коридоре, освещаемом только двумя факелами.

— Слуги иногда пользуются этим ходом. Он ведет прямо в сад. Там я тебе покажу мое укромное место.

Адхара была в отчаянии. Она была уверена, что, когда принц просил ее присмотреть за дочерью, она не вполне понимала, что это такое.

— Послушай, я полагаю, что нам нужно... Твой отец сказал, что ты должна ходить на занятия и...

— Подумай только, я даже домик построила на дереве. То есть это Мира когда-то

давно мне его сделал, а я его украсила.

Это все равно что разговаривать с ветром.

Амина и Адхара оказались в саду, который в тот самый момент казался похожим на самый настоящий лес. Принцесса уверенно шагала среди кустов и папоротников, крепко сжимая в своей ладони руку Адхары. Все увещевания и призывы быть благоразумной оставались без внимания.

Ей нужно было отказаться!

А домик действительно был. Деревянный, цеплявшийся за густые ветви огромного платана. Он выглядел довольно прочным, с грациозной покатою крышей и неким подобием двери, покрытой мятым красным сукном. Из домика на землю вела лестница, с виду довольно шаткая. Амина взобралась по невероятно скрипучим ступенькам, ее спутница нехотя последовала за ней.

Внутри была обустроена одна-единственная комната. Напротив двери имелось окно, завешенное другим, более легким сукном таким образом, что солнечный свет мог с легкостью проникать внутрь. При этом ткань была значительно грязнее и изодраннее, чем та, что висела на двери.

Но Амина пыталась смягчить жалкий вид комнатухи, исходя из своего особого артистического вкуса. У стены стояло два проржавевших меча, на полу лежали пыльные ковры и обрезки парчи. Здесь же находились игрушечный лук с колчаном, несколько кусков пергамента и разнообразные книги, на стене висела изодранная карта, а в углу сидела старая пыльная кукла.

— Эти мечи остались от моего прадеда: я нашла их в комнате моей прабабушки; туда никто никогда не заходит, и там теперь что-то вроде склада, куда скидывают все подряд. Это лук Калта, но этот недоумок никогда в него не играет. Он думает, что потерял его. А это мои самые любимые приключенческие истории. В одной из них говорится о временах, когда жили эльфы, но самая интересная — это та, в красной обложке: в ней рассказывается о Ниял и Сеннаре.

Адхара пристально посмотрела на книгу. Она припоминала эту историю, по крайней мере, она что-то слышала о ней.

Книга была написана Сеннаром перед его отправкой в Неведомые Земли, промелькнуло в голове у девушки, хотя она не знала точно, что это были за земли. Однако это обстоятельство несколько не смутило девушку: теперь она знала, что прошлое Всплывшего Мира было ей куда лучше известно, чем его настоящее.

Амина, должно быть, неправильно растолковала ее терявшийся в пустоте взгляд, когда, проследив за ним, обратила внимание, что он остановился на кукле.

— Она у меня с самого детства. Вот так она и сохранилась, — отрезала девочка.

Адхара вздрогнула.

— Послушай, здесь... здесь... — Она не знала, какие подобрать слова и как обратиться к этой девчушке. — Здесь красиво, — произнесла она наконец. — И это здорово, что ты привела меня сюда, но когда идут занятия...

— Хватит! — сердито прервала ее принцесса, сверкнув глазами. — Если ты будешь такой же нудной, как моя мама, тогда уходи отсюда. Если ты так будешь делать, то я совсем не хочу тебе помогать.

Это оказалось еще сложнее, чем передвигаться по незнакомой территории без карты. Неожиданно для самой себя Адхара поняла, почему ее так угнетало это поручение. Она не умела налаживать отношения с себе подобными. С Амхалом было все по-другому: ей удавалось его понимать, и он шел ей навстречу. А другие... Другие оставались для девушки загадкой, и прежде всего это касалось Амины, потому что ее настроение менялось без какой-либо на то причины, а это сбивало Адхару с толку.

Тебе никогда ее не убедить. Делай хорошую мину при плохой игре.

— Хорошо. Но только на сегодня.

— Это решаю я сама. А ты моя ученица и должна мне подчиняться. Что, забыла? —

Глаза девочки злобно сверкнули.

Адхара согласно кивнула в надежде, что так будет правильно.

— Тогда делай, что я тебе скажу.

А делать то, что она хотела, означало изнурять себя безудержными играми.

Они еще побыли в домике какое-то время, а затем Амина настояла на том, чтобы взять лук и отправиться на охоту.

Они битый час ползли по высокой траве, перепачкавшись в мокрой после прошедшего предыдущей ночью ливня земле.

А мне нечего будет надеть... — в отчаянии подумала Адхара.

Они хотели убить двух птиц, но промахнулись, и Амина обвинила свою подругу в том, что та была слишком шумной.

Затем Адхара должна была стать для принцессы мишенью.

— Стрелы все равно тупые, — стояла на своем Амина, когда девушка протестовала.

Но, видя, что Адхара слишком проворна, чтобы поразить ее, девочка в конце концов остановилась возле ствола одного дерева и принялась ругать свою компаньонку, по крайней мере так она считала, требуя, чтобы та стояла неподвижно. Несмотря на то, что стрелы были с отломанными кончиками, они больно ранили кожу Адхары. Девушка терпела. Похоже, что ей придется во всем потакать принцессе. Впрочем, Адхара должна была быть просто ее подругой, разве не так? Ведь принц для этого ее и взял. И все именно так и будет: она станет снисходительной и немногословной подружкой, безропотно позволяющей истязать себя.

После этой игры у Амины возникла прекрасная мысль о том, чтобы взять в руки мечи.

— Давай сражаться! — предложила принцесса, хлопая в ладоши.

— Посмотри, они острые, а это не игрушки. Мы рискуем серьезно пораниться.

Амина повела плечами:

— А мы осторожно. — С этими словами девочка стрелой помчалась к домику.

Вдох облегчения вырвался из груди Адхары, когда она увидела, как навстречу принцессе двигалась высокая и суровая фигура.

— Так, значит, ты сюда забралась. — Похоже, что этот убеленный сединами высокий худощавый мужчина с суровой внешностью был наставником Амины. — Я полагал, что твои родители понимают, в чем заключаются твои обязанности.

Амина молчала недолго.

— Это Адхара виновата. Это она предложила мне не ходить на занятия.

Девушка с недоумением посмотрела на принцессу, но та даже не обратила на это внимания.

Наставник посмотрел на Адхару, нахмутив брови:

— Что ж, посмотрим. А пока что обе идите мыться, а затем, как всегда, мы приступим к работе.

— Но это не моя вина! — не унималась Амина. — Я здесь ни при чем!

Делать нечего. Им обоим следовало возвращаться во дворец.

Амина исчезла за одной из многочисленных дверей, а Адхара в компании служанки, на вид ее ровесницы, осталась стоять в коридоре.

— Ты, если хочешь, можешь помыться внизу, у нас, — предложила она, глядя на одежду девушки.

Адхара посмотрела на запачканные штаны и изорванную рубашку. У нее едва хватило сил кивнуть.

Девушка искупалась быстро. На нижних этажах дворца не было горячей воды, и то, что, по словам служанки, называлось ванной, представляло собой обычную комнату с колодцем, из которого при помощи особых механизмов черпалась вода. На полу целая серия задвижек регулировала ее отток. Адхара опрокинула на себя целое ведро ледяной воды и, дрожа от холода, хотя было довольно жарко, выбрала себе из кучи одежды, что предложили ей служанки, пару платьев.

Она удрученно посмотрела на свою старую одежду. Она привыкла к ней, как если бы это была ее вторая кожа, но не имела ни малейшего представления о том, как привести ее в порядок.

Держа в руках старую одежду, девушка с выражением явного смущения на лице вошла в соседнюю комнату.

Это была прачечная, битком набитая сгорбившимися над мойками женщинами. В воздухе стоял терпкий запах мыла.

Адхара подошла к одной из прачек, показавшейся ей моложе остальных. Девушка пару раз кашлянула, чтобы привлечь ее внимание, но стоял такой грохот, что она была вынуждена коснуться ее плеча.

— Ну что?

— Ты не знаешь, как можно их почистить? — спросила Адхара, показывая свои вещи.

Служанка быстро и со знанием дела осмотрела одежду.

— И как же тебя так угораздило?

Это все последствия моей работы в качестве фрейлины принцессы, промелькнуло в голове Адхары, но она предпочла не распространяться на эту тему.

— Длинная история... Их можно как-нибудь восстановить?

— Ну, можно попробовать щелоком, а затем хорошенько натереть мылом, но здесь еще потребуется и машинное масло.

Прачка снова вернулась к своей работе, а Адхара в недоумении застыла на месте. *Щелок?*

— Прости меня, но я действительно понятия не имею, о чем ты говоришь. Вот если бы ты объяснила получше...

Прачка улыбнулась. Резким движением она выхватила вещи из рук Адхары.

— Ну, пока ты не освоишься здесь, твою одежду выстираю я.

Девушка вздохнула с облегчением:

— Ты правда очень любезна. Обещаю, что я научусь.

Прачка пожала плечами и указала на горы одежды вокруг:

— Ты видишь все эти вещи? Что изменится оттого, что я выстираю еще и твои? Не беспокойся. Придешь за ними послезавтра.

Адхара встретила Амину, когда та с мрачным видом выходила из двери своей комнаты. Вместо мужской одежды на ней было платье отменного качества. Едва встретившись с девушкой взглядом, она опустила глаза и поспешила удалиться.

Адхара едва ли смогла бы сказать, откуда у нее взялась такая решимость, но неожиданно что-то забурлило у нее внутри. Она прибавила шаг, догнала принцессу и остановила ее, схватив за руку.

Девочка попыталась вырваться.

— Оставь меня, что тебе нужно?

— Я не виновата, — просто ответила Адхара, пытаясь придать твердости своему взгляду. Возможно, она почти ничего не знала о человеческих взаимоотношениях, но если ты ведешь себя вежливо, то и к тебе должны относиться так же. — Я потакала тебе, играла с тобой и делала все, что ты хотела. И что же я получила? Порванную одежду и несправедливое обвинение.

И хотя Амина и так была вся красная, ее лицо снова вспыхнуло.

— Если тебе не нравится, уходи. Я не заставляю тебя оставаться.

Адхара ослабила хватку.

— Я не это хотела сказать...

Но потом девушка поняла, что ей не следовало сдаваться. Она была права, и это было вполне справедливое желание расставить все по своим местам.

— Я просто хочу сказать, что мне не нравится, когда ты используешь меня в качестве прикрытия собственных промахов. Если мы должны подружиться, то тебе следует меня

уважать.

Амина опустила глаза, и Адхара явственно ощутила, как принцесса вот-вот разревется. Но когда девочка подняла голову, то у нее на лице вновь было ее неизменное выражение презрительности и надменности.

— Если бы ты не наделала всего этого шума, нас бы не нашли.

Она окончательно высвободила свою руку и, громко топая, быстро пошла по коридору.

В тот вечер Амхал не пришел. Напрасно Адхара ждала его на большой террасе, выходявшей в сад перед дворцом. Положив голову на ладони, девушка в одиночестве смотрела за тем, как солнце садилось за город, медленно сжимая в красно-лиловое кольцо золотые крыши дворцов. Разочарованная девушка ушла, когда было уже темно. Дважды она сбивалась с пути, прежде чем добраться до своего пристанища. Во дворце было необычайно тихо. Адхара ждала, что ее вызовет к себе Неор, хотя бы для того, чтобы получить отчет о прошедшем дне и, скорее всего, дать понять, что она не справилась со своей работой. Быть может, это даже доставило бы ей удовольствие. Тогда бы она смогла беспрепятственно вернуться к Амхалу и, несмотря ни на что, найти способ остаться с ним, только бы быть подальше от удушающей атмосферы дворца. И снова, как и прежде, она осталась бы наедине с Амхалом. Это — любовь, как назвал ее чувство Неор. Это чувство связывало принца с его женой, Дубэ с Леарко, удерживая их вместе все эти годы.

Это чувство было незнакомо Адхаре, она не понимала значения этого слова, но если это то, что связывает их крепкими узами, то тогда она с радостью прониклась бы к Амхалу любовью. Потому что она отчаянно в нем нуждалась.

Солнечный свет с силой хлынул в зал. Еще один прекрасный летний день. Однако лица сидевших вокруг стола людей выглядели безрадостно. В комнате находились Леарко, Неор, Дубэ и Теана, второпях примчавшаяся из храма, не успевшая даже снять с себя церемониальные одеяния.

Именно она изъявила желание организовать эту встречу. Она намеревалась пригласить Дубэ в храм, но королева сообщила, что созывает всех во дворец.

— Пришла пора вместе обсудить наши дела, — заявила Дубэ, и Неор не мог не согласиться с ее словами.

Принц долго ожидал, что подозрения, связанные с болезнью, развеются. Он надеялся, что речь идет всего лишь о единичных случаях красной лихорадки. Надежды оказались напрасными. Впрочем, он чувствовал своим нутром, что все подтвердится, да и логика его не подвела. Надвигалась буря.

— Ну и что? — устало спросил Леарко.

Годы были к нему безжалостны: в последнее время силы часто оставляли его. Неор принимал за него решения почти постоянно, оставляя за ним только его общественные обязанности.

Теана выступила вперед.

— У меня плохие новости, — начала она. — Отправленный мной для проведения расследования член Ордена сообщил следующее: он и один из агентов королевы обнаружили тело некоего иностранца, умершего от болезни. В данном случае речь идет не о человеке, не о нимфе, не о представителе какой-либо еще известной нам расы, проживающей во Всплывшем Море.

Лица присутствующих стали еще мрачнее, и у всех разом возникло ощущение, что погас свет.

— Никаких опознавательных знаков, никакого оружия при нем не оказалось. Кроме того, у него были перекрашены волосы. Его настоящий цвет глаз — лиловый, а волосы от природы — зеленые.

Неор мгновенно все понял. Он много читал и имел колоссальную память: так он преодолевал немощь своего больного тела. Освободить свой ум, совершенствуя его на манер физических тренировок, и таким образом путешествовать, познавать, знакомиться.

— Это эльф, — произнес он, и это слово словно скала обрушилось на собравшихся. — Я много читал о них. А еще видел кое-какие старинные фрески.

Тогда Теана обратилась ко всем в зале:

— Я полностью согласна с принцем. Тот человек — эльф. И он не единственный. Один юноша из свиты вашего величества несколько дней тому назад убил в Салазаре двоих мужчин, угрожавших девушке. По некоторым свидетельствам, их тела обладали теми же признаками, что тот, которого обнаружил брат Ордена. Это были эльфы, и они были больны. А затем в Салазаре появились первые случаи заражения этой болезнью.

Наступившая тишина казалась бесконечной.

В мозгу Неора роилось множество вопросов. Что делали там эльфы? Насколько ему было известно, когда прибывшие из пустынных мест люди и представители других рас начали заселять Всплывший Мир, то презираемые всеми эльфы ушли в Неведомые Земли. Почему они заболели? Обычное совпадение? А почему тогда они изменили внешность?

— Это они принесли болезнь, — произнес он наконец. Принц всем телом ощущал направленные на него взгляды. — Они несут за собой эту заразу.

— Это утверждение мне кажется несколько рискованным... — заметил Леарко.

— Насколько нам известно, все трое — эльфы и все трое были больны. А изменили они внешность с тем, чтобы никто не мог их узнать. Через несколько дней после их появления в Салазаре болезнь пришла и туда. Хотите, чтобы мы сочли это простым совпадением?

— До сих пор неизвестно, существуют ли еще эльфы, возможно, речь идет о ком-нибудь другом... — не сдавался Леарко.

— Это эльфы. Свидетели не лгут, — решительно заявил Неор.

— Как бы то ни было, это все же может быть просто совпадение, — вступила в спор Дубэ.

— Безусловно. Ты считаешь, что для проведения расследования полученных данных недостаточно?

Снова наступила тишина.

— Первым делом нужно найти способ лечения этой заразы, — продолжил принц.

— Это совсем не просто. Потребуется специальные лаборатории, люди... — заметила Теана.

— Я не говорил, что это просто. Сколько земель уже заражены на сегодняшний день? — обратился Неор к своей матери.

— По моим данным, Земля Воды и Земля Ветра.

— Если здесь замешаны эльфы, то болезнь будет распространяться и дальше. И нам нужно остановить ее.

— На Совете никто не говорил о ней, — возразил Леарко. — Никто ничего не сказал.

— В Земле Воды считают, что в этом виновны нимфы, и поэтому они не хотят выносить сор из избы. В Земле Воды опасаются прекращения всех взаимоотношений, — ответил ему Неор. Его мозг работал полным ходом. — Необходимо поставить Совет в известность о сложившейся ситуации. Мы должны послать курьеров с донесениями, а тем временем подумать о себе. Усилить контроль на границах и в местах скопления людей, не вызывая при этом лишнего волнения. Сейчас нет смысла извещать народ об опасности. В противном случае мы поседем только панику. — Затем принц обратился к матери: — Нужно идти туда, откуда пришла зараза.

Дубэ достаточно было одного только взгляда, чтобы понять, о чем речь.

— Дорога в Неведомые Земли будет долгой, я там уже была. А эльфов я там не видела.

— Дай своим людям дракона и прикажи отыскать эльфов любой ценой. Нам нужно понять, есть ли в том их вина, а если мои предположения подтвердятся, узнать, почему они это делают.

Дубэ согласно кивнула:

— Я пошлю своих людей.

— Предупреди своих агентов, чтобы не спускали глаз с чужеземцев. Если среди них

снова окажутся эльфы, мне непременно нужно их увидеть. Но только живыми.

На присутствующих будто ледяным ветром пахнуло: Неор всегда был суровым и беспощадным, когда разрабатывал свои планы. Дубэ ничего не оставалось, как согласиться с ним.

— Если не возникнет иных трудностей, могу сказать, что через неделю или даже раньше мы уже будем в курсе.

Все присутствующие встали один за другим. На улице над великолепными дворцовыми садами светило солнце. Однако после хрупкого затишья длиной в пятьдесят лет вновь что-то затевалось. Неор напряг зрение. В парке он разглядел фигуру своей дочери. Она ехала верхом на лошади в сопровождении наставника и Адхары. От резкой боли в груди учащенно забилося его сердце. Приближались времена, когда он будет вынужден принимать ужасные решения и когда все его усилия, направленные на созидание, будут поставлены под сомнение.

Он вспомнил книгу Сеннара и последние слова мага, сказанные перед тем, как покинуть Всплывший Мир: *«Вернутся мир и надежда, а затем снова мрак и отчаяние»*.

Пятьдесят лет они наивно полагали, что разрушили этот замкнутый круг, который время от времени приводил Всплывший Мир к катастрофе. За пятьдесят лет они забыли, что такое война. Быть может, бестия снова требует своей жертвы.

Что же там происходит?

16

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Неделя выдалась для Адхары весьма насыщенной: каждый день с тираничной принцессой, которая и слышать не хотела никаких наставлений, заканчивался тем, что девушка попадала в очередной переплет.

Они встречались по утрам, и Адхаре приходилось с боями заставлять девочку учиться. Амина всякий раз пыталась улизнуть, но довольно скоро девушка поняла, что с ней можно договариваться.

— Если ты пойдешь на занятия, то обещаю тебе, что после обеда мы посостязаемся с тобой на мечах.

Или:

— Если пойдешь на урок по верховой езде, я дам тебе свой кинжал на целый день.

Такие весьма изнурительные переговоры очень часто заканчивались победой Адхары. Однако пару раз ей в буквальном смысле приходилось вытаскивать Амину из сада, чтобы привести к очередному наставнику. Девочка больше не пыталась сваливать вину на Адхару, так, как это было в первый день. Она ворчала, с недовольством выслушивая упреки преподавателей, но в конце концов занимала место за партой и выполняла свои обязанности, но с таким скучающим выражением лица, какое только могла изобразить.

А между тем Адхара совсем по-иному воспринимала время, отводимое на учебу.

Поначалу она думала, что будет лучше держаться в стороне, ведь учеба ей представлялась уделом господ, а не таких, как она, бедных и ничего не знающих девушек.

— Принц говорит, что вы, если хотите, также можете присутствовать на уроках.

Адхара застыла в дверях. Во-первых, потому, что впервые к ней обратились на «вы», и это произвело на нее странное впечатление, и, во-вторых, потому, что не надеялась на такую возможность.

— Я? — растерянно спросила девушка, тыча себе в грудь пальцем.

Преподаватель посадил лорнет точно себе на нос.

— Именно вы.

Адхара смущенно села и принялась слушать. Она далеко не все понимала, ведь Амина училась уже не один год, и поэтому много из того, что она знала, было для Адхары неизвестно. Зато она хотела учиться. Так она получила возможность постигать мир, в

котором внезапно оказалась, и выяснять подробности своего прошлого иным способом.

Была и еще одна несомненная удача — девушка получила доступ к библиотеке, где могла возобновить свои поиски. И она попросила разрешения на то, чтобы воспользоваться книгами.

— Вечером, когда уйдет Амина, — таков был ответ наставника.

Адхара часто ходила в библиотеку, дотемна просиживая над книгами. Чтение ей давалось легко — верный признак того, что, по всей вероятности, в своем загадочном прошлом она получила хорошее образование.

В библиотеке она часто бывала не одна. Впервые увидев Калта, девушка замерла от неожиданности в дверях. Принц сидел за столом, с прямой спиной и слегка нахмутив лоб, и при свете свечи читал толстую книгу. Адхара была поражена его необычайным сходством с сестрой. Тем не менее выражение его лица резко отличалось от выражения лица необузданной принцессы: в серьезном взгляде Калта читалась глубокая сосредоточенность; гладкий лоб, пронзительный взгляд делали его похожим на взрослого в еще не созревшем теле ребенка. У Адхары возникло смутное ощущение того, что перед ней Амина, но с другой душой. Девушка собралась уходить, но Калт ее остановил.

— Библиотека большая, места обоим хватит, — произнес он, не отрывая глаз от книги.

И даже голос у него был взрослый.

— Мне не хотелось вам мешать...

Наконец Калт поднял голову и улыбнулся девушке. Он унаследовал много отцовских черт: тот же умиротворяющий голос, тот же приглушенный огонь в глазах.

— Как я думаю, ты пришла сюда затем, чтобы читать, не так ли? И потом, давай перейдем на «ты», ты ведь старше меня.

Он чуть-чуть отодвинул стул, ровно настолько, чтобы позволить девушке пройти. Адхара нерешительно шагнула вперед.

Она попыталась заняться своим привычным делом. Взяв книгу, оставленную ею на середине, девушка принялась усердно ее изучать. Однако присутствие Калта, неподвижного, словно восковая фигура, доставляло ей явное неудобство. Он то и дело перелистывал страницы, временами делая пометки на пергаменте длинным и изящным пером.

Девушка следила за ним украдкой, сравнивая размеренное спокойствие принца с беспрестанным неистовством его сестры.

— Это она? — внезапно спросил Калт.

Адхара вздрогнула. Затем она увидела, как мальчик указывал на руку девушки. Там красовался довольно приличных размеров синяк, ставший одним из ее первых «боевых ранений», полученных в результате удара рассерженной принцессы во время игры с деревянными мечами.

— Это случайно, — ответила Адхара.

Калт усмехнулся:

— Когда мы были совсем детьми, часто играли вместе. Но мне никогда не нравились ее жестокие игры. Однажды она опрокинула на меня кипящую воду... — Принц поднял рукав и показал большое светлое пятно на своем предплечье. — Это была просто шутка... но с тех пор мы больше не играем.

Затем последовало долгое молчание, которое Адхара была не в силах чем-то заполнить.

— Но ты не сдавайся, — снова продолжил Калт с некоторой тоской во взгляде. — Ты нужна ей. — Принц закрыл книгу и улыбнулся. — Я устал, — добавил он, вздыхая. — Спокойной ночи! — И мальчик направился к двери.

После этого вечера Адхара встречала его еще раз два. Они обменивались парой слов, но по какой-то непонятной причине девушке доставляло удовольствие видеть принца на своем привычном месте, когда он в полном одиночестве сосредоточенно изучал книги. После целого дня общения с безудержной Аминой девушке было приятно ощущать уверенное спокойствие, которое внушала его фигура.

А между тем Адхара продолжала свои поиски. Она возобновила их с того места, где

они когда-то были приостановлены, а именно с загадочной секты Недремлющих. Она искала повсюду, перечитывая книгу за книгой и одновременно изучая множество новых сведений о тех местах, где жила. Но все ее усилия оказались бесполезными. Иногда вечерами она просто засыпала над книгами, поскольку почти вся вторая половина дня была посвящена только играм, зачастую неистовым, опасным и бессмысленным. Амина с наслаждением верховодила своей фрейлиной, сваливая на нее всю тяжесть собственной власти. Принцесса отличалась переменчивостью настроения: сначала она могла быть вежливой и дружелюбной, а затем внезапно становилась деспотичной и несговорчивой. При этом она требовала от Адхары беспрекословного выполнения всех ее приказаний.

Поначалу девушка думала, что лучше всего просто потакать Амине во всех ее прихотях. Не стоило злить ее, поскольку она была принцессой. Но вскоре некий внутренний импульс стал подталкивать девушку выражать свое недовольство, как в тот день, когда ее несправедливо обвинили. Инстинкт ей подсказывал, что она была права не только потому, что хотела избавиться от капризов девочки, но также во благо самой Амины. Адхара понимала, что под высокомерием, невыносимым характером и вспышками гнева принцессы скрывались растерянность, которую она испытывала при столкновении с окружающим миром, и чувство одиночества — и то и другое было так знакомо новоиспеченной фрейлине. Неор оказался весьма прозорливым человеком, когда свел их друг с другом, потому что они и в самом деле были во многом похожи.

С другой стороны, Амина хотя и сумбурно и неумело, но тоже пыталась во всем разобраться и отыскать свое место в этом мире. И тогда в отчаянной попытке сделать действительность похожей на свои желания она просто начинала бунтовать. Девушка испытывала к принцессе внутреннюю симпатию, которую не могло развеять даже ее раздражающее поведение. Будь Адхара более твердой и менее податливой, она смогла бы перевести их взаимоотношения на другой уровень.

Однажды, после своих настойчивых просьб, Амине удалось добиться согласия Адхары на занятия с мечами.

Девушка пыталась и так и сяк отговорить ее от этой затеи.

— Они очень острые. Мы можем пораниться.

— А мы будем внимательны.

— Это не игрушки.

— Прошу тебя, только две минутки! Тем более что я уже тренировалась с настоящим мечом, ты же знаешь. И потом, мы уже бились на деревянных мечах, что почти то же самое.

Девочка на каждое замечание Адхары приводила свои доводы, и тогда фрейлина решила положить конец этим спорам. Она не помнила, чтобы когда-нибудь в прошлом ее обучали военному ремеслу, однако та непринужденность, с которой она сжимала рукоять своего кинжала, наталкивала ее на мысль о том, что она кое-что смыслила в этом деле. У Амины разгорелись глаза. Она поспешно выскочила вперед, с вполне очевидным намерением делать все всерьез.

Адхара двигалась естественно, как всегда полагаясь на реакцию собственного тела, а сама тем временем с невероятным изяществом и плавностью осторожно перемещалась с одного места на другое. Девушка отражала удары сбоку, сверху, снизу, затем искусно уходила от них.

Амина стала напирать еще сильнее, и вскоре ее движения полностью потеряли координацию. Она хотела просто сорвать свое зло и получить от этого удовольствие. Ее глаза покраснели, и, когда Адхара, отражая последний удар принцессы, выбила из ее рук меч, девочка закричала и, раздосадованная, принялась топтать ногами. Затем она остановилась и тихо заплакала, сжав руки в кулак и опустив голову вниз. То были слезы разочарования и бессилия.

Адхара очень хорошо понимала ее состояние. Она позволила девочке полностью излить свои чувства, не пытаясь обнимать и утешать ее, как маленького ребенка, поскольку Амина сочла бы это за оскорбление.

Принцесса сама вытерла рукой слезы со щеки, когда вдоволь наревелась. Затем она подняла на Адхару горящий взгляд.

— Не говори никому о том, что я плакала, — буркнула принцесса.

Адхала приветливо улыбнулась:

— Конечно же не скажу.

Только тогда девушка подошла к Амине и положила свою руку ей на плечо. Теперь принцесса уже не смотрела на нее с прежней злобой.

— Во всяком случае, — добавила Адхара, — несколько дней тому назад твой отец сказал мне, что нет ничего плохого в том, чтобы быть иногда слабым. Ты не должна этого стыдиться. — Она прикусила губу. — Я часто оказываюсь в таком положении.

— Мой отец, — выпалила Амина. — Он всегда так красиво говорит, а еще что он на моей стороне, и я в это и в самом деле верю, но...

Адхара ждала, чтобы девочка сама подыскала подходящее слово.

— И потом, он позволяет держать меня в этой золотой клетке. Он поддерживает мою мать, когда та заставляет меня делать такие скучные вещи, как примерять платья и тому подобное. А я не хочу делать то, что делает она, мне хочется чего-то другого... — Девочка вздохнула. — Меня всегда все это так раздражает! А я хотела бы делать то, что мне по душе... Либо просто встретить кого-нибудь, кто бы был всегда рядом. А вместо этого отца никогда нет, а моя мать ничего не понимает.

Адхара пожала плечами:

— Успокойся. Я чувствую то же самое, потому что никак не могу понять, где я, кто я и почему так получилось, что я умею драться. Единственный человек, который был мне действительно дорог, кажется, и в самом деле исчез, — сказала она, слегка покраснев.

Амина посмотрела на нее с грустью:

— Мне правда хочется, чтобы ты стала моей подругой.

Адхара почувствовала, как что-то шевельнулось в недрах ее души. Быть может, причиной тому стал взгляд и тон, которым были произнесены эти слова. Впервые ей показалось, что она нашла свое собственное скромное место в этом непонятном мире. Она стала для этой девочки якорем, еще совсем крошечным и шатким, ее неустойчивым ориентиром. Девушка обняла принцессу за плечи:

— Вот увидишь, мы подружимся.

В первые дни недели Амхал с головой погрузился в свои занятия в качестве воспитанника всадника. По утрам он тренировался, днем нес патрульную службу и охранял дворец, а вечером ужинал в Академии. Молодому человеку было крайне необходимо восстановить прежние взаимоотношения с Мирой. Ему так их не хватало во время выполнения миссии, когда он был вынужден действовать в одиночку. Но прежде всего Амхал ясно осознавал, в каком отчаянном положении он оказывался в отсутствие своего учителя. Едва исчезала его тень, как в сопровождении призраков прошлого вновь возвращалась прежняя ярость. Амхалу казалось, что он не в силах с ней справиться и что все катится в бездну. Несмотря на все усилия и труды, он еще не стал всадником и уже не был уверен в том, что когда-нибудь сможет им стать.

Адхара ушла на второй план. Постепенно стали меркнуть и воспоминания о днях, проведенных с нею.

Его снова окружал привычный порядок вещей, в котором он жил до встречи с девушкой, и Амхал забыл навестить ее.

Но на исходе недели тоска по Адхаре дала о себе знать с новой силой. Приятные воспоминания о том, чтобы быть кому-то полезным, вызвали в нем щемящее чувство вины за то, что он так и не протянул девушке обещанную руку помощи. И он решил встретиться с Адхарой.

Он обратился к Мире за разрешением поужинать в городе.

— Любовное свидание. — Учитель хитро подмигнул Амхалу.

Молодой человек покраснел.

— Я просто хочу навестить одну знакомую.

Амхал встретил девушку в саду, когда та, погрузившись в глубокие раздумья, стояла, облокотившись о перила. Он отчетливо представил себе, что Адхара ждала именно его, и у него защемило сердце от осознания того, какой одинокой и брошенной всеми, должно быть, она ощущала себя в этом городе.

Девушка первой нарушила повисшее молчание:

— Я очень рада, что ты пришел.

Амхал уселся напротив Адхары и долго смотрел на нее. Глаза девушки были проникнуты новым осознанием. Он улыбнулся:

— Ну и как идут твои дела?

Адхара посмотрела на его руки, израненные от бесконечных упражнений и изнурительных наказаний, которым он беспрестанно подвергал себя, когда допускал ошибки. Молодой человек пытался скрывать свои раны, то и дело скрещивая руки.

— Все так же продолжаешь истязать себя?

— Пустяки, это всего лишь тренировки.

— И это тоже? — Девушка коснулась своим пальцем красноватого шрама, чуть влажного от едва проступившей на его поверхности желеобразной крови.

Молодой человек вздрогнул:

— Да.

— Что на этот раз?

Амхал не смог уклониться от ответа. Его взгляд продолжал еще какое-то время бессмысленно блуждать, но потом Амхал снова внимательно посмотрел в глаза девушки.

— Старая история. Я не сдержался... Впрочем, как всегда, я ошибся. Я повздорил с одним человеком. Ну и тогда... тогда я стал еще усердней заниматься.

Адхара посмотрела на юношу с укором и беспокойством одновременно.

Никто в Академии не достаивал его такого взгляда, даже Мира, который, замечая следы на его руках, просто сильно раздражался и просил юношу больше такого не делать. Взгляд Адхары был проникнут нежностью, сулившей ему доселе неведомую безмятежность.

— Ты должен прекратить это. Только напрасно истязаете себя. Вовсе не наказанием ты решишь свои проблемы.

— Я не вижу другого выхода.

— Приходи ко мне, когда будет невоготу, когда тебе будет нужна помощь.

Юноша что было сил сжал руки девушки:

— Ты изменилась, Адхара, ты стала взрослее. А теперь расскажи о себе. Как прошла эта неделя?

Они проболтали весь вечер. Адхара обратила внимание на то, что рассказывать теперь стало намного проще, чем ей представлялось. Она поведала Амхалу о данном ей Неором поручении, об Амине, о ее несуразном характере и о ее привычках. Внезапно девушка осознала, что весь накопленный ею за неделю опыт в конце концов начал выстраиваться в некую линию с едва различимыми очертаниями, которую вплоть до сего момента, как ей казалось, было совершенно невозможно хоть как-то упорядочить. Но теперь в беседе с Амхалом все становилось на свои места: рассказывая ему о своих проблемах, она как бы избавлялась от них, одновременно постигая их истинный смысл.

— Я очень сожалею, что оставил тебя одну.

Девушка пожала плечами. От досады, что копилась в ее душе все эти дни, не осталось и следа.

— Главное, что время от времени ты будешь меня навещать.

Юноша снова сжал руки Адхары:

— Непременно. Я обязательно приду. — Затем он глубоко вздохнул. — Как бы то ни было, дело вовсе не в том, что я не хотел приходить. Ситуация становится очень серьезной.

Вечер уже не был таким приятным.

Амхал рассказал девушке о том, что Академия приведена в состояние боевой готовности и все теперь очень заняты. Деревня, жители которой погибли от заражения той самой болезнью, с которой молодые люди столкнулись еще в самом начале своего пути, в действительности оказалась далеко не единственным случаем. Новые сведения просачивались с трудом, и тем не менее ходили слухи, что весь юг Земли Воды оказался во власти этой напасти.

— В каком-то смысле она очень похожа на красную лихорадку, но при этом гораздо агрессивнее. Уже сейчас насчитываются сотни жертв.

Но это еще не все. Салазар, наряду с другими поселениями, в особенности с теми, что граничили с Сааром, оказался помещенным в карантин. Неблагополучно обстояли дела и в Земле Скал. Находившиеся в непосредственной близости от Саара некоторые селения оказались уже зараженными. Но наиболее тяжелая ситуация сложилась в Земле Воды.

— В тех местах не было ни единого случая заражения этой болезнью нимфами.

Подозрения, возникшие у них с самого начала, подтвердились: казалось, что болезнь обходила стороной только тех, у кого в жилах текла кровь нимф.

— Это обстоятельство вызывает волнения. Взаимоотношения между людьми и нимфами и так никогда не были очень хорошими, а теперь и вовсе многие в тех местах считают, что все это — следствие заговора нимф, устроенного ими с целью полного захвата власти в Земле Воды. А это совершенно бессмысленно. То есть в других землях также имеют место случаи заражения... Но ситуация накалена до предела, и есть риск возникновения гражданской войны. Некоторые селения остаются в изоляции, на юге уже начинает ощущаться нехватка продуктов питания. По этой причине одни всадники были разосланы в эти неблагополучные районы, а другие, наоборот, отправились с заданием поддерживать карантин в зонах заражения.

— А ты? — шепнула Адхара.

— Я остаюсь.

Девушка выдохнула с облегчением.

— Мира продолжает заниматься подготовкой дворцовой охраны, но по причине нехватки людей на него возложены еще и обязанности по поддержанию общественного порядка здесь, в Макрате, и я помогаю ему. — Амхал задумался на мгновение. — Мне кажется, что я снова вернулся назад во времена, когда только-только приступил к обучению в Академии: я стаптывал сапоги с утра до самого вечера, вылавливая воров и умирив драки на улицах этого проклятого города. Далеко не самый благодарный труд.

Молодые люди рассмеялись, однако возникшее между ними напряжение не исчезло.

— Что же все-таки происходит? — напрямик спросила девушка.

— Не знаю. Боюсь, что что-то очень плохое. Но мы делаем все, что в наших силах, чтобы справиться с этим, — уверенно добавил юноша. — Вот увидишь, у нас все получится.

И Адхаре показалось, что она и в самом деле смогла в это поверить.

Девушка проводила Амхала до ворот, отделявших дворец от остальной части города.

— Спокойной ночи и не забывай про меня, — сказала она с улыбкой.

— Я никогда тебя не забывал, — серьезно заметил молодой человек. — Я шагу не ступаю, чтобы не вспомнить тебя. Ведь я еще не вернул тебе всего того, что принадлежит тебе по праву.

Впервые в жизни Адхара подумала о своем прошлом как о чем-то совсем незначительном. Ее настоящее, этот вечер, проведенный вместе с Амхалом, были живыми и самыми что ни на есть подлинными. Разве в ее прошлом было что-либо подобное?

— Сейчас я ходатайствую о том, чтобы организовать твою встречу с Верховной Жрицей, но не все так просто. Она очень занятой человек. И все же я надеюсь получить ее аудиенцию как можно скорее.

Впрочем, это оказалось равносильным тому, чтобы подменить прошлое настоящим.

Ведь именно благодаря своей пустой памяти она смогла встретить Амхала. Адхара подумала о том, что она охотно платит эту цену.

— А пока что обещай мне, что время от времени ты попытаешься уделять и мне немного времени.

— Я буду приходить каждый вечер.

— Не стоит брать на себя обязательства, которые ты не сможешь выполнить.

— Это не обязательства, а обещание.

Молодые люди умолкли, и Адхара, привстав на носки, придвинулась к Амхалу и поцеловала его в щеку.

Борода юноши щекотала ей губы. Девушка еще никогда никого не целовала. От этого прикосновения тело девушки захлестнула необычайная волна эмоций.

— Тогда до скорого, — не дав девушке опомниться, произнес Амхал и, войдя в ворота квартала для прислуги, растворился в ночи.

Вечер, проведенный с Адхарой, и подаренный ею при расставании поцелуй произвели на Амхала необыкновенное впечатление. Юноша чуть было не потерял голову, но едва ли он сожалел об этом.

Молодой человек уснул, пребывая в плену приятного томления, и его сознание окунулось в череду беспорядочных и непонятных сновидений.

Воспоминания прошлого сливались воедино с невероятными образами настоящего. Он чувствовал, как его тело мучительно металось по кровати, будучи не в состоянии обрести покой.

Потом снова этот черный силуэт без лица, со сверкающим сбоку мечом и хлопающим от ветра плащом.

Они оба — и стоявший перед ним человек, и он сам — находились в безлюдной пустыне, сбиваемые с ног неистовыми порывами ветра.

Пыль, поднимаясь вверх, закручивалась в темном вихре; земля была сплошь усыпана мельчайшими кусочками кристалла.

— Последний раз это произошло именно здесь, — произнес мужчина.

— Кто ты? — спросил его Амхал.

Человек в черном не ответил.

— Вот отсюда мы и отправимся в путь. Я скоро появлюсь, очень скоро, и принесу тебе то самое спасение, которого ты так долго ищешь.

— Кто ты? — снова выкрикнул Амхал.

И хотя эта фигура вызывала в юноше некоторое беспокойство, он ощущал исходившую от нее уверенность, побуждавшую целиком и полностью довериться его словам.

Амхал впервые смог немного разглядеть лицо этого мужчины. Искренняя и в то же самое время жестокая улыбка.

— Ты скоро узнаешь.

Видение исчезло, погружая Амхала в полный мрак. Юноша почувствовал, как стал падать вниз, и закричал что было духу.

Проснувшись, Амхал увидел, что сидит на кровати и кричит. Он снова был в своей комнате. Его тело колотила сильная дрожь. За окном луна прошла уже приличную часть своего небесного маршрута. Юноша спал всего несколько часов.

Легкое возбуждение, вызванное в нем Адхарой, вновь улетучилось, и он снова почувствовал себя одиноким и растерянным. Амхал провел рукой по лбу.

Человек в черном появился на следующее утро. Макрат оказался в тисках невыносимого зноя, крыши и купола дворцов раскалились от солнца, направлявшего свой жар и на кирпичи дворцовой кладки, и на спины городских прохожих.

Он остановился напротив главных ворот и обратился к часовому. Человек назвал свое имя, но охранник продолжал смотреть на него непонимающим взглядом.

Он слишком молод, чтобы знать меня.

— Доложи, пожалуйста, обо мне его величеству. Я уверен в том, что он уже ждет меня, — сказал с улыбкой Сан и приготовился ждать.

17 ГЕРОЙ

Леарко с замиранием сердца шел по коридору. Со времени битвы, похоронившей планы Гильдии убийц и его отца Дохора о всеобщем господстве и тотальном разрушении, прошло уже пятьдесят лет. Он впервые увидел его на поле сражения в клубах пыли, среди покрытых пеплом развалин храма, уничтоженного огнем драконов.

Идо перед своей смертью поручил ему заботу о мальчике. «Спрячь его в безопасном месте». Это были последние его слова.

Если бы Леарко хорошо сосредоточился, то наверняка смог бы вновь ощутить в своих крепких объятиях тепло маленьких плеч Сана. Тогда Сану было всего двенадцать.

Да, он спрятал его, но потом помчался спасать Дубэ. В тот момент только это больше всего на свете его волновало.

Потом Леарко искал Сана среди развалин, но так и не нашел. Тело Идо покоилось на земле, но при нем уже не оказалось того самого меча Ниал из черного кристалла, с которым гном сражался в своей последней битве. Бесследно исчез и дракон Идо.

Леарко вдвоем с Дубэ еще какое-то время продолжали искать мальчика. Новый король Земли Солнца чувствовал свою вину: Идо доверил ему Сана, и Леарко должен был присматривать за ним. Но нужно было еще преодолевать ужасные последствия войны и заново обустраивать Всплывший Мир. Леарко, вынужденный расстаться с мыслью отыскать мальчика, всю свою жизнь так и не смог простить себе этого.

А теперь некто стоит у дверей и как ни в чем не бывало представляется Саном, спустя столько лет вернувшимся бог весть откуда.

Король почти бежал по коридорам, не обращая внимания на удивленные взгляды придворных и прислуги. Он не мог ждать. Он непременно должен был увидеть Сана или строго наказать самозванца.

Но как он узнает, кто перед ним? Ведь прошло уже целых пятьдесят лет!

Король распахнул дверь и вошел в зал ожидания, украшенный гобеленами с изображениями героев Всплывшего Мира.

Посреди комнаты стоял высокий человек весь в черном, за спиной — плащ, на ногах пыльные сапоги, словно он прибыл издалека. Сбоку характерный контур черного меча с единственной белой деталью, высеченной на спиралевидной рукояти в форме драконьих крыльев, — головой дракона. Леарко почувствовал, как у него перехватило дыхание, — это был меч Ниал.

Человек обернулся. Заостренные уши, поседевшие волосы с характерным синеватым оттенком. И глаза, лиловые глаза полуэльфа, доставшиеся ему в наследство от бабушки и отца.

— Это и в самом деле ты... — пробормотал король.

Сан улыбнулся:

— Вижу, что в мое отсутствие ты не сидел без дела.

Леарко горячо прижал Сана к себе, с трудом удерживая вырывавшиеся из груди всхлипывания.

— Это и в самом деле ты...

Сначала они разговаривали наедине, пытаясь восстановить прерванную столько лет назад нить разговора.

— Я так долго тебя искал. Мне не давали покоя слова Идо, ведь я знал, что моим долгом было забрать тебя с собой, но эта война, свадьба. И потом, этот проклятый мир никак

не хочет жить спокойно и сохранять установленный порядок на долгие годы.

Сан поднял одетую в перчатку руку:

— Я на тебя не в обиде. Ты делал все, что было в твоих силах. Это я не желал, чтобы меня нашли.

Леарко смотрел на Сана не отрывая глаз. Он выглядел невероятно молодо. В том была заслуга текшей в его жилах крови полуэльфа. Несколько морщин на лбу, возле рта и вокруг глаз. У него было сухопарое, тренированное, внушительного вида тело воина. Зато в его лице проглядывали совсем детские черты. Из-под суровой маски взрослого человека пробивалось что-то по-ребячьи хрупкое и трогательное, словно он так и остался ребенком. А еще он был красив, и король не без гордости думал об этом, словно это был его сын.

— Но куда же ты пропал тогда? Я пытался разыскать тебя среди развалин и даже послал за тобой своего человека, а сам в это время вместе с Дубэ собирал воедино осколки Всплывшего Мира.

Сан пожал плечами:

— Мне хотелось побыть наедине. Мне нужно было осмыслить смерть Идо и свою вину.

— Ты ни в чем не виноват, — уверенно сказал Леарко. — Ты был еще ребенком и поэтому так себя вел.

Искра гнева вспыхнула в глазах Сана.

— Мне никак нельзя было отправляться в храм и пытаться в одиночку противостоять секте. Да, я был очень силен, но мне нужно было понять, что моих умений было явно недостаточно, чтобы уничтожить сотни людей только силой собственной магии.

Леарко положил Сану руку на плечо.

— Здесь нет твоей вины, — вновь повторил он.

Сан посмотрел на свои руки в тяжелых перчатках из черной кожи. Затем, придя в себя, он продолжил:

— Как бы то ни было, я очень долго путешествовал сначала по Всплывшему Миру, а потом и за его пределами, по ту сторону реки. Я вернулся в дом своего деда и принялся за учебу. Все пятьдесят лет я только и делал, что бродил по свету. — Сан устало улыбнулся. — А ты? Я много хорошего слышал о тебе.

— Мы вместе с Дубэ отдали почти всю свою жизнь Земле Солнца и Всплывшему Миру, — ответил Леарко. — Наконец эти земли обрели долгожданный покой. Я до сих пор прилагаю все свои усилия для того, чтобы все оставалось таким же, как и теперь, когда меня не станет. Я непременно познакомлю тебя с моим сыном.

— Я слышал, что тебя зовут Справедливым.

— Это преувеличение, — смущенно возразил король.

— Но ты и в самом деле заново отстроил весь мир.

Леарко встал:

— Пора представить тебя и остальным. Ты извини меня. Но мне действительно сначала нужно было встретиться с тобой наедине: я должен был быть уверен в том, что это именно ты.

Сан понимающе улыбнулся:

— Отлично тебя понимаю.

Взявшись рукой за рукоять меча, Сан поднял его к свету.

— Полагаю, что это заменит тысячи слов, не говоря уже об этом. — Он указал на свои уши и глаза.

Леарко рассмеялся и похлопал Сана по плечу. Это было сильное и крепкое плечо воина.

— Я пошлю за остальными, да и нам лучше уйти отсюда. Ты имеешь полное право на прием со всеми полагающимися почестями, но только в зале, достойном такого события, как твое возвращение. — С этими словами Леарко направился к дверям.

Сан немного задержался в зале, чтобы разглядеть гобелены: здесь были запечатлены и разрушение храма, и схватка бестии с убийцами, и триумф Ниал над Тиранно.

А в углу и воин Идо верхом на сверкающем красном драконе. Сан подошел поближе и коснулся пальцами холста. Густая борода гнома, коренастое и крепкое тело, а в глазах — ярость. Огромный, великолепный, могучий, он держал тот же самый меч, что теперь сжимал в своих сильных руках Сан.

Сан, с восхищением разглядывая Идо, погладил его изображение. Его наставник.

— Сан, ты идешь? Этот дворец — сплошной лабиринт, одному тебе ни за что не отыскать дорогу.

Сан вздрогнул. Смахнув слезу, он на мгновение закрыл глаза, а затем, обернувшись, ответил:

— Уже иду.

Он был готов.

Амина и Адхара, как обычно, занимались учебой. Адхара склонилась над книгой, повествовавшей о религиях, и, как обычно, в ней не было ни единого слова о секте Недремлющих. Внезапно открылась дверь, заставив вздрогнуть от неожиданности и ее, и Амину с преподавателем.

— Разве теперь больше не стучат в дверь, прежде чем войти? — возмутился учитель, снимая с носа круглые очки, которые он надевал во время чтения.

За дверью стояла запыхавшаяся служанка. Сделав реверанс, она произнесла:

— Извините меня... приказ короля, — затем обратилась к Амине: — Его величество желает видеть вас немедленно.

Принцесса вопросительно посмотрела на учителя и Адхару.

— Если король приказывает, то нужно идти, — пояснил он.

— Я хочу, чтобы Адхара пошла со мной, — заявила девочка.

Амина в сопровождении Адхары и служанки помчалась по коридору во весь опор.

— А можно узнать, что случилось? — спросила принцесса, с трудом поспевая за служанкой.

— Какой-то особый случай, — ответила та, не вдаваясь в подробности.

Адхара растерянно следовала за Аминой.

Оказавшись перед большой дверью, служанка остановилась.

— Входите, пожалуйста, — произнесла она, в очередной раз склонившись в реверансе, и открыла дверь.

Они оказались на пороге довольно внушительных размеров зала, стены которого были сплошь увешаны зеркалами. Широкие окна выходили в сад, заполняя помещение ярким полуденным светом.

Здесь собралось все королевское семейство: Леарко, Дубэ, Неор и Феа. Рядом с ними стоял еще один человек, с головы до ног одетый во все черное, которого Адхара никогда прежде не видела. У него были характерные черты лица, заметно отличавшие его от остальных, словно он принадлежал к другой расе.

— Проходите, пожалуйста, — произнес Неор.

Адхара почувствовала растерянность Амины, сама она также ничего не понимала. Приглядевшись получше к незнакомцу, она заметила некоторые детали, ускользнувшие от ее внимания с первого взгляда: его волосы имели характерный синеватый оттенок.

Полуэльф, подсказывал девушке ее внутренний голос.

Амина и Адхара медленно вошли в зал, и человек в черном внимательно посмотрел на обеих.

— Амина, имею честь представить тебе прославленную личность, о которой ты много слышала во время своих занятий: этого человека зовут Сан, он вернулся к нам после своего долгого отсутствия.

Глаза застывшей на месте девочки расширились от удивления.

Человек в черном, шагнув вперед, с улыбкой обратился к принцессе:

— Рад с тобой познакомиться.

Затем он перевел взгляд на Адхару. Она смутилась от такого пристального внимания: мужчина буквально впился в девушку глазами, словно пытаясь уловить ее самые сокровенные чувства. Адхара почувствовала необъяснимую уверенность в том, что видит великого человека.

— Это — Адхара, фрейлина моей внучки, — представил ее Леарко.

Наконец Сан улыбнулся и ей. А Адхару тем временем мучил вопрос, кто этот человек и почему он так поразил ее воображение.

Затем Сан снова оказался в центре внимания членов королевского семейства, продолживших его торжественное чествование.

Амина, будучи не в состоянии промолвить ни слова, как завороченная смотрела на Сана, вне себя от мысли, что находится рядом с такой личностью.

Покинув зал, все еще взволнованная принцесса поведала Адхаре о том, кто этот человек и почему его приезд отмечался с таким размахом.

— Ты слышала про Идо? Он сражался за спасение Всплывшего Мира! Он — герой! Так вот, он был наставником Сана! — воскликнула раскрасневшаяся девочка.

Адхара подумала про странное чувство, возникшее у нее при виде этого человека. И речь здесь шла не только о его героическом прошлом или его физической силе. В нем было нечто такое, что очаровывало каждого, кто оказывался с ним рядом. И это обстоятельство удивительным образом навело девушку на мысль об Амхале.

Весть стремительно разлетелась по всему дворцу, а затем и за его пределами, распространяясь по городу до тех пор, пока не оказалась на устах у всех его жителей. Сан, героическая личность, который, будучи ребенком, принял участие в последнем сражении, потрясшем весь Всплывший Мир, снова вернулся.

На какое-то время все проблемы ушли на второй план, и даже Неор, Дубэ и Леарко позволили себе не думать о болезни и о других заботах, беспокоивших их в последнее время. Это было время веселья.

Дубэ стала чаще улыбаться, Неор смотрел на гостя со смешанным чувством восхищения и белой зависти; и даже Калт не остался равнодушным. Сама Верховная Жрица прибыла во дворец, чтобы поприветствовать Сана.

Адхара присутствовала при этой встрече. На ее глазах пожилая женщина крепко обняла Сана, растроганно всплакнув на его плече. Казалось, что и сам гость был глубоко тронут.

— Мне следовало быть как можно ближе... — произнесла Теана.

— Мысленно ты всегда была со мной, — с улыбкой сказал ей Сан в ответ.

Вскоре очередь лиц, желающих возобновить знакомство с Саном или быть представленными ему, не поддавалась исчислению, и было принято решение устроить народное празднество.

Леарко был среди тех, кто больше всех радовался возвращению этого человека. Поэтому он постарался, чтобы это событие было отпраздновано с размахом. Король принял решение наградить Сана званием Почетного Всадника Дракона. Казалось, что вся его жизнь была неразрывно связана с Оарфом, драконом Ниал, который делил с ним все перипетии его бесконечных странствий. И так было вплоть до последних дней дракона, умершего от старости. Позже Сан привязался к другому животному, виверне, внешне похожей на дракона, только без передних лап, принадлежавшей к разновидности животных, обитавших на юге Неведомых Земель за рекой Саар.

Адхара никак не могла взять в толк суть происходящего вокруг нее, но, насколько она понимала, этому человеку воздавались такие невероятные почести, которых никто во всем Всплывшем Мире еще не удосужился заслужить.

Церемония проходила под лучами палящего солнца, на открытом стадионе Академии. На ней присутствовали почти все Всадники Дракона, каждый со своим животным, а также соискатели на это звание и воспитанники. Амхал встал рядом с Мирой, в то время как Адхара предпочла оставаться в стороне, смешавшись с толпой.

Амина хотела, чтобы девушка оставалась рядом с ней, но Адхара решительно отказалась от этой идеи.

— Я не принадлежу к королевской семье и поэтому предпочитаю следить за торжествами с более удаленных позиций.

Эта церемония казалась бесконечной. Сначала слова Верховного Главнокомандующего, лысого и грузного мужчины, который напомнил эпизоды сражений, свидетелем которых был Сан в совсем еще юном возрасте. Затем последовал рассказ Леарко, который поведал о своих личных взаимоотношениях, связывавших его с новоиспеченным Всадником Дракона.

Наконец пришел черед Сана. Он сидел верхом на своей виверне, внешний вид которой вызывал у Адхары некоторое беспокойство. Это животное очень сильно напоминало дракона, однако ее более приплюснутая морда имела довольно злобное выражение. Ее голова, равно как и тело, по своей форме и пропорциям внешне напоминали змею, и помимо того, что оно было длинным и липким, у этого животного были еще и непомерно большие крылья.

Сан спешил и взял слово:

— Я вернулся в этот город после долгих лет добровольного изгнания. Я покинул Всплывший Мир, чтобы искупить свою вину и найти самого себя. Я скитался многие годы, безуспешно пытаюсь обрести покой, и очень долго искал то место, где бы я мог остаться навсегда. Так вот это и есть то самое место: эта земля, на которой я родился, за которую сражалась моя бабушка и отдал жизнь мой учитель. Я покинул ее, когда она, истерзанная, лежала в руинах. А сейчас здесь мир и процветание. Теперь я вижу ее такой, какой я всегда мечтал ее видеть: земля, полная света и жизни, место, где наконец я могу обрести покой. Я готов сражаться и отдать жизнь за этот мир. И какой бы слабой и изможденной ни была эта рука, я соберу все оставшиеся силы, чтобы защитить все то, что было создано спасшим мне жизнь человеком. Долгих лет процветания Всплывшему Миру.

Толпа взорвалась криками ликования, и Адхара почувствовала себя вовлеченной в это всеобщее возбуждение, улыбаясь, она также энергично захлопала в ладоши.

После этой церемонии во дворце был устроен пышный банкет. В саду расставили столы с едой и напитками для всех жителей города, принявших участие в этих торжествах. А в это же самое время в нескольких залах дворца был организован ужин на самом высоком уровне, в котором приняли участие члены королевской семьи, их свита, а также некоторые высокопоставленные лица Академии. Сан сидел рядом с королем, при этом несколько не чураясь общения с другими приглашенными, расположившимися в соседних залах.

Как гость, он вел себя великолепно, общаясь со всеми и вызывая всеобщее восхищение. Придворные, министры, знать и гости самого разного происхождения — все были очарованы им самим и его рассказами. Для каждого у Сана находилась какая-нибудь история, рассказ или просто доброе слово.

Адхара следила глазами за всеми его передвижениями среди сотни приглашенных лиц. Она сидела за одним столом с учителем Амхала, едва прикасаясь к блюдам, которые ставила перед ней прислуга. Фигура Сана ее завораживала. Мира рассказывал о нем как о живой легенде, впрочем, именно так его воспринимали во всем Всплывшем Мире: персонаж, сошедший со страниц исторических хроник, вживую предстал перед благоговееющей толпой.

Конечно, и Амхал, подобно Сану, также обладал героической аурой. Но речь шла не только об этом. В потомке Ниал привлекало другое. Адхара не могла оторвать от него глаз, сама толком не понимая почему. Оказавшись в один прекрасный момент рядом с таким высоким гостем, девушка от неожиданности вздрогнула.

— А вы, должно быть, Мира? — спросил Сан с улыбкой.

Наставник Амхала ответил с таким же радушием:

— Приятно осознавать, что моя персона вам знакома.

— Один из самых блестящих Всадников Дракона Академии, отвечающих за

безопасность королевской семьи, на которого к тому же зачастую возлагались и обязанности по примирению нимф и людей в Земле Воды... Как же я мог не слышать о вас?

— Полагаю, что в вашей новой жизни во Всплывшем Море вам поручат ту же работу, что и мне.

— Думаю, что да. А может, я займусь непосредственно безопасностью города, работой стража порядка, если хотите.

— Ну, в любом случае эта работа очень важна.

Сан незамедлительно поднял вверх руку:

— Поймите меня правильно. Мое новое поручение — очень высокая честь для меня. Впрочем, всем известно, что поддерживать мир еще сложнее и утомительнее, чем побеждать в войне, и к тому же это занятие не менее почетно. Я клянусь, что буду охранять этот город, ведь стоять на страже Макрата — это прекрасная обязанность, вы не находите?

Мира поднял бокал:

— Как я могу не согласиться?

Сан и Мира вместе подняли бокалы и сделали большой глоток вина. Затем Мира положил руку на плечо своего ученика:

— Быть может, о нем вы еще не слыхали, но обязательно услышите в будущем: это Амхал, мой ученик.

Амхал покраснел. Он мечтал об этой встрече и в то же время очень ее боялся.

Сан с интересом посмотрел на юношу:

— А между тем о нем уже ходят слухи. Мне говорили, что ты весьма многообещающий молодой человек.

Амхал опустил глаза:

— Боюсь, что это преувеличение.

— Если люди о ком-то отзываются хорошо, то в большинстве случаев они делают это вполне осознанно, — возразил Сан и, поднимая свой бокал, подмигнул юноше.

Как и все военные, Амхал привык с уважением относиться к иерархии чинов и поэтому был до определенной степени склонен к чинопочитанию в отношении тех, кто был выше его званием, но эта его склонность никогда не перерастала в фанатизм отдельных воспитанников Академии, который они демонстрировали по отношению к своему руководству. Тем не менее он до глубины души был очарован Саном, и это обстоятельство создавало для Амхала дополнительные помехи. Он не был в состоянии вымолвить ни слова, и тогда гость перешел к соседнему столу с той же самой улыбкой на лице, с какой он до этого разговаривал с Мирой.

— Вовсе не нужно так смущаться, — заметил наставник Амхала.

— Извините меня, я не знаю, что на меня нашло, — ответил юноша и глотнул немного вина.

— Я ни в чем тебя не упрекаю. Я просто нахожу твое поведение... несколько странным, только и всего, — добавил Мира с улыбкой.

Блюда следовали одно за другим, вино лилось рекой, беседы становились все более непринужденными. Солнце постепенно клонилось к закату. Ближе к вечеру приглашенные стали расходиться, и вечером лишь немногие, будучи в изрядном подпитии, в одиночестве разгуливали по саду.

Амхал направился к выходу. Адхара исчезла из вида некоторое время тому назад; он хотел ее дождаться, но, вероятно, девушка ушла вместе с Аминой. А Мира неожиданно был вызван на собрание. Таким образом, Амхал остался за столом один. После томительного ожидания молодой человек решил, что пришла пора возвращаться в Академию.

Он встретил Сана у главных ворот дворца. Тот, как всегда, был во всем черном, а сбоку на ремне висел меч Ниал.

— Посмотрите-ка, кто идет? — воскликнул Сан.

Амхал, слегка кивнув, застыл на месте.

— Ты уже уходишь?

— Да, мой господин. Теоретически для таких, как я, установлен комендантский час, хотя я не думаю, что сегодня вечером кто-то будет возмущаться, если я вернусь немного позже.

— Ты не против, если я пойду с тобой? Сегодня я впервые ночью в стенах Академии, и мне будет гораздо комфортнее идти вместе с тем, кого я знаю лично.

— Безусловно.

И они направились по пустынным улицам Макрата, оказавшимся во власти удушающего зноя этой летней ночи. Амхал чувствовал себя несколько неловко. Что он мог сказать человеку, бывшему рангом выше его, к тому же еще и герою?

Сан сам нарушил повисшее молчание:

— Расскажи мне о себе: чем ты занимаешься в Академии?

Амхал поведал своему собеседнику о своих первых миссиях, о выполненных им поручениях Миры, о своей службе в рядах отборных частей, обеспечивавших охрану дворца.

— Сколько лет ты уже в Академии?

— Два года.

— Довольно долго.

— Вполне оправданный срок. Я еще не ощущаю себя настоящим всадником.

— Да... А знаешь, не столь важно, что ты чувствуешь, важно, насколько ты действительно подготовлен. Я хочу сказать, мы не всегда судим о себе справедливо. В любом случае два года — это много, и, если твоя подготовка идет хорошо, ты уже должен быть в числе всадников.

Амхал почувствовал, как в его груди защемило сердце.

— Быть может, я еще недостаточно смел, — сказал он сквозь зубы.

Сан громко расхохотался:

— Не надо быть таким неуверенным. Для всадника дерзость — весьма изысканное достоинство. Нет, я подразумеваю то, что, быть может, в твоём обучении есть еще некий недочет, некий промах...

— Мира — отличный наставник, — возразил Амхал.

— Я знаю, — поспешил пояснить Сан. — Но иногда недостаточно только одного учителя... иной раз нужно учиться и у других людей.

Вскоре оба оказались возле стен Академии. Сана тут же узнали и встретили со всеми почестями. Один из охранников вызвался проводить гостя до его комнаты.

— Не стоит, — ответил тот. — Со мной же Амхал. — И с этими словами он похлопал юношу по плечу.

Затем они вместе направились по пустынным коридорам.

— А ты не против время от времени тренироваться и со мной? — неожиданно спросил Сан своего спутника.

— Ну конечно! — Ответ вырвался с такой готовностью, что Амхал даже смутился.

Сан рассмеялся:

— Нет, пойми меня правильно, я не хочу переманивать тебя у твоего учителя. Только развлечения ради...

— Да, хорошо.

Они остановились возле одной из дверей.

— Это здесь.

— Ну, тогда до встречи, — произнес Сан.

Амхал попрощался с ним и пошел назад по тому же коридору. Когда молодой человек оказался на другом его конце, то, обернувшись на мгновение, увидел, как Сан отпирал замок и входил в комнату. И только теперь на юношу снизошло озарение, и он очень пожалел о том, что не догадался об этом сразу.

Человек без лица из его сновидений. На Сانه была в точности та же одежда, и даже похожий меч был при нем. Пораженный сделанным открытием, Амхал застыл на месте.

Сан исчез за дверью, и коридор вновь опустел.

Обаяние этого человека, которое оказывало на Амхала такое сильное воздействие, то восхищение, которое юноша испытывал по отношению к нему, оказались как две капли воды похожи на те, что он ощущал в своих сновидениях.

Это обычное предвидение или что-то еще?

— А, ты здесь?

Амхал обернулся. Это был Мира.

— Ты что стоишь здесь как вкопанный?

— Да так, я просто... иду спать.

— Завтра ровно в восемь на стадионе, договорились?

Амхал согласно кивнул, а затем направился в свою комнату. Это были всего лишь сны, обычное совпадение. И нечего ломать голову.

Но наступившая ночь была такой же беспокойной.

18 УЗЫ

Волнение, связанное с возвращением Сана, стало постепенно ослабевать. Все вернулись к своим обязанностям, и жизнь вошла в прежнее русло. Каждый день пребывания Адхары во дворце был насыщен, как и прежде. А новость заключалась в том, что теперь Амхал довольно часто стал навещать ее по вечерам. Он старался уделять немного своего свободного времени тому, чтобы после ужина прогуляться с девушкой по саду и расспросить о том, как прошел день. И Адхара с нетерпением ждала этого момента.

В общем, роль фрейлины ей пришлась по душе. Амина могла быть деспотичной и капризной, но за ее поведением угадывалась мучительная неудовлетворенность, в которой она и сама себе признавалась. Поэтому им было хорошо вместе, они придавали друг другу сил.

И потом, занятия с Аминой вызывали в Адхаре чувство ответственности. Ее горизонты заметно расширились: ведь теперь кроме ее не уверенного в себе «я», лишенного к тому же своего прошлого, существовал еще некто, кто отчаянно нуждался в ее содействии и находил в ней опору. Помогать кому-то, быть чьим-то якорем значило помогать самой себе. Мало-помалу это стало доходить до сознания девушки. Таким образом, ее тревоги по утерянному прошлому растворялись в прелестях новой жизни, которую она отстраивала заново.

Но все это Адхара осознавала только по вечерам, когда ей удавалось обсудить пережитое с Амхалом. Именно благодаря ему открытия девушки обретали свою осязаемость, и именно благодаря его помощи, заключавшейся всего лишь во внимательном выслушивании ее рассказов, в чувствах и мыслях Адхары появлялась ясность.

В свою очередь, молодой человек рассказывал девушке о своих миссиях и о встречах с Саном. Казалось, что герой дня проникся к нему особой симпатией.

— Сан координирует безопасность в городе, но иногда, когда у него выпадает немного свободного времени, он не без удовольствия проводит его со мной.

— И чем вы занимаетесь? — спросила однажды Адхара, а в это время по городу пронесся свежий ветер, заставляя Макрат прийти в себя из глубокой прострации, вызванной чересчур жарким летом.

— Мы упражняемся в метании меча. Он и в самом деле чрезвычайно искусно владеет мечом и к тому же использует незнакомые мне техники. Я многому научусь у него. И потом, он советует мне прочесть кое-какие полезные книги... Это — необыкновенный человек.

Конечно, подобное утверждение и у Адхары не вызывало сомнений, поскольку она ощущала это всем своим нутром. Затем, сменив тему, девушка рассказала Амхалу о своих безрезультатных попытках найти интересующие ее ответы в книгах.

— Быть может, Верховной Жрице известно про секту Недремлющих, — заметил юноша. — Она очень занятой человек, поэтому трудно организовать вашу встречу. В этой

стране она является самым авторитетным лицом в вопросах религии.

Молодые люди поговорили еще немного — это была ничего не значащая, но такая приятная сердцу болтовня. Луна обогнула небосвод, и настала пора расставаться.

Амхал шагнул вперед, чтобы, как обычно, поцеловать девушку в лоб.

Адхара придвинулась к нему, но эта ночь воспламенила ее сердце. Все произошло совершенно естественно. Она приподнялась на носки, возможно даже не отдавая себе отчета в том, что делает, просто доверилась внутреннему инстинкту, который заставлял ее следовать по этому пути, словно он был уже предначертан и избежать его не было никакой возможности. Нежные губы Амхала на мгновение неподвижно застыли на онемевших от изумления губах девушки.

Именно он раскрыл их и по-настоящему поцеловал девушку. Адхара и думать не могла ни о чем другом, кроме как о тепле, которое переполняло ее тело, о приятной истоме, в которой, как казалось, растворились все ее члены.

Она в одно мгновение ощутила объединявшую их связь, возникшую между ними с момента их первой встречи. Девушке нестерпимо захотелось прижаться к его телу, и она крепко обняла его.

Амхал первым прервал этот поцелуй. В его глазах Адхара прочла непонятное томление и еще нечто такое, что ей так и не удалось понять.

— До завтра, — произнес он и скрылся в ночи, оставив девушку одну возле ворот.

На следующий день Амины не оказалось на том самом месте, где она имела обыкновение встречаться с Адхарой. Девушка, в сопровождении перепуганных слуг и с трудом сдерживавшей свой гнев Феа, вынуждена была обшарить весь дворец.

Принцессы не было ни в ее комнате, ни в саду, ни даже в ее домике на дереве. Наконец Амину обнаружили возле одного из фонтанов парка с удочкой в руке, она стояла по пояс в затхлой воде в одном из своих парадных платьев.

При виде этой картины Феа чуть было не лишилась чувств.

— Почему ты не подождала меня в своей комнате? — спросила Адхара, приближаясь к девочке. — И почему ты не взяла меня в это твое новое... приключение?

Принцесса посмотрела на нее с хитрой улыбкой. Девочка была явно довольна. Она чувствовала себя превосходно после столь удачно разыгранного ею представления.

— А я вовсе не обязана рассказывать тебе обо всем, что делаю, — грубо отрезала Амина.

Остаток дня она была просто невыносимой. Все, что ни советовала Адхара, девочка либо отвергала, либо высмеивала. Тем временем все игры, что придумывала сама Амина, были в точности направлены на то, чтобы каким-либо образом навредить фрейлине.

Вечером, когда пришла пора расходиться, принцесса ушла, даже не попрощавшись.

На протяжении всего ужина Адхара думала о том, в чем же она допустила промах. У нее все еще были определенные трудности в понимании поведения людей, и прежде всего это касалось Амины. Девушка полагала, что после того, как она увидела слезы бессилия на лице девочки, их отношения должны были наладиться, однако...

Тогда она приняла решение идти в наступление.

Адхара поднялась на этаж знати, когда было уже за полночь. Здесь все еще отмечалось некое оживление, потому что в это время король и Неор, работая, очень часто засиживались допоздна.

Девушка двигалась стремительно. Ей определенно нравилось красться по коридорам, пробираться на цыпочках, припадать к стенам, задерживая дыхание и прислушиваясь к шороху случайных шагов. Ее тело тут же включалось в работу, освобождая мозг от посторонних мыслей, и от этого все ее члены переполняло чувство комфорта.

Иногда мне кажется, что я рождена как раз для этого, думала про себя Адхара.

Девушка добралась до комнаты и вошла.

Амина, подтянув колени к груди, сидела у окна с книжкой в руках.

Она заметила Адхару только тогда, когда та закрывала за собой дверь.

Девочка вздрогнула от неожиданности.

— Кто это? — вскакивая, крикнула она.

Адхара, приложив палец к губам, ответила:

— Я.

Озабоченность во взгляде Амины тут же сменилась враждебностью.

— Что тебе нужно?

Адхара шагнула вперед и также уселась возле окна. Комната освещалась лишь светом луны, проникавшим сквозь стекло. Амина зашторивала окна только на два часа после захода солнца, Феа не позволяла, чтобы ее дочь нарушала светомаскировку только для того, чтобы иметь возможность читать. По этой причине Амина не зажигала свечи, а просто садилась возле окна в то время, когда свет луны был особенно ярким, и читала свои любимые книги.

— Что ты имеешь против меня?

— О чем ты говоришь? Я совсем ничего не имею против тебя.

— Сегодня утром ты бросила меня одну, совершив очередной безрассудный поступок, а вечером ты даже не попрощалась со мной.

— Я вовсе не думаю о тебе весь день.

— А должна, — холодно возразила Адхара. — Мы ведь подруги.

Девочка фыркнула:

— Тоже мне подруги. Ты совсем ничего о себе не рассказываешь.

— А что я должна тебе рассказать? Я ничего не помню, а о том, что со мной произошло после того, как я очнулась на лугу, я уже все тебе рассказала.

Принцесса с такой силой сжала в руке обложку книги, что побелели костяшки пальцев.

— Я видела тебя вчера вечером.

Адхара вздрогнула. Тем самым вечером. Девушке сразу же вспомнились губы Амхала.

— Что? — смущенно воскликнула она.

— Тебя не было весь вечер. Ты встречалась с тем типом.

Адхара неожиданно покраснела.

— У тебя есть еще друзья, и ты даже не сказала мне об этом, — язвительно добавила Амина.

— Нет, он... я... — забормотала Адхара.

Она никак не могла понять, почему ей было так трудно дать этому объяснение, ведь все было предельно ясно.

А может, ты влюбилась?

— Этот человек меня спас, — сказала она наконец.

— И ты помчалась к нему, как только смогла. Это его ты поджидала каждый вечер на балконе?

— Ты что, шпионишь за мной?

На этот раз краснеть пришлось Амине.

— Ты всегда там торчала, трудно было тебя не заметить.

— Помнишь, что, в то время как я бродила по улицам Салазара в поисках чьей-либо помощи, один юноша спас мне жизнь?

Амина кивнула с выражением скуки на лице.

— Так вот это как раз он самый. Его зовут Амхал, наверное, я уже говорила тебе об этом.

Амина прижала книгу к груди.

— Когда дружат, то всегда бывают вместе. И еще любят друг друга. И там нет места другим людям. Быть друзьями — значит полностью принадлежать друг другу.

Адхара оказалась не готова к такому повороту.

— Но он — это совсем другое дело, он...

Я его люблю. Сознание девушки закончило за нее эту мысль.

— Это все отговорки. На самом деле ты просто не хочешь быть моей подругой. Это

мой отец тебя заставляет. А знаешь что? Отправляйся к нему и оставь меня в покое! Мне так хорошо без тебя!

Амина перешла почти на крик, и Адхара была вынуждена подать ей знак говорить тише.

— А пусть придут мои родители и посмотрят, как ты досаждаешь мне по ночам, — возразила девочка.

— Послушай, Амина, ведь у тебя есть не только я, или я ошибаюсь? Ты же любишь и своего отца.

— А при чем здесь он? Это совсем другое.

Адхара покачала головой:

— Амхал для меня как отец, мать, брат, словом, все вместе. А ты знаешь, почему меня зовут Адхара?

Несмотря на то, что Амина все еще была сильно раздражена, в ее обороне наметились уже первые признаки отступления. Она неохотно покачала головой.

— Это он дал мне имя. Он в некотором смысле подарил мне жизнь. — Адхара улыбнулась. — И вовсе это неправда, что я дружу с тобой только из-за твоего отца. Скорее не так: это он послал меня к тебе, но ты мне нравишься. — Девушка с трудом находила нужные слова. — Как я уже говорила тебе, мы очень похожи. Мы одинаково смотрим на мир. Даже то, что тебе нравится такая же одежда, как мне, не так ли? Амина, ты очень помогла мне. За это короткое время, что мы знакомы, я сильно изменилась, и все благодаря тебе. Мы самые настоящие подруги.

Губы принцессы задрожали, и Адхара заметила, что та едва сдерживалась, чтобы не разреветься.

— Я хочу спать. Уходи, — сказала она наконец.

— Скажи мне, что между нами снова мир.

— Я хочу лечь спать.

Адхара скрестила руки:

— Я не уйду до тех пор, пока мы не помиримся.

Амина подняла глаза к небу:

— Да, да, да. И уходи. Если тебя здесь увидят, то тебе не поздоровится.

Улыбнувшись, Адхара направилась к двери.

— Он — это совсем другое дело. А мы с тобой — настоящие подруги, — шепнула девушка на прощание.

Странное предчувствие возникло у Адхары, когда, пытаясь уснуть, она ворочалась в своей кровати. Ведь она уже испытывала то же самое по отношению к Мире. Как же это называлось? Ревность. Она ревновала Амхала к Мире. А теперь Амина ревновала ее к Амхалу. Но у Адхары это чувство прошло сразу после того, как она с глазу на глаз поговорила с наставником. Наверняка и с принцессой повторится та же история.

Амхал собирался лечь спать, когда в его комнату постучали. Открыв дверь и увидев перед собой Сана, юноша страшно растерялся.

— Извините, я... — невнятно пробормотал он.

— Не хочешь ли ты позаниматься со мной немного?

Молодой человек не смог отказаться. Он быстро оделся, взял свой меч и отправился вместе с Саном по длинным коридорам Академии.

Амхал не находил себе места с того самого вечера, когда Адхара подарила ему свой поцелуй. Целиком поглощенный своей карьерой всадника, он никогда до этого не имел близких отношений с девушками. Конечно, ему это очень понравилось. Но его пугало пламя, разгоравшееся в его груди, когда он касался губ Адхары. Ведь это было так похоже на ярость, его вечного недруга, которая, продолжая оставаться такой же неистовой и разрушительной, сопровождала юношу в схватках. И он убежал, потому что желание

овладеть девушкой было настолько явственно, что он едва бы смог противостоять ему и не потерять при этом голову.

У Амхала возникло ощущение, такое волнующее и всепоглощающее одновременно, что его жизнь круто изменилась. С тех пор как он встретился с Адхарой, события стали развиваться с головокружительной быстротой. Сначала возникла необходимость заботиться о девушке, чувства к ней, затем эта неизвестная болезнь и, наконец, появление Сана... Все это закружилось в едином круговороте, сбивавшем его с толку.

— В позицию, — скомандовал Сан, и поединок начался.

Слава богу, что у Амхала в руках был меч. С мечом все тревоги рассеивались, а осознанное восприятие уступало место чистой механичности движений сражающегося тела. Улетучились все сомнения, и Амхал вспомнил, наконец, почему он решил стать всадником.

По какой-то неведомой причине в присутствии Сана он больше не боялся потерять над собой контроль. У юноши возникло такое ощущение, будто он всегда знал этого человека и ждал его появления. Отражение удара, нападение, выпад, оборот вокруг себя. Все это повторялось снова и снова, до тех пор пока ему не удавалось загнать Сана в угол. Амхала охватило сильное возбуждение. Он поднял меч, чтобы приставить его к горлу соперника, тем самым указывая на то, что поединок завершен, как вдруг его оружие ломается, наткнувшись на сверкающее препятствие. Амхал услышал характерный звук: магия. Мгновенно отпрыгнув, он отступил на несколько шагов назад.

Сан улыбнулся:

— Ну, в сражении все средства хороши, не так ли? А магия в этом деле подходит как нельзя лучше.

И тогда Амхал вспомнил лежавшего на земле мальчика, сраженного лучом из его руки, и то ужасное ощущение, возникшее у него, когда он подумал о том, что ребенок мертв. И затем это вкрадчивое, обволакивающее чувство собственного могущества. *Нет, этого не может быть!*

— Амхал, все в порядке? — спросил подошедший Сан.

— Быть может... может, мне уже пора лечь в постель, — рассеянно пробормотал юноша. — Должно быть, сейчас уже комендантский час.

— Ты со мной, а значит, все в порядке.

— Да, но... я устал, — добавил Амхал, пятась назад.

Сан схватил юношу за руку, и Амхал почувствовал, как некая сила пригвоздила его к тому месту, где он стоял.

— Что с тобой?

И Амхал все рассказал. О его тайне знали лишь немногие, но даже этим людям он признавался не без чувства стыда. Амхала настораживало еще и то, что он не видел ничего зазорного в том, что Сану стало известно и про тот случай из детства, и про его обещание никогда больше не прибегать к магии. Рассказывая, юноша словно сбрасывал с себя тяжкое бремя грехов.

Сан терпеливо выслушал юношу.

— А раньше ты когда-нибудь обучался магии? — спросил он, когда Амхал закончил свой рассказ.

— Нет! — ответил он с возмущением.

— А должен был. Все случившееся было напрямую связано с твоим возрастом, ребенком ты не мог контролировать свои возможности. А целенаправленные занятия научили бы тебя владеть собой.

Амхал опустил глаза. Ведь речь шла не только об этом.

— Да, но я... при этом получил еще и наслаждение, — пробормотал он.

Юноше показалось, что по лицу Сана промелькнула торжествующая улыбка, которая, подобно мимолетному следу, исчезла спустя мгновение.

— Это вполне нормально, ведь ты был еще ребенком. Амхал, пойми, магия — это не враг.

— Не знаю, я... — Юноше не хотелось открывать свою последнюю тайну и говорить о своей яростной жажде смерти, исходившей из его сердца, которая была его извечным и самым главным недругом. Но он не мог устоять перед этим человеком.

Он такой же, как и я, тупо твердил Амхал. И слова пробивали себе дорогу далеко не без труда, но тем не менее они выходили наружу. Самая настоящая исповедь, после которой Амхал почувствовал полное изнеможение и облегчение одновременно.

Сан замолк на мгновение.

— Тебе не стоит бояться этих ощущений.

Амхал резко обернулся:

— Но они ужасны! То есть я хочу сказать, что я всадник, а не убийца.

— И тем не менее, если ты должен, — убивай.

Сан пристально посмотрел на юношу, и тот растерялся от такого взгляда.

— Ярость, что ты чувствуешь, твоя неизменная спутница. Это всего-навсего желание сражаться, душевный порыв, такой необходимый в нашем деле.

— Но она побуждает меня к насилию.

— Подумай только: к чему она тебя подтолкнула? К убийству двоих негодяев, напавших на беззащитную девушку. И это, по-твоему, насилие?

Амхал совсем растерялся. В словах Сана был смысл, а его объяснение выглядело так привлекательно.

— Я...

— Ты в замешательстве, потому что обладаешь огромной силой. Ты *не такой, как все, ты — особый*. И оттого ты совсем один. Поверь мне, уж я-то это знаю. Ведь и я особый. Еще ребенком я также ощутил в своих руках безмерную силу, с которой никак не мог совладать. Амхал, твой дар нужно развивать.

Юноша посмотрел на свои руки. Так здорово было бы поверить в то, что эта пугающая его ярость в действительности только проявление его необыкновенных способностей и что в нем нет ничего ненормального.

— У меня есть книги, — продолжал Сан. — Это учебники по волшебству. Твой первый шаг — обучиться магическому искусству.

— Я вовсе не уверен в том, что хочу этого.

— Ты должен. В противном случае ты никогда не освободишься от гнетущей тебя тревоги. А ты ведь хочешь избавиться от нее, правда?

— Больше, чем от чего-либо другого.

— Нет ничего плохого в том, чтобы обладать магическими способностями. Плохо то, что ты не пользуешься ими, позволяя твоей силе причинять вред окружающим. А ты должен направлять ее, учиться пользоваться ею, и тогда ты больше не будешь испытывать страх. Пойдем со мной, и я дам тебе одну из этих книг.

И они оба повернули обратно. Амхал чувствовал необыкновенную легкость и умиротворенность. Близость этого человека, подобно целебной силе, благотворно воздействовала на него.

Оказавшись на месте, Сан протянул юноше старую потрепанную книгу:

— Когда прочтешь ее, скажешь, что ты о ней думаешь.

Амхал, раздираемый страхом и любопытством, задумчиво взвесил книгу на руке.

— Если хочешь, вечерами я могу обучать тебя магии. Что ты на это скажешь?

— Я... — Амхалу было невероятно трудно преодолеть многолетний страх.

— Подумай об этом, — настаивал Сан, словно понимая душевное состояние молодого человека. — И пока ничего не говори Мире. Нам нечего скрывать, но ты ведь его ученик, и он может подумать, что я переманиваю тебя к себе.

— Я не думаю, что учитель...

— Пока, — поспешил добавить Сан. — Это только пока.

Амхал вернулся в свою комнату с книгой под мышкой; неторопливо раздеваясь, он на несколько секунд задержал на ней взгляд. Затем он взял ее в руки и погладил обложку.

Наконец он решился открыть книгу.

Дубэ быстро шла по коридору.

— Мы поместили его в безопасное место и вызвали трех магов.

— Они сказали, что заграждение выдержит?

— Они неоднократно заверили нас в этом. Ваше величество, я бы не привела вас сюда, если бы не была в этом уверена.

Впереди королевы стремительно шагала взволнованная женщина, относившаяся к числу наиболее преданных ей людей. Дубэ не разделяла такого воодушевления. Она была очень обеспокоена.

Королеву разбудили посреди ночи. Галага, та самая помощница, что сопровождала Дубэ к пленнику, встала на колени возле кровати своей повелительницы.

— Что такое? — спросила королева, сразу же придя в себя.

— Мы схватили одного из них. Он сейчас в Генеральном штабе.

Королева быстро оделась и последовала за своим агентом.

Повернув пару раз, Галага остановилась:

— Это здесь.

— Будь тут, — приказала Дубэ, а потом направилась к двери. Затем, обернувшись, она добавила: — Ты проделала большую работу.

Лицо женщины озарилось признательной улыбкой. Опустив голову, она произнесла:

— Спасибо, ваше величество.

Дубэ вошла в небольшую душную камеру. Одна из таких камер, закрываемых решеткой, использовалась для проведения допросов.

За столом неподвижно сидели трое: один из них в одежде членов Братства Молнии, двое других — обычные маги. Дубэ встала в стороне.

— Ваше величество, просим прощения за то, что не воздаем вам положенных почестей, но сейчас мы проводим сеанс магии.

Королева подняла руку в знак того, что она все прекрасно понимает.

— А это безопасно?

— По здравом размышлении — да, но это продлится недолго. Вы пока что защищены, а вместе с вами и все здание.

Дубэ осмелилась шагнуть перед, до установленного магами края заграждения. По ту его сторону находился пленник.

Он едва дышал, его грудь тяжело поднималась и опускалась.

На его необыкновенно белой, полупрозрачной коже проступил пот и безобразные черные пятна. Ногти пленника были красными от крови. Маги предусмотрительно удалили всю его маскировку, поэтому были отчетливо видны его лиловые глаза и ярко-зеленые волосы. Заостренные уши и тонкое нитевидное телосложение дополняли всю картину. Он был один из *них*.

Его, уже задыхавшегося, поймали на одной из улочек Макрата и привели прямо сюда. Он не ответил ни на один из заданных ему вопросов.

— Кто ты?

В ответ — только тяжелое дыхание. Пленник смотрел на присутствующих в упор, с глубокой ненавистью в глазах.

— Молчать нет смысла, — продолжила Дубэ. — Нам уже многое про вас известно.

Больной ни единым жестом не выдал своих намерений и продолжал смотреть на присутствующих с неумолимой ненавистью во взгляде.

— Мы знаем, что ты — эльф и что во Всплывшем Мире есть и другие твои соплеменники. Нам также известно, что это вы принесли сюда неизвестную болезнь.

И снова упорное молчание.

Дубэ продолжала:

— Даже если ты и будешь молчать, за тебя все скажет твоё тело. А знаешь, что скоро

ты окажешься в руках магов? Они изучат каждый сантиметр твоей кожи, исследуют все твои язвы, чтобы понять, как лечить эту напасть. А это далеко не самая приятная процедура. Но самое главное, ты ничего не сможешь с этим поделать.

Эльф дерзко усмехнулся.

— Тебе не над чем смеяться, — добавила Дубэ. — Кто тебя послал? Что вам нужно?

— Лучше прикажи, чтобы они порылись в моих кишках, — произнес эльф. Он говорил с сильным акцентом, произнося каждое слово с таким презрением, словно сквозь силу выплевывая их изо рта. — Все равно вам не жить.

— Это только ты так думаешь. Мы вовремя вас обнаружили.

Эльф ухмыльнулся:

— Вы — недоумки. Вам пришел конец, и это должно было случиться несколько веков тому назад.

Королева снова перешла в наступление:

— Кто тебя послал?

Эльф посмотрел на нее с пренебрежением.

— Аравах дамер трашера данджи, — произнес он и сплюнул на пол.

Дубэ заскрипела зубами.

— Позовите сюда Верховную Жрицу. Скажите ей, что у нас есть некто, кто может дать ей ответы на интересующие ее вопросы. И смотрите за тем, чтобы этот червяк не наложил на себя руки, вам ясно? Он нам нужен живым.

Королева направилась к выходу. А в ее ушах продолжала звучать эта последняя фраза, сказанная по-эльфийски.

Скоро наступит наш черед.

19 ОСОБЕННЫЙ ДЕНЬ

Неор потерял переносицу. Напротив него в просторном зале сидел его отец. По обыкновению, они раз в неделю заседали вместе со своими министрами. Но теперь были совсем одни.

— Он один? — едва слышно спросил принц.

Леарко кивнул:

— Вчера его допрашивала твоя мать.

— И что он ей сказал?

— Ничего. Если не считать того, что скоро наступит их черед. Эти слова на эльфийском он бросил ей прямо в лицо. Теперь им занимаются некоторые члены Братства.

Неор посмотрел в окно. В саду под лучами солнца сверкали деревья. Прекрасный ясный день с благодатным легким ветерком.

А между тем в недрах Всплывшего Мира продолжала тлеть неизвестная и малозаметная угроза, постепенно охватывая все его земли. За два дня до этого было получено известие о том, что еще одно селение на границе с Землей Моря оказалось в зоне заражения.

— Нужно закрыть границы, — произнес свой вердикт принц.

Ужасное по своим последствиям решение. Потому что в тот момент многие Всадники Дракона, выполняя свои миссии, оказались за пределами Земли Солнца, а значит, у них не оставалось шансов на спасение.

— Но там же наши люди. Ты хочешь обречь их на смерть?

— Их миссия продлится месяц. Они останутся там до тех пор, пока не выполнят свои поручения. Затем нужно поместить их в карантин. Никто больше не должен беспрепятственно проникать из Земли Воды на нашу территорию.

Леарко вскочил и на глазах Неора стал мерить комнату огромными шагами, а между тем проникавший сквозь окно солнечный свет время от времени освещал его фигуру.

— Мы не можем поступать так с нашими воинами.

Неор глубоко вздохнул:

— Мы приняли такое решение, когда направляли их туда. Они прекрасно знали, на что шли.

— Но здесь остаются их семьи, их близкие...

— Такова их миссия.

Леарко остановился и пристально посмотрел на сына.

— Твоя логика порой приводит меня в ужас.

Неор устало улыбнулся:

— Но ведь именно благодаря моей холодной логике ты захотел, чтобы я был всегда рядом с тобой. Не так ли? Будь на то твоя воля, я сразу же стал бы королем.

Леарко опустил взгляд.

— Нам нужно предотвратить заражение и в то же самое время найти средство, как от него избавиться. Мы созовем священников, магов, ученых и избежим новых смертей.

— Пожертвовать несколькими жизнями во имя спасения еще большего числа людей.

— Вот именно.

Неор подумал о воинах, о Гараваре, который отправился в Землю Воды, чтобы выполнить свою первую в жизни миссию, и о Нитте, который, наоборот, выполнил свое последнее поручение, прежде чем навсегда распрощаться с военной службой. Принц зажмурил глаза. Сколько же жизней зависело от его решений? А сколько его решений уже привели к смерти подданных его отца?

— И потом, нужно прочесать весь город в поисках этих типов. Они среди нас, они повсюду.

— Люди твоей матери уже занимаются этим.

— Отправь им на подмогу и караульные службы.

И снова повисло тяжелое молчание.

— Прямо сейчас нужно назначить дату проведения внеочередного Совета. Срочно.

Леарко устало взглянул на сына:

— Я уже отправил гонцов и рассчитываю выехать максимум дня через три, чтобы успеть привезти с собой все сведения, которые имеются у нас в отношении этой угрозы.

На лице Неора появилась грустная улыбка. Это был забег с обратным отсчетом времени.

— Что сказать народу? — спросил наконец король.

— Только самое необходимое, — прозвучал ответ принца. — Мы не должны сеять панику. Однако давай отправим несколько патрулей в сельскую местность, чтобы и там держать ситуацию под контролем.

Оба, и король, и принц, замолкли на мгновение.

— Как всегда, твое присутствие для меня крайне важно.

Неор подумал о том, что предпочел бы быть ему гораздо менее полезным и не отдавать жестокие распоряжения.

Первым покинув зал, он натолкнулся в коридоре на Адхару. В поведении девушки было нечто такое, что придавало ей совсем иной вид: быть может, она казалась несколько уверенней в себе. С тех пор как Неор поручил Адхаре сблизиться со своей дочерью, он больше ее не видел, хотя знал абсолютно обо всех изменениях, произошедших в ее отношениях с Аминой. Он дал указания одной из служанок держать его в курсе всех событий, и та каждый вечер подробным образом осведомляла его о том, как прошел день принцессы.

Этот способ быть рядом с дочерью выглядел несколько малодушным, но иного выхода он не видел. Все его время уходило на участие в бесконечных советах, совещаниях и на выполнение государственных обязанностей.

Лишь изредка ему удавалось поужинать вместе с семьей, однако строгий этикет, установленный его женой для всех членов семьи, не позволял ему сблизиться с дочерью.

Иногда Неор чувствовал себя в большей степени отцом чуждой ему толпы подданных отца, нежели Амины и Калта.

Он приветливо улыбнулся Адхаре:

— Ты меня ищешь?

Девушка только кивнула в ответ. Она в нескольких словах четко объяснила свои намерения. Неор нашел ее заметно повзрослевшей. Во время их первой встречи она была просто растерянной девчонкой, а теперь, напротив, стала человеком, который мало-помалу формирует свою личность. Он не без гордости подумал, что в этом, вероятно, есть и заслуга Амины.

— И когда ты собираешься это сделать?

— Когда вам будет угодно.

— Феа явно будет против, — заметил Неор.

— Ну, ведь она не обязательно должна об этом знать, — возразила Адхара.

Принц от души рассмеялся:

— Ты меня убедила. Готовь все так, как считаешь нужным. Я даю тебе свое согласие.

Улыбка Адхары была такой открытой и искренней, что Неор снова подумал о том, что он принял правильное решение. Амина и Адхара будут помогать друг другу.

Адхара вошла в комнату принцессы перед самым завтраком. Завернутая в простыню девочка еще лежала в кровати, уткнувшись сонным лицом в подушку.

— Просыпайся! Сегодня великий день!

Амина слегка приподнялась.

— Что это значит? — промямлила она, еле открывая рот.

— Прекрасная новость, — ответила Адхара.

Она заставила принцессу надеть мужское платье, то самое, что они использовали в своих играх, и Амина не смогла скрыть приподнятого настроения.

— Значит, сегодня никаких занятий?

— По крайней мере, тех, что обычно. — Адхара обожала быть загадочной. Она неторопливо смаковала любопытство, возбуждение и восторг, постепенно возникавшие на лице девочки, и от этого ей становилось хорошо на душе.

Она заставила принцессу выпить только одну миску молока, а затем приготовила для нее дорожный мешок с небольшим запасом провизии: вяленым мясом, хлебом и свежим сыром.

— Мы отправляемся в поход?

— Увидишь...

Адхара повела девочку по главной аллее сада к выходу, и сердце Амины забилося еще сильнее. Конечно, Адхара приготовила сюрприз не только для принцессы, но в целом для себя самой. Они обе с большим наслаждением предвкушали предстоящий день, при этом каждая это делала на свой лад.

Адхара увидела стоявшего посреди аллеи Амхала. Из-за его спины торчала рукоять меча. Амина застыла от неожиданности.

— Это он? — спросила принцесса язвительно.

Адхара подала юноше знак, и тот двинулся им навстречу.

— Амина, это — Амхал.

Молодой человек с неотразимой улыбкой поклонился принцессе. Адхара при этом испытывала чувство гордости за него.

Амина оставалась безразличной.

— Мне известно, кто он. Он служит в охране моего деда. Чего тебе нужно? — грубо спросила она юношу.

Но Амхал нисколько не смутился.

— Ничего особенного. Адхара сказала, что тебе нравится драться. И я подумал, что, возможно, тебе будет интересно провести этот день вместе со мной. Утром мы отправляемся

в Академию и поупражняемся там с мечом, а днем будем патрулировать город. Ну что ты на это скажешь?

Адхара с удовольствием наблюдала ликование Амины, ее возбуждение от того, что им предстоит сегодня, но она подавила улыбку, скользнувшую по ее губам, и старалась вести себя сдержанно.

— По крайней мере, так я смогу пропустить занятия...

Амхал вопросительно посмотрел на Адхару, но девушка в ответ только подмигнула. Тогда она перешла ко второй части своего плана.

— Однако если мы горим желанием этим заняться, то, быть может, сейчас как раз самое время, чтобы подготовиться. — С этими словами юноша показал то, что до сего момента прятал за своей спиной.

Лицо Амины просияло, едва она увидела протянутый ей сверток, потому что его содержимое имело явно недвусмысленный вид. Она выхватила его из рук Амхала, развернула и увидела перед собой меч. Внешне он был ничем не примечателен, обычное оружие для тренировок, изготовить которое вполне по силам самому заурядному оружейнику. Но принцесса так не думала.

— Это... для меня?

— По крайней мере, на сегодня, — ответил Амхал. — А потом, если ты продемонстрируешь мне свое умение им пользоваться, я подарю его тебе.

Принцесса посмотрела на Адхару. Во взгляде девочки читались и благодарность, и восхищение подарком, и вместе с тем явное нетерпение. Адхара была почти счастлива, не без гордости сознавая то, что именно она способствовала появлению этих чувств. Она поняла, что рассуждала правильно, и впервые порадовалась тому, что действительно кому-то нужна.

— Ну так что, ты идешь?

Принцесса уверенно кивнула.

Поначалу Амина стояла на своем. Она упорно продолжала тренироваться только с Адхарой, держась от Амхала на некотором расстоянии. Он, как и подобает рыцарю, отошел в сторону, после того как принял участие в первых схватках, и дал несколько вполне нейтральных комментариев, адресованных по большей части Адхаре.

— Наверное, тебе нужно активнее двигаться. А там уместнее было бы сделать выпад.

Все трое находились на старой заброшенной площадке для гимнастических упражнений, принадлежавшей Академии. Она была очень пыльной и запущенной, но все еще довольно хорошо оборудованной, что в глазах принцессы придавало ей еще больше очарования. Амина любила все, что хоть отчасти имело таинственный вид. Амхал и Адхара решили прийти именно сюда из соображений безопасности принцессы: привести девочку в самую гущу солдат означало бы вызвать среди новобранцев полный переполох и тем самым испортить всю забаву.

Амина молча слушала комментарии Амхала, а затем, сделав очередной выпад в сторону вспотевшей и порядком уставшей Адхары, взорвалась:

— Говорить мы все храбрецы. Мне бы хотелось увидеть тебя в деле.

Амхал поднялся с лавки, вынул меч и развязал шнур, которым он закреплял оружие на спине.

— Я готов, — ответил он уверенно.

Адхара подумала о том, какой он на самом деле необыкновенный человек. Юноша был вынужден действовать, несмотря на инстинктивную антипатию к нему Амины, но при этом он ни разу не ошибся: он точно знал, каких струн нужно касаться, чтобы пробить брешь в сердце принцессы.

Девочка опустила меч.

— Не хочу показаться слишком капризной, но я ниже тебя в два раза, да еще и с тесаком в руках. У меня нет никакой надежды победить того, кто сражается двуручным

мечом.

Амхал пожал плечами:

— Адхара, дай, пожалуйста, твой кинжал.

Девушка приблизилась к Амхалу, протянув ему свое оружие, а потом положила руку на рукоять его меча. И тут у нее возникло странное ощущение, словно она касалась самого юноши.

Девушка села в углу и увидела, как Амхал, перекладывая кинжал из руки в руку, пытался поудобнее за него ухватиться.

— Так лучше?

Амина свирепо улыбнулась:

— Я бы сказала, что да. — И с этими словами она яростно бросилась вперед.

Амхал был безупречен. Он парировал удары изящно, не останавливаясь ни на мгновение. Впрочем, Адхара понимала, что молодой человек четко выверял свои силы в отношении Амины. Он ограничивался лишь тем, что искусно отражал все выпады соперницы или просто наносил ей слабые удары. Девушка с восхищением смотрела на него. Все жесты молодого человека воодушевляли Адхару: и то, как он сражался, и мелькание его мышц, и та осторожность, с которой он действовал против Амины, и даже неизменно тяготевшая над ним тень, как некое подобие мрачного проклятия, беспрестанно увлекавшего его за собой. С досадой она заметила на его спине две красные отметины. Как бы ей хотелось скинуть с его плеч и взять на себя и эти следы самобичевания, и эту боль.

В конце концов после довольно длительного обмена ударами, не оставлявшего не единой надежды на то, чтобы с честью выйти из этого поединка, Амхал прижал Амину к стене.

— Сдаешься? — спросил он принцессу с сосредоточенным выражением лица. Юноша сумел превратить эту игру в невероятно серьезное дело.

Амина, тяжело дыша, ответила ему с гордым видом:

— Только потому, что ты — мужчина и выше меня ростом.

— Безусловно, — согласился Амхал без капли иронии в голосе и отпустил принцессу.

Все трое позволили себе еще немного поразвлечься перед обедом. Они попробовали сражаться на копьях и в итоге отыскивали изрядно помятые пыльные доспехи. Судя по размерам, они, должно быть, принадлежали гному и прекрасно подходили по размеру Амине, которая конечно же не преминула тут же их примерить.

Амхал и Адхара не без труда надели их на принцессу, а затем девочка, сделав несколько шагов, запуталась в собственных ногах и с ужасным грохотом повалилась на землю. Встревоженная Адхара поспешила к ней на помощь. Из-под этой груды железа исходили приглушенные стоны. Но когда с принцессы сняли шлем, то увидели, как Амина закатывалась от смеха.

— Совершенно невозможно и шагу ступить в таком снаряжении! — воскликнула она, когда наконец перестала смеяться.

— Этому еще нужно учиться, — пояснил Амхал.

Все трое обедали в самой что ни на есть низкосортной таверне, хозяин которой имел явно бандитский вид, а над головой посетителей висела плотная завеса густого дыма. Амина, если можно так выразиться, пришла в полный восторг и захотела даже выпить немного сидра.

— Это алкоголь, и тебе его нельзя, — попыталась разубедить принцессу Адхара.

— Ты всего лишь на пять лет старше меня и пьешь его без всяких ограничений.

И тогда Адхаре очень захотелось поразмыслить о своем возрасте, о чем, в сущности, она никогда и не задумывалась.

Однако на этот раз Амхал не пришел ей на выручку.

— Впервые я попробовал сидр в девять лет, — признался он.

Таким образом, сидр теперь пили уже все.

— А ты не такой уж и плохой, — взглянув на юношу украдкой, вскользь заметила Амина.

Он ответил ей едва заметной улыбкой, и Адхара мысленно похвалила себя за успешное осуществление ее замысла.

Время после полудня было посвящено патрулированию города. Амхалу удалось получить увольнение от службы только наутро, а днем он, как обычно, должен был обходить с дозором Макрат. Он прекрасно знал, что во время несения службы брать посторонних, а в этом случае и того серьезнее — принцессу и ее фрейлину, являлось вопиющим нарушением устава, но он доверился инстинкту Адхары и своим боевым способностям. Поэтому он ничего не сказал руководству и разрешил обеим ходить вместе с ним.

Возбужденная Амина постоянно теребила рукоять меча.

— Должна признать, что в отношении тебя я, наверное, ошибалась, — сказала принцесса Адхаре, когда все трое шли по оживленным центральным улицам Макрата. — В общем, я была не права, когда обвиняла тебя в том, что ты не хочешь со мной дружить.

Адхара была явно довольна.

— Я же тебе говорила.

— Да... Мой отец всегда считал, что поступки говорят лучше слов, и ты... ну, сегодня ты доказала, что тебе нравится развлекаться вместе со мной.

— Этого-то я и хотела.

— Тем более что мы были вместе с твоим драгоценным Амхалом.

Адхара побагровела.

— О чем ты говоришь? — Девушка метнула озабоченный взгляд на шедшего впереди юношу.

— Спокойно. Он ничего не слышит, — успокоила ее Амина, а сама тем не менее продолжила говорить чуть тише. — У тебя хороший вкус, он и правда симпатичный.

Адхара почувствовала себя ужасно неловко. Ей еще никогда и ни с кем не доводилось разговаривать на подобную тему. Она заметно нервничала.

— Я только хотела, чтобы ты получше его узнала и поняла, что он тебе не враг...

— Конечно, конечно... И мне нравится один солдат из королевской охраны. Подумать только, в отношении парней у нас одинаковые предпочтения, — добавила Амина с лукавой улыбкой.

В этот самый момент Амхал резко рванулся вперед. Амина и Адхара от неожиданности на мгновение застыли на месте. Но вскоре девушка быстро сообразила, что нужно делать.

Она схватила свою подопечную за руку, прижала к себе и, ухватившись за кинжал, приготовилась отразить любое нападение.

Толпа перед ними расступилась, и в это время из переулка впереди послышались возбужденные крики дерущихся.

Амина вырвалась из рук Адхары.

— Я хочу пойти туда и посмотреть! — воскликнула принцесса, ускользая от девушки.

Адхара, сжимая в руке кинжал, стремительно кинулась вперед и, схватив девочку, потянула ее за собой назад. А там, вдалеке, уже сверкали клинки.

Амхал двигался с присущим ему изяществом и неизменным напором. Его меч стремительно вращался вокруг тела, описывая в воздухе замысловатые фигуры. Его противником оказался некий воришка, вооруженный ржавым мечом, который едва сумел дважды отразить удар, а затем оружие выпало у него из рук, отскочив на несколько метров в сторону.

И вот тогда Адхара снова стала свидетелем ее появления. Казалось, что мир остановился и замер на месте. Ярость. Его неизменная спутница, ярость, с которой Амхал все эти дни сводил счеты, пытаясь заглушить ее в боли и в изнурительных физических упражнениях. Девушка увидела в глазах юноши страстное желание довершить этот размашистый жест своей руки, обхватывая шею своего противника и пуская его кровь. Но он сдержался. Описав мечом окружность, Амхал наставил его на грудь вора. На какое-то

мгновение девушке показалось, что он все еще продолжал внутреннюю борьбу со своим жестоким инстинктом.

— Ты арестован, — пробормотал он наконец сдавленным голосом.

Адхара вздохнула с облегчением.

— Ай, ты делаешь мне больно! — раздраженно выкрикнула Амина.

Сама того не замечая, девушка сильно сжала плечо девочки.

— Извини, я боялась, что ты... — сказала она, ослабляя хватку.

Амхал в это время связывал руки преступника.

— Ты видела, это было что-то невероятное?! Меча почти совсем не было видно! А как он его разоружил!

Адхара кивнула, но все ее мысли были о другом. Девушка смотрела на Амхала, и когда он наконец поднял на нее глаза, то подарила ему взгляд, полный восхищения. Он вышел победителем.

На обратном пути домой Амина выдумывала кучу разных небылиц, но, когда встретила у ворот поджидавшего ее отца, в какой-то момент и сама в них поверила.

— Пожалуй, не стоит рассказывать твоей маме про вора, договорились? — посоветовала девочке немного обеспокоенная Адхара.

Принцесса, подмигнув девушке, бросилась ей на шею и поцеловала в щеку.

— Спасибо, — шепнула она и побежала к отцу.

Таким образом, Адхара могла спокойно отдохнуть после столь насыщенного дня в компании с Амхалом. Весь вечер молодые люди провели в Академии.

— Сегодня ты был просто великолепен, — сказала она юноше.

— Ну да. Я даже не мог себе это представить. У меня никогда не было ни братьев, ни сестер, и это просто чудо, что я смог найти общий язык с принцессой...

— Я не об этом. — Адхара положила руку на руку юноши. — Я подумала про вора.

Глаза Амхала, казалось, помрачнели.

— Это сиюминутные победы, — резко ответил он.

— И все же это была победа. Тебе следует вспоминать про такие моменты, когда ты начинаешь бичевать себя за свои ошибки.

Молодой человек предпочел сменить тему разговора:

— А знаешь, я продолжаю тренироваться с Саном. Он уже многому меня научил.

— Он помогает тебе? — с улыбкой спросила его девушка.

— Думаю, да.

Они никогда не обсуждали тот вечер, когда поцеловались. Адхара изводила себя вопросом, не был ли тот поступок просто временной вспышкой безумия. На следующий день они вели себя так, словно ничего не случилось, а потом и вовсе оказались полностью поглощенными приготовлениями к приведению в действие задуманного плана. В какой-то момент Адхара хотела поговорить об этом с Амхалом, но так и не отважилась.

Они весь вечер проболтали о всякой чепухе, а потом Амхал проводил девушку до ворот Академии. Выходить за ее пределы он не мог.

— Мне очень жаль, но тебе придется возвращаться одной: сегодня мне запрещено выходить.

Адхара откинула в сторону полу плаща и показала ему свой кинжал.

— Я сумею защитить себя, — ответила она с улыбкой.

— Я чуть не забыл. — Амхал ударил себя ладонью по лбу. — Я получил аудиенцию у Верховной Жрицы. Через неделю я обрисую ей всю ситуацию, и она назначит тебе дату встречи.

Но для Адхары это уже больше не имело никакого значения. Отныне ее настоящее было заполнено событиями, среди которых был и поцелуй Амхала, и великолепные вечера, проведенные вместе с ним.

Юноша крепко сжал ладони Адхары. Они снова остановились в нерешительности.

Девушка, не дав ему опомниться, обняла его и с замиранием сердца взяла инициативу в свои руки. Она поняла, что целоваться значительно проще, чем просто разговаривать.

Уста Амхала раскрылись, и вновь последовал сладостный и горячий поцелуй. Руки юноши скользнули по телу девушки до самых ягодиц и сжали их до боли. Адхара почувствовала, как он всем телом прижался к ней и коснулся зубами ее губ. Когда Амхал схватил ее за грудь, девушку охватил безумный и безрассудный страх от столкновения с этой необузданной, грубоватой страстью.

Внезапно все прекратилось. Амхал, задыхаясь, резко отскочил в сторону. Он был потрясен до глубины души. В глазах юноши Адхара снова увидела то же неистовство, что и в первый день их знакомства.

— Извини, я...

— Нет, это я... — попыталась возразить девушка и вновь приблизилась к нему.

Но Амхал в ужасе попятился назад.

— Спокойной ночи, — пробормотал он и был таков.

Возле своей двери Амхал встретил Сана, который, так же как и прежде, приходил к нему почти каждый вечер с тех пор, как они начали совместные тренировки.

Амхал был очень взволнован. Его руки все еще ощущали тело Адхары, это безумное желание схватить девушку, укусить ее и разорвать на части. Смутное предчувствие, впервые поразившее молодого человека, когда он целовал Адхару, превратилось в нечто ужасное и вполне осязаемое. Его неистовство возникало не только тогда, когда он сражался. Оно постепенно поглощало всю его жизнь, вторгаясь в самые дорогие сердцу чувства, отравляя самые чистые душевные порывы.

Сан, должно быть, заметил его замешательство.

— Что-то не так?

Амхал покачал головой, скорее для того, чтобы отделаться от прежних ужасных ощущений.

— Вы искали меня, чтобы продолжить тренировки?

— Как всегда.

— Тогда я возьму меч и мигом вернусь.

Именно движения он больше всего хотел в эту минуту. Он жаждал с мечом в руках разделаться со своей яростью. Ведь когда Сан был с ним рядом, его не одолевал страх, и даже самые ужасные порывы ослабевали и обретали свою направленность. Подобное не случалось с Амхалом даже в присутствии Миры. Только Сан обладал особым умением уравнивать его.

Проходя мимо скамьи, он бросил беглый взгляд на лежавшую на ней раскрытую точно посередине книгу Сана. Прочитав ее, юноша впервые почувствовал страх.

— В ней идет речь о Запретных формулах, — заявил Амхал, когда Сан спросил его, что он о ней думает.

— Так и есть.

Амхал недоумевал.

— Но ведь Запретная магия — это зло.

— Запретная магия — это оружие, которым каждый пользуется по своему усмотрению. Тем не менее она признана, хотя и не используется в полном объеме.

Сан произнес убедительную хвалебную речь о пользе Запретных формул. Амхал смутно ощущал, что в его уроках, в его подходе к магии было что-то неправильное и мрачное, хотя временами утверждения Сана звучали весьма соблазнительно. Несмотря на то, что юношу все еще одолевал страх, он горел желанием согласиться с этими доводами.

С тех пор Амхал смотрел на Сана с восхищением и с подозрением одновременно. Все это очень напоминало юноше ярость, день ото дня разрастающуюся в его груди: он чувствовал, что она несла зло, но при этом в ней было нечто привлекательное. В то же самое время Амхал не мог отказать Сану, поскольку относился к нему с благоговением и ощущал

внутреннюю потребность следовать за ним.

Амхал вышел из комнаты с мечом в руках.

— Пойдемте, — произнес он почти с отчаянием.

На лице Сана промелькнула хищническая улыбка.

20 ХРАМ

Мира довольно редко встречался с Саном. И в жизни Амхала еще оставалось немало противоречий. Мира был его наставником, который днем знакомил юношу с умениями, необходимыми всаднику, учил его сдерживать свои порывы, открывая перед ним мир, полный солнца, в котором не было места для страха, а если тот и присутствовал, то был вполне управляем. Разум оказывался в состоянии рассеять любой из этих страхов.

Сан, наоборот, олицетворял собой ночь, мрачный соблазн. Он был таинственным учителем, который рассказывал о мире, где грань между хорошим и плохим была призрачна и ненадежна, и даже неистовство юноши теряло там собственные очертания, растворяясь в чем-то неопределенном, таком притягательном и опасном одновременно.

При встрече Сан и Мира дружески беседовали между собой. Но они вовсе не были близки. К тому же Мира ничего не знал о ночных занятиях своего подопечного.

— Все эти дни ты выглядишь усталым, — заметил он однажды во время занятий с Амхалом.

— Сейчас очень напряженный период. И к тому же меня мучает бессонница, — отвечал юноша. Однако Амхал не без гордости принимал похвалы своего наставника за собственные успехи в отражении ударов или какие-либо новые движения. Он думал, что учитель будет доволен этими занятиями с Саном, хотя и не решался открыто в этом признаться.

Поэтому Амхал был немало удивлен, когда однажды утром Мира вызвал его к себе.

— Мы собираем внеочередной Совет. Нужно срочно отправляться в путь.

Амхал согласно кивнул. Он был в полной готовности.

— Но ты не поедешь.

Юноша оторопел от неожиданности:

— Учитель...

— В городе складывается тревожная ситуация, — пояснил Мира. — Напряжение растет. Похоже, что болезнь приближается к городу. Нужно быть начеку. Принято решение о том, чтобы часть войск оставить здесь. Леарко и Неор отправятся на Совет только в сопровождении ограниченного круга лиц.

— Учитель, в любом случае я бы предпочел поехать вместе с вами...

— Ты продвинулся далеко вперед, — прервал его Мира. — Со своей стороны я больше не могу потворствовать этой твоей чрезмерной привязанности ко мне. Ты уже готов к самостоятельному полету, а это значит, что тебе пора учиться обходиться без моей помощи. Поэтому ты и остаешься.

Гордость и страх попеременно переполняли сердце Амхала.

— Как бы то ни было, Сан присмотрит за тобой.

Амхал не мог вымолвить ни слова. Это был первый случай, когда Сан и Мира неким образом взаимодействовали друг с другом. Столкнулись, наконец, два противоположных мира, между которыми он находился в подвешенном состоянии.

— Это он вас попросил об этом? То есть я хотел сказать, чтобы меня оставить.

Мира с недоумением посмотрел на юношу:

— А почему он, собственно, должен был это делать? Нет, конечно нет. Это был приказ короля, согласно которому некоторые всадники остаются в городе. Сан непременно так и сделал бы, и я тогда подумал о тебе. И потом мне кажется, что ты им восхищаешься, да и он считает тебя весьма перспективным молодым человеком. Поэтому я попросил его

позаботиться о тебе. — Мира похлопал юношу по плечу. — Больше нет времени для страхов. Амхал, ты сильнее, чем ты думаешь, и в скором времени станешь всадником. Считай это одним из твоих последних испытаний.

От сильного внутреннего волнения комок застрял у Амхала в горле.

— Постараюсь не разочаровать вас, — произнес юноша, сдерживая дрожь в голосе.

Амхал с бастiónов дворца наблюдал за тем, как вместе с королем и другими сопровождавшими его всадниками улетал на своем драконе его учитель.

Рядом с ним за этой сценой наблюдал с важным видом и Сан.

Затем он обратился к юноше:

— Ну, теперь в нашем распоряжении есть еще немного времени для занятий. Что ты об этом думаешь?

Встревоженный юноша в ответ только улыбнулся.

Проникавшие во дворец известия о болезни были весьма скудными и разрозненными. Адхара улавливала отдельные признаки надвигающейся угрозы. То обнаружен один зараженный на границе с Землей Моря, то отмечен еще один подозрительный случай в Земле Солнца. Обстановка становилась все напряженнее: город жил в предчувствии неминуемой трагедии.

Впрочем, все мысли девушки были полностью заняты ее новой жизнью. Отношения с Аминой вполне наладились. Девочка стала более уравновешенной, рассудительной и менее капризной. В ее поведении просматривались признаки искреннего расположения, да и сама Адхара привязалась к ней больше, чем это можно было себе представить. Девушка даже прекратила свои походы в библиотеку; внезапно ее перестали интересовать и секта Недремлющих, и ее прошлое. Теперь она была просто фрейлиной по имени Адхара и девушкой, которая целовалась с Амхалом у ворот сада.

Но именно это второе обстоятельство и доставляло ей больше всего беспокойства. Что же произошло между ними? С момента их последней встречи молодой человек в буквальном смысле слова испарился. Девушка не знала, что и думать. Она так и не смогла уяснить себе, что же все-таки случилось. Осталось лишь ощущение прикосновения руки Амхала к ее груди, и это слегка настораживало и возбуждало девушку. Да, ярость постепенно вторгалась в их отношения, но, может, любовь и есть то самое неистовство и непреодолимое желание.

Амхал тем временем не показывался, но прислал короткую записку: «Я очень занят. Приду, как только смогу. До скорой встречи».

И девушке не оставалось ничего, кроме как ждать, что Амхал вернется и ее жизнь войдет в свое привычное русло. Ее настоящая жизнь именно в том и заключалась, чтобы спокойно плыть по течению в надежде на то, что судьба окажется к ней благосклонна. Ведь вплоть до сего момента все так и складывалось.

И Амхал пришел. Взволнованная Адхара поспешила к нему навстречу. Юноша стоял у входа в сад с мечом за спиной, полностью завернутый в плащ.

— Я здесь мимоходом, — сказал он, едва поприветствовав девушку.

— Ах! — воскликнула Адхара и замерла в нескольких шагах от него.

— Дело в том, что сейчас я усиленно занимаюсь, — пояснил Амхал. — Но я все равно помню о тебе, — добавил он со скупой улыбкой на лице.

Молодые люди так и продолжали разговаривать, стоя в трех шагах друг от друга, словно боялись любого прикосновения. Адхара чувствовала зов его тела, но в то же время была не в состоянии разрушить возникшую между ними преграду. Она слушала юношу, изображая живой интерес к его словам, а в это время единственным ее желанием было спросить у него, что же все-таки произошло за эти дни.

Амхал сообщил, что встречался с Верховной Жрицей и что у нее он смог добиться для Адхары аудиенции.

— Завтра после полудня, — уточнил он. Юноша подробно объяснил, где находится храм и как представить себя у входа в святилище.

Адхара чувствовала, что должна быть непомерно счастлива и благодарна ему за это. Но так и не смогла. Прошло то время, когда девушка желала получить от него в подарок собственное прошлое; теперь же она совсем иного хотела от его рук и губ.

— Ты зайдешь ко мне? — спросила она Амхала.

После краткого молчания он ответил:

— Нет. Я сейчас в карауле. — Должно быть, он понял разочарование девушки и поспешил уточнить: — Но я клянусь тебе, что приду завтра вечером, чтобы узнать, как все прошло.

— Амхал, как это понять? — не удержавшись, спросила его девушка. — Ты больше не приходишь, и говоришь так уклончиво, и... — *Как же наши поцелуи*, продолжал ее внутренний голос. Но она так и не смогла произнести вслух эти слова.

Амхал шагнул назад:

— Все дело в том, что сейчас я усиленно занимаюсь. Вот и все. Но я уверяю тебя, что завтра мы снова увидимся, и, пожалуй, тогда ты и узнаешь, кто ты на самом деле!

Амхал улыбнулся, но эта улыбка была какой-то неестественной.

Юноша расстался с Адхарой, махнув лишь рукой на прощание, и она вновь осталась наедине со своими сомнениями.

На следующий день девушка отправилась в путь, следуя всем данным ей указаниям. Она растерянно бродила по городу. После длительного пребывания в приглушенном пространстве дворца хаотичная атмосфера Макрата ее пугала. Люди смотрели на нее с подозрением. На просторных городских бульварах и маленьких улочках воздух был каким-то необычным. Адхара задавалась вопросом: быть может, это из-за заразы, которая уже начала преследовать свои жертвы, нагоняя на них страх? Адхара прибавила шагу и оказалась перед храмом.

Это громадное здание было целиком сделано из мрамора. В основании храма лежала круглая площадка, а сверху возвышался сплюснутый купол. Попастъ внутрь можно было через огромные, украшенные ажурными розетками ворота со стрельчатым сводом. И в эту послеполуденную пору все это ослепительно-белое сооружение сверкало под лучами яркого солнца. В храме было пусто.

Оказавшись внутри, Адхара почувствовала себя маленькой букашкой; ее охватил бессознательный страх оттого, что она может быть раздавлена всей этой машиной. Что-то подсказывало девушке не останавливаться. Здесь и в самом деле не было ничего такого, чтобы могло вызвать ее интерес. Адхара шла и думала о том, что своим пребыванием в храме она целиком обязана Амхалу, который так долго добивался для нее встречи с Верховной Жрицей.

Внутреннее пространство казалось безграничным. В глубине зала стояла гигантская статуя бога, а перед ним на возвышении находился алтарь. Вокруг него в виде широкого полукруга располагались ряды лавок. Свет проникал через витражи самых ярких оттенков, проецируя на пол контуры человеческого тела той самой статуи.

Высокие и узкие окна, также отделанные витражами, делили боковые стены на равные промежутки. От этого весь пол был усеян разноцветными пятнами, за которыми едва просматривалась его красочная мозаика в виде набора декоративных геометрических элементов. Адхара медленно окунулась в эту беспредельность. В безупречно гладком стеклянном куполе имелись вкрапления из черного кристалла в виде стилизованных фигурок и абстрактных узоров.

— Проходи, пожалуйста, ее святейшество ждет тебя. — Незнакомый голос исходил откуда-то слева.

Адхара обернулась и увидела одетую в бледно-голубую тунику девушку с обнаженными руками. Адхара направилась прямо к ней. Та приветственно улыбалась, а как

только расстояние между ними заметно уменьшилось, служительница храма поклонилась.

— Меня зовут Далия. Я — сестра Братства Молнии. Добро пожаловать.

Адхара кивнула в ответ. Далия жестом указала девушке следовать за ней.

Далия повела Адхару за алтарь, и, пройдя через довольно узкую дверь, они оказались в облицованном мрамором коридоре.

— Это поистине высокая честь, что ее святейшество соблаговолила лично тебя принять. Вообще-то она не одобряет подобных визитов, однако в отношении тебя она высказала свою крайнюю заинтересованность.

Адхара молча шагала за Далией. Она не знала, что на это ответить. Что такая важная особа могла в ней найти?

Девушки зашли в маленькую тесную комнату с дугообразным сводом и лишенными какого-либо убранства стенами. Едва переступив порог помещения, Далия опустилась на колени, и Адхара поспешила последовать ее примеру. В комнате стояло два кресла, на одном из которых сидела грузная пожилая женщина с серьезным и усталым лицом.

— Оставь нас, — сказала женщина.

Далия поднялась на ноги, вышла из комнаты и бесшумно закрыла за собой дверь.

Адхара осталась стоять на коленях. Едва приподняв голову, она посмотрела на Верховную Жрицу. Девушке уже удавалось пару раз видеть эту женщину раньше, но сейчас она была просто ошеломлена ее изможденным видом. Это была одна из тех старух, в чьих руках были сосредоточены судьбы всего мира.

Грузное тело в кресле наводило тронутую до глубины души Адхару на мысль о хрупкости этой женщины. Столько власти и ответственности на таких измученных и таких слабых плечах.

— Встань.

У Верховной Жрицы был хриплый и властный голос. Смущенная Адхара послушно встала и застыла на месте в самом центре комнаты.

Теана скользнула взглядом по телу девушки, по ее гладким черным волосам, в которых удивительным образом попадались вкрапления в виде синих локонов.

В ней течет кровь полуэльфа, промелькнуло в голове Жрицы.

У нее разные глаза.

Это вторичный эффект от применения неких магических чар.

У девушки мелкие черты лица, худощавое тело, а ее поза выдает полное внутреннее замешательство.

— Сядь, в ногах правды нет.

Адхара послушно села. В девушке чувствовалось нечто внушающее доверие и вместе с тем некая неосознанная тревога.

— Амхал обрисовал вкратце твою историю, но мне бы хотелось услышать ее от тебя.

Адхара, переведя дух, начала свой рассказ дрожащим от волнения голосом. Она поведала Теане и о луге, и об охватившем ее чувстве смятения, и о своей памяти, лишенной какого-либо воспоминания о прошлом. Верховная Жрица почти сразу перестала вникать в подробности ее повествования, поскольку история девушки ее не волновала. Ее больше интересовала окружавшая Адхару таинственная аура. Теана закрыла глаза и сосредоточилась на внутренних ощущениях. На теле девушки имелись магические знаки. По всей вероятности, кто-то использовал колдовские чары и Запретные формулы, но делал это весьма непонятным образом. Верховная Жрица безуспешно пыталась разобраться, о каком волшебстве шла речь. Как бы то ни было, под этой колдовской аурой скрывались чистота, благочестие и мощь.

— Ты знакома с магией? — неожиданно прервала ее Теана.

— Думаю, что да. Я это чувствую и осознаю, но при этом никогда ею не пользовалась.

— Подойди ко мне.

Адхара поднялась с кресла и встала перед Верховной Жрицей. Теана сжала запястье девушки. И в тоже мгновение женщина почувствовала, как ее пронзил некий мощный поток,

охватывая ее тело целиком и подавляя все силы. Теана ощутила невероятное умиротворение и удовлетворение. Но в этом состоянии было нечто ужасное и противоестественное. Теана с большим трудом сумела оторвать от руки Адхары свои пальцы. Обессиленная, она упала обратно в кресло.

— С вами все в порядке? — неуверенно спросила ее девушка.

Бог мой, что же это за девушка?

— Да, со мной... все хорошо.

Сощутив раз и другой глаза, Теана вновь обрела прежнюю ясность сознания.

— Кто-то навел на тебя колдовские чары, — произнесла Верховная Жрица. — На тебе лежит печать мощного магического заклятия. Такие чары под силу разрушить только тому, кто их наложил, и этот кто-то должен быть чрезвычайно одаренным магом. Но я не могу сказать тебе точно, какого рода эти заклинания.

Адхара молча кивнула:

— Об этом мне уже рассказывал один ваш собрат, когда мы путешествовали по Земле Воды. Полагаете, что из-за этого... заклятия я и потеряла память?

В ответ Теана только пожала плечами:

— Не знаю.

Верховная Жрица долго думала о том, рассказывать ли девушке о возникших у нее странных ощущениях. В конце концов она решила промолчать. Эта женщина обладала способностью с невероятной живостью воспринимать магическую силу. Но на этом ее дарования заканчивались. Она не могла объяснить ни то, откуда берутся эти силы, ни то, к чему они приводят, равно как и понять, в чем конкретно заключался их смысл. На этом магические умения Теаны исчерпывались. В Адхаре была скрыта удивительная по своему воздействию, мощная и вызывающая тревогу магическая сила, однако Теана не могла объяснить ее смысл и назначение.

— А вы можете вернуть мне мои воспоминания? — В голосе девушки вспыхнули нотки надежды.

Я должна докопаться до истины.

— Возможно.

Теана с трудом поднялась со своего кресла и велела Адхаре сесть. Нужно попытаться отыскать ее воспоминания. Наверняка в них сокрыт ключ к пониманию всего происходящего с девушкой. Тогда отчего ее сердце вновь переполнилось смутной тревогой, и в памяти всплыли воспоминания о самой мрачной поре существования культа Тенаара, связанной с Гильдией убийц, той самой секте, что извратила суть этого верования.

Теана подошла к шкафу и, открыв его, принялась искать необходимые для обряда травы, порошки, сосуды. Она выдернула веточку березы из висевшего на створке шкафа пучка и стала тихо молиться. Не прерывая молитвы, она продолжала готовить необходимое снадобье. Женщина заметила недоумение и озабоченность Адхары. Она не прекращала молитвы до тех пор, пока не ощутила прилив божественных сил. Теперь все было готово.

Взяв в руки пиалу и веточку, Верховная Жрица под села к Адхаре.

— Сейчас я воспользуюсь магией, чтобы разыскать твои воспоминания. А ты просто расслабься и позволь мне это сделать. Ну что, ты согласна?

— Да.

На долю секунды Теана почувствовал некую внутреннюю связь с этой девушкой, имевшую незримое отношение к Тенаару, но это ощущение так же быстро исчезло, как и появилось.

— Протяни ко мне руки.

Адхара послушно подчинилась.

Теана начала ритуальное песнопение, медленную гипнотическую молитву, затем окунула в смесь соломинку и кончиком этой соломинки принялась рисовать на коже Адхары разные символы. Сначала она провела бесцветную линию по запястью, потом поднялась вдоль голубых прожилок руки до локтя и дальше до самых плеч, со всех сторон покрывая их

рисунком из фигур. В это время ее сознание открылось для восприятия сознания Адхары.

Далее Теана перешла к другой руке девушки, укрепляя тем самым мистическую связь, возникшую между ними. Нарисовав последний завиток на левом плече, женщина издала резкий вибрирующий звук.

Окружающий мир исчез с горизонта ее восприятия, а в голове осталось только сознание Адхары, полное чистых впечатлений и сильных ощущений, восходивших к ее недавнему прошлому. Теана не могла отчетливо видеть воспоминания, но она ощущала связанные с ними впечатления. Женщина погружалась все глубже, заходя за пределы сознания. Там царствовал белый, безграничный простор, пустыня, лишённая чувств и памяти. Словно это — сознание новорожденного, словно и в самом деле ей нечего было вспоминать.

Неужели она и в самом деле родилась на этом лугу?

Затем возникло ощущение чего-то мерзкого, вспышка глубокой ненависти и необыкновенно сильной боли. Кровь, страх, отчаяние. И непрекращающийся, чудовищный, бесконечный крик. Теана почувствовала, как он ее засасывает и она, охваченная мистическим ужасом, летит вниз.

Когда Верховная Жрица очнулась, то увидела, что лежит на полу, а в поле ее зрения только комната и встревоженное лицо Адхары.

— Вы в порядке?

Теана медленно приподнялась, с беспокойством глядя на девушку.

— Да, — ответила она спустя некоторое время. — Да, со мной все в порядке.

Рядом с Адхарой она заметила Далию.

— Я услышала ваш крик и примчалась сюда.

— Клянусь вам, я ничего не делала! — твердила Адхара.

Теана почувствовала, как Далия, обхватив ее за плечи, пыталась приподнять женщину.

— Моя госпожа...

— Все хорошо, она ни в чем не виновата, — произнесла Теана, а потом, повернувшись к Адхаре, добавила: — Мне очень жаль, но магия оказалась бессильной.

После минутного молчания ошеломленная девушка отважилась спросить:

— Что это значит?

— А то, что я не нашла ничего такого, о чем можно было бы рассказать.

— Но... — В глазах девушки читалось отчаяние с некоторой долей досады. — Я не понимаю... А почему же вы кричали?

— Это из-за пустоты, что я увидела в твоей памяти.

— Да, но...

— Я сожалею, — резко ответила Теана. — Я ничего не могу для тебя сделать.

Адхара, стоя на коленях, продолжала в растерянности смотреть на Верховную Жрицу.

— Мне очень жаль...

Тогда Далия взяла ситуацию в свои руки. Усадив Теану в кресло, она обняла Адхару за плечи.

— Пойдем со мной.

— Но я пришла сюда, чтобы попросить вас еще кое о чем! — настаивала девушка.

Далия замерла на мгновение. Теана взглянула на нее, ожидая дальнейших объяснений.

Тогда Адхара, вывернувшись из рук Далии, подошла к Верховной Жрице и вынула свой кинжал из ножен. Служанка в ужасе рванулась вперед, но девушка, не мешкая, тотчас протянула рукоять кинжала Верховной Жрице.

— Когда я проснулась, со мной было еще вот что.

Женщина побледнела и задрожала. Она отодвинула в сторону руку девушки и отвела взгляд.

— Мне больше нечего тебе сказать.

Далия снова подошла к Адхаре и еще крепче сжала ее за плечи.

Девушка сопротивлялась.

— Кто такие Недремлющие?
— Не произноси этого имени здесь, в храме, — прошипела Теана.
Далия вытолкала Адхару из комнаты, но та не унималась:
— Кто такие Недремлющие?
Дверь захлопнулась за ее спиной.

Собрания Братства Молнии проходили крайне редко. С тех пор как был возрожден культ Тенаара, его созывали только по поводу измены Недремлющих.

Теана встревоженно взидала на братьев и сестер, являвшихся главами религиозных общин других земель.

— Вы полагаете, что это происки Недремлющих? — спросил один из них.
— У девушки их кинжал, и на нее наложено особое заклятие.
— Их остались лишь единицы... — заметил кто-то другой.
— Конечно, но некоторые покинули секту, а эти люди готовы на все. Они настоящие фанатики, — заметила Теана.

— Как вы считаете, кто эта девушка?
Верховная Жрица тяжело вздохнула:
— Понятия не имею. Однако вам известно пророчество. Сначала эта непонятная болезнь, эльфы, вернувшиеся из глубины веков, затем этот символ Недремлющих... Боюсь, что эти времена наступают.

Над аудиторией повисло тяжелое молчание.
— Что вы предлагаете? — отважился наконец спросить один из братьев.
— Ничего, кроме как держать ситуацию под контролем. И собирать сведения о Недремлющих. Возможно, нам не удалось уничтожить их полностью, и они, объединившись, продолжают действовать подпольно. А еще нужно изучить девушку, — твердо заявила Теана.

Многие закивали.
— Вы — Верховная Жрица, и вы наш проводник.
Это была официальная формула, одобрявшая любое решение собрания и которую произносил каждый из восьми присутствующих участников.

— Вы и вправду считаете, что эти времена настали? — спросил кто-то дрожащим голосом.

Теана задержала дыхание:
— Хотелось бы надеяться, что нет.

21 СЕКТА НЕДРЕМЛЮЩИХ

Когда он появился, солнце было уже высоко, и на голубом небе не было ни облачка. Человек тяжело плюхнулся у дверей дома.

Проходивший мимо сосед устремился к нему.
— Херат, с тобой все в порядке? — закричал он, тряхнув человека за плечо.
Он осторожно повернул мужчину на спину. И тут он увидел рассеянные по всей поверхности шеи вплоть до самого лица ужасные черные пятна смерти.

Мужчина резко вскочил и с диким воплем помчался прочь:
— Зараза! Зараза!

Настал черед Неору самому принимать решения. Для начала он установил полный карантин в пораженной болезнью деревне, а также в десяти окрестных селах. Запретил переходить из одного места в другое без письменного разрешения властей. Затем во всех селениях, численность жителей которых превышала тысячу человек, приказал организовать патрулирование отрядами солдат и ввести тотальную проверку. Доступ в Макрат был

приостановлен с заката до рассвета.

Земля Солнца погрузилась в кошмар. Это случилось именно тогда, когда король был в отъезде, а во дворце вместо него остался только его сын-инвалид.

— Это такой маневр, чтобы взять власть в свои руки. Всем известно, что он к этому стремился и всегда очень этого хотел...

— Неор всегда был превосходным советником...

— Неор ждал только подходящего момента, чтобы нанести удар.

Слухи стали распространяться, обрастая самыми невероятными подробностями, повсюду царила всеобщая подозрительность. На юге города наказанию была подвергнута одна нимфа: ее обвиняли в распространении заразы. Чудом спасся старик, когда был подожжен его дом: это сделали соседи старика, испугавшись его болезни. Как позже установили священники, это оказалась обычная простуда.

Но толпа не желала слышать никаких объяснений, ее охватил страх. Люди метались в поисках укрытия, чтобы избежать невидимой и ужасающей опасности, передававшейся по воздуху, преодолевавшей все преграды и могущей настичь любого в лице родных и знакомых.

Но Неор не поддавался панике. Он выслушивал слухи, не обращая внимания на недоверие народа, ради которого он жертвовал собой вот уже на протяжении стольких лет. Он знал, что настал момент, чтобы показать всем, каков он есть на самом деле, и принц не преминул это сделать.

Дубэ увеличила число тайных агентов в городе, а Неор организовал дополнительное патрулирование. В эту новую миссию были вовлечены все всадники. Принц вызвал к себе Сана:

— Ты мне нужен.

Сан поклонился, опустившись на одно колено и опершись одной рукой об пол.

— Я всегда к вашим услугам.

— Это дело рук эльфов, — начал Неор.

По спине Сана пробежала едва заметная легкая дрожь. Слабое подобие улыбки появилось на его губах.

— Они узнаваемы даже при изменении внешности.

— Я прочел о них в старых текстах и знаю, как они устроены. Их пропорции заметно отличаются от наших.

— А ты во время своих путешествий когда-нибудь встречался с ними в Неведомых Землях? — спросил Неор.

Сан ответил не сразу.

— Нет. Меня никогда не забрасывало в такую даль.

Неор посмотрел на своего собеседника:

— А ты можешь узнать кого-нибудь из них?

Сан кивнул.

— Отныне по городу будут ходить патрули в составе одного стражника и одного священника, все вместе они будут разыскивать эльфов. Им приказано хватать их живыми и препятствовать их вредительской деятельности. Мы не знаем, сколько их сейчас находится в городе, но вы как раз и займетесь их поисками. Возьми на себя организацию очередности несения дежурств.

— А как насчет охраны дворца?

Неор подумал о своей жене и детях.

— Трех солдат для охраны моей семьи будет достаточно. И не человеком больше. Это вопрос второстепенной важности.

Амхал был целиком вовлечен в водоворот событий. Он принял участие в первом собрании, на котором Сан отдавал свои новые приказания.

— Ты пойдешь в паре со мной, — обратился он к молодому человеку.

Амхал ликовал. Все, что было с юношей прежде, перестало для него существовать: и Адхара, ночи напролет заполнявшая его сознание сладостными и необыкновенными воспоминаниями о тех двух поцелуях, и нежность губ девушки, и ужас от того, что его руки чуть не навредили ей, и Мира, ставший уже таким далеким и потерянным.

Даже его ярость, которая денно и ночью продолжала изматывать юношу, подстрекая излить свою жажду крови. Все исчезло. Остался только Сан.

Они бок о бок прочесывали город с утра до вечера, действуя как одно целое. Им не нужно было лишних слов: их тела двигались синхронно, а черный и двуручный мечи отплясывали в унисон, когда дело касалось наказания вора или задержания преступника. Город бурлил. Его охватило предчувствие смерти, которая, все больше и больше затягивая на нем петлю, медленно душила его. И перед лицом неизбежного конца каждый показывал свою истинную сущность. На улицах столицы сменяли друг друга случаи эгоизма и неслыханной жестокости. Убийства, изнасилования, грабежи, а также страшное единодушие в отношении преследуемых чужеземцев, нимф и пораженных болезнью людей.

Амхал с головой погрузился в эту бурлящую магму. Он ориентировался исключительно на наставления Сана, которые тот часто повторял во время их совместных вечерних тренировок.

— Убийство — это не всегда зло. Все зависит от того, кого ты убиваешь. Амхал, в наших руках сосредоточена сила, которой нет ни у кого на свете. И мы не должны подавлять ее, унижительно следуя законам смертных. Мы — *не такие*, как все, Амхал, и доказательство тому твоя ярость.

Это был мрачный мир, которому он прежде так отчаянно сопротивлялся. Но когда Мира покинул город, а Макрат захватила волна безумия, грань между дозволенным и недозволенным, плохим и хорошим в его глазах стала стираться. Сан оказался его единственной опорой, а его слова с каждым разом казались юноше менее грозными, более приятными и убедительными. В его руках ярость становилась безвредной, даже *справедливой*, поскольку Сан учил сводить с ней счеты, позволяя ей изливаться как можно медленнее. Как в тот вечер в лесу, когда Амхал применил новую Запретную формулу, несущую разрушения и смерть. Обугленные тела, уничтоженные огнем стволы деревьев. И наконец, никакого чувства вины...

И только Адхара вызывала его беспокойство. Его все еще тянуло к девушке. В неимоверной сумятице его новой жизни ее образ, словно болезненное воспоминание, продолжал время от времени возникать в его сознании. Припоминая безмятежность первых дней их сближения, он чувствовал, что его тянет к ней с прежней силой. И при этом очень боялся девушку. В особенности после того, что произошло между ними в последний раз.

Амхал обещал, что непременно навестит ее, чтобы узнать о том, как прошла ее встреча с Верховной Жрицей. И не сдержал слово. Всю неделю он целиком посвятил себя исключительно выполнению своей миссии и взаимоотношениям с Саном. Но юноша знал, что между ним и Адхарой существует некая загадочная и глубокая связь, которая его пугала и одновременно радовала.

— Я считаю, что всадник не может позволить себе такую роскошь, как любовь, — заявил Сан, когда Амхал рассказал ему об Адхаре.

— Но ведь Идо любил Соану, — возразил молодой человек.

Казалось, что Сан рассердился.

— Идо теперь нет, и Идо больше чем просто всадник, он... — Сан запнулся, а потом, успокоившись, продолжил: — Речь о тебе. Об этом конкретном моменте твоей жизни. И я прекрасно понимаю твои... потребности.

Амхал сильно покраснел.

— Ведь любовь... любовь делает тебя слабее. Если хочешь, развлекись с этой девицей, но не больше.

— Я боюсь причинить ей боль, — пробормотал Амхал.

Сан улыбнулся:

— Или забудь про нее, или отдай ее на съедение своей ярости.

Адхара чувствовала, как мир ускользал у нее из рук. В одно мгновение все изменилось. Она весь вечер прождала Амхала в надежде, что он поможет ей понять смысл их загадочной встречи с Верховной Жрицей. Но молодой человек не пришел. Не появился он и на следующий день, и позднее.

А в это самое время Макрат все больше погружался в хаос. Повсюду раздавались встревоженные голоса, повсеместно был введен комендантский час и установлен категорический запрет кому бы то ни было покидать стены дворца.

Закончилось все тем, что она вместе с принцессой оказалась запертой в этой золотой клетке. Со стороны складывалось впечатление, что жизнь здесь течет своим чередом, но Амина так и не сумела скрыть своего страха, а Адхара своей тревоги.

Так что же все-таки увидела Верховная Жрица? И почему она не захотела говорить о Недремлющих? Из пустоты ее прошлого снова выплывали монстры, мрачные предсказания и непостижимые тайны. Она уже не могла продолжать делать вид, что все это не имеет никакого значения, так, как это было раньше.

Исчез и Амхал, вероятно позабыв о ней.

Поначалу она думала, что та протрация, в которой она очутилась, возникла после ее встречи с Верховной Жрицей. Она чувствовала, что ее преследуют. Словно кто-то шпионит за ней, и, куда бы она ни пошла, некто ходит за ней по пятам.

Однажды в лесу, играя с Аминой, она снова заметила чье-то присутствие.

— Ты слышала?

— Что?

— Шорох, — сказала Адхара и огляделась вокруг.

— Прошу, не нужно меня пугать... — взмолилась Амина, касаясь плеча девушки.

Адхара не стала говорить принцессе, что заметила среди деревьев фигуру в черном.

На следующий день, когда все уже легли спать, она неторопливо прошла по дворцу. За своей спиной она услышала едва различимое эхо шагов. Поблуждав еще немного, она оказалась в довольно темной части дворца. Остановившись, она дождалась, пока не стихнут приглушенные таинственные шумы, а затем, закрыв глаза, целиком доверилась памяти своего тела.

Обнажив кинжал, Адхара выскочила навстречу приближавшемуся шороху. Девушку, равно как и ее преследователя, поразила быстрота ее реакции. Одной рукой она вцепилась ему в горло, а другой приставила кинжал к его груди.

Я словно рождена для этого, словно я ничем другим в этой жизни не занималась, подумала Адхара, в очередной раз задаваясь вопросом, откуда у нее взялись такие способности.

— Кто ты? Кто тебя послал? — прошептала девушка.

Неизвестный задрожал в ее руках.

— Я не собирался делать тебе ничего плохого, — ответил он приглушенным голосом.

— Что тебе нужно? — не отступала Адхара, изображая не свойственные ей жестокость и хладнокровие.

— Я из Братства Молнии, — ответил незнакомец, и только тогда девушка ослабила хватку на его шее. — Меня послала Верховная Жрица, но, клянусь тебе, я не знаю для чего. Она только приказала не выпускать тебя из виду!

Адхара припала спиной к стене и провела рукой по лбу.

— Мне нужна правда, — сказала она в отчаянии. — Чего хочет от меня эта женщина? Что она видела в моей голове?

В темноте слышалось лишь тяжелое дыхание ее преследователя.

— Мне очень жаль. Но я ничем не могу тебе помочь...

— Пошел прочь и больше не возвращайся! — крикнула ему вдогонку Адхара, вставляя кинжал в ножны. — И скажи всем, чтобы оставили меня в покое.

На следующий день Далия лично посетила занятия Амины и Адхары. Кивнув Адхаре, она обратилась к ней со словами:

— Верховная Жрица желает видеть тебя.

— Я не хочу иметь ничего общего с Братством, — сквозь зубы буркнула девушка.

— Ее святейшество попросила передать, что хочет открыть тебе всю правду, — добавила Далия с улыбкой.

Адхара вздрогнула.

— Я не могу выйти из дворца. Это приказ принца, — неуверенно заметила она.

— Со мной ты сможешь это сделать, — возразила Далия.

Теана приняла Адхару в той же самой комнате, что и в первый раз. Указав девушке на стул, она скорбно на нее посмотрела. Адхара попыталась заглушить в себе какое бы то ни было сострадание. С этой женщиной, которая использовала ее и скрывала от нее всю правду, нужно оставаться непреклонной.

— Ты должна простить меня за мою ошибку, — начала Верховная Жрица.

Адхара позволила себе горькую улыбку:

— Вы говорите так только потому, что я раскрыла вашего шпиона.

— Не поэтому. Я имею в виду то, что скрывала от тебя правду.

Эти слова застали Адхару врасплох. Она и представить себе не могла, что они так быстро перейдут к делу.

— Мне показалось тогда, что ты вышла из моего самого страшного кошмара и напомнила мне о мрачных... временах, которые я пыталась навсегда забыть, — продолжила Теана, поглаживая лоб. — Как бы то ни было, ты имеешь право знать всю правду. Ты ни в чем не виновата.

Адхара замерла на месте.

— Кто я? — тут же спросила она.

— Я не знаю, Адхара, не знаю...

— Ну, хватит! Для чего вы позвали меня? Вы просто играете со мной, — взорвалась девушка, вскакивая на ноги. — Сначала вы обещали мне правду, а потом говорите, что не знаете и...

— Я расскажу тебе то, что мне известно про секту Недремлющих, — без тени смущения перебила ее Теана. — Сядь и наберись терпения.

Адхаре ничего не оставалось, как подчиниться.

— Недремлющие, как они себя сами называют, — это группа безумцев, — изрекла Теана. — Они начали свою деятельность, ведомые принципами истины, но вскоре потеряли разум.

Эта секта возникла около двадцати лет тому назад, когда после анализа древних текстов, обнаруженных при восстановлении Нового Энавара, стали известны таинственные события. Речь шла об эльфийских книгах из библиотеки Тиранно, перешедших во владение Братства Молнии, где с огромным трудом эти рукописи были расшифрованы и переведены.

Это открытие сделал один юноша, очень образованный и сведущий в священническом искусстве человек. По его словам, это случилось ночью, во время его исследований. Текст был очень сложный, запутанный, но общий смысл его был более чем понятен.

Во Всплывшем Море идет тысячелетняя борьба, которая век за веком возобновляется и так длится дальше. Начало пошло с возникновения времен, и с тех пор оно захватывает мир в витки своего кругооборота, предупреждая историю и прокладывая его судьбу.

Первым был эльф, чье имя забылось, разрушилось, стерлось. Он изобрел Запретную магию, запустив зло в этот мир. Он противопоставил свою жажду разрушения предназначению жизни, божественному веянию добра. Потому что боги могли создавать, а эльфы нет, он захотел ни больше ни меньше как обрести разрушительную власть. Так называемый Марваш, Разрушитель, был первым.

Перед мощью его зла, угрожавшей разрушить Всплывший Мир, боги, и первый среди них Шеврар, послали на землю Сирен, Посвященную, предназначение которой было в том, чтобы заглушить ненависть Марваша, разгромить его дело и отправить его обратно во тьму, из которой он вышел.

Первая битва привела к разгрому Марваша, но его смерть дала свои мрачные плоды. Он исчез, оставив после себя потомство, семя смерти, давшее свой мерзкий урожай.

Времена прошли, пришел мир, но зло не было побеждено. И снова из темноты возникает существо, жаждущее смерти и разрушений, присвоившее себе имя Марваша. И снова боги привели во Всплывший Мир Сирен, и снова борьба между двумя людьми потрясает землю до самых корней. Это была победа Марваша, за которой последовали долгие годы мрака.

С тех пор, временами, в мире возникают один или несколько Разрушителей. Создания, посвятившие себя злу, наделенные необыкновенной силой, эти мрачные существа наслаждаются смертью и только в кровопролитии находят свое удовлетворение. Им противостоят Посвященные, Сирен, такие же могущественные, но движимые добром, переполненные благодатной очистительной силой. Это столкновение повторяется вечно, и исход сомнителен. В разные эпохи бывает, что побеждает то мрак, то свет. Единственно достоверна сама борьба, вечное чередование добра и зла: то змея, жалящая хвост птицы феникс, то птица феникс, клюющая тело змеи, в своей бесконечной последовательности, которую может прервать только разрушение одной из противостоящих друг другу сторон.

— Потрясенный своим открытием юноша пришел ко мне, чтобы обо всем рассказать, — продолжала Теана. — История Всплывшего Мира представлялась теперь уже в ином свете. Все знали, что Ниал была Сирен, Посвященной; Астер не кто иной, как Разрушитель. Когда же появятся следующие и чем закончится их схватка?

Внутри Братства начались обсуждения, поскольку были такие, кто говорил, что нужно готовиться, а кто просто считал, что достаточно принять как данность факт существования этого чередования, что управляет жизнью во Всплывшем Мире, и смириться с ним.

Дакара, сделавший это открытие, сказал, что следующая битва может уничтожить нас. Ведь не всегда побеждает Сирен. А подобные Марвашу правили миром веками. Стоит только представить себе мир, находящийся под властью одного такого Тиранно, его безлюдные равнины, истребленные леса и его поработанных жителей. Тогда Дакара заявил, что нам нужно первыми отыскать Сирен, обучить ее и дать ей оружие победы.

Но я воспротивилась.

— Это противостояние будет передаваться из поколения в поколение. Всплывший Мир устроен таким образом, что в его основании заложено извечное чередование добра и зла, мира и страданий. Мы не можем и не должны изменять это равновесие.

Осознание существования зла заставит нас быть бдительнее и позволит в полной мере наслаждаться завоеванным спокойствием. Достоверность возвращения добра осветит мрачные моменты, придаст нам сил для дальнейшей жизни и борьбы. Сражаться с этим чередованием — это бесполезный акт самонадеянности и кощунство по отношению к Тенаару. Сирен придет в любом случае, хотим ли мы того или нет, и со временем победит. Зло не вечно, об этом говорит нам и сама природа этого чередования.

Таковы были мои слова тогда, и в это я верю до сих пор.

Вслед за этим последовали споры, изнурительные дискуссии и, наконец, итоговое голосование. Братья Молнии не стали бы разыскивать Сирен, а с уважением отнеслись бы к природе этого чередования, без чьего бы то ни было вмешательства.

Но Дакара не согласился с таким решением. Он слишком любил Всплывший Мир, чтобы быть свидетелем его крушения. Вот так в результате раскола и появились Недремлющие — побочная секта, которая и попыталась разыскать Сирен любой ценой.

Теана замолкла на мгновение, посмотрев на сиявшее за окном комнаты солнце. С каких пор в городе не было дождя? И сколько еще продлится эта изнуряющая жара?

— Так или иначе, но мы приняли этот раскол. Мы продолжали жить своей жизнью, а

Недремлющие своей. Но потом... — Верховная Жрица закрыла глаза. — Они стали убивать.

Адхара вздрогнула.

— Дети с ярко выраженными магическими способностями, Недремлющие, были убеждены, что они нашли способ распознавать Марваша прежде, чем проявятся все его умения.

Адхара напряглась. А что она? Как она вписывалась во все это?

— Король Леарко запретил деятельность этой секты и объявил ее вне закона. Их выслали из страны восемнадцать лет тому назад. И с тех пор они никогда больше не возвращались.

Комната погрузилась в тягостное молчание.

— А как же я? — пробормотала Адхара.

— Не знаю, — улыбаясь, ответила Теана. — У тебя есть их ритуальный кинжал, а это верный признак того, что они все еще продолжают существовать. В прошлый раз я ничего не обнаружила в твоём мозгу. За исключением тех воспоминаний, что появились у тебя уже после твоего пробуждения на лугу. Однако до этого я видела нечто ужасное, тягостное, сродни невыносимой боли.

Адхара почувствовала, как у нее закружилась голова. Смутное воспоминание. Покрытые плесенью камни. Узкий подземный ход. И боль... Однако это видение длилось не больше мгновения. Затем реальность взяла вверх.

— Они искали Сирен. Даже тогда, когда убивали предполагаемых Марвашей, они не переставали ее разыскивать. Быть может, ты одна из них, или как знать... Не знаю, Адхара, я совсем ничего не знаю.

Верховная Жрица встала и подошла к окну.

— Я чувствую в тебе силу, но не могу понять, ни что она собой представляет, ни в чем ее смысл. Но я очень боюсь. Это неоспоримо, что Недремлющие — безумцы, а если они правы? А если те времена уже совсем близко?

Женщина резко обернулась, и в ее глазах Адхара заметила пугающие признаки помешательства.

— Тебе известно, что это эльфы принесли сюда заразу? Мы еще никому об этом не сказали, но это точно они. Болезнь и Недремлющие, возвращающиеся из забвения, куда, как нам казалось, мы навсегда изгнали их... А если уже скоро начнется новая схватка между Сирен и Марвашем?

Вопрос так и остался висеть в воздухе.

— Но вы же не знаете, кто я и откуда...

Похоже, что Теана снова пришла в себя.

— Нет, — сказала она, усаживаясь в кресло. — Нет. Я приказала следить за тобой, чтобы попытаться понять. Если бы ты была одной из Недремлющих, быть может, ты бы и смогла ответить на наши вопросы, либо ты, в некотором смысле, была их заложницей...

И эти слова остались без ответа.

— Что вам от меня нужно? — спросила наконец Адхара с нотками высокомерия в голосе.

Верховная Жрица, не смутившись взгляда девушки, с улыбкой ответила:

— Узнать и о тебе, и о твоём прошлом.

— Но вам уже известно все, что знаю я, а большего я не могу вам сказать.

— Да, я тоже так думаю, — пробормотала Теана. Затем она встала и направилась к шкафу, заполненному разными склянками. — Вот это — травы. Одну смесь я изобрела лично. Я уже обшарила твой мозг и не думаю, что там есть что-то еще, однако... принимай это каждое утро. И раз в неделю приходи ко мне.

Адхара взяла пузырек и повертела его между пальцами.

— А для чего это?

— Это может помочь тебе обрести память. Раз в неделю я буду повторять магический обряд, как во время нашей первой встречи. Как знать, удастся ли нам покончить со всей этой

историей?

Адхара встала, сжав пузырек в ладони.

— Прости меня за то, что я приказала следить за тобой, за то, что с тобой обращались как с одной из Недремлющих. Я признаю свою ошибку, — добавила Теана.

Адхара изо всех сил попыталась улыбнуться, но так и не смогла. И она ушла, в очередной раз так и не узнав ни про свое прошлое, ни про себя саму.

22

СТОЛПОТВОРЕНИЕ

— Даже и не проси меня об этом.

Дубэ стояла в комнате своего сына. Втайне от всех он ночью вызвал мать к себе.

Принц упорно продолжал смотреть на мать.

— Это крайне необходимо.

Наступившее вслед за этими словами молчание таило в себе недосказанность.

— Мы говорим о героическом человеке, которого чтит твой отец, которого весь Макрат принял с наивысшими почестями и в руках которого в данный момент сосредоточена безопасность нашего города.

— Я прекрасно это знаю. Как раз поэтому ты и должна заставить его следовать этим правилам.

Это произошло в тот день, когда принц поручил Сану поддерживать порядок в столице. Неор никогда прежде не был с ним близко знаком. Впрочем, принц знал Сана больше остальных благодаря рассказам его родных и распространявшимся вокруг его имени легендам. Принц ограничивался лишь тем, что принимал как данность тот факт, что эта фигура по определенным причинам была почти мифической. Но, как бы то ни было, они почти не общались друг с другом.

До сих пор им обоим еще не выдалась возможность встретиться лично, без посторонних.

— В чем конкретно ты его подозреваешь? — спросила Дубэ.

Неор затруднялся сразу ответить. Это было просто предчувствие. Легкое замешательство, с которым Сан отвечал на вопросы принца, этот момент неуверенности перед тем, как ответить, что нет, он никогда прежде не видел эльфов.

— Этот человек провел сорок лет в Неведомых Землях, и теперь говорит, что в глаза не видел эльфов.

— Мне это кажется вполне допустимым. И я никогда их в глаза не видела, и даже не знаю, где они находятся.

— Ты там была всего пару месяцев, и далеко не с разведывательными целями. Но он... он путешествовал по тем местам. Сеннар видел их. Разговаривал с ними, и такого не может быть, чтобы и Сан не нашел способ с ними встретиться.

— Наверняка они держались от него на расстоянии.

Как раз это Неору и не нравилось. В этом так горячо любимом всеми человеке было что-то странное. Быть может, эти подозрения были вызваны чрезмерным влиянием Сана на всех окружающих его людей.

— Я не требую от тебя чего-то из ряда вон выходящего и ни в чем его не обвиняю. Я только советую тебе приставить к нему одного из твоих агентов.

Дубэ пребывала в нерешительности.

— То есть отстранить кого-то от расследования по делу эльфов.

— Не говори глупости. Речь идет только об одном человеке.

Дубэ села, задумчиво подперев рукой лоб.

— И все же, что тебе известно о нем? — продолжил Неор. — Ты помнишь его еще ребенком, довольно необычным, насколько я помню твои рассказы. Этого ребенка больше не существует. За плечами этого человека путь длиной в пятьдесят лет со множеством

похождений, о которых нам ровным счетом ничего не известно. Он давно стал взрослым и он чужой всем нам.

— И твоему отцу, — наконец призналась Дубэ. — А он доверяет ему.

Неор чуть привстал со своего кресла:

— А мне ты доверяешь?

Они оба пристально посмотрели друг другу в глаза. Достаточно было нескольких мгновений, чтобы отыскать друг в друге глубокую сопричастность, объединявшую их все эти годы.

Дубэ встала:

— Всего один человек и только на две недели. Если за это время ничего не обнаружится, обещаю мне, что мы оставим его в покое.

— Хорошо, — ответил Неор, а затем с улыбкой добавил, но уже без особой уверенности в голосе: — Вот увидишь, что это наверняка не больше чем просто впечатление.

— Я слишком доверяю твоим предчувствиям, чтобы недооценивать их, — серьезно возразила королева, прежде чем удалиться.

А потом вернулся король, бледный, уставший, с изможденным лицом. Сопровождавший его Мира выглядел не лучше.

Амхал следил за тем, как его учитель спешил, и по какой-то непонятной причине юноша от охватившего его смущения не решился выйти ему навстречу. Молодой человек стоял неподвижно и ждал своего наставника, а затем нехотя обнял его.

Вечером все трое: Мира, Амхал и Сан — ужинали вместе. После полудня наскоро созвали Совет, поэтому наставник Амхала выглядел очень хмуро.

— Болезнь наступает. Остается совсем немного до того момента, когда случаи заражения будут отмечаться и среди правящих особ. Однако все вынуждены прятать свои карты. Земля Воды охвачена волнениями, то же творится и в Земле Ветра. Случаи заболеваний встречаются почти повсюду, за исключением Земли Дней и Земли Ночи. Там приняты крайние меры: отныне там запрещено свободное перемещение из одной земли в другую. Зоны, где болезнь буйствует особенно сильно, помещены в карантин. Границы усиленно патрулируются. В Земле Моря делается все, что в их силах, но заградительные заслоны выстраиваются очень медленно, и теперь и у них уже отмечены первые случаи этого заболевания. Зараженные селения будут изолироваться. Туда направляются войска для патрулирования и для проверки соблюдения карантина. Это конец тому Всплывшему Миру, который мы знали.

— Вы слишком пессимистично настроены, — возразил Сан. — Это все сиюминутно. Впрочем, разве то же самое уже не происходило и с красной лихорадкой? Я уверен, что, когда мы впервые столкнулись с ней, ситуация была плюс-минус такой же, как и сейчас. Всякий раз, когда возникает новая болезнь, поначалу дела складываются довольно тяжело, но затем все налаживается.

Мира с недоверием посмотрел на Сана:

— Красная лихорадка сейчас приняла массовый характер, но, как бы то ни было, степень смертности при ней не была такой высокой. Теперь же я слышу от населения и священников об ужасных смертях, об изнурительных лихорадках, которые доводят больных до могилы за два-три дня.

— Повторяю, что, быть может, и при красной лихорадке все начиналось именно так.

— Нам не стоит падать духом, — заметил Амхал, качая головой. — Это ненастье скоро минует нас, и мы займемся своими обязанностями.

Но озабоченность Миры не становилась меньше.

— Тебе легко говорить, ты невосприимчив... А ты пойди скажи это братьям Молнии, которые, чтобы отыскать способ лечения, вынуждены контактировать с зараженными... Верховная Жрица открыла храмы для заболевших, лично предложив свои услуги, и уже начала свои исследования. А что можно сказать о солдатах, которых направили

патрулировать земли, уже охваченные эпидемией? Вдали от своих семей, посреди свирепствующей заразы, без какой-либо защиты.

— Мы узнаем это, когда вербуем новобранцев, — ответил Амхал. — Ведь наша жизнь нам не принадлежит, поскольку мы служим во имя высшего блага.

Мира горько улыбнулся:

— Сколько уверенности и ни капли сомнения... Но ведь жизнь Всадника Дракона — это еще и сочувствие, понимание доводов других, не отрицание сомнений, а также новый взгляд на свой выбор путем признания собственных ошибок.

Амхал покраснел.

— Вы слишком строги. Молодость соткана из твердой убежденности и великих идеалов, — заметил Сан, глотнув пива.

— Только глупая молодость идет решительно, не подвергая сомнению собственную неколебимую уверенность.

Над столом повеяло холодом, но Сан не стал возражать.

Амхал развеял все сомнения:

— Что нам делать? То есть я хотел спросить, куда на этот раз нас направят?

Сан бросил на Миру украдкой взгляд, но тот, казалось, этого не заметил.

— Мы будем охранять город, — сухо ответил Мира. — Сейчас главное — спасти Макрат.

В этот вечер Сан вернулся к себе один, а Амхал и Мира вдвоем направились в свои комнаты. Юноша ощущал смутное беспокойство. За время отсутствия наставника между ними выросло некое подобие преграды, но в чем она заключалась, Амхал объяснить не мог. Быть может, причиной тому стали долгие часы занятий с Саном либо то, что молодой человек острее начал чувствовать свою непохожесть, словно за дни разлуки с наставником в нем что-то умерло, а на этом месте возникло нечто совсем иное. На все вопросы Миры Амхал отвечал односложно.

— С тобой творится что-то неладное, — тут же заметил учитель.

— Я просто устал.

— А что с Адхарой?

От этого имени сердце в груди юноши учащенно забилося. Где она? Чем занимается? Как у нее дела?

— Я был очень занят, и какое-то время мы не виделись, — смущенно ответил Амхал.

Мира пристально посмотрел на юношу:

— Дружбу нужно поддерживать.

От нараставшего внутри чувства вины у юноши комок подкатил к горлу.

— Я...

Мира остановился:

— Значит, много работаешь. Я вижу, что ты... сильно сдал. Возьми-ка ты завтра утром, да и сходи к ней. А с Макратом за это время ничего не случится. Я уверен, что она ждет тебя.

Мира улыбнулся, и Амхал представил себе, как Адхара стоит в дворцовом саду, точно так, как во время их последней встречи, и его сердце сжалось от боли.

— А теперь иди спать, тебе это как раз очень нужно, — добавил Мира, положив руку на его плечо.

Юноша почувствовал, как слезы покатались у него из глаз. Он едва смог бы объяснить, отчего так происходит, но все его нутро сжалось от тоски.

Он направился к своей комнате, охваченный ужасным чувством потери чего-то очень значимого.

Когда служанка пришла сообщить, что ее ждут, Адхара уже не просто *знала*, а чувствовала, что это был он.

Она стремглав помчалась по дворцовым коридорам, с ужасом думая о том, что, быть

может, это была всего лишь иллюзия; но когда девушка увидела его, завернутого в свой плащ и с испуганной улыбкой на изможденном лице, то все ее волнения улетучились, и у Адхары возникло настойчивое желание дать волю слезам. Она парила в объятиях Амхала, не обращая внимания на его неподвижное тело и на все то, что произошло между ними. Сдерживая слезы, она повисла на его шее.

— Мне ужасно тебя не хватало, — сказала Адхара.

Девушка поведала Амхалу о том, что с ней случилось в храме. Молодые люди уселись под дерево на траву. Адхара рассказала ему все, начиная с ее первой встречи с Теаной и о секте Недремлющих.

Амхал выказывал явный интерес:

— Получается, что ты могла быть их пленницей.

— Или одной из них. В конце концов, я уже и раньше о них знала.

— Те травяные настои, что дала тебе Верховная Жрица, еще действуют?

Адхара посмотрела на юношу, покачав головой.

— Наверное, ты их принимаешь еще совсем недолго.

Адхара пожала плечами.

— Это на самом деле не столь важно, — пробормотала девушка. — Мое прошлое больше не имеет значения, — добавила она.

Амхал пытался возразить:

— Но ведь это отправная точка, откуда и нужно начинать поиски, и...

— Настоящее важнее, — перебила его Адхара, собравшись с духом.

Она пристально посмотрела на Амхала, и тот, не выдержав взгляда, был вынужден опустить глаза.

— Амхал, что происходит? Ты говорил, что придешь, и не пришел. Ты меня покинул, и даже не притрагиваешься ко мне, словно боишься меня.

— Вот именно! — с отчаянием чуть ли не выкрикнул юноша.

Адхара застыла на месте.

Юноша стал нервно тереть траву.

— Моя ярость не уходит, она навсегда стала частью меня.

— Но ты же борешься с ней. И как бы то ни было, но я не вижу, что...

— Я делаю тебе больно.

Адхара была сражена глубокой тоской, наполнившей зеленые глаза юноши.

— И я не хочу, не могу заботиться о тебе, потому что не знаю даже, как мне позаботиться о самом себе... и... это очень необычный период. Что-то меняется, очень многое. Я меняюсь тоже, и я это понимаю. И...

Девушка обхватила руками лицо Амхала. Крепко сжав его в ладонях, чтобы юноша не мог вырваться, она посмотрела ему в глаза:

— Ты никогда не сделаешь мне больно, я знаю.

Приблизив свои губы к губам Амхала, Адхара пылко его поцеловала. Но поцелуй длился недолго.

Покрасневший и смущенный Амхал отстранился от девушки:

— Я не могу, Адхара, не могу.

— Это ты так думаешь, а на самом деле...

— Не сейчас, — резко прервал ее юноша. — Сначала мне нужно найти себя, а уже потом заниматься тобой. Я не хочу опираться на тебя, я хочу защищать тебя, я хочу... — Амхал тяжело вздохнул.

— Не понимаю, — пробормотала девушка. — Мне так хочется быть с тобой. Я не знаю, что это значит и зовется ли это любовью или нет, но я хочу быть с тобой. А ты?

Амхал не выдержал взгляда девушки и отвернулся.

— Не сейчас, — повторил он, и Адхара почувствовала, как весь мир вокруг начал рушиться. Юноша протянул свою руку, чтобы коснуться ее руки, но девушка решительно ее

отдернула. — Дай мне время.

— А мне этого не нужно.

— Мне нужно. — Амхалу удалось взять Адхару за руку и крепко сжать ее в своей ладони. — Не думай, что я... я не люблю тебя, — прошептал он.

Адхаре показалось, что в ее душе промелькнула тень надежды, и ей не захотелось ее терять.

— И что теперь?

— А теперь я хочу быть уверен в том, что не буду для тебя угрозой. Потому что я никогда не смогу, это будет просто невыносимо, если причину тебе боль.

Девушка опустила глаза. Все было так запутанно и непонятно. Она спрашивала себя, почему они оба не могут вернуться к своим прежним искренним отношениям, когда между ними еще не было этой стены. Но ведь теперь этих двух человек уже не существовало.

— Я больше не покину тебя.

— Ты всегда это говоришь...

— Клянусь тебе. — Юноша продолжал держать Адхару за руку. — Ты так нужна мне, — обронил он.

Молодые люди обнялись, но их губы так и не встретились снова.

— Когда ты вернешься? — спросила Адхара.

— Как только у меня появится немного времени.

Девушка посмотрела ему вслед, и в этот момент она явственно ощутила, как их отношения дали трещину.

В последующие дни Амхал предпринял попытку снова вернуться к своей прежней жизни. Он стал реже видаться с Саном, хотя тот, когда не заступал в дозор, продолжал навещать юношу. Тогда они оба уединялись в лесу в окрестностях города и продолжали совершенствовать свои умения во владении мечом и магией.

Однако и встреча с Адхарой, и чувство Амхала к ней, которое он так и не сумел в себе подавить, и возвращение Миры приводили юношу в полное замешательство.

На этот раз ему поручили охранять городскую стену. Несмотря на введение карантина и жесткий контроль, зараза стремительно расползалась по всей Земле Солнца. Теперь в глазах всех жителей Макрат оставался последним прибежищем и единственным бастионом, которому еще удавалось сдерживать натиск эпидемии.

Каждую ночь, когда в действие вступал комендантский час, кто-то отчаянно пытался войти в город. Амхал видел, как темные тени толпились вокруг стены, умоляя о сострадании, либо просто, словно насекомые, карабкались по стенам. И каждую ночь он сражался против этих несчастных, становясь свидетелем бессмысленного кровопролития и смертей. Однажды юноша сказал об этом Сану, и тот сразу же поторопился развеять его сомнения.

— Амхал, это — единственный способ. Если они проникнут в город, сколько еще людей может умереть. Ведь если падет Макрат, вместе с ним и вся Земля Солнца. Все это только во имя высшего блага. Поверь мне.

И Амхалу хотелось этому верить, чтобы придать смысл собственной миссии, которая, лишая его покоя, еще сильнее раззадоривала поселившуюся в его сердце ярость.

Теперь, когда Мира вернулся, Амхал уже в паре с ним выполнял свое поручение. Уставившись во тьму, они устало вышагивали вдоль стен.

Это случилось однажды вечером. Грозовые тучи обрушили на город сильнейший ливень. Простиравшаяся у их ног огромная равнина была погружена в густую тьму. Амхал вместе со своим наставником внимательно вслушивался в ночные звуки, но дождь заглушал каждый шорох, а из-за туч, закрывавших собой звезды, они оба двигались почти вслепую.

Казалось, что там, вдали, при свете молнии сверкнул какой-то металлический предмет. Амхал едва успел его заметить, однако реакция его тела была мгновенной. Он подал Мире сигнал и вынул меч из ножен. Укрывшись в тени, он медленно приблизился к источнику этого света. Наставник юноши шел вслед за ним.

На расстоянии в несколько локтей от них очередная вспышка молнии осветила крюк. Амхал подходил все ближе. Затем, прямо позади себя, он почувствовал какое-то шевеление. Юноша обернулся, едва заметив, как на Миру опустилась тень. Затем последовал удар и резкая боль в спине. Амхал вскрикнул и, описав мечом круг, обернулся назад. Позади стоял подросток с каким-то коротким предметом в руках. Похоже, что это был кинжал.

Амхал увидел, как ребенок бросился к лестнице одной из сторожевых башен, и устремился за ним вдогонку. Каждое движение отзывалось в его спине острой болью, но инстинкт охотника оказался сильнее. Амхал как молитву твердил слова: «Во имя высшего блага», обладавшие способностью вытеснять все его мысли, оставляя место только слепой ярости и силе, которую Сан учил ценить превыше всего.

Молодой человек видел, как мальчик, перепрыгнув через последние ступени, направился в первую попавшуюся подворотню. Несмотря на проливной дождь и ноющую боль в спине, юноша прибавил шаг.

Он догнал мальчика и набросился на него. Кинжал отскочил в сторону. *Он обезоружен*, промелькнуло в голове Амхала, однако его мозг сразу же забыл об этом. Пальцы юноши онемели, а охватившая его ярость оказалась сильнее обычного.

Амхал почувствовал, как извивавшийся ребенок почти вырвался из его рук. Молодой человек стремительно вскочил и ударил его мечом. Обычный выпад, и мальчик с глухим стоном, отдаленно напоминавшим вопль животного, повалился на землю.

Несмотря на рану, ребенок, хватаясь за камни мостовой, медленно пополз по дороге, пытаясь снова обрести свободу.

Амхал спокойно встал, подошел к мальчику и занес над ним меч.

Издали раздавалось душераздирающее «Нет!». Юноша вонзил меч в тело, и снова гул дождя затмил собой все звуки.

— Будь ты проклят!

Какая-то женщина, завывая нечеловеческим голосом, набросилась на него с кулаками, осыпая ударами его грудь и царапая ему лицо. Мира оттащил ее от Амхала.

— Ну, будет тебе, — твердил учитель, пытаясь остановить женщину, но та, вырвавшись, бросилась к лежавшему на земле бездыханному телу ребенка.

Несмотря на дождь, чувствовался запах крови.

— Что ты наделал? — Мира был вне себя от гнева.

Непрошеными гостями оказались женщина с сыном. Амхал убил ребенка. Но осознание содеянного не вызвало у него угрызений совести. *Это во имя высшего блага.*

— Это был мой долг, — ответил Амхал.

Вслед за этими словами последовала жгучая пощечина.

— Ты должен был остановить его! Задержать и арестовать! Он же был еще совсем ребенок!

Амхал, неподвижно стоя под дождем, размышлял о чудовищности всего произошедшего, ведь Мира никогда раньше его не бил.

Почему же я никогда раньше не делал ничего подобного?

До знакомства с Саном Амхал никогда не вел себя таким образом, потому что сдерживал свою ярость, всякий раз умирив ее жесточайшими наказаниями.

Амхал не сдавался:

— Учитель, он бы непременно убежал, ведь, даже раненный, он продолжал ползти по земле... Он бы всех заразил!

Мира, трясась от гнева, смотрел на юношу.

— Там, за стеной, есть карантинный пост, или ты забыл? Черт побери, мы бы отправили его туда! И потом, он что, выглядел больным?

Амхал нервно сжимал и разжимал кулаки. А за его спиной раздавался пронзительный и невыносимый вопль женщины.

Мира подошел к своему ученику:

— Что с тобой происходит, Амхал? С тех пор как я покинул Макрат, ты очень

изменился.

Юноша чувствовал, как пылала щека, по которой ударил его Мира.

Амхал молчал, хотя наверняка ему было что сказать, Впрочем, его мысли не желали становиться словами. Гнетущее чувство вины, сопровождавшее юношу на протяжении всей его жизни, снова мало-помалу просыпалось в его груди.

— Завтра ты остаешься в Академии. И ни шагу за ее пределы, пока не придешь в себя, — приказал Мира и поспешил на помощь женщине.

23

ТУЧИ НА ГОРИЗОНТЕ

Сидя за столом вместе с другими солдатами, Сан от души хохотал. В руках у него была кружка пива, а перед ним — лица боготворивших его новобранцев. Мира неторопливо вошел в зал, прикидывая расстояние, отделявшее их друг от друга и засекая время, чтобы получше изучить этого человека. Появление Сана в городе не вызвало у Миры никаких особых эмоций. Тот был всего лишь давним другом короля, и одно это обстоятельство заставляло относиться к этому человеку с почтением. Помимо всего прочего, Сан был еще и участником чрезвычайных по своей важности исторических событий. Но на этом все его достоинства исчерпывались. Даже теперь его образ не вызывал у Миры ни особой симпатии, ни явного отвращения.

Но вскоре мысли Миры вернулись к Амхалу, к его словам, что он произнес прошлым вечером, стоя перед трупом мальчика, и сказанному им позднее, когда они встретились в стенах Академии.

— Ведь есть же еще и другой путь, как вы считаете? Путь, который отрицает эти вечные ограничения, сдерживание собственных сил. Учитель, за эти дни, что я провел в компании с Саном, мне кажется, что я понял, кто я и в чем смысл моей жизни. И от этого осознания я чувствую себя прекрасно.

Мира тяжело вздохнул.

— Извините, что я отрываю вас, — сухо сказал он, когда подошел к столу.

Сан тут же обернулся. На его раскрасневшемся от пива лице сияла добродушная улыбка.

— Мне бы хотелось поговорить с вами с глазу на глаз.

— Что-то срочное?

— Да.

— Господа, долг зовет меня, — сказал тогда Сан, обращаясь к присутствующим. — Надеюсь, что вы извините меня, если конец этой истории я перенесу на завтра.

Он залпом допил пиво и встал.

— Я полностью к вашим услугам, — весело добавил он.

И они оба направились в комнату Сана. Она не отличалась особым изыском, но была довольно просторной и, как показалось Мире, одной из самых лучших в Академии.

Сан сел за стол и жестом руки указал гостю на кресло возле стены. А затем, скрестив на груди руки, спросил:

— Ну и?

— Я знаю, что вы очень дружны с моим учеником.

Сан с неизменным выражением благодушия на лице продолжал смотреть на своего собеседника.

— Отличный парень. Я полагаю, что в этом году это самый одаренный из всех воспитанников. Сильный, отважный и вдобавок обладает способностями к магии...

— Да, я как раз и подумал об этом. Тот самый сильный, прямой и чувствительный юноша, что вчера вечером хладнокровно убил мальчишку чуть моложе его возрастом, пытавшегося проникнуть в Макрат.

Сан перестал смеяться.

— Печальная история. Но такие уж сейчас печальные времена.

Мира замолк на мгновение, глядя в упор на сидевшего перед ним человека.

— Я не думаю, что вы хорошо знаете Амхала. Я не думаю также, что вы знаете о его многолетней борьбе с собственной силой, данной ему свыше как наказание. Не думаю, что вам известно, что эта ярость, что овладевает им в битве, — его пожизненный крест и что еще ребенком он пытался заглушить в себе эту жажду смерти. Вы даже не знаете о его успехах и о стратегии, предпринятой им, чтобы подавить свою жажду крови, и о наказаниях, которым он подвергает себя всякий раз, когда совершает очередной промах.

Теперь Сан был совершенно серьезен.

— Ну и?

— Ну и я не знаю, кто вы такой, сколько учеников у вас было и что вам известно о Всадниках Дракона. Но то, что вчера вечером совершил Амхал, и за что он сегодня уже понес наказание, стало новым шрамом на его теле, вдобавок к бесчисленному множеству уже имеющихся, и огромным для него шагом назад.

Сан метнул на собеседника злобный взгляд:

— Мы светские люди, но эта болтовня меня утомила. Что вам нужно?

Мира, направив на собеседника указательный палец, произнес:

— Держитесь от Амхала подальше. Я знаю, что вы ему сказали, а это вовсе не то, чему мы учим в стенах Академии.

Сан позволил себе рассмеяться.

— В этом нет ничего смешного, и я совсем не шучу.

— Я так же, как и вы, служу в Академии, — возразил Сан. — И вам прекрасно известно, что и я — Всадник Дракона. Вы присутствовали на церемонии возложения на меня этого звания... Это вы губите юношу. Вы не знаете, кто он. Это вы потребовали от Амхала, чтобы он подавлял свою природу и не занимался магией. И если он страдает, то в этом нет моей вины, она целиком лежит на вас с вашими наставлениями.

— Мои наставления — это вековые принципы Ордена Всадников Дракона.

— Есть люди, которые выше всех определений и границ, даже выше Всадников Дракона.

Теперь уже Мира саркастически усмехался.

— Уж не вы ли один из них?

— Быть может, да и, безусловно, Амхал.

Повисло тягостное молчание.

— Король любит и чтит вас, и только по этой причине я разговариваю с вами здесь, а не за стенами Академии, чтобы ударами меча дать вам понять, что я имею в виду. Я повторяю в последний раз: Амхал — мой ученик и целиком доверяет мне, и я не желаю видеть, как вы кружите вокруг него.

Сан продолжал оставаться невозмутимым.

— Попробуйте удержать его вдали от меня, если, конечно, сумеете.

— Достаточно того, чтобы вы держались от него как можно дальше.

Сан, улыбаясь, поднял руки:

— Я не притронусь больше к вашему ученику. Но, поверьте, он первым бросится искать меня. Потому что, в отличие от вас, я точно знаю, что ему нужно.

Мира встал:

— Вы предлагаете ему легкий и весьма привлекательный путь. Но я-то знаю, куда он ведет. И Амхал тоже это знает. Вы и в самом деле не очень-то его цените, если думаете, что он и дальше будет верить вам.

— Да... Но если я не ошибаюсь, это вы пришли с требованием держаться от него на расстоянии.

Мира сжал кулаки в ответ на невозмутимую улыбку Сана.

— Запомните, что я вам сказал, — буркнул сквозь зубы наставник Амхала.

— Непременно, — спокойно ответил ему Сан.

Амхал два дня не смел покидать пределов казармы Академии. Он лежал в своей кровати, уставившись в потолок, не зная, что и думать. Неожиданно улетучилась вся его уверенность. Дни, проведенные в компании с Саном, казавшиеся до этого такими насыщенными, когда его переполняло чувство самоудовлетворения, в один миг обрели ауру двойственности. Кто был этот человек? Его ли видел юноша в своих сновидениях? Почему он так открыто выражал свой интерес по отношению к Амхалу? И что делать со всеми наставлениями Сана?

Амхал уж и не знал, кого ему теперь нужно придерживаться: Сана с его обещанием спокойствия и власти или Миры с его теориями ответственности и самопожертвования.

В первый день Сан не появился. Амхал даже приободрился, поскольку не был настроен на объяснения с ним.

Но на следующую ночь кто-то постучал в дверь. Амхал не сомневался, что это был именно Сан.

— Ты не меня ждешь? — спросил тот без лишних слов.

Амхал впустил гостя в комнату.

— Я в курсе всего произошедшего и целиком на твоей стороне.

Юноша нисколько не удивился такой осведомленности. Он знал, что это за человек и чего можно от него ожидать, а также что тот думал о его поступке.

— Некрасиво получилось, — начал Амхал.

— Так было нужно. Тогда для чего, собственно, и нужен комендантский час? А сколько жизней ты бы подверг опасности?

Амхал обернулся:

— Почему вы так мной интересуетесь?

— Потому что ты — особенный.

Амхал опустил глаза. Затем он решительно рассказал своему гостю о своих снах.

— Между нами особая внутренняя связь, — произнес, наконец, Сан.

— Честно говоря, я не понимаю. Вижу только, что ваши наставления очень отдалили меня и от учителя и от Адхары.

— Ты не такой, как они. Амхал, они не являются частью твоего мира. Это — наш удел. Мы — особенные и тем отличаемся от остальных.

— Вы всегда говорите об этом, однако не объясняете, в чем именно. И я... я не знаю, хочу ли я быть таким.

— Речь не о выборе. Ты — другой, хочешь ли ты этого или нет. И я не могу сказать тебе всего, потому что всему свое время. Сейчас — время учиться, а потом придет пора обо всем узнать.

Амхал посмотрел на Сана и вспомнил про часы, проведенные вместе с ним, про его уроки. Юноше нужно было решаться.

— Я не уверен, хочу ли я и дальше следовать по этому пути. Я так испугался того, что натворил.

— Что это значит?

— А это значит, что, наверное, нам не следует больше заниматься вместе.

В комнате воцарилась гнетущая тишина.

— Разве я когда-нибудь принуждал тебя?

— Нет, не поэтому...

— Разве я когда-нибудь заставлял тебя делать что-то помимо твоей воли, то, чего бы ты не хотел делать и в мое отсутствие?

— Нет, но...

— Разве в эти дни ты не чувствовал себя спокойно и умиротворенно?

— Именно этого покоя я и боюсь.

Сан посмотрел на юношу, и тот пришел в ужас от его ледяного взгляда. В его глазах он увидел полное отсутствие жалости и ярость, ту самую, что словно щипцами сжимала его

внутренности. Но это видение было мимолетным.

Сан печально улыбнулся и снова стал обычным человеком, которому Амхал так доверял.

— Я все сделал ради тебя. Но если тебе нужно время, хорошо, никаких проблем. В твоём распоряжении его сколько угодно. И если ты захочешь, я могу исчезнуть. Это будет больно, потому что я это точно знаю, и тебя я знаю, но я непременно сделаю это, если только пожелаешь.

Амхал почувствовал, как что-то екнуло в его груди.

— Я не это имел в виду... Мне нужно время, чтобы подумать.

— Как пожелаешь. Я тебе не учитель и не командир. Я просто твой друг.

Сан направился к двери.

— Во всяком случае, ты знаешь, как меня найти, — добавил он, переступая через порог, и был таков.

Сан устремился в свою комнату. Ему нужно было как-то избавиться от охватившего его бешенства и снять внутреннее напряжение. С самого начала он знал, что все пойдет совсем не просто, но он не был из числа терпеливых людей, и поэтому встречавшиеся на пути препятствия вызывали в нём ярость.

Он слишком долго терпел. Скрывая свое раздражение, с неизменной улыбкой на лице, он вынужден был унижаться перед людьми, не стоившими даже его мизинца. Он подавил в себе жажду убийства. И вот теперь, когда он в шаге от заветной цели, все начинает рушиться. Быть может, ему следовало бы сразу же перейти к решительным действиям. Ведь предназначение Амхала сеять смерть и разрушение, а значит, юноша создан как раз для него.

Сан сделал глубокий вдох. Нет, ему непременно нужно продолжить претворять в жизнь свой план. А препятствия? Это не более чем угрызения совести.

Гнев мало-помалу затих, и в его сердце снова вернулось прежнее ледяное спокойствие.

Все будет хорошо, твердил себе Сан, а его мозг продолжал судорожно работать. *Но для начала...*

Сан шел по коридору. Прежде чем начать действовать, ему нужно разобраться еще с одним делом.

Он прошел еще немного, производя впечатление празднующего человека. Завернув пару раз за угол, он даже вернулся назад... До тех пор, пока не оказался у комнаты, которая, он знал это точно, была нежилой. К тому времени две комнаты пустовали. Одну из них Сан прежде уже успел осмотреть, и она показалась ему весьма подходящей.

Повернув последний раз за угол, он притаился во тьме. Послышался легкий шорох, который способно уловить лишь натренированное ухо.

Выскочив вперед, он наугад вцепился в свою жертву и что было сил сжал одетой в перчатку рукой ее горло, а другой приподнял тело над землей. Жертва брыкалась, но Сану удалось с ней справиться. Метким ударом по голове он лишил ее чувств и запихнул в пустую комнату.

Это был юноша.

Сан уложил его на пол и разоружил. Его преследователь имел при себе целый арсенал: два кинжала, духовое ружье, десяток метательных ножей и удавку. Великолепная экипировка для шпиона.

Сан уселся возле юноши и стал ждать, когда тот придет в себя. Едва очнувшись, агент даже и не пытался освободиться, а только метнул на Сана гневный взгляд.

— Думаешь, что испепелишь меня своим взглядом, — грубо накинулся на него Сан.

В ответ — молчание.

— Я все понял, — добавил Сан с улыбкой. — Даже если ты не заговоришь, это уже не имеет значения. Потому что я и так все *знаю*.

Юноша ничуть не смутился.

— Тогда давай сразу, без лишних слов убей меня, потому что я все равно ничего не

скажу.

— Я видел вас повсюду, этих мальчиков, что играют в шпионов. Похоже, что королева не бросила свои старые привычки, не так ли? Покончив с одной сектой, она ищет себе другую...

Юноша заскрежетал зубами, но не проронил ни слова.

— Это была ее идея организовать за мной слежку или калеки?

И снова молчание. Сан вынул из ножен один из кинжалов своего преследователя и посмотрел, как свет от свечей отражался на сверкающем лезвии оружия. Затем он вспорол им рубашку юноши.

Тот учащенно задыхался, но по-прежнему смотрел на него полным гнева взглядом.

— Почему они установили за мной слежку? В чем меня подозревают?

Сан медленно провел кинжалом по груди своей жертвы, оставляя после себя глубокие кровавые следы.

Агент стиснул зубы.

— Думаешь легко отделаться? — произнес он, тяжело дыша. — Они скоро узнают о моем исчезновении и в тот же миг поймут, что это твоих рук дело.

Сан ударил юношу кулаком в лицо, и тот захаркал кровью.

— Виновен в чем?

Юноша ухмыльнулся.

— Ты ведь не знаешь, не правда ли? Видишь ли, я не сделал ничего такого и вправе немного помучить человека, который без особых на то причин ходит за мной по пятам. А виноваты в этом королева, которая заставила следить за мной, и этот ее калека-сын.

Юноша продолжал надменно ухмыляться.

— В любом случае тебе конец. Думаешь, они не задумаются о том, почему ты меня убил?

На этот раз смеялся уже Сан.

— А я и не думал тебя убивать. Знаешь, иногда я и вправду думаю, что боги направляют мои поступки и, что бы я ни делал, все имеет свою более значимую цель. Вот и твое присутствие здесь окажется сейчас мне весьма кстати.

Он убрал кинжал, затем, прочитав заклинание, погладил рукой порезы. Кожа на этом месте стала медленно зарубцовываться.

— Ты мне нужен живым и невредимым. — Губы Сана растянулись в ехидной улыбке.

Амина долго стояла на своем. Она твердила об этом Адхаре с тех пор, как впервые подобная идея пришла ей в голову.

Однако это было не самое лучшее время для посещений Академии, и девушка, как могла, пыталась объяснить ей это. Никто не имел право покидать дворец, и они обе не исключение. Но принцесса была готова выскользнуть наружу, вопреки всем приказам своего отца.

Адхаре пришлось немало попотеть, чтобы убедить девочку в том, что отныне город уже не такое безопасное место. На улицах слишком много насилия и подозрительности.

Но Амина хотела любой ценой повторить свои похождения двухмесячной давности. Измучив Адхару до предела, девочка перешла в наступление и попыталась убедить в этом напрямую своего отца во время одной из их ставшими уже нечастыми встреч. Но Неор был непоколебим. В его глазах дворец был единственным безопасным островком, где его дети могли быть защищены от болезни. Но он отчетливо осознавал, что Амина с трудом переносит тяжелую дворцовую атмосферу. Она также боялась и, пребывая в постоянном напряжении, отчаянно нуждалась в разрядке.

Наконец принц решил поддержать дочь, по крайней мере частично.

— Мы принесем сюда все принадлежности и оборудуем ими целый зал, чтобы он выглядел так же, как и в Академии. По этому случаю я даже прикажу прислать тебе и инструктора.

— Амхала? — спросила, светясь от счастья, Амина.

— Нет, конечно.

В качестве инструктора был выбран Мира. Он хорошо знал принцессу, и ему можно было доверить девочку, чтобы при этом не навредить ей.

— Я знаю, что ты очень занят, но прошу тебя об этом маленьком одолжении. Всего на одно утро, — попросил Миру принц.

Мира поклонился ему с улыбкой:

— Для вас — без проблем.

Как только Адхара и Амина вошли в зал, обе почувствовали себя так, словно вернулись назад во времени.

Принцесса принялась прыгать от одной стены к другой, а затем сразу же метнулась к оружию, тому же самому, что и в прошлый раз. Адхара снова вдохнула особую атмосферу того чудесного дня, который отныне, как ей теперь казалось, принадлежал к ее прежней жизни. Увидев в углу комнаты Миру, счастливая улыбка мгновенно исчезла с ее лица.

Она знала, что Амхал в течение нескольких дней отбывал наказание в своей комнате в казарме Академии, и, следовательно, в том, что он не пришел к ней на свидание, его вины не было. Но, как бы то ни было, это обстоятельство не давало девушке покоя. Ей очень его не хватало, а после их последней встречи она чувствовала себя как никогда подавленной.

Зал, в котором в свое время располагались покои прабабушки Амины Суланы, находился в заброшенной части дворца. Леарко приказал выбросить все вещи, принадлежавшие этой женщине с трагической судьбой, и закрыть все помещения, в которых она жила.

Амина неистовствовала почти так же, как и в первый раз. Она снова схватилась за оружие и на этот раз попыталась сражаться, держа его у себя за спиной, а затем принялась упражняться с мечом.

Мира был чрезвычайно терпелив, он участвовал в играх принцессы, опекая ее и обращаясь с ней с отеческой любовью. Адхара со своей стороны стала делать вид, что также увлечена играми, но ее мысли были заняты другим: она вспоминала Амхала, игравшего с Аминой, дух объединившего их общего дела, улыбки, патрулирование города, победа юноши над собственной яростью.

Затем неожиданно раздался резкий свист, и Адхара увидела, как Мира повалился на землю. Казалось, что время замедлило свой ход: сначала последовал удар массивного тела всадника об пол, испуганное лицо Амины и это явственное ощущение чьего-то присутствия.

Рука Адхары скользнула к кинжалу, она схватила принцессу и, прижав ее к земле, накрыла своим телом.

На этот раз Адхара успела его увидеть. Девушке хватило размашистого движения руки: брошенный в нее дротик был остановлен кинжалом и, со звоном ударившись об стену, упал на пол. Амина закричала, но Адхара не растерялась. Когда появилась темная подвижная фигура, девушка уже была наготове. Она вскочила на ноги и, одним взглядом оценив противника, набросилась на него.

Адхара как бы со стороны наблюдала за четкими движениями собственного тела: она боролась с незнакомцем, ловко отражая его удары кинжалом. Четкая последовательность действий, словно записанная кем-то в ее мускулах. Скрежет скрещенного в бою металла, сыплющиеся из-под клинков искры — все это было частью знакомого ей шифра. Отскочив назад и опершись на руки, ударом ноги она поразила противника. Сделав кувырок, Адхара прямо на коленях приготовилась к новой атаке, а затем резко рванула вперед. Оттеснив незнакомца к стене, она вцепилась в его шею. Почувствовав легкое дуновение возле живота, она ухватила за руку, собиравшуюся нанести ей удар, и воспользовалась ею как рычагом. Нападавший перевернулся и грузно повалился на пол. От удара в поясницу он приподнялся, тогда девушка стремительно накинута на него сзади и вонзила в него кинжал.

Противник не проронил ни звука. Сначала его тело оцепенело на мгновение, а потом окончательно обмякло. И наступила тишина. Адхара, все еще тяжело дыша, бросила взгляд

на свои липкие руки. Приглядевшись, она увидела, что они стали багровыми от крови, и девушка тут же пришла в себя.

Что произошло и что она сделала?

А потом пришло чудовищное осознание случившегося: она совершила убийство.

Однако времени ни на отчаяние, ни на раздумья не оставалось. Амина горько рыдала в углу, что-то причитая.

Адхара вскочила и схватила ее за плечи:

— Ты в порядке? В порядке?

Не было никакой возможности заставить ее ответить. Только позднее, сквозь всхлипывания, Адхаре удалось расслышать всего лишь одно слово: «Мира».

Он лежал на полу, рядом с девочкой. Тогда девушка вспомнила, что все началось с того момента, когда Мира упал на землю.

Она посмотрела на учителя, не выпуская Амину из своих рук. Сердце девушки замерло: кожа мужчины стала сизой, а из его шеи торчал дротик.

Часть третья ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ АДХАРЫ

24 ТРАУР

Верховная Жрица лично руководила этой отчаянной схваткой за жизнь. Теана появилась в своем повседневном одеянии с растрепанными волосами и изможденным лицом. Она посмотрела на Миру, на цвет его кожи, на учащенный ритм его дыхания и приказала всем покинуть зал.

Ошеломленная Адхара стояла за дверью. Ей казалось, что она прожила чью-то чужую жизнь. Она усиленно пыталась расшифровать череду последних событий или хотя бы просто их вспомнить: и падающего на пол Миру, и поединок, и смерть нападавшего. Все превратилось в густую мешанину, с беспорядочным нагромождением в ней разных ощущений. Ей требовалось все обдумать, но времени не было.

Рядом стояла рыдавшая Амина. Адхара обняла ее за плечи и тщетно попыталась найти слова утешения.

— Все наладится, — настойчиво твердила девушка, поглаживая принцессу. Но Амина, казалось, даже не слышала ее и время от времени бормотала какие-то невнятные слова:

— Я ничего не слышала... Я только хотела развлечься, и ничего больше...

— В этом нет твоей вины. Это была ловушка, — продолжала Адхара.

А тем временем дверь упорно не открывалась. Возле зала собрались все: и Неор, истязавший свои руки, вращая колеса каталки, Леарко и Дубэ с изможденными лицами, солдаты, охранники, которых Адхара прежде никогда не замечала, и просто зеваки.

Это хождение взад-вперед оглушало девушку и уводило в сторону ее мысли. Еще до недавнего времени у нее была жизнь, которую она, кирпичик за кирпичиком, выкладывала ценой огромных усилий. Теперь же ею овладела неизвестная сила. Адхара знала, что обладает необыкновенными способностями, но она и думать не могла, что в один прекрасный день эти умения превратят ее в убийцу. Девушка не осмеливалась достать кинжал из ножен и тем более касаться его рукой. На его лезвии все еще оставалась кровь жертвы.

Затем грани эти исчезли, и жизнь вошла в привычное русло. Через пару часов после того, как Теана закрылась в комнате, в глубине коридора показался Амхал. Должно быть, слух дошел и до него, вырвав юношу из его заточения в собственной комнате. Радость и боль странным образом смешались в сердце Адхары. Все потому, что Амхал был там, и девушка его видела, а еще она чувствовала, как его страдания окружили ее плотным кольцом и стали

проникать к ней в душу.

Она встала и пошла юноше навстречу. Взмолнованно шагавший, бледный как полотно Амхал, стиснув зубы, промчался мимо и даже не взглянул на Адхару. Для него не существовало ничего, кроме этой закрытой двери.

— Он там? — спросил юноша дрожащим голосом.

— Да, — ответила Адхара.

Молодой человек обернулся и посмотрел на нее так, словно она была прозрачной.

— Это ты была вместе с ним?

Адхара робко кивнула. Она не узнавала юношу. Где же сейчас был ее Амхал? Что случилось с юношей, который целовал ее при свете луны? Худой, измученный какой-то внутренней страстью — это несчастье, казалось, нанесло его сердцу последнюю решающую рану.

— Расскажи мне, как все случилось.

Как ей не хотелось вспоминать, думать о себе самой, как о лишенной разума машине смерти, но Адхара сделала это ради него. Девушка лаконично передала самую суть, стараясь заглушать собственные эмоции. Ни один мускул не дрогнул на лице Амхала. Только морщинка на лбу между бровями выдавала его тревогу, ту самую, что сжимала горло Адхары. Его жизнь также стала внезапно рушиться. Все теперь зависело от этой закрытой двери.

Дверь открылась в первые часы после полудня. Медленный скрип, так похожий на капитуляцию. Из комнаты вышла обессиленная и бледная Теана. Все присутствующие тут же столпились вокруг нее, и Амхал в первых рядах. В глазах юноши еще теплилась последняя надежда.

— Яд одержал верх, и Мира больше не пришел в себя. Я сделала все, что в моих силах.

Стоны, вздохи, глухой нарастающий ропот заполнили собой арочные своды коридора.

Амхал ударил кулаком по двери. Удар, снова удар. Юноша неистово зажмурил глаза. Щепки впивались в его плоть, но он продолжал с ужасающим иступлением колотить в дверь.

— Амхал! — крикнула Адхара, пытаясь ухватиться за окровавленную руку.

Юноша вырвался и, вызывая к небу, прокричал полное отчаяния и гнева «Почему?». Затем он закрылся в комнате, где умер его учитель.

Неор выразил Адхаре свою благодарность:

— Если бы не ты, моя дочь сейчас была бы мертва. Ты даже и представить себе не можешь, насколько я тебе за это признателен.

В глазах Теаны читалась тревога, ее скорбно сжатые руки наводили на мысль о некоем внутреннем единении, существовавшем между ними.

И король и королева с благодарностью смотрели на девушку.

— Тебе мы обязаны жизнью нашей внучки.

А затем последовало расследование и бесконечные допросы.

Все последующие дни превратились в немыслимое нагромождение встреч и вопросов, остававшихся без ответов. Дворец погрузился в мрачную и гнетущую атмосферу: повсюду были солдаты и охрана, которые, по слухам, принадлежали к особому подразделению, находившемуся в распоряжении самой королевы.

Согласно принятой при дворе версии, обсуждаемой как знатью, так и прислугой, речь, вероятно, шла о попытке убийства принцессы. Иного объяснения не было. Безусловно, Мира был в Академии весьма заметной фигурой, хотя уже на протяжении долгого времени его единственным занятием была охрана королевской семьи. Но кто же и для чего мог это сделать? И кто бы смог опровергнуть эти домыслы? Амина уже больше и шагу ступить не могла без сопровождения. Подразделение, занимавшееся охраной дворца, было усилено,

двор целыми днями находился под пристальным наблюдением.

В самом Макрате слухи об эпидемии стали вытесняться слухами о покушении на жизнь принцессы.

Среди народа особо популярным считалось мнение, что и болезнь и заговор задумали одни и те же лица. Кто говорил об участии в этом деле нимф, кто гномов, и сумятица, царившая на городских улицах, постепенно превращалась в настоящий хаос. Участились попытки самосуда, возросла атмосфера крайнего недоверия ко всем иноземцам; даже те, кто только внешне был на них похож, считались убийцами. Складывалось впечатление, что Макрат оказался на грани катастрофы. И дворец стал отражением этой чрезвычайной ситуации.

Адхару допрашивали до изнеможения. Ее все чаще просили вспомнить события того дня, все, что она делала и слышала. Ей нужно было воссоздать каждый свой шаг и привыкнуть к полному отсутствию эмоций в тот момент. Это было похоже на обычное исполнение долга, на поведение, которое, казалось, было свойственно девушке на протяжении многих лет. *Ты рождена для этого* — об этом шептал Адхаре ее внутренний голос, когда она отвечала на вопросы следствия. И никто не высказался против и никто не осуждал ее за это. Наоборот, при дворе на девушку стали смотреть как на героиню. Когда она проходила по коридору, слуги оглядывались ей вслед, а солдаты смотрели на нее с едва скрываемым восхищением.

И даже Амина думала так же.

— Я обязана тебе жизнью. Ты была неотразима. Я видела, как ты сражалась, казалось, что это был просто танец! — И девочка пыталась воспроизвести ее движения.

Это подражание вызывало у Адхары чувство отвращения.

— Это была не игра.

— А кто говорит, что это игра! Я, наоборот, говорю, что ты была... настоящая героиня!

— Погиб юноша.

Амина от изумления вытаращила глаза.

— Кто, юноша? Тот самый, кто хотел убить меня!

Адхара ходила в морг, чтобы посмотреть на него. Две ночи подряд девушку преследовало воспоминание об окровавленном кинжале, лишая ее спокойного сна. И так продолжалось до тех пор, пока вся в слезах она не нашла в себе силы смыть эти пятна. Адхара так судорожно терла лезвие, что порезала себе палец. И вот теперь она пришла посмотреть на свою жертву.

Откинув покрывало, девушка осмотрела уже начавшее разлагаться лицо. Она едва ли смогла бы определить его возраст, но похоже, что он был приблизительно ее ровесником. Продолжая разглядывать труп, девушка с ужасом вспоминала мгновения схватки: тогда этот юноша был для нее не более чем объект, который можно ранить, кромсать, пускать его кровь. И даже сейчас в этой мертвенной бледности, среди признаков разложения юноша казался ей не больше чем просто бесполезной оболочкой.

Но как привыкнуть к подобным вещам?

Как получить прощение за убийство?

И как можно продолжать и дальше жить обычной жизнью, когда знаешь, что убила без колебаний и с такой леденящей душу простотой?

Как бы ей хотелось, чтобы кто-нибудь был с ней сейчас рядом. Такой как Мира, который в нужный момент мог найти для нее подходящее слово. Сказать по правде, Адхара мало его знала, и тем не менее он успел оставить в сердце девушки свой след. И вот неожиданно Адхаре стало его не хватать; и все из-за того, что было нечто такое, чего она о нем не знала. К тому же между ними явно существовала некая незримая связь, о которой, впрочем, она никогда ему не говорила. Но как знать, где он теперь?

Куда уходят мертвые?

Неужели просто растворяются и перестают существовать?

Или есть такое место, откуда они пристально наблюдают за нами?

И снова тяжелые, словно глыбы, вопросы.

После всех недавних событий Амина следовала за девушкой неотступно. Она повсюду ее искала, не желая видеть никого другого возле себя. Девочка скрывала свое беспокойство, свою неспособность мириться со смертью после постоянного возвращения к событиям того злосчастного дня. Адхара старалась не оставлять принцессу одну, ведь порой помощь другим означает и помощь самому себе.

Но больше всего Адхаре не хватало Амхала. Тот просто пропал. Юноша заперся в комнате с телом Миры на всю ночь и вышел оттуда только на следующее утро, никого не удостоив взглядом, даже Адхару. Он заточил себя в стенах Академии, блуждая из своей комнаты в зал для тренировок и обратно. Молодой человек появился на людях лишь однажды во время похорон своего учителя.

Стоял солнечный день, пришедший на смену длительному ненастью. Осень была уже не за горами, в воздухе пахло сырой древесиной и прелой листвой.

Церемония похорон проходила на огромной площади, где за три месяца до этого все трое: Адхара, Амхал и Мира — совершили посадку. Собралась целая толпа людей: и члены королевской семьи, и значительная часть Ордена Всадников Дракона, и все ученики Академии, и простые жители города. Адхара стояла рядом с холодным и молчаливым Амхалом. Несмотря на то, что девушка старалась быть незаметной, тысячи глаз были устремлены на нее.

Адхара попыталась заговорить с молодым человеком, но, увидев его осунувшееся от переживаний лицо, опухшие веки, она не нашла что сказать. Амхал не смотрел на девушку. Он уставился в пустоту перед собой, на погребальный костер, поверх которого установили тело Миры. Так из огромного очистительного пламени уходили в свой последний путь Всадники Дракона, пеплом разлетаясь на ветру.

Сбоку от Амхала стоял Сан, серьезный и учтивый в своем стремлении разделить всеобщую скорбь. Адхара долго не отводила от него глаз. С тех пор как мужчина появился при дворе, он сильно изменился. Казалось, с его прибытием был запущен некий механизм, и следствием этого стал стоявший перед ними погребальный костер. Девушка покачала головой: ей следовало отбросить эти нелепые мысли.

Сначала выступил король, следом Верховный Главнокомандующий, а потом и Неор. Тысячи бесполезных слов, разбросанных по ветру, которые не могли ни прибавить, ни убавить ничего из образа Миры.

Затем последовала процедура кремации. Любой желающий мог зажечь погребальный костер всадника. Сосредоточенный и безмолвный Амхал вызвался первым. Он поднес огонь и, вернувшись на свое место, стал наблюдать за тем, как пламя разрывало на куски часть его жизни.

Адхара также ощутила потребность принять участие в этом ритуале, поскольку чувствовала перед этим человеком свой незримый долг.

Девушка снова встала рядом с Амхалом, неподвижным, словно статуя, с глазами человека, выплакавшего все слезы. Она посмотрела на юношу, но так и не смогла заговорить с ним. Тогда она взмолилась, чтобы тот первым сказал ей что-нибудь, пусть даже если это будет упрек за то, что она оказалась не способной уберечь его учителя. Но Амхал отвел взгляд. Адхара взяла его за неподвижную холодную руку и крепко ее сжала. Никогда еще она не чувствовала такой пропасти между ними.

Все трое до сих пор были в трауре. Неор наблюдал за сыпавшим на Макрат мелким дождем. *Лето кончилось*, с болью подумал он.

— Это не мог быть он, — сказала его мать нервно.

Неор прекрасно ее понимал: убивший Миру юноша был из числа ее агентов, а если точнее, тем самым, что был приставлен следить за Саном по просьбе принца.

— Будешь отрицать очевидное? — Леарко был взволнован не меньше ее.

— Замолчите, — вмешался Неор, а потом посмотрел на мать. — То, что исполнителем

был твой человек, — это вне обсуждений.

— Ты подвергаешь сомнению методы, при помощи которых я отбираю себе агентов, и намекаешь, что среди них есть предатели? — Дубэ была вне себя от гнева.

— Ошибка может случиться с...

Неор рукой остановил своего отца:

— Давайте придерживаться фактов. Твой агент совершил нападение и убил Миру. Этого отрицать мы не можем. Вопрос в том, насколько ты сама доверяешь своим людям?

— Безоговорочно, — ответила Дубэ, даже не колеблясь. — Ты полагаешь, что я позволю попасть в их ряды любому? Они проходят очень жесткое обучение, и как бы там ни было, но я потребую провести детальный допрос каждого из них.

— Предатели могут оказаться повсюду, — задумчиво заметил Леарко.

Дубэ метнула на него гневный взгляд:

— Но почему ты так накинулся на меня? В руках этих людей твоя и моя безопасность. Неужели ты и в самом деле считаешь, что я допустила до этой работы людей, о которых мне совершенно ничего не известно?

Неор начал терять терпение. Он был не в состоянии взвесить все как следует в такой нервной обстановке.

— Я же попросил вас успокоиться. Гнев в таких случаях — лучший союзник наших врагов, — холодно возразил он; в этом споре он выступал в роли посредника между своими родителями.

Принц снова придвинулся к окну и посмотрел на улицу. И в этой напряженной тишине его мозг продолжал лихорадочно работать.

Наконец он повернулся:

— И все-таки без расследования нам не обойтись.

Дубэ была явно недовольна.

— Я ни в чем тебя не обвиняю. Но предательство свойственно человеку по его природе, и, откровенно говоря, я вовсе не намерен исключать и этот факт. Люди меняются.

— Я взяла его на службу год назад.

— Он был молод и мог измениться за один год, — сухо возразил принц. — Как бы то ни было, с него-то нам и нужно начать. Быть может, это было сиюминутное помешательство либо ему заплатили... Он — ключевое лицо. А пока наше расследование мы начнем именно с убийцы.

Дубэ была явно раздражена, но Неор знал, что в глубине души она не могла с ним не согласиться. Леарко же такое решение вполне удовлетворило.

— В любом случае, — добавил принц, — есть еще кое-что, чего нам никак нельзя упускать.

Король и королева насторожились.

— По всей вероятности, это просто совпадение, но все же выглядит довольно странно, что агент, которого мы приставили к Сану, мог совершить нечто подобное.

— И что ты хочешь этим сказать? — На этот раз уже Леарко выражал свое недовольство.

— Совсем ничего. Но это обстоятельство следует также учесть при выявлении полной картины.

Король многозначительно посмотрел на сына. Неор знал, как его отец относился к Сану и как важно было его возвращение для короля.

— Он клялся в верности этому миру, не щадил своей жизни, стоя на страже этого города, и доказал нам, что это не только высокопарные слова.

Неор откинулся на спинку кресла и тяжело вздохнул. Иногда его хладнокровные рассуждения звучали как приговор, развеивая все иллюзии, и, выходя далеко за рамки эмоций, сознательно обнажали все факты.

— Я ни в чем не обвиняю его, а просто рассуждаю вслух. — И Неор снова устало посмотрел в окно.

Принц твердо знал, что ответственность за все происходящее, за эпидемию, а теперь еще и за это преступление полностью ложилась на его плечи. Было время, когда сильные плечи его отца выдерживали бремя правления и защищали даже его самого. Но постепенно родители превратились в беспомощных детей, а их сын вынужден становится взрослым.

— Что-то еще? — спросил он.

Не добавив больше ни слова, Леарко и Дубэ вышли из комнаты.

Сердце сжалось в груди Неора от осознания того, что жизненные силы его родителей на исходе.

После похорон наставника Амхал, казалось, погрузился в один бесконечный кошмар. Он не покидал стен Академии и не желал никого видеть. Юноша изнурял себя занятиями, покрывая свое тело бесчисленными ранами, и отказывался выполнять свои обязанности. В первое время его не трогали, сочувствуя горю и не желая усиливать его страдания. Но вскоре у руководства Академии стало появляться недовольство. Предпринимались попытки поговорить с юношей и вразумить его. В ответ Амхал только отмахивался или огрызался. Однажды он с мечом в руках напал на оруженосца, пришедшего сообщить, что его вызывают. Случай из ряда вон выходящий, который наверняка стоил бы ему свободы, но руководство, проявляя сочувствие, закрыло на это глаза.

Однажды ночью, несмотря на комендантский час, Адхара тайком вышла из дворца. Она была очень встревожена, не думая ни о чем, кроме как о выражении лица юноши, лишенного каких-либо эмоций. Пройдя по охваченным волнениями улицам города, девушке удалось добраться до Академии.

Оказавшись возле комнаты Амхала, Адхара принялась настойчиво барабанить в дверь.

— Амхал, открой, это я!

Она с безумным упорством, до боли в руках, колотила в дверь до тех пор, пока не увидела его на пороге в грязной и мятой рубашке, с длинной бородой, исхудавшим лицом.

Амхал молча впустил девушку и смазал ее разбитые руки мазью.

— Зачем ты пришла? — спросил он осипшим голосом, видимо, после слишком долгого молчания.

— Я понимаю твою боль, но пойми и ты, нужно продолжать борьбу.

Амхал горько улыбнулся:

— Ты ничего в этом не смыслишь. — Его сухие и жесткие слова больно ранили девушку. — Ты когда-нибудь была к кому-то привязана? Ты когда-либо кого-нибудь теряла? У тебя нет ни отца, ни матери, и ты не знаешь, что такое терять того, кто тебе был по-настоящему дорог, кто был для тебя всем.

Адхара сдержала слезы и прикусила губу.

— У меня есть ты. А еще, до смерти Миры, была моя жизнь, та самая, которую я с таким трудом должна была строить заново. Теперь же у меня осталось лишь одно воспоминание о том дне, когда на моих глазах умер один человек, а другого убила я сама. Значит, и я потеряла близкого человека.

Казалось, что эти слова потрясли Амхала. Он отвел в сторону взгляд.

— Он был всем для меня. Он был моей силой. Я знал, что, где бы он ни находился, я всегда сумею победить. А теперь он погиб самой худшей из смертей, лишенной всякого смысла, от руки притаившегося за спиной проклятого труса. Он оставил мне множество вопросов без ответа. И последнее, что он увидел, был мой поступок в тот самый злополучный вечер, когда я, совершив бессмысленное убийство, сильно разочаровал его.

Адхара положила руку на плечо юноши. Вот оно, истинное лицо Амхала, скрывавшееся под слоями горя и отчаяния. И она подумала о том, что осталась еще надежда.

— Прошу тебя, начни все сначала...

Юноша вдруг ожесточился:

— Зачем ты пришла?

— Иди до конца, ведь твоя смерть не поможет, понимаешь? Вернись к своим

обязанностям и прекрати истязать себя бесполезными тренировками. Прошу тебя, Амхал, он хотел бы, чтобы ты продолжал расти и учиться...

И снова тот прежний ледяной взгляд.

— Старые сказки, что твердят все вокруг, глупое утешение... Он бы хотел, он бы был... — Амхар вскочил на ноги. — Его уже нет, ты это понимаешь? И никто не знает, что бы он хотел сейчас или что он думал, когда оказался сраженным подлой рукой убийцы! Его просто нет, и теперь я один, без своего наставника.

Адхара тоже встала:

— Думаешь, что он остался бы доволен тобой, увидев, как ты топишь себя в страданиях? Ему бы понравилось смотреть на то, как ты убиваешь себя в этих бессмысленных тренировках, перечеркивая весь его труд, направленный на то, чтобы сделать из тебя Всадника Дракона? Ведь этим ты как раз сейчас и занимаешься, ты разрушаешь его труд.

Лицо Амхала не выражало ровным счетом ничего.

— Тебе не понять, — злобно прошипел он.

И Адхара не удержалась. Звук пощечины потряс тишину комнаты.

— Тогда подумай о себе самом и не разрушай того хорошего, что в тебе еще осталось! И мне тоже плохо, и я не могу дать ответы на все свои вопросы, и я, как всегда, одна. С тех пор как ты ушел, с тех пор как ты решил, что тебе нужно держаться подальше от меня, я осталась наедине с самой собой и со своими вопросами, с призраком человека, которого убила, и с воспоминанием обо всем том, что произошло. Но, заклинаю тебя, я знаю, что ты все еще продолжаешь оставаться тем юношей, что спас меня в тот вечер. Прошу, не дай умереть всему хорошему, что в тебе есть! Умоляю тебя, Амхал!

Адхара, обхватив голову руками, упала на колени, и ей показалось, что от безудержного плача разрывалась ее грудь.

Амхал склонился над девушкой и обнял ее.

— Только не сейчас. Я даже не знаю, есть ли во мне то хорошее, о котором ты говоришь, — пробормотал он. — Быть может, завтра. Не знаю, но только не сейчас.

Юноша помог Адхаре встать на ноги и проводил ее до двери. С болью в глазах он посмотрел на девушку.

— А теперь иди домой и будь осторожна, — сказал он напоследок и тихо закрыл за ней дверь.

25

НАЧАЛО КОНЦА

Глубокой ночью открылась дверь его комнаты. Амхал, полностью одетый, лежал на кровати без сна. Юноша едва мог припомнить, сколько времени он уже не мог спать. Несмотря на то, что по вечерам он изнемогал от усталости, стоило ему положить голову на подушку, как сон тут же улетучивался. Стены комнаты замыкались над ним, словно крышка гроба, а простыня, окутывая его словно саваном, казалось, вот-вот поглотит его. Амхал закрывал глаза, и в его мозгу всплывал образ мертвого Миры. Его тело — лишь пустая оболочка, за которой не осталось больше ничего от того человека, что был для юноши вместо отца.

Амхал провел возле тела учителя несколько часов, и все это время его сознанию не давал покоя один только вопрос: почему? Юноша не мог думать ни о чем другом. Его глаза отмечали каждую деталь на безжизненном теле: мягкую непринужденность, неестественную бледность, мертвенную вялость черт лица. Постепенно Мира стал исчезать, Амхал видел, как учитель растворялся прямо на его глазах до тех пор, пока юноша с ужасом не осознал, что Миры больше нет и не будет, что он просто испарился.

И теперь каждую ночь это тело приходило к юноше, лишая его сна; словно изо всех воспоминаний, оставшихся после стольких проведенных вместе лет, в памяти у Амхала

сохранился только этот образ.

Так Амхал утратил сон. Лишь несколько тревожных часов забытья, а затем боль с новой силой начинала терзать его грудь, заставляя просыпаться.

Молодой человек даже не шевельнулся, когда скрипнула дверь. Его не интересовало, кто бы это мог быть: враг, друг или очередной идиот, пытавшийся вырвать его из состояния прострации. Стену его безразличия не смогла проломить даже Адхара.

Кто-то в сапогах прошел по деревянному полу, сдвинул кресло и уселся в него. Затем снова настала тишина.

Амхал лежал с открытыми глазами, уставившись в темноту комнаты. Луна отбрасывала бледный свет на кирпичную стену перед ним.

— Когда он умер, мне было двенадцать.

Это был Сан. Сердце Амхала чуть вздрогнуло, но этого оказалось недостаточно, чтобы по-настоящему тронуть его. Новые пустые слова утешения, от которых юноше становится только хуже.

— Мы не так много времени провели вместе: если хорошенько подумать, то пару месяцев, не больше. Но эти месяцы были самыми главными в моей жизни. Все, чему он меня научил, и прежде всего навыкам обращения с мечом, все это оставило глубокий след в моем сердце, и никто никогда не сможет его стереть. Вот поэтому, когда умер Идо, одна часть меня умерла вместе с ним...

Одинокая горячая слеза скатилась по щеке Амхала.

Он меня понимает, он прочувствовал то, что переживаю я сейчас, отчаянно шептал ему внутренний голос.

— Ведь он умер из-за меня, понимаешь? Он все время пытался уберечь меня от Гильдии убийц, которые хотели воспользоваться моим телом для воскрешения Астера. Но я, глупый своенравный мальчишка, был тогда уверен, что у меня достаточно сил, чтобы разгромить секту. Я чувствовал, как обжигающая магическая сила текла по моим жилам, и был уверен, что, если попаду в храм, в это логово Гильдии, смогу убить всех и отомстить за смерть моих родителей, погибших от рук сумасшедших фанатиков. — И Сан замолчал.

— А что потом? — тут же спросил его Амхал.

— Я сбежал от своего учителя и направился в храм. Меня поймали, потому что я не умел управлять своей силой. А потом случилось то, что случилось: Леарко, Дубэ, Идо и Теана пришли мне на помощь. Тогда-то и погиб Идо. Когда я увидел его лежащим на земле, то отчетливо осознал, что в этом целиком моя вина и что ничего нельзя исправить.

Молодой человек сел на кровать и посмотрел Сану в глаза. В них отражались такие же боль и страдания, какие застыли в глазах Амхала.

Он такой, как я.

— Скольким вещам он бы еще мог научить меня и как до сих пор мне его не хватает! Ужасно не хватает. Я понял, насколько мы были с ним близки, только в тот момент, когда увидел его мертвое тело.

Амхал опустил голову и сжал в кулак руку на груди.

— Это сродни тому, как некое животное без остановки, день и ночь, когтями скребет по твоему сердцу. А может, я и не хочу, чтобы это прекратилось.

— Я знаю, — взволнованно поддержал его Сан. — Знаю.

— Что мне делать? — в отчаянии спросил его Амхал. — Умереть или продолжать идти своей дорогой?

— Страдать.

Этот ответ поделил тишину комнаты на две части.

— Сколько бы тебя ни утешали другие, от этой боли невозможно избавиться, она останется с тобой навечно. И где-то в глубине своего сердца ты так же, как и сейчас, будешь и дальше проливать слезы.

Амхал коснулся пальцами щек: они были мокрыми от слез.

— Но с годами боль притупляется. Пройдет время, и тебе неизбежно станет легче.

— И сколько же должно пройти времени?

Сан горько улыбнулся:

— Борись и учись жить с этой болью.

Из всего услышанного Амхалом за эти дни только слова Сана дошли до сердца юноши, потому что в них не было попыток утешить, а только правда человека, прошедшего этим путем прежде и поэтому имевшего все основания указывать ему дорогу. Комок, застрявший в груди юноши, понемногу стал растворяться, позволяя ему свободнее дышать.

— Я хотел бы, чтобы ты стал моим учеником.

Амхал резко поднял голову.

Что-то в этой фразе прозвучало не так, и Сан, должно быть, это заметил, поэтому поспешил добавить:

— Конечно, если ты не против.

Что-то подсказывало Амхалу, что это будет ужасным предательством. Когда умер его учитель? Шесть, семь дней назад? И вот он уже готов найти Мире замену. И потом, в прошлом у Амхала возникали некоторые сомнения насчет Сана.

— Я...

— Буду откровенен, — сказал Сан, придвигаясь к юноше. — Я знаю, что легче всего сидеть здесь и жалеть самого себя. Ведь в этом есть нечто утешительное, или я ошибаюсь?

Амхалу стало стыдно. Сан был прав: юноша начал привыкать к боли и любить ее как друга.

— Но это не может длиться вечно. Там, за стеной, тебя ждет целый мир, но как же идти вперед, если ты продолжаешь сидеть здесь, взаперти. Я никогда не заменю Миру, и вовсе не в этом заключается моя просьба. Я всего лишь хочу в этот момент твоей жизни идти рядом с тобой и помочь тебе перерасти себя.

Амхал посмотрел на свои руки, которые непрестанно заламывал все это время.

Продолжать расти, учиться...

Ведь именно об этом и говорила ему Адхара в прошлый вечер. Однако тогда эти слова не показались ему такими убедительными, как сейчас, когда их произнес Сан. Юноша вспомнил про двуручный меч и про свои долгие тренировки.

Молодой человек поднял глаза.

— Я хочу переменить обстановку, — произнес Амхал, решительно глядя в глаза Сана.

Лицо его собеседника просияло косой улыбкой.

— Все, что захочешь.

Сан низко поклонился Леарко. Неора в тот день не было. И так даже лучше, ведь Сан его особенно не любил. Недружелюбный взгляд принца всегда смущал его. Сан сразу понял, что этот тип довольно смысленный, даже слишком.

— Ни к чему все эти условности.

Сан улыбнулся себе под нос. А с королем, наоборот, было все предельно просто. Леарко любил его и доверял ему. Сан встал:

— Ваше величество, имею честь обратиться к вам с просьбой.

— Сан, почему бы нам снова не начать обращаться друг к другу на «ты», как тогда? Если не ошибаюсь, когда ты появился во дворце, ты не обращался ко мне на «вы».

— Ваше величество, я стою возле вашего трона не для того, чтобы просить одолжения.

Леарко мягко улыбнулся.

— Я прошу вас позволить мне покинуть Макрат и отправиться в зараженные земли.

Леарко побледнел.

— Но почему ты просишь об этом?

— Таково было предложение моего ученика, — прозвучал ответ Сана. И после короткой паузы он продолжил: — Полагаю, что вам уже известно, что Амхал, воспитанник Миры, стал моим учеником.

Леарко важно кивнул:

— Да, мне доложили... Но почему именно туда?

Сан подумал об этом два дня назад, когда Амхал обратился к нему с этой просьбой: «Я хочу уехать подальше от этого двора, от этой жизни, где рядом со мной был Мира. Мне нужно настоящее дело, даже самое грязное, чтобы отсечь от себя все, что могло бы его напомнить. Я хочу отправиться в зараженные земли». И Сан немедленно согласился с ним.

— Юноше нужно чем-то заняться и сменить обстановку. — Глаза Сана подернулись тоской. — Лучше будет уехать ненадолго куда-нибудь подальше от тех мест, что напоминают ему о прошлом. Я... уже пережил подобное.

— Это опасно, — после непродолжительной паузы заметил Леарко. — И я вовсе не намерен терять такого храброго человека, как ты.

— Амхал невосприимчив к болезни, в его жилах течет кровь нимфы. А я... По отношению к некоторым расам эта зараза ведет себя менее агрессивно. Пожалуй, на полуэльфах она отразится в меньшей степени.

Король долго смотрел на Сана, и в этом взгляде воин прочел всю ту теплоту, которую монарх испытывал по отношению к нему: Леарко совсем не хотел терять его после того, как они снова встретились. Неожиданно для самого себя Сан испытал странное чувство, он вспомнил о пузырьке с кровью, который несколько месяцев назад вручил ему эльф в одной из закопченных дымом таверн Нового Энавара, и крепко стиснул зубы.

Наконец король заговорил:

— Не знаю, что и сказать тебе, Сан. Ты бы очень мне пригодился, но я не хочу, чтобы ты чувствовал себя здесь пленником.

— О, я никогда здесь ничего подобного не испытывал и, будь на то ваша воля, готов принять любое ваше решение, в чем бы оно ни выражалось. Я прошу вас об этом, потому что считаю — это действительно самое лучшее, что я могу сейчас сделать.

Тронный зал погрузился в молчаливое ожидание.

— Согласуй с Верховным Главнокомандующим территории патрулирования. Даю тебе один месяц, — изрек, наконец, Леарко, печально улыбаясь.

Сан опустил на колени:

— Премного благодарен вам, ваше величество.

— И смотри, возвращайся целым и невредимым, — тихо добавил король.

Сан уверенно улыбнулся ему в ответ.

Приготовления заняли не больше двух дней. Амхал хотел отправиться в путь как можно скорее. Он сжег вещи из своей прежней жизни, прихватив с собой только самое необходимое: меч и пару книг. Затем, накануне отъезда, он решил попрощаться с самым близким ему существом.

Пройдя в последний раз по широкой, усыпанной гравием аллее, ведущей ко дворцу, Амхал направился к Адхаре.

Моросил мелкий дождь. Он непременно вернется, но тогда это будет уже другой человек. В каком-то смысле он уже стал другим. Девушка ждала его в саду в галерее. Юноша дрожал, но он едва бы смог с уверенностью сказать, было ли это от холода или от еще одной встречи с ней. Адхара кинулась Амхалу на шею, с силой прижав его к себе. Юноша не сопротивлялся. Скользя руками по ее изящным бедрам, он глубоко вдохнул свежий запах ее кожи.

— Тебе лучше? — спросила его Адхара с надеждой в глазах.

В ответ юноша лишь печально улыбнулся.

Они поболтали немного о разных пустяках. Девушка рассказала о том, как протекает ее жизнь, об очередных капризах принцессы, о своих занятиях.

— Я уезжаю, — набравшись мужества, неожиданно произнес Амхал.

И улыбка исчезла с лица девушки.

— Мне это нужно, пойми, — добавил молодой человек, отводя в сторону взгляд. — Здесь я не нахожу себе места — все мне напоминает о Мире... Быть может, если я уеду и займусь делом...

— Куда? — спросила она машинально.

— Северный лес.

— Не нужно названий, ведь ты же знаешь, что они равным счетом ничего для меня не значат. — Девушка с трудом сдерживала волнение. — Посмотри на меня!

Амхал повернул к ней лицо. Встревоженная и бледная, Адхара показалась ему еще прекрасней. Юноша подумал о том, как могли бы сложиться их отношения, и о том многом, чего между ними так и не произошло. Но прежде всего его мысли занимала их последняя встреча, когда он чуть было не сделал ей больно. Должно быть, именно из-за наплыва этих эмоций он не сразу смог проститься с девушкой.

— Это самая северная часть Земли Солнца. Там свирепствует эпидемия, и там очень нужны солдаты. А я невосприимчив к заразе и...

Девушка всхлипнула лишь единожды. Затем уже она, не выдержав взгляда Амхала, опустила глаза. Обхватив руками себя за плечи, девушка молча плакала.

Сердце Амхала сжалось от боли. Он представил, что может остаться из-за нее и с ней. Перед глазами проплыли разные видения из будущего, в которых он мог любить ее так, как хотел, не боясь навредить ей. Но он знал, что это невозможно. Только не сейчас.

— Это не навсегда...

— Ты говорил, что останешься в городе...

— Да... Но теперь мой учитель — Сан, и я пойду туда, куда идет он.

Адхара метнула на него гневный взгляд:

— Так это он предложил тебе такой выход?

— Нет, это была целиком моя идея.

Девушка с досадой махнула рукой. Она не верила.

— С тех пор как он здесь, все изменилось. И *ты* изменился.

— Столько всего произошло...

— Дело вовсе не в том, что произошло.

Амхал тяжело вздохнул. Он знал, что разговор будет непростым, но не думал, что настолько. Правда в том, что юноша не хотел прощаться с Адхарой, ведь он все еще нуждался в ней.

— Иногда я буду возвращаться, а как только все уляжется, я вернусь сюда на поправку. И потом, должно состояться мое посвящение во Всадника Дракона, ведь я все еще служу в рядах королевской охраны...

— Я поеду с тобой. — Девушка с невероятной, почти безумной решимостью посмотрела Амхалу прямо в глаза.

Как бы ему хотелось согласиться!

— Нет!

— Но почему? Почему ты хочешь сбежать от меня?

— Нет... Адхара, твое место здесь.

— Мое место рядом с тобой! — закричала девушка, затем она обняла Амхала, прижавшись к нему с отчаянной решимостью.

Адхара губами искала его губы, и Амхал не смог устоять. Почувствовав нежность прикосновения, он, как и прежде, поддался соблазну. Но ярость не оставляла его ни на мгновение. Он почувствовал, как она проникала в их сладостный поцелуй и оскверняла его. Амхал отвернулся.

— Адхара, твоя жизнь, построенная с таким трудом, здесь. Ты не можешь отречься от нее.

— Не увличай. Речь сейчас не обо мне, а о тебе. Это ты, похоже, боишься меня и ищешь любой способ, чтобы сбежать. Скажи, ты из-за меня уезжаешь?

Амхал чувствовал, что еще немного, и его голова лопнет от напряжения.

— Я уезжаю прочь от всего, что было, и от себя самого. Но я не прощаюсь с тобой.

— Ты бросаешь меня.

— Я вернусь, — пообещал юноша. — Я вернусь и стану наконец человеком, который

по-настоящему сумеет полюбить тебя и остаться с тобой навсегда. Но не сейчас. Ты не сомневайся в том, что я люблю тебя.

— Амхал, не уходи, прошу тебя...

Молодой человек мягко убрал руки девушки со своих плеч и стал медленно удаляться прочь.

Он шел по широкой аллее под непрерывным дождем. Несмотря на шуршание воды и раскаты грома, юноша все еще слышал голос Адхары:

— Не уходи! Прощай тебя, не уходи!

Сан медленно открыл дверь. Приложив некоторые усилия, он сумел обмануть охрану. В эти дни дворец находился под усиленным наблюдением; за принцессой Аминой отныне неотступно следовали несколько телохранителей. Военные были повсюду. Не говоря уже о королеве! Но Сан знал, что нужно делать. В двенадцать лет он сумел сбежать из-под носа Идо и освободить пленника из хорошо охраняемой камеры. Сан не очень-то и гордился этим подвигом, но с тех пор, благодаря магии и упорным занятиям, он достиг определенных успехов.

Он никогда не был в королевских покоях. Интересно, как бы все сложилось, если бы он после смерти Идо не сбежал вместе с Оарфом. Быть может, Леарко усыновил бы его, и тогда в один прекрасный день эта комната, в которой он сейчас находился, могла бы стать его.

Сан презрительно улыбнулся. В общем, такое развитие событий его мало интересовало.

По его представлениям, королевская спальня должна была утопать в роскоши: повсюду должны быть гобелены и мягкие ковры. А между тем деревянный пол скрипел, и двигаться по нему нужно было весьма осторожно. На стене висела одна-единственная картина. При свете луны Сан рассмотрел ее поближе.

На ней — изображения Леарко и Дубэ в то время, когда он, мальчишкой, сбежал от них. Молодая женщина с тревожным взглядом и юноша, пытавшийся держаться с достоинством, но так и не сумевший скрыть своего испуга. И все же этот юнец сумел добиться того, что оказалось не под силу даже Наммену: он создал крепкое государство, сумел помирить правителей всех земель Всплывшего Мира и установить всеобщий мир.

Сан медленно приблизился к кровати. Под покрывалом лежал всего один человек. Он остановился. Впрочем, это было не так уж и важно: достаточно было и одного человека вместо двух. То, что Сан нес с собой, само по себе уже означало начало конца и в любом случае оказалось бы действенным, вне зависимости от того, кто находился в кровати, Леарко или Дубэ.

Это был король. Его сон был чутким и тревожным. На лбу пролегла глубокая морщина. Интересно, что ему снилось? Быть может, тот день, когда Идо, пожертвовав собой, помог ему взойти на трон? Или тот момент, когда Леарко, нарушив данное гному обещание, бросил Сана, чтобы спасти Дубэ?

Сан вынул пузырек с кровью эльфов. Взболтав его при свете луны, он видел, как колыхавшаяся жидкость взбиралась вверх по тонким стеклянным стенкам.

Сан остановился. Вполне подходящий момент. Мужчина еще раз бросил взгляд на лежавшего в кровати человека, припоминая их недавнюю встречу и то выражение лица, с которым король смотрел на него. Леарко целиком доверял ему.

Король, которому Сан в некоторой степени был обязан своей жизнью, его жена Дубэ, их сын Неор, довольно смысленный малый, который наверняка стал бы великим королем, если бы не болезнь, Амина, внучка, совсем еще ребенок, с многообещающим будущим. Сан мысленно перебирал в мозгу имена ничего не ведавших людей, живших в этом дворце. Лишь на мгновение он почувствовал жалость, но затем, приняв окончательное решение, Сан бросил пузырек на пол и раздавил его ногой. Веки короля чуть вздрогнули, но Леарко не проснулся. Несколько слов, и кровавое пятно, испаряясь, разливается в воздухе.

Острая боль пронзила сердце Сана, но он сумел подавить ее.

— Прощай, — пробормотал он и, повернувшись, покинул комнату.

ПО НАПРАВЛЕНИЮ К ДАМИЛАРУ

Адхара продержалась всего несколько дней. После расставания с Амхалом она целую ночь проплакала, изводя себя вопросом, в чем же была ее ошибка и какие события привели ее к такому финалу. Еще было живо ощущение поцелуя на ее губах, и оно казалось настолько правдоподобным, что лишало девушку благоразумия. Более того, Адхару волновала и любовь и страсть, которую она испытывала, когда прикасалась к Амхалу. Но что ей делать теперь?

Окружающий мир снова казался Адхаре неведомым, а управлявшие им законы в очередной раз выходили за рамки ее понимания.

В определенной степени эта ситуация вновь напомнила девушке тот луг, где произошло ее ставшее теперь таким далеким пробуждение. Все, что успело за это время случиться, превратилось в одну чистой воды иллюзию.

Адхара сделала попытку вернуться к прежней жизни, к этой куче уже отживших свое привычек, к заданиям, в которых она устала искать какой-либо смысл. Она снова вставала по утрам, встречалась с Аминой, училась, собирала сведения из прошлого. Но девушка жила словно в тумане, от которого притуплялись ее чувства. Потому что мысленно она всегда оставалась с Амхалом: прибыл ли он на место или еще летит верхом на Джамиле? И как далеко отсюда Северный лес?

Закрыв глаза, Адхара представляла себе отдельные эпизоды его жизни. Вот Амхал верхом на драконе, с глазами, полными тоски, той самой, что сквозила в его взгляде во время их последних встреч. А вот юноша сидит возле костра или спит чутким и беспокойным сном. Девушка чувствовала его страдания. И эти страдания больно ранили и изводили ее душу.

— Что с тобой? — однажды утром спросила ее Амина.

Адхара вздрогнула, словно только что проснулась, и непонимающе уставилась на принцессу.

Девушка чувствовала, что так продолжаться больше не может.

— Он уехал, — ответила Адхара и обо всем рассказала Амине.

У нее возникло ощущение, что Амина не смогла до конца понять ее состояние, но девушке нужно было выговориться и дать своим эмоциям выход. Принцесса, как могла, старалась утешить свою подругу, но Адхара знала, что не существует таких слов, способных заполнить образовавшуюся пустоту. Ей надо было видеть Амхала, разговаривать с ним, дотрагиваться до него.

И тогда она решилась.

В тот вечер в библиотеке Адхара встретила Калта. Как всегда невозмутимый, он читал какую-то очень толстую книгу. Завидев девушку, мальчик по-дружески улыбнулся ей.

Адхара, застыв на месте, нервно заламывала руки.

— А как можно добраться до Северного леса? — решившись, выпалила она.

Калт посмотрел на нее с недоумением:

— А почему ты спрашиваешь?

Девушка подошла и села рядом с ним.

— Знаешь, что Сана направили именно туда? — ответила она с горящими глазами.

Принц выглядел несколько встревоженным.

— Ну да...

— А ты знаешь, куда именно?

Калт растерялся еще больше.

Что же я делаю? — промелькнуло в голове девушки. С этим замкнутым и загадочным мальчиком они вовсе не были так близки и лишь изредка вместе просиживали вечерами в библиотеке. И вот теперь Адхара просит у него помощи, и, по всей вероятности, ей придется

рассказать ему что-то, что она должна держать в секрете.

Я теряю терпение, испуганно подумала Адхара.

— В Дамилар, военный лагерь, расположенный на склонах гор Рондал. Адхара, что с тобой? Для чего тебе это знать?

— Я должна туда отправиться, — собравшись с духом, ответила девушка.

Принц непонимающе посмотрел на нее:

— Ты не можешь покинуть дворец... Ты же знаешь, что все мы должны оставаться здесь.

— Да, и тем не менее мне обязательно нужно туда попасть.

Затем Адхара позволила себе нечто неслыханное: она взяла мальчика за руку, хотя прежде не касалась его даже пальцем, и внимательно посмотрела ему в глаза. Там она увидела то же скорбное сочувствие, что и у его отца, тот же водянистый взгляд. Она не удержалась и все рассказала Калту.

— Поклянись мне, что никому не расскажешь.

— Это просто безумие.

— Я знаю, но не говори об этом никому.

— А как же моя сестра?

Адхара содрогнулась от боли.

— С ней я поговорю сама.

— Она не поймет, и, откровенно говоря, думаю, будет права...

— Это не навсегда. Я вернусь...

Мальчик печально улыбнулся:

— Адхара, посмотри правде в глаза: этот мир на краю пропасти. Болезнь, свалившаяся на нас, все изменит, и ничто не останется таким, как прежде. Если ты поедешь туда, то это навсегда.

Адхара подумала о том человеке, которого покидает, о тех страданиях, что она доставит своей единственной в жизни подруге. А еще она подумала о пережитых ею последних днях, погрузивших ее в этот адский круг, в котором она до сих пор пребывала.

— Поклянись мне только, что никому об этом не расскажешь. Я знаю, что для тебя я ничего не значу, что за все это время мы не обменялись и парой слов...

— Это четыре дня пути с остановками только в ночное время, — перебил девушку Калт и дал ей все необходимые сведения.

Что-то екнуло в груди у Адхары. Ей так захотелось расплакаться и обнять принца.

— Спасибо, — пробормотала она, наконец.

— Адхара, прошу тебя, не покидай мою сестру. Объясни ей все и попытайся вернуться любыми путями.

Калт был невероятно серьезен. Адхара была поражена, с какой болью в голосе он произносил эти слова: девушка и представить себе не могла, что между двумя близнецами может быть такая тесная связь.

— Обязательно, — уверенно ответила она и крепко сжала его руку.

Той же ночью Адхара тайком покинула дворец. Ей непременно нужно было успеть это сделать как можно скорее, прежде чем кто-то мог встать у нее на пути. И потом, ей было крайне необходимо начать действовать, иначе она бы просто сошла с ума.

С собой у нее была только одна смена белья и кинжал. Сложив все вещи в мешок, она закинула его за плечо и была такова.

Дворец погрузился в глубокий сон, но его многочисленная охрана была начеку. Это покушения на Амину давало о себе знать: королевская семья все еще была одержима идеей собственной безопасности.

Адхаре требовалось применить все умения, и она снова полностью доверилась своему телу: ее мышцы помнили, как передвигаться короткими перебежками, как незаметно красться вдоль стен, как проскользнуть мимо охраны, оставаясь при этом незамеченной.

Тело Адхары ныло от боли, когда она осторожно пробиралась по дворцу, и в то же время девушка чувствовала облегчение. Ей стало ясно, что, пока ее тело в движении, мозг безмолвствует, и все сводится к чистому автоматизму, запускающему в ход и мышцы, и кости, и сухожилия. Адхара вдруг поняла, что Амхал уехал скорее по этой причине, а не потому, что хотел сбежать от нее. Когда от боли и напряжения перехватывает дыхание, в душе нет места тоске и переживаниям — надо просто выживать.

Адхара пробежала по этажам дворца.

Она в последний раз остановилась перед комнатой принцессы: возле двери стоял охранник. Амина была единственным человеком, которого Адхаре больше всего не хотелось покидать. За эти месяцы они многому успели научиться и многое сделали, и мысль о том, чтобы потерять все это и причинить девочке страдания, пробивала брешь в твердой стене решимости девушки.

Она бросила камешек в конец коридора. Как и ожидалось, охранник тут же насторожился и сделал несколько шагов в направлении раздавшегося звука. Адхара молниеносно подскочила к комнате, просунула под дверь письмо и растворилась в темноте.

Охранник вернулся на место, так ничего и не заметив.

Пробираясь среди теней, Адхара думала про слова Калта, про печать страдания в его глазах и поклялась себе, что вернется назад, чего бы ей это ни стоило.

Сад встретил девушку у ворот враждебной осенней прохладой. Адхара торопливо пробежала по аллеям: слишком много воспоминаний было связано с этим местом. Повсюду среди кустов ей мерещился Амхал. Девушке казалось, что она уже видит его, идущего по белой дорожке в виде маленькой черной точки, которая с каждым мгновением становилась все больше и больше.

В этой части дворца особых трудностей у нее не возникло. Сад был просто огромен, охраны здесь было значительно меньше, чем в самом здании. И к тому же Адхара его прекрасно знала.

Выбрав неохраняемую часть стены, девушка дождалась, пока не пройдет единственный на этом участке караульный, и резко выскочила вперед. На все ей потребовалось значительно меньше времени, чем она ожидала. Несколько мгновений, и девушка уже погружалась в зловещую темноту Макрата. Со старой жизнью было покончено. Отныне открывалась новая глава. Окинув взглядом мрачные закоулки, Адхара ощутила гнилостный дух города. Пересилив страх, она стремительно ринулась вперед.

От капающих на пергамент слез расплывались чернила, придавая ему полинялый, состаренный вид. Слезы застилали глаза Амины, мешая ей читать. Впрочем, она знала на память содержание письма.

«Дорогая Амина!

Когда завтра утром ты проснешься, меня уже не будет во дворце. Поверь, что мне совсем не легко далось расставание с тобой. Хочу признаться, что, когда твой отец попросил меня подружиться с тобой, я восприняла это только как работу. Я не знала, что такое иметь подругу, и ты, своими капризами и безудержными играми, вызывала у меня страх. Но затем я научилась ладить с тобой и ценить тебя, и ты стала мне дорога. Благодаря общению с тобой, участию в твоих играх и затеях я стала старше и превратилась из бесчувственной куклы в того, кем я теперь стала. Я обязана тебе этой моей новой жизнью. Я чувствую себя трусом оттого, что ухожу вот так ночью, ничего тебе не сказав. Но я знаю, что сейчас ты не поймешь меня и, быть может, даже будешь права. Если бы я смотрела тебе в лицо, то наверняка не отважилась бы сделать то, что должна.

Я очень нужна Амхалу. И я, как ты это наверняка уже поняла, не смогу дальше жить без него. На днях я пыталась объяснить тебе это. Амина, только я могу спасти его, и только он может спасти меня. Мы оба настолько связаны между собой, что, возможно, даже не понимаем этого до конца. Каждый из нас — неотъемлемая часть друг друга. И поэтому я должна уйти.

Прошу, прости меня. Но я не прощаюсь. Если ты меня все еще любишь, то, когда я вернусь — клянусь, я это непременно сделаю, — я с готовностью начну наши взаимоотношения с этого ужасного момента, когда я была вынуждена тебя оставить.

Ты — моя единственная в жизни подруга, и мне будет ужасно не хватать тебя.

До свидания.

Адхара».

Принцесса стала медленно рвать письмо на кусочки. Яростно глотая слезы, девочка кляла в душе это имя. Впрочем, несмотря на переполнявшую ее злобу, Амина очень беспокоилась за Адхару. Если бы она могла, то непременно помчалась бы за ней вдогонку.

Я сделаю это, как только смогу. Пошлю к черту всех этих людей, что караулят меня. Я догоню ее и скажу, как я ненавижу ее, и брошу ей прямо в лицо, что не желаю ее больше видеть.

Амина бросилась на кровать и вцепилась зубами в простыню. Девочка была вне себя от гнева. И вовсе не предательство было тому причиной, а то, что, несмотря ни на что, она испытывала отчаянное чувство привязанности к человеку, единственному из всех, кто был так похож на нее.

На этот раз Неор сам пожаловал к Дубэ. Он спустился в дворцовое подземелье, туда, где его мать устроила Генеральный штаб своей шпионской сети, в тот самый мрачный зал, где обсуждались наиболее важные и срочные дела.

Дубэ села.

— Почему ты не позвал сюда своего отца?

Неору очень нравилось это умение его матери быстро сосредотачиваться и схватывать самую суть вещей.

— То, что я скажу тебе, едва ли придется ему по душе.

Королева мгновенно поняла намерения сына:

— Я приставила к Сану верного мне и довольно опытного человека.

— Ты же знаешь, что в отношении твоего агента мы так ничего и не нашли. Никаких подозрительных связей, безупречная семья. Никакого случайного заработка, который бы дал повод подумать о предательстве. Похоже, что твой человек, внезапно обезумев, решил напасть на Амину. Или на Миру.

— Здесь что-то не так.

— Вот именно. И это что-то не так-то просто обнаружить.

— И все же, объясни мне, почему ты снова хочешь установить за Саном слежку? — спросила королева.

— Неделью назад он встретился с моим отцом и попросил направить его в Дамилар. Сан сказал, что Амхал, который отныне стал его учеником, хочет сменить обстановку и что служба там — прекрасный способ забыть прошлое. Он также сказал, что это будет идеальным решением, поскольку кровь Амхала, унаследованная им от нимфы, делает его невосприимчивым к болезни.

Дубэ положила обе руки на стол:

— Леарко не говорил мне об этом...

Неор пожал плечами:

— Не было никакого смысла. Это ведь обычная передислокация войск. Ничего такого, что могло бы заинтересовать тебя.

Королева на мгновение погрузилась в свои мысли.

— И ты подозреваешь Сана?

Неор тяжело вздохнул:

— У меня нет доказательств. Но тот факт, что твой агент дошел до этого, несколько смущает меня. И потом это неожиданное решение Сана сменить обстановку... Нет даже

никаких зацепок... Только... повод для размышлений.

Дубэ улыбнулась и встала.

— В тех краях у меня есть один человек, которому я слепо доверяю. Он будет ежедневно информировать меня.

Принц кивнул.

— Тебя проводить? — спросила Дубэ сына.

— Да. — Он прекрасно знал, что его матери нравилось заботиться о нем, присматривать за ним, словно он еще ребенок. Принц хорошо понимал ее, ведь он сам с тревогой следил за тем, как растут его дети, ибо знал, что каждый прожитый день еще больше отдалял его от них. Скоро они уже больше не будут нуждаться в нем, и это немного огорчало Неора. Потому что он сам все еще испытывал потребность видеть их прижатые к его груди головы, их взгляды, полные мольбы о защите, поддержке и просто любви.

Мать и сын, наслаждаясь близостью друг друга, молча проследовали по коридорам.

Неожиданно навстречу им выбежала служанка:

— Ваше величество! Я повсюду вас искала!

— Я была занята.

Запыхавшаяся девушка была явно напугана.

— Успокойся и скажи, что случилось?

Служанка подняла на нее полный ужаса взгляд:

— Ваше величество, королю плохо!

По пути к цели Адхара шла на пределе своих возможностей, сначала по запутанным улочкам Макрата, потом по лесным тропам и лугам.

Калт дал девушке карту, на которую нанес весь ее маршрут. Он указал также места, где она могла бы сделать привал и отдохнуть.

— В тех краях всегда довольно много военных, поэтому там полно гостиниц, где можно остановиться.

Сначала девушка избегала их. Ей не хотелось, чтобы ее видели, и потом, она боялась, что ее начнут преследовать. Она понятия не имела о том, что может подумать о ее бегстве Неор, и очень боялась, что ее попытаются вернуть обратно во дворец. Адхара совсем недавно получила от Теаны согласие на встречу: девушке предстоял первый сеанс по возвращению ей памяти. Однако они были вынуждены отложить его из-за смерти Миры. Тогда Верховная Жрица отправила Далию, чтобы лично известить девушку о новой встрече.

Адхара забыла свой пузырек со снадобьем во дворце, в своей комнате. Девушку больше не волновало ни кто она такая, ни секта Недремлющих, ни Посвященные... Все эти названия отныне потеряли для нее всякий смысл. Она шла вслед за своим будущим, и ее больше не интересовало, кто она и откуда.

Адхаре предстоял долгий путь.

Ее поразил тот факт, что, едва ступив ногой за пределы дворца, она будто бы окунулась в иной мир. Несмотря на некоторое напряжение, в целом атмосфера при дворе была довольно сносной. Да, всем угрожала эпидемия, всех одолевала тревога и горечь утраты Миры. Но в конце концов, обитатели дворца чувствовали себя в безопасности, и их жизнь продолжала идти своим чередом.

Но так было не везде. За пределами дворца начиналась неразбериха. По ночам улицы Макрата полностью вымирали. Люди прятались за закрытыми ставнями, тщетно пытаясь хоть как-то обезопасить себя. И лишь изредка пробегали темные фигуры, движимые бог весть какими заботами.

Первое препятствие на пути девушки возникло, когда она собралась покинуть пределы города. Адхара напрочь забыла о том, что повсюду был введен карантин. По всему периметру стены стояли вооруженные часовые и напряженно всматривались в темноту. Адхара подошла ближе, отчаянно пытаясь найти выход. И удача ей улыбнулась.

Неожиданно раздался крик, и стоявший сверху караульный побежал куда-то вправо.

Затем послышался звон оружия. Очевидно, кто-то пытался пройти сквозь кордон. И девушка не преминула воспользоваться этой ситуацией.

Она взбиралась на стену так быстро, как только могла: ее пальцы болели от напряжения. Оказавшись наверху, Адхара стремительно поползла к другой стороне стены. Поглядев направо, девушка увидела трех охранников и неистовое мелькание мечей в воздухе.

Скользнув через парапет, Адхара начала спускаться вниз. И вот тогда она и увидела столпившихся в кучу возле стены людей и услышала их стенания:

— Смилуйтесь над нами!

— Откройте же ворота!

— Пустите нас!

— Мой сын при смерти!

Толпа отчаявшихся людей окружила ворота. Они, в последней надежде протягивая руки к стене, теснились возле нее, словно волны живого моря. Кто-то пытался карабкаться по головам и взбираться наверх, но зачастую падал на землю. Если же удавалось добраться до самой верхушки стены, там их уже поджидали солдаты.

А немного поодаль раскинулся целый лагерь из палаток бедолаг, готовых на все ради того, чтобы попасть в заветный город, туда, где все были здоровы. От запаха дыма и разлагавшихся тел Адхару едва не стошнило. Она стремительно преодолела последний участок стены, а потом просто скатилась наземь. Встав на ноги, девушка почувствовала, как онемели ее руки и кружилась голова. Вокруг нее сразу же собралась толпа.

— Ты пришла за нами?

— Почему ты сбежала отсюда?

Измотанные дорогой, голодные, оборванные люди с недоумением смотрели на Адхару и трогали ее руками. Девушка закричала, пытаясь вырваться. Наконец с трудом она выскользнула из их рук.

— Сумасшедшая! Ты отказалась от спасения ради того, чтобы умереть среди нас! — выкрикнул кто-то.

Когда толпа немного расступилась, Адхара вскочила на ноги, прижала к груди свой мешок и бросилась бежать. Она остановилась только тогда, когда за ее спиной исчезла последняя тень. Только теперь она упала на землю: девушка едва не задохнулась от подступившей к горлу тошноты. Она легла на траву точно так же, как это было в тот самый первый день на лугу.

Только теперь над ней вместо искрящегося ласкового солнца светила безжалостная луна.

Я и не думала... и не представляла...

Голоса обезумевшей толпы, их скорбные фигуры, протянутые руки продолжали неотступно преследовать Адхару. Девушка перевернулась на спину и посмотрела в чистое небо. Мрачный лунный свет. Кругом такое спокойствие, такая безупречная тишина. Но почему? Почему все так случилось? Чем же она заслужила это наказание?

Вокруг ни души. Девушка устало поползла в сторону возвышавшихся чуть поодаль деревьев и, припав спиной к одному из стволов, прижала к груди свой мешок. От страха и разочарования несколько слезинок выкатились из ее глаз.

А потом Адхара целиком отдалась во власть сна.

27 ХАОС

В это утро Адхара проснулась с первыми лучами солнца. В горле все еще стоял горький комок от увиденного прошлой ночью. Девушка с трудом встала и сполоснула лицо в протекавшем поблизости ручье, а затем наполнила фляжку.

После целого дня пути ее ступни горели, а икры ног изнывали от боли. Месяцы,

проведенные при дворе, до некоторой степени ослабили ее тело. Адхара отвыкла от долгих переходов. Тем не менее она упорно двигалась вперед. Ведь час за часом разлука с Амхалом становилась настолько тягостной, что девушка начинала физически ощущать его отсутствие. Ей было необходимо видеть юношу, слышать его голос. Дорогой она вспоминала все слова, сказанные им в последние дни. Адхара больше не позволит ему уйти, потому что он был частью ее самой, причем самой лучшей. И только она могла изгнать ярость из сердца Амхала и заполнить пустоту в его душе, возникшую после смерти Миры. И здесь не имели значения ни усталость, ни проливной дождь, то и дело обрушивавшийся на нее в пути, важнее всего — цель.

Адхара шла по главной дороге, что вела из Макрата на север. Эта дорога была довольно широкой и делила лес пополам. Движение по ней было довольно оживленным. Во-первых, встречалось множество шедших гурьбой солдат. Она видела, как они покорно шагали с грустными потухшими глазами. Некоторые двигались в том же направлении, что и Адхара, и тогда на их лицах девушка читала страх и молчаливое отчаяние людей, шедших навстречу уготованной им судьбе. У тех же, кто, наоборот, шагал в Макрат, в глазах отражался ужас от увиденного, чему они стали живыми свидетелями.

Вечером Адхара решила заночевать в одной из тех гостиниц, что посоветовал ей Калт. Но для этого девушке нужно было пройти досмотр: проверяли каждый видимый участок тела, для чего Адхару заставили снять с себя рубашку. Обнаженная девушка, закрыв руками грудь, стояла перед солдатами, похотливо рассматривавшими ее тело.

Сидя за обедом, девушка слушала разговоры служивых.

— Те немногие, что не заразились, выбежали наружу и закрыли за собой дверь, а затем все подожгли. Когда мы подошли, ничего уже нельзя было сделать. Но мы все еще продолжали слышать крики. Вся деревня представляла собой один горящий шар. Жарища была невыносимая. А те так и кричали. Просто нечеловеческие вопли. Они до сих пор не дают мне уснуть по ночам. А потом здоровые напали на нас. Они хотели отнять у нас оружие и, переодевшись, пойти в Макрат.

— А вы что сделали?

— Мы их убили. Делать было нечего. Они были вооружены и к тому времени уже успели убить троих из нас.

Адхара чувствовала, как кровь стынет в ее жилах. Она и представить себе не могла, что все так обернется.

На следующий день, продолжив свой путь, девушка подумала о том, что дорога, по которой она шла, была ее единственным спасением. А уже за обочинами начиналась бездна. Что еще притаилось в лесу? Сколько еще деревень с задохнувшимися от боли людьми? Какие еще ужасы творятся в тени деревьев? Сколько уже сожжено и загублено невинных душ?

Дорогой Адхара все чаще встречала отчаявшихся беженцев, раненых, голодных и смертельно уставших. Они, словно призраки, покидали свои селения, прихватив с собой только самое необходимое. Их глаза загорались лишь тогда, когда речь заходила о Макрате.

— Говорят, что городские стены защищены какими-то чарами, которые не дают болезни попасть внутрь, — услышала девушка рассказ одного мужчины, сидя вечером в одной из таверн.

Ей очень хотелось сказать им правду и объяснить, что и Макрат скоро падет и никто не сможет устоять против надвигающейся угрозы. Эпидемия в ближайшее время окажется повсюду. Но зачем? Адхаре совсем не хотелось лишать этого человека последней оставшейся у него смутной надежды.

Затем по краям дорог стали попадаться брошенные на произвол судьбы больные и трупы тех, кто не смог уберечься и умер в муках, тех, кто, пытаясь спастись, оказался застигнутым этой напастью.

Непрерывно пребывающий человеческий поток образовал огромный круговорот. Среди них часто встречались люди в пестрых лиловых одеждах с темными пятнами на лицах.

— Это благочестивые. Они заразились, но смогли выжить. Однако болезнь не

пощадила и их, оставив на их телах свои черные отпечатки, — объяснил девушке незнакомый путник. — Они собирают трупы и помогают смертельно больным. Они могут делать это без особых опасений, поскольку зараза им больше не страшна.

Адхара изо всех сил пыталась спокойно относиться к такому зрелищу. В этих краях сострадание было слишком большой роскошью, чтобы можно было его себе позволить. Адхара упорно продолжала идти вперед в своем стремлении добраться наконец до Дамилара и увидеть Амхала. Преодолевая одну лигу за другой, она научилась быть неприметной и ходить с опущенным взором.

Девушка увидела лагерь на четвертый день своего пути, когда уже смеркалось. Это путешествие окончательно измотало ее.

Было холодно, и шел дождь. Лагерь показался ей в виде дрожащего сгустка света, просачивавшегося между деревьями.

Этим утром она сошла с главной дороги и углубилась в лес. Северный лес располагался у подножия гор Рондал и внешне сильно отличался от всех лесов, что до сих пор видела Адхара. Ее пугал его таинственный и неприветливый вид. Почти все деревья в нем были хвойные, очень высокие, прямые и мрачные. А земля была вся сплошь усыпана хрустевшими под ногами опавшими иглами. Вместо привычного щебетания птиц только тихое шуршание, словно кто-то в этой глуши следил за девушкой и шел за ней по пятам. Адхару со всех сторон окружала грозная враждебная тишина. Девушка была вынуждена еще плотнее закутаться в плащ, чтобы не дать холоду пробраться до самых костей.

Дорога весь день шла в гору, иногда становясь довольно крутой, и Адхаре пришлось еще сильнее налечь на свои и без того обессиленные ноги. Последний участок пути она прошла уже в темноте, полагаясь только на слабое свечение с неба. Чтобы не сбиться с пути, Адхара изо всех сил напрягала зрение. Наконец, появился этот дрожащий и мрачный, но такой обнадеживающий свет. Дорога понемногу становилась шире, и вскоре появились первые покосившиеся палатки. Лагерь был обнесен высоким деревянным забором, охраняемым двумя вооруженными до зубов часовыми. Откуда-то изнутри доносились крики и неразборчивые стенания.

И что теперь? Как узнать, где теперь ее Амхал? Быть может, ей нужно было спросить кого-нибудь. Но что тогда о ней подумают?

Адхара молча направилась к лагерю, сопровождаемая шушуканьем и недоброжелательными взглядами людей, выходящих из палаток. Девушка с тревогой огляделась вокруг. Это еще был не сам лагерь, а лишь поселение беженцев. Слово «чужестранка» передавалось из уст в уста. Наконец, Адхара набралась мужества и подошла к одной гревшейся возле костра семье.

— Я ищу военный лагерь Дамилар.

Все трое прижались друг к другу и, не сводя с девушки полного ненависти взгляда, стремительно ретировались в свою палатку.

— Я не причиню вам вреда, — продолжила Адхара, но тут же заметила, как вокруг нее стала собираться толпа. Девушка почувствовала, как ее охватил страх, и она ухватила за рукоять кинжала.

— Она — чужестранка.

— Ау нее кровь нимфы?

— Судя по волосам, она точно не человек.

Адхара резко обнажила кинжал, когда к ней приблизился человек, вооруженный палкой.

— Кто ты такая?

— Я всего лишь разыскиваю лагерь Дамилар, — ответила девушка, стараясь не поднимать оружие.

— Только нимфы приходят сюда без страха. Ты что, полукровка?

— Я... — Слова застряли у нее в горле. Да, кто же она такая и что собой представляет?

— Ты несешь заразу, будь ты проклята! — закричала какая-то старуха.

Все словно ждали этого знака: единственный возглас из толпы — и все разом накнулись на девушку.

Адхара чувствовала, что ей не хватает воздуха. Один за другим на нее сыпались удары кулаками, пинки. Девушку охватила паника, поскольку она понимала, что эти люди не остановятся, пока не прольют ее кровь. Ими правил слепой ужас, а ничего так не придает сил, как страх. Потеряв кинжал, Адхара попыталась пустить в ход ногти и зубы. Она кричала, но крик девушки тонул в нечленораздельном завывании линчующей ее толпы. Внезапно она почувствовала, как вокруг нее образовалось немного свободного пространства. Адхара услышала знакомый звук: он исходил от вращавшегося в воздухе огромного меча. Открыв глаза, она увидела, как оружие Амхала сеяло панику среди напавших на нее людей. Брызнула кровь, и три тела замертво упали на землю. Этого оказалось достаточно: толпа наконец расступилась.

Он стоял в боевой стойке, с мечом в руке и с ужасным взглядом, полным необыкновенной ярости.

— Оставьте ее и возвращайтесь туда, откуда пришли, — приказал Амхал.

Толпа еще колебалась какое-то время, но лежавшие на земле тела оказались красноречивее любых слов, и люди разошлись.

Адхара посмотрела на Амхала, а потом вскочила и бросилась ему на шею.

Адхара сидела в углу на раскладной кровати, а в центре палатки горел небольшой костер. На манекене висели доспехи Амхала, а возле них стоял его меч. Девушка, закутавшись в тяжелое покрывало, смотрела на огонь.

С тех пор как она появилась в лагере, Амхал не произнес ни слова. Он спас Адхару, привел в свою палатку, залечил ее раны и накормил, а затем исчез, оставив ее одну.

Сразу после того, как юноша избавил девушку от неминуемой расправы, она только и думала о том, насколько была рада его снова увидеть. Однако теперь Адхара отчетливо представила себе всю картину. Амхал одним взмахом меча сразил нескольких человек. Она видела ярость в его глазах и хладнокровие, с которым он убивал людей. Адхара сжала руками голову. Во что теперь превратился ее Амхал?

В этот самый момент юноша вошел в палатку. Он выглядел очень усталым. Адхара подняла глаза и посмотрела на него. Ей очень хотелось, чтобы он сделал первый шаг и что-нибудь сказал ей. Вместо этого Амхал просто сел и уставился на огонь.

— Ты злишься на меня?

Юноша ответил не сразу.

— Тебе здесь не место.

— Где бы ты ни был, мне всегда найдется там место.

— Черт возьми, Адхара, разве ты не видишь, где я сейчас нахожусь? Ты видела эту дорогу? Ты видела этих людей, которые чуть не убили тебя? — негодовал Амхал.

— Конечно. А еще я знаю, что скоро так будет во всем Всплывшем Мире. Эту заразу не остановить, она поглотит всех.

Амхал снова уставился на огонь. Пламя костра отбрасывало на его лицо расплывчатые тени. Все лицо юноши было изранено. Адхара видела его всего неделю назад, но с тех пор он сильно изменился. За несколько дней пребывания в этом месте Амхал явно изменился.

— Ты убил людей...

— Ты пришла сюда для того, чтобы читать мне эти проповеди? Они избивали тебя, и что мне при этом оставалось делать? Здесь не место для угрызений совести. Здесь моя ярость чувствует себя как дома.

Адхара пристально посмотрела на Амхала:

— Но тебе не следовало приходить сюда...

— А что ты здесь делаешь? — возразил юноша, демонстрируя самоуверенность, которой прежде в нем не было.

— Ты знаешь что.

— Адхара, это не любовь. Ты только так думаешь, но на самом деле это не так.

— Быть может, я не слишком разбираюсь в жизни, но...

— Я спас тебя, — перебил ее юноша с беспощадной твердостью. — И поэтому ты решила, что любишь меня. Я слишком долго был для тебя единственным ориентиром. Но это не любовь, а только привычка. Просто фикция.

Адхара проглотила слезы: она не должна показывать свою слабость.

— Ты не убедишь меня вернуться назад.

Амхал попытался вытравить из своего взгляда малейшие признаки своей уязвимости. Но Адхара продолжала видеть в глубине его глаз все то хорошее, что в нем еще было.

— Это место погубит тебя, — сказала она Амхалу. — В тебе еще много хорошего; жив еще тот юноша, вместе с которым я пережила это трудное и такое прекрасное путешествие в Макрат. Жив еще тот солдат, который спас меня в тот вечер, тот человек, что отчаянно пытался вернуть мне мое прошлое, отважный юноша, который сражался со своей яростью и побеждал ее.

Амхал горько улыбнулся:

— Я никогда не побеждал ее.

Девушка, не обращая внимания на это замечание, продолжила:

— Ты хочешь знать, почему я здесь? Я не смогла помешать тебе покинуть Макрат и приехала сюда, рискуя собственной жизнью, но я все еще в состоянии не позволить тебе окончательно погибнуть. Потому что абсолютно уверена в том, что я — единственный человек, способный спасти тебя.

Адхара посмотрела на юношу со всей решимостью, какую только чувствовала в своем сердце, со всей слепой верой, что вела ее сюда сквозь весь этот ужас. Она видела, как он дрогнул, как сквозь выстроенную им вокруг себя неприступную стену начал пробиваться слабый росток сомнения.

— Я бы не хотел, чтобы ты видела все то, что вынужден здесь видеть я... — пробормотал Амхал.

— Давай вместе вернемся, — предложила юноше Адхара и положила ему руку на плечо.

Амхал покачал головой:

— Здесь мое место, и оно всегда было моим. Это именно то, чего я на самом деле заслуживаю.

В глазах юноши сквозило такое отчаяние, такое глубокое уныние, что Адхара даже замолчала на мгновение. Она хотела возразить ему, но как раз в этот момент открылась дверь.

Это был Сан, как всегда уверенный в себе, излучающий дружелюбие.

— Я помешал? — спросил он, присаживаясь к огню.

Адхара метнула на него взгляд, полный ненависти. Поначалу этот человек ей очень понравился. Девушка также попала в сети его героической ауры и врожденной харизмы. Но теперь она всей душой возненавидела Сана. Адхара подсознательно чувствовала, что это именно он уводил от нее Амхала.

— Сегодня вечером мы оба заступаем в караул, — сказал Сан и, повернувшись к Адхаре, добавил: — Завтра на рассвете я дам тебе проводника, и ты сможешь вернуться в Макрат. Полагаю, что там карантин, но если ты сумеешь доказать, что в тебе течет кровь нимфы, тебе, вероятно, удастся его пройти.

— Я остаюсь здесь, — уверенно заявила девушка.

Сан снисходительно улыбнулся:

— Здесь не место для девиц.

— Мое место там, где Амхал.

— Если ты останешься здесь, я не смогу гарантировать тебе безопасность.

— Мне не нужна безопасность.

Наконец улыбка сошла с лица Сана, и Адхаре показалось, что ей удалось разглядеть истинную сущность этого человека, его неумолимую беспощадность.

— И я и Амхал, мы оба здесь не для развлечения. А ты знаешь, что нас специально сюда направили? Дорогой ты видела, что здесь творится. Нам предстоит еще столько работы, Амхал не сможет позаботиться о тебе.

— Я ничего не требую от Амхала и не доставлю ему особых хлопот. Я сумею постоять за себя.

— Я уже видел это там, за оградой, — саркастически заметил Сан. — Здесь ты оставаться не можешь, — еще раз подтвердил он.

— Но, Сан! — бросая на мужчину многозначительный взгляд, вмешался в разговор Амхал.

Казалось, что Сан все понял.

— Парень, я говорю это только ради тебя... Что ты сказал, когда попросил меня покинуть город? Так, по-твоему, это значит бросить все и всех?

Юноша глубоко вздохнул:

— Но она не уйдет. И тебе не удастся убедить ее в этом.

Адхара заметила, что Амхал обращается к Сану на «ты».

Мужчина встал.

— Делай как знаешь, — сказал он напоследок и направился к выходу.

— Спасибо.

— Не стоит благодарности, — ответил Сан, не оборачиваясь. — Было бы гораздо лучше, если бы ты предпочел остаться там, где ты был, и позабыл про меня.

На третий день картина стала ясна. Хрипы Леарко свидетельствовали не о какой-то мимолетной болезни или о приступе красной лихорадки. Это была та самая зараза. Тело короля вскоре стало постепенно покрываться черными пятнами.

Для лечения монарха во дворец прибыла целая группа священников во главе с Теаной. За это время уже у трех слуг были выявлены признаки заболевания. И начался хаос. Целое крыло дворца было закрыто, королевские покои были перемещены в изолированную зону. Между зараженной и незараженной частями дворца стояла вооруженная охрана, которой было приказано никого не пропускать. Дубэ заперлась вместе с мужем. И Неор остался один.

Принц это предвидел. Они пытались удержать бурю голыми руками. Но ураган такого масштаба нельзя остановить, и рано или поздно, но он добрался и до дворца.

Сидя в полумраке своей комнаты, он в одиночестве слушал последние новости.

— Сегодня с утра его величество без сознания. С тех пор он, похоже, еще не приходил в себя.

Неор сидел не шелохнувшись.

— Продолжай, — холодно произнес он.

— Еще три случая в этой части дворца. Два священника, которые вчера почувствовали себя плохо, сегодня уже оставили свои посты: они уже не в состоянии продолжать нести службу. Верховная Жрица работает не покладая рук, но похоже, что ее старания не увенчались успехом.

— А что королева? — спросил принц ледяным голосом.

— Пока в порядке.

Неор прикрыл глаза.

— Можешь идти, — кивнул принц, и слуга покинул комнату, осторожно закрыв за собой дверь.

Неор откинул голову на спинку кресла. Он думал про проведенные вместе с Леарко годы, подаренные им судьбой, про свое детство, те времена, когда еще мог ходить.

Он вспомнил свои игры с отцом, тот образ отца, который сложился у принца в детстве: король казался ему стойким человеком и великим правителем.

Неор вспомнил первые дни после несчастного случая и обессиленную фигуру своего отца возле своей постели, державшую его за руку. Но и в горе величие короля оставалось незыблемым, и Неор чувствовал себя в безопасности, когда видел отца рядом с собой.

— Я лишь наполовину человек, — заметил однажды принц, поглаживая свои неподвижные ноги.

Взгляд отца стал жестким. Неор думал, что король даст ему пощечину, но этого не случилось.

— Никогда не говори так. Тело не главное в человеке. Важнее всего душа. Если ты сдашься и позволишь отчаянию взять над тобой верх, только тогда ты будешь наполовину человеком, способным лишь жалеть самого себя. Но если ты будешь сильным, твоя душа воспарит высоко вверх, вырываясь из оков собственного тела.

Именно эти слова оказались спасительными для принца и сделали его таким, каков он стал теперь.

Неор припомнил их последнюю встречу, прежде чем, предав веру отца, он обратился к матери с просьбой установить слежку за человеком, которого король уважал больше всех на свете, считая едва ли не своим вторым сыном. В тот день они вместе прогуливались по парку. Неор сказал отцу, что тот выглядит немного бледным и уставшим.

Король, улыбнувшись, ответил:

— Это называется старость. Когда каждый день приближает тебя к могиле, все труднее становится вставать с постели, суставы уже не такие, как раньше. Таков круговорот жизни, Неор. Я уже давно смирился с ним. — И слеза скатилась по его щеке.

Теперь принц больше не увидит его и не будет рядом с ним в последние часы его земной жизни. Как бы ему хотелось пойти к отцу, поплакать возле его постели, разделяя с ним его судьбу. Но принц должен остаться здоровым и спасти королевство его отца.

Неор подкатил к столу и позвонил в колокольчик. Через несколько минут в комнату зашел один из наиболее преданных ему советников.

— Отбери человек десять из моей личной охраны, скажи моей жене и детям, чтобы они готовились к отъезду. Пусть возьмут с собой только самое необходимое. Созови советников и передай им те же указания: члены их семей могут поехать вместе с нами, но только налегке. Подготовь достаточное количество драконов для путешествия в Новый Энавар.

— Но, мой господин... А как же королевство? А король и королева?

— С этого момента я беру бразды правления в свои руки. Двор целиком переносится в Новый Энавар.

Советник с недоумением посмотрел на принца.

— Ты что, не слышал моего приказа? Действуй! — сухо приказал Неор, и советник склонил голову в знак согласия.

И принц снова остался один. И отныне так будет всегда.

28

ЗА ГРАНЬЮ

Адхаре было совсем не просто найти себе занятие в лагере. В первый же день она попыталась получить какое-нибудь боевое задание, но командующий просто рассмеялся девушке в лицо.

— Думаешь, что солдатами становятся с бухты-барахты? Считаешь, что если ты носишь на поясе кинжал, то ты уже одна из нас? Место женщины в палатках беженцев или дома, где ты и должна была остаться.

В тот же вечер Адхара попыталась поговорить с Амхалом, когда тот вернулся после несения караула. Девушка видела, как юноша с потухшим взором и окровавленным мечом устало вошел в палатку.

— Я должна пойти с тобой.

Амхал посмотрел на нее пустым взглядом.

— Позволь мне пойти с тобой и Саном на задание.

— Это место не для тебя.

— С тех пор как я оказалась здесь, все вокруг твердят мне об этом, но никто на самом

деле не знает, кто я такая и на что способна. Однако ты прекрасно знаешь, что я могу сражаться.

— Речь не о сражениях. Ты просто не можешь пойти вместе с нами, и точка, — отрезал юноша.

И Адхара осталась одна. Она целый день провела в палатке в ожидании Амхала и с мыслями о том, для чего, собственно, она пришла сюда и как она могла бы помочь Амхалу.

Внезапно ее путешествие показалось ей совершенным сумасбродством. Адхара обманывала саму себя, придавая этому безумному предприятию героический смысл, которого в действительности не было. Ведь она пришла сюда вовсе не для спасения Амхала, а только потому, что остро нуждалась в нем и не мыслила себе жизни без него. В этом-то и заключалась вся правда.

Вечером, когда обессиленный юноша вошел в палатку, ему снова было не до разговоров с Адхарой. За ужином Амхал вместе со своим новым наставником обсудили свою службу и дальнейшую подготовку.

— Я очень горжусь твоими успехами в магии.

Едва заметная улыбка отразилась на лице юноши.

— Вижу, что ты уже понимаешь природу некоторых формул и со знанием дела владеешь ими. Скоро я обучу тебя еще одной хитрости. Эта формула довольно сильная: некоторые называют ее Мрачной Молнией.

Услышанные слова всколыхнули сознание девушки.

Когда пришла пора ложиться спать, Адхара подошла к Амхалу. Взяв его за руку, девушка посмотрела ему прямо в глаза:

— Ты изучаешь Запретную магию, не так ли?

Юноша блуждающим взглядом окинул погруженный во тьму лагерь. В ночи раздавались стоны больных.

— Тебя это не касается, — сказал он и, высвободив руку, направился к своей палатке.

— Я помню это название, — не унималась Адхара, неотступно следуя за юношей. — Я узнала об этом в одной из книг, когда разыскивала сведения о своем прошлом. Это магия Тиранно. Амхал, опомнись, что ты делаешь?

Девушка, вновь ухватившись за руку юноши, остановила его возле палатки.

— Сан объясняет мне, кто я такой, — ответил Амхал сквозь зубы.

— Ты не такой и никогда таким не будешь. Этот человек оказывает на тебя дурное влияние, разве ты не видишь? Ты очень изменился за эти несколько недель: ты как будто сдался и больше не пытаешься бороться с растущей в твоей груди яростью.

— Мне не с чем бороться, — холодно возразил юноша. — Я и есть *ярость*. Это было первое чувство, что я испытал в своей жизни, и оно постоянно со мной. Все остальное изменчиво, лишь ярость остается во мне неизменной. Быть здесь назначено мне судьбой, мой меч обречен убивать. И ни на что другое я не способен.

— Ты отдаешь себе отчет в том, что говоришь? Разве этого хотел Мира?

Казалось, что в глазах Амхала вспыхнул огонек. Поджав губы, юноша произнес:

— Поди прочь. Иди спать и оставь меня в покое!

Амхал высвободил руку и скрылся в палатке.

В эту ночь Адхара не сомкнула глаз. Она чувствовала свою полную беспомощность. Она думала о том, что, может быть, ей следовало бы вернуться домой, во дворец. И все же что-то еще удерживало девушку в лагере.

На следующее утро она перевязала лентой волосы, чтобы скрыть свои синие локоны и избежать новых нападений отчаявшейся толпы, и нарисовала на теле черные пятна, чтобы походить на людей, перенесших эту болезнь.

Затем Адхара подошла к ограде, куда стекались все зараженные, и обратилась к одному человеку, который, если не считать красного пятна вокруг глаза, был почти весь черным.

— Я хочу работать вместе с вами.

Мужчина смерил девушку пристальным взглядом:

— Пойди туда и возьми что-нибудь из нашей одежды. А потом сразу же принимайся за дело.

Адхара решительным шагом направилась к палатке. Она единственным известным ей способом сумеет остаться в лагере, будет приходить к нему каждый вечер и каждый вечер будет продолжать спор, начатый днем раньше. Она не сдастся и продолжит бороться с Саном за душу Амхала.

У Амхала складывалось ощущение, будто все важные когда-то для него вещи постепенно стали исчезать с горизонта его восприятия. Направляясь верхом на Джамиле в сторону Дамилара, юноша обратил внимание на то, что некоторые элементы его прежней жизни остались за бортом. Он с самого начала с облегчением принимал эти изменения. Первой исчезла боль утраты Миры. Наряду с постепенным низвержением в глубокое забытие уроков, преподанных ему учителем, воспоминаний о времени, проведенном с ним, притуплялись чувства и уменьшались страдания.

А затем исчезло желание сражаться с самим собой, пропал интерес к вещам, в которые он прежде свято верил. Увиденные им в этих местах человеческие страдания, казалось, заживо поглотили его.

В Дамиларе меч юноши больше не служил для защиты, поскольку уже некого было защищать. Его оружие требовалось для того, чтобы расчленять, ранить и истреблять тех, кто пытался бежать из зоны заражения, силой усмирять потасовки среди беженцев, расположившихся вокруг лагеря, а также следить за соблюдением карантина в окрестных селениях. Но для чего все это? Повсюду была одна только смерть. Вокруг Амхала свирепствовала эпидемия. Люди, которые еще утром жаловались ему на непрекращающийся дождь и ночной холод, уже вечером зачастую начинали покрываться черными пятнами и задыхаться в агонии. Конечно, были такие, кто выздоравливал. Но следы этой заразы оставались у них на всю жизнь. Нельзя, оказавшись в аду, выйти оттуда невредимым. Люди, пережившие эту напасть, превращались в призраков с опустошенными душами.

А тем временем ярость Амхала росла день ото дня. До появления в Дамиларе юноша не часто сталкивался с убийствами. За всю свою жизнь он убил всего несколько раз, и каждый раз после этого его неотступно преследовало чувство вины. Теперь же и дня не проходило без того, чтобы его меч не отправил бы на тот свет несколько душ. И никто не видел в том ничего предосудительного. Сердце Амхала, преисполненное дикой ярости, побуждало юношу забирать все новые жизни и беспрестанно вонзать меч в живую плоть.

Здесь, в Дамиларе, только ярость и Сан были для юноши на первом месте. Теперь Амхалу стало понятно, что эти два понятия неразрывно связаны между собой. Сан в своем сердце лелеял то же безудержное неистовство. Быть может, поэтому он и приходил к юноше в снах.

— Но как, как ты можешь жить с такой яростью в душе? — спросил его однажды Амхал.

— Я принимаю ее такой, какая она есть, — просто ответил его новый наставник. — Я сделал из нее свою союзницу.

— Но разве ты не чувствуешь... ужас от того, что поселилось в твоей груди?

Сан покачал головой:

— Разве ты не видишь, ярость окружает нас повсюду. Амхал, этот мир самый что ни на есть настоящий, в отличие от той сверкающей золотом клетки, в которой ты жил прежде. Здесь мои корни, и ты также принадлежишь к нему. В этом мире ярость решает, кому жить, а кому умереть. И мы спасены благодаря тому, что она у нас есть, что мы чувствуем ее. Именно она прокладывает дорогу смерти. Вот поэтому мы и не подвержены воздействию магических сил.

Так, постепенно Амхал перестал сопротивляться и, убивая, давал своей ярости выход, а остаток дня довольствовался пребыванием в непрерывном состоянии отрешенности. И лучше ни о чем не думать. Такое состояние нельзя было назвать жизнью, но оно делало

вполне приемлемым окружавшее его омерзительное зрелище. И даже появление Адхары не изменило порядка вещей.

Юноша, безусловно, испытывал к девушке еще какие-то чувства, которые оказались теперь погребенными под пластами страданий, под несметным количеством покровов, которыми он отделил себя от реальной жизни. Амхал все еще не хотел лишать себя этого чувства, Адхара была для него единственным оплотом чистоты; и он все еще надеялся сохранить в своей душе этот светлый образ, как воспоминание об ином, счастливом времени своей жизни, когда питал иллюзию о том, что сможет измениться.

Тот Амхал, что спас девушку, пытаясь вернуть ей ее прошлое, постепенно исчезал. И это было справедливо, потому что он был уже не тот. Настоящий Амхал убивал беженцев в этом лагере, давая волю своему неистовству. И похоже, другим он никогда не был.

Однако юноша вовсе не хотел увлекать за собой в это падение и Адхару. Девушка заслуживала лучшего. А когда она поймет, кто он на самом деле, и смиритсся с его злодейской сущностью, то будет вольна забыть его и начать новую жизнь.

По этой причине Амхал избегал ее, несмотря на то что все еще продолжал хотеть Адхару. И даже в этом его желании прикоснуться к коже девушки и ее губам было что-то порочное и скверное.

Я ведь умею любить только яростно, неистово. А мне вовсе не хочется растоптать и уничтожить ее.

К счастью, у Амхала не было слишком много времени на раздумья. Каждое утро на рассвете он вместе с Саном отправлялся патрулировать зараженные селения. Речь шла о том, чтобы подтверждать соблюдение карантинных мер, сменять тех, кто нес свое дежурство ночью, а иногда идти дальше и контролировать население близлежащих селений, еще не охваченных эпидемией.

Во время несения службы Сан продолжал давать ему новые уроки, в которых по большей части обучал юношу Запретной магии, а также давал свои советы о том, каким должен быть настоящий воин. Амхал понимал, что такая наука сделает из него не Всадника Дракона, а нечто совсем иное.

Однажды утром они добрались до селения, еще не оказавшегося в зоне заражения. Человек тридцать его обитателей жили, отгородившись от остального мира. Все необходимое, и еду и питье, им доставляли военные. Они, полностью изолировав себя от доступа к ним посторонних, изъявляли желание, чтобы всегда одни и те же солдаты обеспечивали их продовольствием.

Сан и Амхал однажды уже успели побывать в этом селении. Его жители отнеслись к ним с подозрением, хотя и приняли привезенное ими пополнение запасов. Юноша с иронией подумал, что, несмотря на то, что они спасали этим людям жизнь, те воспринимали их как чужаков.

В это утро неожиданно из-за стены раздались отчаянные вопли. Сан и его воспитанник быстро обнажили мечи и ринулись внутрь. Представшая их взорам картина была похожа на кошмар. Вдалеке стоял охваченный пламенем дом, а перед ним — извивавшийся в огне человек. На небольшой площади, бывшей местом обмена и получения продовольствия, группа людей, вооруженных садовыми ножами и палками, яростно избивала какого-то человека. Его тело беспорядочно металось, но с каждым разом его движения становились все слабее и слабее. Прозрачные водянистые конечности едва просматривались под слабыми лучами светившего в этот день солнца. Нимфа. Ее прозрачная кровь вытекала на землю, и кто-то погружал в нее свои руки и словно помешанный пил ее.

— Проклятая, поделись с нами своей защитой! — выкрикнул кто-то.

Какая-то женщина толкала своего сына к этой луже крови.

— Выпей ее, и ты не заразишься.

Амхал застыл от ужаса. Он вспомнил, как несколько дней тому назад впервые увидел застенчивые лица этих людей, выглядевших вполне безобидно. Безусловно, они были напуганы, но при этом, несмотря на болезнь и окружавшие их зверства, мужественно

продолжали жить дальше.

Теперь же это было стадо сумасшедших, возбуждаемых видом крови и потерявших от страха разум. Сан бросился на толпу, отгоняя ее от истекавшего кровью трупa нимфы.

— Выпей и ты, и тебе зараза будет нипочем! — выкрикнул кто-то.

Амхал не двинулся с места. Им овладело невероятное спокойствие.

— Что тут произошло? Почему этот дом в огне? — спрашивал жителей Сан.

Навстречу ему вышел старик, лицо и одежда которого были перепачканы кровью нимфы.

— Вчера эту проклятую увидели на обочине леса. Мы не тронули ее, потому что она не заходила в деревню. Но сегодня утром Цеурус весь покрылся пятнами. Мы подожгли его дом и поймали эту женщину.

Мужчина наклонился и, зачерпнув ладонями немного крови нимфы, протянул ее Сану:

— Выпей и ты, и останешься живым!

Сан продолжал невозмутимо стоять на месте.

— Ты с ней заодно? — спросил его другой, самоуверенно выступив ему навстречу. — И ты заодно с этими ведьмами, которые травят и убивают нас?

Сан, не выпуская из рук меча, отступил назад к Амхалу.

— Закрой ворота, — шепнул он юноше.

— Что? — вздрогнул тот. От увиденного кровь застыла в его жилах. Амхал никак не мог оторвать глаз от лежавшей на земле женщины.

— Говорю тебе, закрой ворота. Это селение заражено, — чуть громче повторил Сан. Затем он повернулся к толпе: — С этого момента здесь действует карантин. Теперь вы не сможете ни войти, ни выйти отсюда. Ворота будут опечатаны. Мы, как обычно, будем снабжать вас продовольствием, но покидать стены селения вам отныне запрещено.

Амхал подумал о том, что такое положение не сильно отличалось от прежнего. Жители деревни и раньше жили изолированно, лишь изредка наведываясь в лес то за древесиной для огня, то за грибами и ягодами, то за дичью по случаю празднеств.

— Зараза нам не страшна, — возмутился еще один человек, делая шаг вперед. — Мы напились крови нимфы и теперь в безопасности. Вы не имеете права запира́ть нас здесь!

— Кровь нимфы не гарантирует защиту от заражения, — набравшись храбрости, возразил Амхал.

— Тогда почему вы не заражаетесь? — спросил их старик, поведавший Сану о произошедшем в деревне.

— Нам это неизвестно, — неуверенно ответил юноша.

— Почему вы не заразились?

— Солдаты каждую ночь пьют кровь нимф и поэтому не заболевают!

— У войск есть лекарство, но они не хотят нам его давать!

Гнев толпы стал неудержимо расти. Одни окружили Сана и Амхала, другие направились к воротам, чтобы заставить их уйти.

Кто-то набросился с ножом на Сана, но тот, стремительно отразив нападение, вонзил в его тело меч. Человек замертво повалился на землю.

Толпа неистовствовала.

— Убийца! — Из многочисленной толпы раздался один-единственный хриплый возглас.

И тогда наступил хаос. Амхал не хотел обнажать свой меч. Перед ним стоял образ толпы, яростно расправлявшейся с телом нимфы. Юноше совсем не хотелось становиться таким же. Существовали грани, за которые не следует переступать, равно как переходить за рамки дозволенного. Тут последовал удар в руку, и смешанная полупрозрачная кровь Амхала стремительно хлынула из раны. Толпа онемела.

— У него кровь нимфы...

— Предатель! Предатель!

На юношу накинулись и повалили наземь. Под бесконечные вопли чьи-то руки срывали

с него одежду, кто-то пытался впиться в него зубами. И в этот момент Амхал почувствовал, как ярость сдавила ему грудь, неистовым криком требуя выпустить ее наружу и спасти ему жизнь.

Молодой человек выкрикнул заклинание, и воздух вокруг него раскалился добела. Яркий свет окутал толпу, в буквальном смысле слова растворяя ее в невыносимом жару. Когда все стихло, на земле лежало семь обуглившихся трупов. Но это был еще не конец. Амхал вскочил и, плавным движением выхватывая из ножен меч, дал выход своей ярости.

Люди в ужасе кинулись бежать, но их крики только сильнее возбуждали юношу. Он бросился вслед за ними, вытаскивая из своих домов и безжалостно нанося удары везде, где бы они ни прятались. Амхал поражал всех без разбора: мужчин, женщин, детей, стариков. Он должен был убить их всех. Юноша чувствовал, как Сан делал то же самое, и ощущал свое внутреннее с ним единение. Действуя в унисон, они оба были частями одного целого. В этом противоестественном экстазе жертвы одного становились жертвами другого и наоборот. Они остановились только тогда, когда в живых никого уже не осталось. Амхал тяжело дышал, ощущая при этом необыкновенный прилив сил.

— Нужно сжечь, — сказал, не скрывая своего раздражения, Сан. — Это место должно сгореть дотла.

Оба вышли за ворота и остановились на достаточном расстоянии от селения. Хватило одного слова Сана, и в его руках вспыхнул огненный шар. Он метнул его в сторону деревни, и та вспыхнула, словно сухая солома. Амхал с наслаждением закрыл глаза. Несмотря на ноющие от боли мышцы, несмотря на усталость во всем теле, он чувствовал себя как никогда хорошо.

Но на обратной дороге в Амхале стало просыпаться чувство вины. Возникшая сначала глухая боль за грудиной переросла в сильное пламя. Неожиданно у юноши перехватило дыхание, и он был вынужден прислониться к дереву.

— Что с тобой? — спросил его Сан.

Амхал посмотрел на него рассеянным взглядом. Почувствовав, что юноша падает, Сан подхватил его.

— Что там было? — прошептал молодой человек.

Сан был невозмутим.

— Ты вызвал Мрачную Молнию, хотя я не учил тебя этому. Мы сровняли с землей зараженную деревню, чтобы не дать заразе распространиться дальше.

— Что же мы наделали... — снова пробормотал юноша. — Они же ни в чем не виноваты...

— Не виноваты? — Сан от удивления выгнул брови. — Они, чтобы спастись, растерзали нимфу, и только для того, чтобы удержать заразу, сожгли дом своего же соседа. Если бы мы оставили их в живых, болезнь распространилась бы повсюду, вызывая все новые жертвы.

Эти доводы не убедили Амхала. Он чувствовал себя подавленным. Юноша не мог вынести случившегося, ведь кто-то должен был проявить милосердие и остановить его.

— Целую деревню... — повторил он.

Сан положил руку ему на плечо:

— Амхал, я знаю, что ты чувствовал. Ведь и тебя охватило ощущение блаженства, которого ты не испытывал уже давно. Ощущение настоящего дела, во имя которого ты и был рожден.

Юноша с недоумением посмотрел на Сана:

— Кто ты?

Сан улыбнулся:

— Я тот же, кто и ты.

И тогда Амхал почувствовал, как в его сердце пробивается смутное утешение, постепенно заполняя его кощунственной сладостью. Припав головой к груди Сана, он дал волю слезам, даже не ведая, что послужило тому причиной: то ли чувство вины, то ли страх,

то ли радость.

Он понимал лишь, что уже сделал следующий шаг, что перешел ужасную грань и отныне ему больше нет дороги назад.

Как только Амхал пришел в себя, они двинулись дальше в путь. Чувство вины еще осталось, но теперь юноша мог контролировать его. Там, в деревне, остались и страх за себя, и неприятие того, что совершил, и все следы его прошлой жизни.

Приблизившись к лагерю, Сан обернулся к молодому человеку:

— Когда мы пришли туда, деревня уже была в огне. Мы пытались погасить пламя, но все оказалось безрезультатно. Тебе ясно?

Амхал кивнул, не моргнув глазом.

Сан довольно улыбнулся.

29 АРЕСТ

Амхал был уверен, что выглядел так же, как и всегда. Никто в лагере ни о чем его не спросил, никто ничего не заметил, кроме Адхары.

— Что случилось? — спросила его она.

Юноша тщательно смыл кровавые следы с меча. И все же девушка сумела разглядеть что-то в его глазах.

Положив руку Амхалу на плечо, она снова спросила:

— Что случилось?

Перед ее взглядом он почувствовал себя уязвимым и растерянным. Юноша понял, что Адхара также осталась по ту сторону грани, которую он преодолел этим утром, и что, всецело предаваясь жажде крове, навсегда ее потерял. И к тому же никогда не сможет рассказать девушке о том, что сегодня совершил.

— Ничего, простая проверка.

— Амхал, ты сегодня странный... больше обычного.

— Какого дьявола тебе нужно от меня? Ты разве не понимаешь, где мы находимся? Ты же целыми днями видишь здесь больных, видишь задыхающихся в агонии и умирающих мужчин, женщин, детей. Ты и в самом деле хочешь знать, что со мной? Меня со всех сторон окружает смерть, вот что со мной! — кричал юноша до боли в горле. Он надеялся, что этот тон оскорбит Адхару и она, разозлившись, покинет его.

Девушка не сдвинулась с места.

— Уйдем отсюда, тебе не обрести здесь покоя, — тихо произнесла она.

Теперь Амхал знал, что он и не искал покоя. С самого начала он знал, что шел навстречу безумию. Когда страдание одерживает верх, когда уходит прочь надежда, единственный путь — это безумие. И он добровольно пошел по этому пути.

— Оттуда нет дороги назад.

— Это ты так считаешь.

— Ты ничего не знаешь, — сказал он, приблизившись к ее лицу. — Ты никогда ничего не знала. Ты думала, что сможешь преподать мне урок исходя из своего жизненного опыта, сможешь понять меня в то время, как сама не способна разобраться в себе самой.

Адхара улыбнулась:

— Полагаешь, что я уйду после этих слов? Думаешь напугать и унижить меня? Ты только силой сможешь сдвинуть меня с места.

Амхал испугался ее любви, ее слепого упорства и силы. *Почему же я не пошел за ней, когда еще мог это сделать? Почему не доверился ей?*

— Я возвращаюсь в свою палатку, — сказал он и отвернулся.

— Что бы ты не совершил сегодня утром, всегда есть способ вернуться назад. Всегда! — крикнула девушка ему вслед.

Дорогой Амхал почувствовал, как горячая слеза скатилась по его щеке.

Обосноваться в Новом Энаваре оказалось делом весьма не простым. Все произошло слишком быстро. Прибытие двора ввергло в панику служащих Дворца Совета. Второпях пришлось готовить комнаты для того, чтобы разместить всех прибывших.

Затем жизнь будто бы снова вернулась в свое привычное русло. Тем не менее это было изгнание, в то время как дома по-прежнему оставались подвергаемые смертельному риску родственники и друзья.

Неор пытался вникать во все дела. С его стороны не было ни единого намека на отступление. Взяв ситуацию в свои руки, он поддерживал непрерывную связь с Землей Солнца и без устали давал указания. Он попытался стереть из своего сознания мысль о том, что оставил позади, и упорно шел вперед.

Наконец, эпидемия вторглась и в Макрат. Тогда Неор принял решение разделить город на закрытые сектора. Были организованы специальные зоны для зараженных и собраны все члены Братства Молнии, а также маги всего королевства для того, чтобы, приложив максимум усилий, найти средство от напасти.

Добиваясь поддержки правителей других земель, он стремился к тому, чтобы единым фронтом выступить против нависшей угрозы, осознавая всю тяжесть ситуации и ведя единую политику. Созывая бесконечные Советы, Неор изнурял себя работой. Время его отца ушло в прошлое. Настал черед принца спасти Всплывший Мир.

Его худое тело становилось еще тщедушней, а под глазами появились темные круги.

— Тебе нужен отдых, — отчаянно твердила ему жена. Она тоже изменилась; страдание скинуло с нее все покровы, которыми она отгораживалась от остального мира, не оставив и следа от ее маниакальной приверженности этикету и сделав из нее одинокую испуганную женщину, так не похожую на ту, в которую когда-то был влюблен ее муж.

— Не могу. Мой отдых означает смерть для множества людей, — отвечал Неор.

Однако прежде всего ему было крайне необходимо топить свою боль в том единственном, что ему еще осталось, — в его короне, доставшейся ему по наследству от отца, и ценой своей жизни гарантировать ее целостность.

Наконец, настал этот столь ожидаемый и неотвратимый, но не менее горестный день.

Слуга вошел с докладом:

— Мой господин, к вам посетитель. Он ждет вас в подвальном этаже.

— Кто? — растерянно спросил принц.

— Верховная Жрица.

Теперь он знал это точно, будто что-то разбилось в нем навсегда.

Неору потребовалась помощь, потому что это сооружение сильно отличалось от его родного дворца, где все было устроено таким образом, чтобы он мог беспрепятственно передвигаться на своем кресле. Он не хотел видеть людей, что несли его вниз, потому что должен был остаться наедине, когда из его глаз неудержимо польются слезы.

Теана стояла за преградой, созданной и поддерживаемой двумя магами.

— Оставьте нас одних, — приказал принц слугам.

Он внимательно посмотрел на Теану: измятая одежда, изможденное лицо, потухший взгляд. И ни единого черного пятна на коже.

— Как вы себя чувствуете? — спросил принц.

— Пока нормально. Но быть может, я уже больна. Вот поэтому я позвала сюда двух магов, — ответила Верховная Жрица, указывая на людей возле себя.

Неор склонил голову. Если она уже больна, то все его жертвы, все, ради чего он отказался остаться рядом со своими родителями, окажется напрасным.

— Когда это случилось?

— Восемь дней назад.

Что же он делал восемь дней тому назад, когда его отец метался в агонии в своей постели, вдали от него, и, может быть даже звал его?

— Почему мне не сообщили об этом раньше?

— Я лично хотела принести тебе эту весть.

Неор опустил глаза. Сейчас не время для слез. Времена требуют от него мужества, силы духа и твердости. Заглянув внутрь себя, он ничего там не обнаружил. Тогда нужно просто делать вид, и этого вполне достаточно.

— Какая долгая агония... — чуть слышно пробормотал он.

— Он потерял сознание в тот день, когда вы уехали, и больше уже не приходил в себя. Не думаю, чтобы он сильно мучился, — продолжила Теана. — И потом, он умер в полной уверенности, что есть ты и что ты доведешь начатое до конца.

Неор зажмурил глаза. И задал вопрос, который так мучил его:

— Он спрашивал обо мне? — Принц не решился поднять глаза.

Теана подошла чуть ближе к барьеру и протянула ему руку. Неор надеялся, что эта рука, вместо сыновней, могла касаться и гладить отца в его последние мгновения жизни.

— Нет, он не спрашивал о тебе, и твоя мать тоже. Они оба все знали и понимали. Ты поступил правильно.

И тогда Неор без стеснения заплакал, представляя себе одинокую смерть своего отца, Леарко Справедливого, который сделал то, что никому и никогда не удавалось сделать: подарил Всплывшему Миру пятьдесят лет покоя. И он умер в одиночестве, так и не сумев попрощаться со своим сыном, в полузабытьи, истекая кровью в своей постели.

Теана молча смотрела на принца. Она уже выплакала свои слезы, а других у нее не было.

— А как мать? — спросил, успокоившись, принц.

— Она заболела через три дня после него. Но похоже, что у нее эта болезнь протекала менее остро, чем у твоего отца. Когда я собиралась в дорогу, она, судя по всему, уже была на пути к выздоровлению.

Неор вздохнул с облегчением. В конце концов, он не один.

— Когда она оправится, пусть приезжает ко мне, она очень нужна мне.

Теана улыбнулась:

— Она жаждет приняться за дело. Болезнь для нее не преграда: даже когда ее колотила лихорадка, она не покладая рук ухаживала за твоим отцом. Таков ее способ реагировать на боль. *Ваш* способ.

Неор замолчал. Он думал о том, что в нем не было мужества, свойственного его матери.

— Вы ищете средство для предотвращения заражения?

— Круглые сутки. Я приостановила свою работу, чтобы попытаться спасти твоего отца, но другие собратья продолжают поиски. Ты даже не представляешь, сколько их уже погибло, а сколько еще жертвуют всем ради достижения этой цели.

— И?..

— Ничего, — ответила Теана, и глубокая страдальческая морщина пролегла на ее лице. — Все дело в крови нимф. И нимфы нам очень помогают. Впрочем, они массово покидают сейчас Землю Воды. Там развернулась настоящая война. Но даже здесь их преследуют и убивают.

— Я знаю, до меня доходят сообщения.

— Я собираюсь туда, чтобы работать в тесном контакте с нимфами. Полагаю, что это направление самое многообещающее.

Неор долго смотрел на Верховную Жрицу.

— Там очень опасно.

— Со мной будут Всадники Дракона, — без тени смущения возразила Теана. — В любом случае сейчас мы пока что очень далеки от разгадки. Мы можем уменьшить жар, продлить течение болезни, но пока не знаем средства излечивать от нее. Если кто и выживает, а таких, увы, слишком мало, то это происходит по непонятным нам причинам.

— А те, кто не заражается?

— Не так просто обследовать их. Они держатся обособленно. Но мы изучаем и эти

случаи.

Неор печально улыбнулся:

— Сегодня у вас для меня нет ни одной хорошей новости.

Теана стала еще серьезней.

Принц понял, что она еще не закончила и что у нее было еще кое-что для него.

— Что?

— После всего того, что случилось, я отложила в сторону расследование убийства Миры. Мне это уже не казалось столь значимым.

Неор даже не вспоминал про то событие, хотя с него все и началось. После смерти Миры события сменяли друг друга с невероятной быстротой: эпидемия, отъезд Сана, изгнание.

— Нашли что-нибудь новое?

— В свое время я приказала своим людям обследовать тело убийцы. Об этом меня просила твоя мать. Она не поверила в версию предательства, а предположение о внезапном сумасшествии, откровенно говоря, выглядит неправдоподобно.

— Ну и?

— Сестра, занимавшаяся расследованием, обнаружила одну странную вещь, которую не сумела объяснить. Тогда я подумала направить туда более опытного человека, члена Братства, который не раз участвовал вместе со мной во многих рискованных операциях. Он очень сильный маг. Несколько дней назад среди своих бумаг я обнаружила его записку.

Теана замолчала, и Неор понял, что она собиралась сказать ему нечто такое, что вряд ли бы ему понравилось.

— Ну, говорите же.

— Существует некая созданная Астером Запретная магия, которая позволяет контролировать волю и поступки людей. Это нечто похожее на проклятие, наложенное на фамминов. Ты читал о них?

— Конечно. У каждого фаммина было свое имя, и если к нему обращались, называя его этим именем, то он был не в состоянии ослушаться приказов. Эта магия широко известна.

— Разновидность этой магии, применяемая к людям, довольно сложна в исполнении, наложить такое проклятие под силу только очень могущественному магу. После этого ритуала остается шрам в основании шеи, который весьма сложно распознать. Для его совершения нужна кровь, которая только что вышла из сердца жертвы; как правило, небольшое ее количество берется из сонной артерии. Это очень рискованная операция, и только очень опытным магам удастся довести ее до конца, не убив при этом человека. Обычно после ритуала остается шрам, как физический символ колдовского ритуала, а также имя. У шпиона Дубэ был такой шрам. Кроме того, после подобного рода магического ритуала вокруг жертвы образуется очень мощная аура, которую в состоянии почувствовать любой хороший маг. Аура агента твоей матери была очень сильной.

Неор откинулся на спинку своего кресла.

— Вот как, значит, растолковывается эта тайна. Агент совершил убийство, направляемый каким-то магом, который и совершил этот колдовской обряд.

Теана кивнула.

— Но кем?

Ответ стал ясен принцу уже тогда, когда он только формулировал свой вопрос.

— Агент Дубэ в тот период не виделся ни с кем, кроме Сана. Он сделал даже некоторые пометки на его счет — мы обнаружили их в его комнате. В общем, ничего важного, но они доказывают, что юноша действительно вел за ним слежку. И потом, такого сильного мага найти не так-то просто.

— Сан... — пробормотал Неор, и все его тело, с головы до ног, содрогнулось от охватившей его волны ненависти. Принц вспомнил, какими глазами смотрел на него его отец, сколько было в них восхищения и любви. Он вспомнил, с каким пылом Леарко защищал Сана от нападок сына.

— Он с детства обладал огромной магической силой, которая не исчезла со временем. Когда во время нашей встречи во дворце я обнимала его, то ощутила, что по сравнению с прошлым она возросла еще больше. Но я не обратила на это внимания, потому что, повторяю, он был таким с детства.

— По-вашему, он вполне был бы в состоянии воспользоваться подобной магией?

Теана кивнула:

— Неор, он значительно сильнее меня и большей части известных мне магов. Он — один из немногих, кто бы мог совершить подобное.

Принц ухватился руками за поручни кресла. Конечно, доказательств у него нет. Но инстинкт говорил ему, что это был Сан. Почему в таком случае он бежал? И было ли это простой случайностью, что руками приставленного за ним шпиона и было совершено убийство?

— Я прикажу арестовать его.

— У нас нет доказательств, — заметила Теана.

— Я знаю.

— И что тогда...

— У нас есть косвенные улики. По моему мнению, их достаточно, чтобы привести его сюда, в Новый Энавар. Это не арест в прямом смысле слова. Мы просто поговорим с ним во Дворце Объединенных войск в надежде найти им подтверждение.

— Неор, тебе известно, какая сейчас сложилась ситуация, и я не думаю, что мы в состоянии...

— Чрезвычайное положение, в котором мы сейчас находимся, дает нам право нарушить закон. И потом, вы не задумывались над тем, почему вдруг события стали так стремительно развиваться? Сан покидает дворец, а через пару дней после этого заболевает мой отец.

Теана, казалось, побледнела еще сильнее.

— Он не мог совершить подобное...

— И да и нет. Но я не знаю, что еще думать. — Неор поразмыслил еще немного. — Я прикажу арестовать его, — пробормотал он себе под нос. — Да, я прикажу арестовать его, и тогда, волей-неволей, я вытяну из него правду, — заключил принц, заскрежетав зубами.

Был обычный вечер. После ужина Сан вместе с Амхалом удалились в палатку, в которой теперь жили вместе. После случая в деревне юноша предпочитал постоянно находиться рядом с наставником. Он и сам не понимал, почему так сделал, но, возможно, причиной тому стало его желание быть подальше от Адхары, от ее совершенно искренних глаз, от ее такой нежной любви.

Оба читали: Сан военные депеши, а Амхал книгу о Запретной магии. Юноша дошел уже до части, повествующей о Мрачной Молнии; впрочем, ему это и не требовалось, поскольку он и так умел ею управлять. Однако молодому человеку доставляло удовольствие осознавать тот факт, что ему удалось постичь основные элементы без необходимости детального ее изучения.

Неожиданно в палатку ворвалась стража с оружием в руках.

— Кто здесь Сан?

— Это я, — с недоверием ответил мужчина.

— Вы арестованы по приказу короля Неора; нам следует доставить вас в Новый Энавар для допроса.

— Король Неор? — смущенно пробормотал Амхал, стоя за спиной наставника.

Сан посмотрел на своего воспитанника, а потом обратился к страже:

— Здесь, должно быть, какая-то ошибка.

— Никакой ошибки. Приказ ясен. Потрудитесь следовать за нами.

Сана схватили за плечи и потащили из палатки. А вокруг уже успела собраться небольшая толпа. Амхал вскочил и, терзаемый ужасными подозрениями, последовал за

конвоем.

Они все знают. Они знают о том, что мы сделали с деревней.

На какое-то мгновение юноша даже почувствовал некоторое облегчение. Его тоже арестуют, бросят в тюрьму. А может, даже убьют. Наконец все будет кончено.

— В чем его обвиняют? — спросил Амхал дрожащим голосом.

Конвоиры переглянулись.

— В убийстве Миры.

Сан разразился громким хохотом. Все, включая Амхала, застыли на своих местах. Мир вихрем закружился вокруг него. Сколько же времени он не слышал этого имени? Неожиданно снова вернулась все охватывающая боль утраты, а вместе с ней и неверие: неужели Сана обвиняют в таком ужасном преступлении?

— Так вот, значит, как король Неор изменил ситуацию. Ну, и ты в это поверишь? — спросил Сан, обращаясь к Амхалу.

Юноша не ответил. Во что он должен был верить? Два дня назад Амхал видел, с каким ликованием этот человек вместе с ним в лесу сровнял с землей деревню вместе с ее жителями.

Это совсем другое. Но хладнокровное убийство человека...

— Амхал, хочешь знать правду? — продолжил Сан, не переставая смеяться. — А вы хотите знать? — спросил он, обращаясь к собравшейся толпе. — Никто никогда не сказал бы тебе, что человек, убивший твоего учителя, — личный агент королевы Дубэ.

Это откровение сразило Амхала наповал. Получается, что, кроме желания сбежать, его не интересовали даже детали следствия.

Дурак, дурак, дурак!

— А хотите знать еще кое-какую любопытную вещь? Этому человеку платили за то, чтобы он шпионил за мной! Я заметил его, но оставил все как есть, поскольку мне нечего было скрывать! — выкрикнул Сан.

Амхал почувствовал, как раскалывалась его голова.

— Довольно! — перебил его конвоир и потащил мужчину прочь.

— Остановитесь! — закричал Амхал. Его яростный крик застал всех врасплох. Конвой остановился.

— Ты разве не понимаешь, Амхал? Меня подставили, приперли к стене. Неор, который неизвестно каким путем стал королем, нашел великолепного козла отпущения, чтобы пожертвовать мной ради интересов государства.

— Вы довольно накричались. Уведите его, — приказал начальник стражи.

Но Сан продолжал:

— Подумай об этом, Амхал! Он хочет принести в жертву человека, которого Леарко любил, как сына! Сильного и храброго воина, который, по мысли короля, вполне бы мог взять бразды правления в государстве в свои руки и заменить его на троне. Подумай об этом, Амхал!

Слова Сана канули в ночи.

Бледный Амхал стоял неподвижно в окружении нескольких человек, присутствовавших при этой сцене. Он долго смотрел в темноту, поглотившую его наставника. Впереди себя его взгляд натолкнулся на два сверкающих, пылающих искренней страстью глаза. Это были глаза Адхары.

30

БЕЗУМНАЯ ЗАТЕЯ

— Позже, — бросил Амхал шедшей за ним следом Адхаре и скрылся в своей палатке. А на улице царило полное смятение. Люди возбужденно обсуждали, действительно ли Сан был виновен или его подставили, и он стал жертвой обстоятельств, оказавшихся сильнее его.

Амхал снова вспомнил слова: король Неор. А что же случилось с Леарко?

Однако все это уже не имело большого значения. Главное то, что сказал ему Сан, последний, сохранившийся в памяти образ его, безоружного, уводимого конвоем наставника.

Юноше казалось, что он пробудился после долгого сна только для того, чтобы снова погрузиться в кошмар. После смерти Миры он только и делал, что спал, пытаясь обрести в этом сне мнимый покой. Он действовал неразумно. Беспокоясь только о том, чтобы сбежать как можно дальше от себя и от призрака своего учителя, он не поинтересовался вещами на самом деле очень важными: кто же убил Миру и зачем? Теперь эти вопросы неумолимо всплывали в его мозгу. Ответы на них звучали ужасающе.

Сан?

Неужели Сан оказался способным совершить такое? Но с какой целью? Юношу сбивала с толку одна только мысль: значило ли это, что он ошибся и, согласившись на преступный план, не сумел разобраться, в чем его суть; значило ли это, что мрачная дорога, которую он выбрал, оказалась намного ужаснее, чем он думал. Нет, Сан был страшным человеком, и это Амхал уже понял, но он не был хуже его самого. В действительности они оба очень схожи, Сан был таким же, как и он, ночным созданием, и у каждого из них было свое особое предназначение. Сан не мог совершить подобное преступление. Амхал свято верил в его наставления, в его представления о мире и жизни, в силу его меча и магии. Поэтому он не мог поверить в то, что преступление совершил его наставник.

Сама мысль об этом не давала юноше покоя и сводила его с ума.

Тогда это Неор? Таков был его план по захвату власти? А что случилось с Леарко? Амхал вспомнил время, проведенное им при дворе, про свою службу в личной охране королевской семьи. В действительности юноша никогда и ни с кем из них не был близко знаком. Самое яркое впечатление у него осталось от Амины, и только после того счастливого дня, что он провел в компании с Адхарой и принцессой. От этих воспоминаний сердце сжалось у него в груди. А король Леарко был для него просто мифической фигурой. Амхал смотрел на него как на образ, сошедший со страниц книг, как на одного из тех героев, запечатленных на фресках и мозаиках. Юноша понял, что всегда судил о нем только через призму представлений своего прежнего учителя. Мира верил в Леарко, посвятил ему всю свою жизнь и был готов умереть за него.

«Не столько за него лично, и это несмотря на то, что король — величайший человек, сколько за то, что он совершил, за грандиозность его мечты. Он подарил нам надежду, он претворил в жизнь неосознанный порыв наших сердец. Вот поэтому я поклялся защищать его до самой смерти», — сказал ему как-то Мира, и теперь от этих слов его душа наполнилась мучительной тоской.

А что его сын? Амхал не знал о Неоре ровным счетом ничего. Он почти не сталкивался с ним. При дворе принц имел хорошую репутацию. Конечно, были и такие, кто с неудовольствием отмечал его блестящий ум, кому не нравилось, что он мало-помалу становится главным советником отца, а на деле истинным правителем Земли Солнца. Но все это были злобные сплетни некоторых завистников. Внезапно они обрели вид доказательств, подозрений, улик, которые сразу же должны были насторожить юношу. Что говорил Мира о Неоре? Почти ничего.

«Он был бы хорошим королем, достойным продолжателем дела своего отца, если бы не несчастный случай», — заметил как-то Мира. Но этого слишком мало.

И тогда постепенно сомнения Амхала стали затихать. Ведь намного проще поверить в виновность незнакомца, чем своего наставника, человека, ведшего его сквозь непроглядную тьму последних недель, открывавшего перед юношей новые горизонты и знакомившего с новым, неизведанным доселе миром. Поверить в обратное — значит согласиться с тем, что все было ошибкой, а это вряд ли удалось бы ему. Да он и не мог.

Амхал провел бессонную ночь. Он чувствовал себя заложником и своего предназначения, и своего выбора. Что теперь оставалось ему делать: продолжать жить как ни в чем не бывало? Ждать развития событий или вернуться назад к нормальной, но совершенно неприемлемой для него жизни?

И все-таки Сан был невиновен, он должен быть невиновен! Ведь он его учитель.

Юношу осенило не сразу. Смутная мысль возникла в эту беспокойную ночь, когда все его тело охватило нервное волнение. Она пробивала себе дорогу и словно клин завоевывала свое пространство в мозгу.

Действовать. Как всегда, когда боль оказывалась чрезмерной, Амхалу было крайне необходимо заставить свое тело работать. Юноша должен был отдать собственные страдания на растерзание ярости.

С рассветом Амхал покинул палатку. Солнце едва поднялось над острыми верхушками сосен. Раскаленный солнечный диск напомнил юноше огненный шар, которым несколько дней тому назад они с Саном сожгли деревню. И тогда он решил, что делать. Амхал ни за что не потеряет Сана, как до этого потерял Миру. Он будет держаться за него до конца, будет верить в того, кто перевернул его жизнь и показал ему его истинное лицо.

Он спасет Сана.

Даже Адхаре не спалось в эту ночь. Перед глазами у нее стояло полное отчаяния лицо Амхала, в ушах — слова Сана, уводимого прочь конвоем. Девушку также мучила мысль о том, что же все-таки случилось при дворе. Король Неор. Означало ли это, что Леарко мертв? А что с Аминой?

В ее мозгу роились разные мысли, не дававшие ей уснуть. Как бы ей хотелось пойти сейчас к Амхалу. Сана не было, и, быть может, настал момент образумить юношу и вернуть к нормальной жизни. А еще девушка знала, что теперь он нуждается в тишине и одиночестве, для того чтобы обдумать произошедшее и смириться с мыслью, которая даже ей казалась невероятной: Сан и в самом деле мог быть замешан в смерти Миры. Внезапно эта мысль перестала быть для нее такой уж неправдоподобной. У этого человека были ужасные, скрытые от всех личины, которые девушке иногда удавалось разглядеть. А эта его нездоровая привязанность к Амхалу, его такое быстрое сближение с юношей, не допускавшее даже временной остановки. С тех пор как он появился, Амхала словно подменили, как будто это был дурман. В такой ситуации смерть Миры сыграла Сану на руку: перед ним открылось широкое поле деятельности, позволявшее распространить свое влияние и на душу юноши.

Он хочет заполучить Амхала! — сказал ей внутренний голос, и банальность этого открытия потрясла девушку. Все было предельно ясно с самого начала, а она этого не замечала. Этот человек хочет Амхала! Она не знала для чего, и в этом еще нужно было разобраться, но, безусловно, Сану нужны были его ярость и его страдания.

Девушка дождалась утра. Поднявшись раньше обычного, она направилась к Амхалу. От волнения сердце выскакивало у нее из груди. Адхара чувствовала, что на этот раз они наконец-то объяснятся.

Юноша был еще в палатке. Он судорожно метался из угла в угол, собирая свои вещи в мешок.

— Что ты делаешь?

Амхал резко обернулся. Он посмотрел на девушку, а потом, не говоря ни слова, продолжил складывать вещи.

Адхара схватила его за руку:

— Ты скажешь наконец, что, черт побери, ты делаешь?

Взгляд юноши был полон враждебности и ожесточения.

— Тебе лучше этого не знать.

— Если ты уйдешь, уйду и я.

— Ты не можешь пойти со мной.

Амхал высвободил свою руку и набросил мешок на плечо, но Адхара преградила ему путь.

— Пора выкинуть этот лагерь из головы, — сказала девушка, пытаясь скрыть дрожь в голосе. — Пора забыть этого человека и вернуться к своим прежним занятиям. — Адхара

сложила руки на груди. — Это было отступление, ужасное отступление, но теперь все кончено. Суд решит, что делать с Саном, и ты снова будешь свободен.

В ожесточенном взгляде Амхала не было и намека на понимание.

— Ты сама не знаешь, что говоришь.

— Это ты не знаешь, — не сдавалась девушка. — Скажи мне, что все кончено... — Адхара коснулась лбом груди юноши, пытаясь отыскать то тепло, что столько раз ощущала в прошлом.

— Я направляюсь в Новый Энавар, — холодно ответил он, даже не шелохнувшись.

Адхара резко подняла голову:

— Ты идешь туда из-за него?

Амхал не ответил, но его взгляд был красноречивее тысячи слов.

Девушка почувствовала, как от слез горький комок подкатил к горлу. Но она сдержалась.

— Пусть суд Земли Солнца во всем разберется. Если он невиновен, то, как бы то ни было, его отпустят на свободу. И тогда ты узнаешь правду.

— Ты слышала его слова.

— Амхал, разве ты не видишь, что он с тобой сделал? Ты ему нужен, чтобы заполучить твою душу, он разрушает тебя! С тех пор как ты познакомился с ним, все становится только хуже. Ты потерял все, что имел, и к тому же очень изменился. Как ты можешь верить его лжи?

Юноша резко оттолкнул Адхару:

— Отныне он — мой учитель! И я решил довериться ему. А знаешь почему? Потому что он такой же, как я! Я видел его во сне! Прежде чем встретиться с ним, я каждую ночь видел его во сне. Он звал меня пойти вместе с ним. Это единственное, что он сумел донести до меня, потому что мы похожи друг на друга, нас питают одинаковые страсти, и у нас одно и то же предназначение. Он *должен* быть невиновен!

Слезы покатались из глаз Адхары.

— Это он убийца, он! — зарыдала девушка.

Амхал схватил ее за плечи и затряс.

— Не говори об этом даже в шутку!

Адхара была бессильна что-либо сделать. Наверное, виной тому была череда заблуждений, а обратного пути, увы, уже не было.

— Не уходи, — взмолилась она. — Ты не сможешь его спасти!

— Я сильнее, чем ты думаешь.

— В Новом Энаваре будет целое войско! А ты один! Ты погибнешь!

— В моих руках есть непобедимое оружие.

Адхара с изумлением уставилась на него.

— Нет, Амхал... — пробормотала девушка. Его ярость, его жажда крови. — Умоляю, не делай этого... Ты погибнешь...

— Как бы то ни было, это уже не столь важно.

Адхара, безудержно рыдая, сползла на колени.

— Но почему тебе недостаточно меня? Почему тебе всегда было мало меня одной?

Амхал посмотрел на девушку, и лишь на мгновение где-то в глубине его глаз промелькнула слабая искорка.

А потом юноша ушел.

Адхара не знала, сколько времени вот так, без сил, она просидела на земле. Перед ее глазами бессмысленно мелькали последние месяцы ее жизни. Вереница дней в погоне за несбыточной мечтой. Разве это и есть любовь? Разве это не вечная, туманная иллюзия?

Что мне делать... что мне делать...

Эта мысль целиком захватила ее сознание, вытесняя все другие. Потому что это еще не конец и это никак не могло быть концом.

Я должна его остановить.

Но как? Он, без сомнения, отправился на своей Джамиле, а до Нового Энавара слишком длинный путь. Верхом на драконе никак не меньше двенадцати дней, а у Адхары не было своего животного. Но она обязана остановить Амхала, пока не станет слишком поздно. Ей нужно известить короля, Амину, кого-нибудь еще. Она выдаст его и расскажет Неору о планах юноши, и только так помешает ему совершить очередной безумный поступок. Лучше оказаться в тюрьме, чем погибнуть. Или хуже. Потому что если Амхал решится дать выход своей ярости, то тогда и в самом деле ему ничем нельзя будет помочь. Во имя спасения юноши Адхаре нужно было предать его. Но до него еще нужно добраться. Тут Адхара вспомнила Амину, ту самую Амину, которую она бросила, заставив страдать. И тем не менее принцесса оставалась ее единственной подругой. Адхара непременно обо всем ей расскажет.

Но как? Амхал прибудет на место раньше, чем любое письмо...

Девушка закрыла рукой глаза. Что бы она ни выдумала, это все равно ничего не даст.

Магия. Быть может, магия поможет ей. Адхара порылась в своем мозгу. По словам Теаны, ей были известны магические ритуалы. Впрочем, в большинстве случаев Адхара и сама находила тому подтверждение. Наверняка в каком-то уголке памяти девушки имелись соответствующие знания, которые были бы ей весьма кстати и которые позволили бы спасти Амхала. Адхара сосредоточилась и, сдавив пальцами виски, изо всех сил попыталась что-нибудь вспомнить. Но вместо этого ей на ум пришли лишь травы, что дала ей Верховная Жрица. Девушка оставила их на комод в своей комнате во дворце. А еще множество других деталей. Адхара проклинала себя.

Только смутные ощущения всплывали из пустоты ее памяти. Невыносимая боль, кирпичная стена, голос, неустанно твердивший «я приду за тобой», неосязаемый, бесплотный, без какой-либо характерной нотки. Ничего такого, что могло бы оказаться ей полезным.

Вдруг она резко вскочила и выбежала из палатки. Ее осенило.

Не переводя дыхания, она направилась прямо в ту часть лагеря, где находились больные. Там было много магов, и кто-нибудь наверняка сможет ей помочь.

В действительности за эти дни она ни с кем по-настоящему не сблизилась. Между теми, кто работал среди зараженных, возникло некое единение, сплотившее их на фоне общего страдания. Но за все время работы Адхара перемолвилась с ними всего несколькими словами. И вот теперь ей нужно было наугад довериться одному из них.

Девушка вошла в помещение: как всегда удушающий запах смерти и крови. К этому нельзя было привыкнуть. Пошарила взглядом среди кроватей больных, задыхавшихся в предсмертной агонии, среди пропитанных кровью бинтов и душераздирающих стонов. Она смотрела на них невидящим взглядом. Вот и маг, молодой человек, кожа рук которого была почти сплошь покрыта черными пятнами. Адхара устремилась к нему. Поначалу они вместе лечили одного больного, и этот юноша был для Адхары чем-то вроде наставника. На их глазах тот несчастный испустил дух, и молодой человек закрыл его вытаращенные в агонии глаза.

Вот он как раз и установит между нами связь, думала про себя девушка, шагая к нему навстречу.

Юноша использовал довольно слабые чары для лечения одного умирающего только ради того, чтобы как-то смягчить его страдания. Маг даже не взглянул на Адхару.

— Ты сегодня поздно, — монотонно произнес он.

— Ты мне нужен, — возразила девушка. Ее голос, похоже, прозвучал так необычно, что юноша немедленно поднял глаза.

Адхара объяснила ситуацию.

— Это предательство, — заметил он вполголоса. — Измена, — снова добавил маг.

— Никому не говори об этом, умоляю тебя.

— Я...

Девушка положила руку ему на плечо:

— Заклинаю тебя, я в отчаянии.

Адхара рассказала, что намеревалась сделать; ей пришлось смирить гордость, чтобы признаться в том, что она любит Амхала больше себя самой, поэтому любой ценой должна спасти его.

— Ты предаешь его, — заметил маг.

— Я должна это сделать, иначе я умру, — решительно возразила девушка.

Юноша смущенно посмотрел на нее, а потом едва заметно улыбнулся.

— Ну хорошо, — просто сказал он. — Хорошо.

Адхара не смогла сдержать вздоха облегчения.

— Но тут есть одна загвоздка.

И снова ей показалось, как мир стал рушиться.

— Нужно, чтобы это сообщение принял тот, кто разбирается в магии. Представь, получатель увидит небольшое фиолетовое облако. Для того чтобы прочесть послание, нужен маг, который при помощи чар сгустит бы этот дым на пергамент.

— Во дворце полным-полно магов. Кто-нибудь да поймет.

— Но если этот кто-то не догадается об этом вовремя, через день послание пропадет...

— Это моя последняя надежда, — призналась Адхара.

— Мы сделаем это во время обеда. А сейчас я принесу все необходимое.

— Спасибо, — произнесла девушка с глазами, полными бесконечной благодарности. —

Но я даже не знаю твоего имени...

Юноша улыбнулся:

— Левар.

— Спасибо, Левар, — повторила она.

Как только маг встал, Адхара тут же ухватила за его тунику:

— Мне нужен еще и дракон.

Послание было отправлено.

«Амхал в опасности. Он отправился в Новый Энавар освобождать Сана. Скажи это твоему отцу. Остановите его, но, заклиная, не делайте ему ничего плохого».

Когда Левар читал вслух заклинания и писал сообщение на пергаменте, Адхара думала о том, насколько слабой была ее надежда на удачный исход дела. А если Амина не поймет, что речь идет о магическом послании? И могла ли она довериться Неору? Он всегда казался девушке очень порядочным человеком, но, сказать по правде, она совсем его не знала. Что же все-таки случилось при дворе? Неужели все изменилось?

Как только магический огонь целиком поглотил пергамент, Адхара решила, что пора прекращать об этом думать. Дело сделано.

Намного сложнее оказалось добраться до Большой Земли. Был один всадник, отправлявшийся в Новый Энавар, но как уговорить его взять ее с собой? И потом, еще действовал карантин, и попасть в город будет совсем не просто... От этих мыслей у Адхары лопалась голова. Ей непременно нужно мобилизовать весь свой дар убеждения.

— Я немного задержусь. И к тому же я не беру пассажиров, — заявил ей Так, тот самый всадник.

— Вы можете посадить меня на подступах к городу.

— Хотелось бы на это посмотреть. Чтобы попасть туда, нужен пропуск.

— И... я вам заплачу, — отважилась наконец произнести девушка.

У Адхары имелись некоторые сбережения, которые она скопила благодаря жалованью, получаемому при дворе. Она никогда не тратила эти деньги, потому что не нуждалась в этом. По дороге в лагерь она истратила только самую малость. Адхара сунула все деньги в руки всадника.

— Они будут вашими, если вы отвезете меня.

— Должно быть, у тебя очень веская причина, чтобы отправиться в Новый Энавар.

— Я должна спасти жизнь одному человеку, — сказала Адхара с замиранием сердца.

В тот же вечер они отправились в путь. Девушка как можно сильнее прижалась к седлу и закрыла глаза, когда они поднимались в воздух, улетаая прочь от этого ада. Во время своего пребывания в Дамиларе она часто мечтала о том дне, когда покинет это место. В реальной жизни все выглядело совершенно иначе.

Глядя на то, как огни лагеря становились все меньше, она подумала о том, сколько отчаяния и тревоги было в ее сердце. Словно на всю жизнь она заразилась страданиями этих мест.

— Сократим наши привалы. Мне бы не хотелось слишком задерживаться в пути! — крикнул ей Так.

Адхара кивнула:

— И мне нужно попасть туда как можно раньше.

Запертая в своей комнате в Новом Энаваре, Амина изнывала, терзаемая то тоской по дедушке и бабушке, то грустными и гневными воспоминаниями об Адхаре, об этом коротком и счастливом времени, что они провели вместе. Она страшно боялась подхватить заразу; принцесса чувствовала себя вовлеченной в атмосферу тревоги этого осажденного города. В полнейшем безразличии к окружающему миру, в отказе от какой бы то ни было формы протеста по отношению к жизни, к которой она всегда относилась с презрением, девочка не заметила, что возле ее стола целый день неподвижно висело лиловое облачко. Амина подумала, что это просто результат оптического обмана, усталости или еще какой-нибудь дьявольской болезни.

Возможно, что при помощи таких облаков передаются какие-то послания, подумала девочка, проводя пальцем посередине.

На следующий день дым рассеялся и вместе с ним полное отчаяния письмо Адхары.

31 БЕГСТВО

Неора вели под руки до самого подземелья. Он уже во второй раз спускался вниз, но, как и прежде, чувствовал себя очень униженным. В своем дворце он никогда не воспринимался как инвалид. В Новом же Энаваре все ограниченные возможности его тела сразу же стали видны. Ему требовалась помощь в любой, даже самой банальной ситуации.

Как только его спустили по лестнице вниз, он распустил всех слуг.

— Оставьте меня одного, — сухо приказал он.

— Ваше величество, здесь очень опасно, здесь могут быть бандиты, и...

— Оставьте меня одного, — стоял на своем Неор. Слуги поклонились и послушно удалились.

Неор остался стоять у входа в коридор. Он поразмыслил над своим титулом «ваше величество», о веявшем от него чувстве одиночества, и ему очень захотелось, чтобы к нему не обращались подобным образом и чтобы это обращение навсегда осталось бы достоянием его отца. Новый король не думал, что эта потеря так глубоко затронет его душу, причиняя ему столько страданий.

Неор подъехал к посту охраны в конце коридора.

— Я собираюсь увидеться с пленником. Полагаю, что вас поставили об этом в известность.

— Да, ваше величество, — ответил один из охранников, беря в руки огромную связку ключей. Он метнулся к спинке инвалидной коляски.

— Я сам, — резко остановил он охранника и рванул вперед.

— Да, я... конечно. Сюда, — смущенно заметил мужчина.

Они прошли мимо крыла с закрытыми на мощные засовы деревянными дверьми, за каждой из которых сидели преступники. Та, что интересовала Неора, находилась в самом

конце коридора.

Охранник повернул ключ в замочной скважине.

— Оставьте меня одного, — приказал король.

— Ваше величество, я не знаю, можно ли...

— Что ты заладил «ваше величество, ваше величество»! — взорвался Неор. — Этот человек при дворе уже два месяца, и я знаю, как вести себя с ним. Я хочу остаться с ним наедине.

Охраннику ничего не оставалось делать, как послушно опустить голову. Дверь отворилась, и Неор увидел в глубине камеры, похожей на тесный и душный каменный шкаф, очертания человека, сидевшего на лавке возле стены. Руки Сана, одетого так же, как и в первый день своего появления во дворце, были прикованы к стене.

Неор вздрогнул.

— Можешь идти, — сказал он охраннику, едва переступив порог камеры.

— Ваше величество, я буду за дверью. Когда захотите выйти, просто позовите меня.

— Пошел прочь!

Неор услышал, как тюремщик послушно вздохнул и закрыл за собой дверь. Король и Сан остались одни.

Они молча смотрели друг на друга несколько мгновений. Сан улыбался: это было заметно, даже несмотря на синяк с левой стороны лица и припухшую губу.

— Я и представить себе не мог, что ты лично навестишь меня, — начал он.

— Я твой король, и ты должен встречать меня с соответствующими почестями.

Сан снова свирепо улыбнулся:

— Здесь только ты и я. И я не думаю, что в этих формальностях есть необходимость.

— Позволь решать это мне самому.

— А что в противном случае? — не унимался Сан. — Но посмотри на меня, — продолжал он. — Даже прикованный, я сильнее тебя.

— Да... Но у тебя только твоё тело. А у меня есть солдаты, охранники... надзиратели.

— Ты уверен в том, что я могу полагаться только на свои силы?

Неор окинул взглядом тело Сана. Он, сильный, здоровый воин, был полной противоположностью короля. Превосходный сын для его отца, король, которого заслуживала Земля Солнца. Как знать, думал ли Леарко о Сане в этом смысле и хотел ли иметь такого, как он, сына.

Если бы тогда отец не пошел спасать мою мать и остался бы верен слову, данному Идо, то, быть может, именно Сан был бы сейчас на троне.

Неор яростно тряхнул головой. Ему не следует предаваться таким мыслям.

— Почему ты так упорно не хочешь рассказать правду?

Сан продолжал улыбаться.

— А кто говорит, что я лгу?

— Я это чувствую.

— Чувства здесь не в счет. Я уверен, что и ты думаешь так же. Разве не ты сам всегда все подвергал логическому анализу и управлял государством твоего отца, основываясь только на неопровержимой силе умозаключений?

— Но существует не только разум.

— И это, наверное, тоже правда, но у тебя нет никаких доказательств моей вины. Только невнятные косвенные улики. И ты, основываясь на этих твоих предположениях, засадил меня сюда, как преступника, и подвергаешь пыткам.

И снова гнетущее молчание.

— Мне нравится эта твоя резкая смена взглядов. Я думал, что твой отец научил тебя порядочности и справедливости. Я полагал, что ты предпочтешь разгуливающего преступника на свободе, чем невиновного в тюрьме. Тебе хватило двух дней молчания, и вся лживость твоих законов и твоих убеждений рухнула, как картонный домик. Интересно, а как ты по вечерам, перед тем как уснуть, оправдываешь свои поступки, думая о своих

верноподданных, о твоём отце, который на протяжении пятидесяти лет управления государством ни разу не поступил несправедливо и никогда не предавался своим самым низменным инстинктам? А обо мне ты думаешь в такие моменты?

Неор заскрежетал зубами.

— Не оправдывай себя. Тебе даже не нужно искать оправдания, не так ли?

— Мне нужна правда, — прошипел король.

Сан прислонился к стене. Неор не выносил такого пренебрежительного поведения.

— Нет, ты просто хочешь отомстить, или я ошибаюсь? Ты чувствуешь свою правоту, ты убежден в ней, но тебя терзает невозможность доказать мою виновность. В любом случае ты жаждешь расплаты, не так ли?

Как бы Неору хотелось подняться с этого кресла, прыгнуть ему на шею и покарать его своими собственными руками, загнав обратно в глотку эти ядовитые слова.

— Но твой отец установил правила. И пытки туда не входят.

— Тебя никто не пытал.

— А это что? — спросил Саи, указывая на синяк на своем лице. — А это? — Он выпятил припухшую губу. — Хочешь заставить меня поверить в то, что это лишь твои тюремщики немного перестарались?

Неору стало немного не по себе.

— Если ты даже и объявишь меня виновным, но скажешь, что мое признание было добыто только благодаря силе кулаков, судьи не поверят ни единому сказанному мной слову. Нет, Неор, тебе меня не одолеть! — И снова эта победная улыбка на его лице.

Король едва не поддался страху.

— Кто ты?

Сан нагнулся вперед:

— Я — олицетворение будущих времен, я — само будущее. Я — представитель новой человеческой расы и одновременно с этим память Всплывшего Мира. Я — многолик. — И с этими словами Сан спокойно откинулся назад.

— Неужели это тот самый Сан, которого знал мой отец?

— Без сомнения. Только когда мы познакомились с твоим отцом, я еще не осознавал своей истинной природы. Но времена проходят, и я многое в себе познал.

— Зачем ты пришел во дворец? И почему именно сейчас?

— Я должен выполнить свою миссию.

— Какую?

Сан усмехнулся:

— Ты и в самом деле хочешь слишком много знать.

Неору не удалось перевести их спор в привычное ему русло. В этой игре заправлял Сан. Но как они могли пригреть его в своем доме и воздавать самые высокие почести, даже не замечая его черной души?

— Это твоих рук дело?

Сан долго смотрел на короля.

— Если бы это был не я, я бы сейчас не разговаривал здесь с тобой.

Неор почувствовал, как задрожало все его тело.

— А ведь ты его должен был убить, не так ли? Ты ведь хотел убить моего отца. А Мира был всего лишь препятствием на твоём пути. Ты устранил его, потому что он что-то понял. Правда в том, что это и есть твоя миссия...

На этот раз Сан улыбался во весь рот, кровотокающая разбитая губа делала его улыбку зловещей.

— Правда... Это просто невероятно, насколько часто такие как вы произносите это слово, будто в целом мире только это и имеет значение. Но правда не делает людей свободнее, как глупо считают все обычные люди. Правда — это клетка, ящик, который дает четкое определение и делает нас вечными рабами.

— Мне совсем не интересно слушать твои бредни! — крикнул Неор, подавшись

вперед. — Это ты убил или нет?

Сан окинул короля высокомерным взглядом:

— Поскольку я уже бросил свое семя и знаю конец всей этой истории, то я доставлю тебе удовольствие и расскажу эту бесценную правду, которой ты так упорно добиваешься. Да, это я убил Миру. Ты прав, он встал на моем пути, но вовсе не так, как ты думаешь. Когда я заметил, что твоя мать приставила за мной шпиона, я подумал о том, чтобы убить сразу двух зайцев. Я уже решил убить Миру, но сделать это руками одного из ваших... ну, ты должен признать, что этот поступок оказался как нельзя кстати еще и по другим соображениям. Так я воспользовался магией и сделал то, что должен был. Да, это я принес заразу во дворец; я заранее добыл флакон с зараженной кровью. Достаточно было просто разбить его в спальне твоего отца и, немного поколдовав, выпарить его содержимое. Если прибавить сюда и магию, то получается, что я и убил твоего отца.

Неор вцепился в поручни своего кресла: вдруг все вокруг него резко побагровело. Впервые в жизни он ощутил такой слепой гнев, такую всепоглощающую ярость. Он так сильно ненавидел этого человека, и его ненависть была настолько неугасимой, что всеми фибрами своей души он возжелал смерти этого человека.

— Как ты мог... — пробормотал он дрожащим голосом. — Как ты мог... — Голос Неора становился все тише. — Он принял тебя как сына, осыпал тебя почестями и любовью, он всю жизнь искал тебя! — что было сил выкрикнул король.

Сан ничуть не смутился.

— Ты умрешь... — с угрозой в голосе продолжил Неор. — Все королевство узнает, что ты умер как пес, как проклятый предатель, кто ты и есть на самом деле.

Сан ответил ухмылкой.

— Смейся, пока еще можешь. Эта шакаля ухмылка доведет тебя до виселицы.

Сан покачал головой:

— Тебе не понять. Я бросил семя, и семя дало свои всходы. А когда скоро придет конец и тебе, и твоей никчемной правде, я выйду отсюда и доведу до конца свое дело.

— Посмотрим, — прошипел Неор.

В этот момент в камере раздался грохот. Неор резко обернулся. А сидевший перед ним Сан свирепо улыбнулся.

Амхал летел без остановок до тех пор, пока Джамила совсем не выбилась из сил. Он позволил себе лишь короткие передышки в полном одиночестве, на маленьких затерянных среди лесов полянах, чтобы дать дракону передохнуть. Он постоянно думал о Сане, о его словах, о его аресте. Юноша настойчиво твердил, что Сан не убийца, что он просто не мог им быть.

Дорога заняла у него десять дней, на два меньше, чем обычно. Молодой человек приземлился в лесу в окрестностях Нового Энавара и оставил там Джамилу. Погладив ее морду, он сказал ей:

— Я вернусь.

Но неожиданно он понял, что, быть может, впервые обманывал ее.

Амхал завернулся в плащ и подумал, что, будучи с головы до ног в черном, он выглядел почти точной копией Сана.

Юноша сумел проникнуть в город только благодаря своей военной форме. Карантин добрался и до Нового Энавара.

Амхала терзала страстная жажда действий, но он заставил себя немного повременить. Несмотря на то что намерение юноши выглядело совершенно безумно, если он не хотел умирать напрасно, ему требовалось все тщательно спланировать.

Амхал всего несколько раз бывал в секретных подземельях Дворца Объединенных войск и поэтому слабо представлял себе их расположение. А между тем ему требовалось точно знать, где размещались тюремные камеры и помещения охраны. Конечно, молодой человек мог полагаться на собственные умения, но все же он был один.

Юноша потолкался немного в значных местах города, которые он довольно часто посещал по разным поручениям еще во времена обучения у Миры. Он обратил внимание на то, что центральная часть столицы Всплывшего Мира оказалась не менее порочной, чем те же самые районы в других больших городах. За небольшие деньги он раздобыл в достаточном количестве нужные карты и схемы, а также другие необходимые сведения.

— Конец света близок, нужно просто успеть развлечься по полной, — сказал Амхалу один из его прежних информаторов, когда тратил на пиво полученное за информацию о местоположении охраны в подземелье вознаграждение.

Прежде чем начать действовать, Амхал целый день изучал планы. На этаже, где располагались камеры, был всего один охранник. В глаза бросалась явная нехватка людей, разбросанных по всему городу с целью противостояния наступавшей заразе. У входа на каждый этаж находилось караульное помещение с двумя охранниками. Как ему сказали, Сан помещался в самой дальней камере на втором этаже.

— Это позор, что такой, как он, человек гниет в тюрьме. Говорю тебе, Неор что-то замышляет, — сказал информатор Амхалу.

Это успокоило юношу: значит, люди все еще поддерживали Сана.

В безмолвной темноте Амхал дождался своего часа. Юноша полностью сосредоточился на своей ярости и жажде крови; ведь в случае возникновения трудностей полагаться остается только на собственные силы. Затем им овладело ледяное спокойствие.

Амхал спокойно прошел по улицам Нового Энавара и без особых трудностей вошел во Дворец Объединенных войск. В караульной комнате находился один незнакомый охранник, который, однако, узнал его военную форму.

— Воспитанник Салимар, — представился юноша у входа, и его пропустили.

Коридоры дворца были полупусты. Спускаясь в подземелье, Амхал никого не встретил на своем пути. Наконец, он увидел одинокого часового, которого, вероятно, только что сменили на посту. Зевая на ходу, тот устало поднимался в верхнюю часть дворца.

Амхал достал удавку, которую купил еще утром. Он с ужасом посмотрел на нее, задумавшись на мгновение: а способен ли он воспользоваться ею? Но тут же почувствовал, что им целиком овладела жажда крови.

Он притаился и, тяжело дыша, дождался, пока солдат подойдет поближе. Юноша еще никогда в жизни не совершал подобных убийств.

Прислушиваясь к шагам незнакомца, Амхал вмиг представил себе картину его жизни, его убогого жилища, семьи. Он выскочил навстречу охраннику, когда тот едва приблизился. Потянув в темноте мужчину на себя, юноша со всей силой сжал удавку вокруг его шеи. Ярость ответила ему радостным пением в груди. Сначала охранник отчаянно пытался высвободиться из петли, однако потом его движения стали все слабее и покорнее. Наконец, мертвое тело плюхнулось на пол.

Амхал дрожащими руками снял с убитого одежду и надел на мертвого охранника свои вещи, хотя в этом не было никакой надобности.

Дурацкое выражение сострадания, подумал он. Потом молодой человек поднялся и был таков.

Первый этаж. Караульная комната, а в ней охрана. Амхал прошел незамеченным. Второй этаж. Только один охранник. Темный коридор. Сердце Амхала тревожно билось. Сан был там, в самом конце, за одной из этих дверей.

Юноша спокойно вошел в караульную комнату, наткнувшись на тюремщика с заспанным лицом. Стражник обернулся к Амхалу:

— Это ты, кто...

Он не успел закончить фразу: Амхал вонзил в него меч под ликующие возгласы ярости в своей груди.

Не сейчас, не сейчас... Скоро ты получишь кровь, которую жаждешь.

Затем юноша вышел из комнаты и направился в самый конец коридора. Там уже виднелась дверь, та самая, а перед ней охранник, в точности похожий на уже встречавшихся

у него на пути. Амхал обнажил меч и пронзил часового, не успевшего даже вскрикнуть от неожиданности. Тело с легким шумом повалилось на пол, и в воздухе повеяло благоухающим, манящим ароматом крови.

Амхал тяжело дышал: его грудь распирало от дикого веселья. Это было так прекрасно, так неожиданно, что у юноши не возникло никакого желания тормозить или останавливать ярость. Он с упоением ощущал, как она скользила по венам.

Потому что она нужна мне именно сейчас. И она всегда была мне нужна. Ведь я — монстр.

Амхал посмотрел на дверь. Она была заперта на тяжелый засов. Неожиданно раздавшийся из-за двери чей-то крик взорвал тишину. Молодой человек не смог разобрать слова, но узнал голос. Там, в камере, находился Неор, тот самый загадочный калека, который на протяжении многих лет правил королевством своего отца, тот самый, которого Сан обвинял в попытке умышленной фальсификации. Руки Амхала дрожали: вот наконец и настал момент истины.

Я ее знаю, упорно твердил юноша.

Амхал прочел формулу. Он направил ее на засов, и своды тюрьмы содрогнулись от страшного грохота. Однако дверь осталась нетронутой.

Проклятье!

Тогда юноша повторил попытку, на этот раз вкладывая в колдовство еще больше усилий. Дерево закрипело, железные петли оторвались, и дверь отворилась.

Оба, и Неор и Сан, были там. Король, сидя на своей неизменной каталке, с изумлением обернулся к нему. На припухшем лице Сана — свирепая волчья улыбка.

— Я знал, что ты придешь, — сказал Сан.

Амхал, будто бы повинаясь некоему зову, сбросил Неора с каталки, и тот повалился на пол. Затем он подбежал к Сану и, разбив мечом кандалы, освободил своего наставника.

— С тобой все в порядке? — спросил юноша, тяжело дыша.

— Я и не предполагал, что у тебя есть план побега... — прозвучали в ответ слова Сана.

Амхал посмотрел на него растерянно.

— Возьми Неора — он будет нашим пропуском из дворца.

Амхал обернулся и увидел, как король беспомощно ползает по полу. Юноша подхватил его под мышки: худое тело Неора было довольно легким, но куда сложнее было управиться с его неподвижными ногами.

— Возьми его на руки, — подсказал Сан.

— Амхал, он солгал тебе, это был он, — бормотал король, пытаясь сопротивляться. — Он сам мне признался в этом.

— Молчи, — зло цыкнул Амхал, а затем бросил на Сана вопросительный взгляд.

И тот ответил:

— Сначала я отыщу свой меч, а потом мы уйдем отсюда.

32 НАЧАЛО

Когда забрезжил рассвет ненастного утра, Дубэ приземлилась в Дерее, в Западном лесу. Теана уже поджидала ее на широкой поляне возле лагеря. Подняв голову в сторону королевы, побледневшая женщина стояла, нервно заламывая руки.

Дубэ спешила: она прилетела сюда на драконе единственного оставшегося в Макрате всадника, с готовностью вызвавшегося доставить ее сюда.

— Тебе не нужно было приезжать, — с серьезным видом сказала ей Теана.

Королева горько улыбнулась:

— А где я должна была быть? В моем опустевшем дворце? Там не осталось никого, только трупы.

— Ты еще не выздоровела окончательно, и тебе это известно.

Дубэ провела рукой по лицу:

— У меня были очень веские основания, чтобы приехать сюда.

Дубэ отправилась в путь через несколько дней после похорон мужа. На скромной церемонии прощания с королем присутствующих было совсем мало.

Вот так уходит в свой последний путь величайший король Земли Солнца, думала она, окидывая взглядом присутствующих: под частым осенним дождиком собралось не больше десятка выживших слуг, бледных, словно призраки. И одна она. Погребальный костер разгорелся не сразу. Дубэ стояла неподвижно под дождем до тех пор, пока человек, которого она любила всю свою жизнь, целиком не превратился в пепел.

Королева неотлучно была рядом с Леарко до самого его конца. Она, разделяя вместе с ним его участь, дышала одним с ним воздухом, пила ту же, что и он, воду. Заболев, она вдруг с ужасом осознала, что где-то в глубине души страстно желала умереть вместе с ним.

Потом началась лихорадка, кровотечение, боль. Но она не покинула постели Леарко, продолжая сжимать руку мужа, даже когда сама была в бреду. Дубэ знала, что это конец, и поэтому хотела насладиться каждым отпущенным ей судьбой мгновением рядом с Леарко, каким бы ужасным он ни был. Теана настойчиво упрасивала королеву лечиться.

— Ты не должна останавливаться, — умоляла Верховная Жрица.

— Я никогда не останавливаюсь, — стонала Дубэ, пронзаемая сильной болью. — Но я хочу быть с ним до конца.

Затем постепенно прекратилась лихорадка, кровотечение остановилось, и королева мало-помалу стала приходить в себя. Она еще застала последние минуты жизни мужа.

Стоя под проливным дождем, Дубэ глядела на разгоравшееся пламя и думала о своем уехавшем сыне, об опустевшем дворце и об охваченном эпидемией Макрате. Королева размышляла о годах, проведенных вместе с Леарко, обо всем том, что благосклонно дарила ей судьба, о той радости, тех страданиях и целой жизни, что растворялась теперь в огне.

В тот день прекратила свое существование нынешняя Дубэ. Та Дубэ, что была свидетельницей чуда полувекового мира, мало-помалу уплывала вместе с дождевой водой. Вместо нее возвращалась прежняя девчушка, убийца, воровка. Настоящее диктовало свои условия, ведь время вновь оказалось в тупике, а Леарко был ее лучшей частью, ее силой, ее мужеством. Не осталось ничего, кроме упрямства.

Пройдя по опустевшим залам дворца, королева вернулась в свою комнату и посмотрела на себя в зеркало. Половина ее лица была черной — болезнь оставила на ней свой неизгладимый след. Ей придется всю жизнь носить вечный траур по Леарко. Она состарилась, но не успокоилась. Оставленное ее мужем наследие она защитит ценой собственной жизни.

Тогда-то и прибыл ее запыхавшийся курьер. Он даже не постучал в дверь.

— У меня есть для вас послание, — объявил он, упав на колени посреди комнаты.

И королева приготовилась выслушать его.

Дубэ и Теана направились в самую дальнюю палатку. Внутри нее целое нагромождение разных пузырьков, склянок, емкостей с травами, а также разбросанные повсюду записи, свидетельствовавшие о лихорадочных попытках Верховной Жрицы отыскать средство от напасти.

— Как ты? — спросила Дубэ Теану, растирая глаза.

Теана подумала о том, что перед ней снова стоит прежняя Дубэ; даже одежда королевы, казалось, в точности напоминала ту, что она когда-то носила: черные кожаные брюки и камзол.

— Я пока еще не заразилась, — ответила Верховная Жрица. — Но люди уже начинают смотреть на меня с подозрением. — Теана села и посмотрела Дубэ прямо в лицо. — Ну, так что за веские причины привели тебя сюда?

Дубэ молча посмотрела на Теану:

— Я получила послание от одного из моих людей, отправленных мной за Саар.

Внезапно Теана стала очень внимательной: она вспомнила встречу, во время которой Неор посоветовал матери отправить своих агентов с разведывательными целями в земли эльфов.

— Ну и?

— Его получил один из состоящих у меня на службе магов. Это послание очень путаное, но оно наводит на подозрение, что с человеком, отправившим его, случилось нечто ужасное.

— Что в нем говорится?

— Имеются лишь его отдельные фрагменты. Маг не смог полностью принять его. — Дубэ пошарила в сумке и вынула оттуда кусочек пергамента.

Теана взяла его в руки. Это, без сомнения, был тот самый пергамент, на который маг запечатлел посланное агентом сообщение; Теана повсюду смогла бы узнать особую форму, которую приобретают буквы, отпечатываемые на пергаменте посредством магии. Но на этот раз они выглядели расплывчато, будто написанные наспех, а местами были просто нечитаемые.

«...Саар... эльфы... граница Земли Воды... начнется оттуда... в опасности...»

Теана долго рассматривала послание, пытаясь понять его.

— Что, по-твоему, оно значит? — спросила ее Дубэ.

— Что-то назревает, — ответила Верховная Жрица. — Это произойдет здесь и по вине эльфов.

Теана закрыла глаза от усталости. Она работала сутки напролет, но самое ужасное было то, что все усилия оказывались напрасными. Верховная Жрица уже столько времени изучала эту заразу, безуспешно пытаясь понять ее суть. Даже сотрудничество с нимфами не давало никаких результатов. И вот теперь еще это таинственное и непонятное послание, которое, похоже, грозило новыми бедами.

— У тебя есть какие-нибудь соображения относительно того, чего нам следует ожидать на этот раз? — спросила Теана, открыв глаза.

Дубэ покачала головой:

— Очевидно, что эльфы что-то затевают.

Теана пристально посмотрела на Дубэ:

— Скажи, зачем ты приехала?

— Ты только что это видела, — ответила королева, указывая на пергамент. — Я собираюсь взять это под свой личный контроль.

— Ты же сама признала, что из этой записки совершенно невозможно понять, что же случилось. И потом, ты прилетела одна. Нет, Дубэ, тебя привело что-то другое.

Королева нервно сжала пергамент в кулаке и молча уставилась в пол.

— В Макрате больше никого не осталось. Дворец пуст, а город охвачен безумием. К Неору я поехать не могу: я еще не совсем оправилась и не хочу подвергать его хотя бы малейшему риску заразиться. И что мне теперь делать? Так же как и Сулана, закрыться в комнате с мыслями о прошлом, терзая себя воспоминаниями о канувшем безвозвратно времени? Ты знаешь, что для меня это был золотой век. Эти пятьдесят лет превратились в один длинный чудный сон. Но всегда наступает такой момент, когда нужно просыпаться, и это мое пробуждение пришлось как раз на то самое мгновение, когда разгорелся погребальный костер Леарко. Теана, все кончено. Я должна благодарить судьбу за столь продолжительный период моей жизни. Но теперь меня уже больше ничто не связывает ни с Макратом, ни с целым светом.

Теана почувствовала, как ее тело колотит дрожь. Ей знакома была эта боль; она терзает ее с тех пор, как умер Лонерин, день за днем по крупницам унося за собой ее душу. Она знала, что смерть может быть медленным и мучительным процессом, который начался для нее в тот самый момент, когда она осталась одна. Признаки этой смертельной болезни стали заметны теперь и у Дубэ.

— Дубэ, я...

В глазах королевы снова вспыхнул огонек. Она подняла указательный палец на Теану:

— Мне осталось только одно, и это волнует меня больше всего на свете: Леарко отдал свои лучшие годы за этот мир, он создал эту утопию, которая еще не умерла и до сих пор живет в нас. Я буду бороться за то, чтобы не канула в Лету даже малая часть его мечты, буду сражаться до последнего вздоха, чтобы спасти этот созданный руками Леарко мир. — Дубэ закрыла глаза и замолчала на мгновение. — Вот поэтому я и пришла сюда, на передовую, где сейчас война, где свирепствует эпидемия, где рушатся мечты моего мужа. И что бы ни случилось, но я начну именно отсюда.

Теана была восхищена силой духа своей старой подруги, той решимостью, с которой она произносила эти слова. Как же она изменилась за эти годы, какой сильной стала! Если от нее самой осталась только видимая оболочка, то Дубэ продолжала быть целостной натурой с неистребимым желанием продолжить свою борьбу.

Верховная Жрица улыбнулась:

— И что ты намерена делать?

— Я отправлю кого-нибудь на неприятельскую территорию, а здесь организую Генеральный штаб. Мои люди — это все, что мне теперь остается. Неор стал королем и ведет себя соответственно своему положению. А мне пришла пора уйти в тень и снова начать делать то, чем я занималась в юности, пока не появился Леарко и круто не изменил мою жизнь. Ты же знаешь, что ночь — моя главная стихия.

Старые подруги долго молча смотрели друг на друга. В конце концов, за годы дружбы они научились обходиться без лишних слов.

Дубэ встала.

— Мне нужна палатка, чтобы передохнуть. Увидимся завтра, — сказала королева и пошла прочь твердым, решительным шагом. Она и в самом деле стала такой, какой была когда-то.

Струи дождя колотили по стенкам палатки. Дубэ почувствовала, как одеревенели ее суставы. Походная раскладушка и ночные звуки напоминали королеве о ее *прежней* жизни.

Это невероятно, как настоящее может соединяться с прошлым, словно жизнь — это огромный замкнутый круг, который в итоге снова приводит тебя туда, откуда ты вышел. И все же годы дают о себе знать. В голове Дубэ промелькнула мысль о том, что прежняя жизнь больше не для нее, что ее тело уже привыкло к удобствам и роскоши и что теперь она едва ли в состоянии уснуть на голой земле, на подстилке из сухой листвы, так, как это было в молодости. Но самое главное, она уже не сможет спать в одиночестве.

Ей не доставало Леарко рядом, его нежного и немного беспокойного дыхания. Они пятьдесят лет провели вместе и привыкли друг к другу за все это время. Спать в одиночестве казалось ей чем-то почти невозможным.

И это, вероятно, было результатом не столько притуплённых многолетней мирной жизнью привычек ее натренированного тела, готового ко всем испытаниям военного времени, сколько старческой бессонницей, отягощенной слишком большим количеством воспоминаний. Необычный грохот дождя, колотившего по палатке, и мрачные, едва уловимые звуки что-то напомнили Дубэ.

Она вскочила на ноги и схватила меч. Сказать по правде, это оружие никогда не относилось к числу ее любимых. Дубэ было достаточно носить при себе кинжал, ставший частью ее собственного тела. За те годы, что она была королевой, Дубэ научилась владеть мечом, ведь эти умения пригодились бы в любой момент: в один прекрасный день могло так случиться, что ей пришлось бы возглавить войско. Перед тем как покинуть Макрат, она забрала оружие мужа. Приняв его на хранение, она одновременно с ним взяла с собой еще и частичку мечты Леарко.

Мрак и дождь на мгновение оглушили Дубэ, но потом там, где находились зараженные, внезапная яркая вспышка осветила ночь. Королеве был очень знаком и этот огонь, и этот

терпкий аромат. Сердце замерло у нее в груди.

Затем крики и полнейшее смятение. Повсюду метались люди, тщетно пытавшиеся найти спасение, и ничего не понимавшие солдаты.

Подняв к небу глаза, Дубэ увидела, как некое существо одиноко вращалось в воздухе на восковом фоне затянутого облаками неба. Однако по своим пропорциям оно сильно отличалось от дракона: оно было тоньше, с извивающимся продолговатым телом и с приплюснутой мордой змеи. Но главное, у него отсутствовали передние лапы, а имелись лишь огромные крылья.

Дубэ тут же вспомнилось животное Сана, которое с самого начала вызывало у нее какое-то непонятное беспокойство.

Лишь мгновение королева пребывала в состоянии ступора. А затем крики набросившегося на ее лагерь войска привели королеву в чувство.

Никогда прежде она не стояла во главе войск и в действительности никогда не была на войне. Разделяя вместе с мужем тяготы военного времени еще на заре их совместной жизни, Дубэ видела, как Леарко вел за собой колонны солдат и как лично принимал участие в боях. Однако она всегда оставалась в стороне.

Впрочем, королева знала, что нужно делать. Ее тренированное тело и воспоминания, оставшиеся у нее после Леарко, направляли ее действия.

Она с мечом в одной руке, с кинжалом — в другой стремительно ринулась на врага, даже толком не рассмотрев его. Лишь одна деталь бросилась ей в глаза: у нападавших были необычные пропорции, которые никоим образом не соответствовали человеческим.

Тогда кто это? — промелькнуло в голове Дубэ, но она тут же и отбросила этот вопрос. Теперь это ей было уже не важно.

Королева знала, куда ей следовало идти. Пробираясь среди поверженных тел, утопая в грязи под непрерывным дождем, она устремилась к Генеральному штабу — обычной палатке, в которой собирались командующий лагерем, Всадник Дракона и ее агенты. Штаб полыхал. Из него выбежал юноша, весь объятый пламенем, и ужасный вопль заполнил все пространство вокруг. Дубэ, преодолев страх, двинулась дальше: ей во что бы то ни стало нужно было разыскать Всадника Дракона. Ведь чтобы сразить одну-единственную виверну, потребовалось бы его животное.

Она увидела всадника чуть поодаль, со всех сторон окруженного этими странными солдатами, накинувшимися на лагерь, как стая голодных грифов. Дубэ побежала ему на помощь.

Она чувствовала, как скрипели ее суставы, как ныли от напряжения мышцы.

Такая жизнь тебе уже не по силам, твое тело уже не такое, как было прежде.

Внезапно ее сразила жгучая боль. Дубэ упала в грязь. А схватка тем временем продолжалась. Королева слышала топот, скрежет мечей, дикие вопли.

Она медленно поднесла руку к спине и ощутила резкую боль: рана была не тяжелой, но довольно глубокой. Что-то грузное упало ей на ноги, мешая пошевелиться. А тем временем вся толпа нападавших двинулась куда-то в сторону. А чуть дальше объятый пламенем лагерь и запах гари.

Дубэ попыталась подняться: на ее ногах лежал труп того самого Всадника Дракона.

Королеве стоило немало усилий, чтобы скинуть его и освободиться. Во время схватки ее меч выскользнул из рук, но теперь ей удалось его отыскать. Проклиная собственную слабость, она встала наконец на ноги.

Дубэ устремилась в лагерь в поисках Теаны. Возможно, Верховная Жрица умела ездить верхом на драконе и знала, как направить животное против виверны.

И тут ее оглушил грохочущий звук: королева увидела, как животное с разинутой пастью, медленно планируя, стало снижаться над лагерем. И снова пламя. Дубэ была вынуждена пройти сквозь огонь, рассчитывая только на свою мокрую от дождя одежду.

Королева огляделась по сторонам: повсюду разрушенные, объятые пламенем палатки, стоны и мертвые тела на земле. А еще странного вида солдаты с худыми телами,

невозмутимо расхаживающие по лагерю. Дубэ поняла, что уже ничего не сможет сделать.

И она помчалась вслепую, прикрыв рукой рот от едкого дыма, затмившего собой все вокруг. Королева из последних сил пыталась удержаться на ногах. Всякий раз оказываясь перед лицом врага, она напрягала обессиленные мускулы и отяжелевшие руки и с огромным трудом снова бросалась в бой. Парирование, выпад, оборот вокруг себя, и, поскользнувшись в грязи, враг с шумом валится на землю. Вот так, отчаянно сражаясь, она продвигалась вперед под проливным дождем.

Дубэ увидела Теану в сгоревшей наполовину палатке. Поверх нее лежали обуглившиеся останки некогда тяжелого стола из эбенового дерева. Повсюду разбросанные склянки и пылающие куски пергамента.

Дубэ бросилась к женщине, с трудом освобождая ее от деревянных обломков.

— Ты в порядке? — крикнула ей королева.

Теана растерянно кивнула.

— Нам нужно уходить отсюда, — сказала Дубэ, помогая своей подруге встать на ноги.

— Что происходит? — недоуменно спросила Верховная Жрица.

— На нас напали. Захвачен практически весь лагерь. Нам уже ничего не остается, как только бежать отсюда.

Но вскоре женщины поняли, что путей к отходу у них не осталось. Весь лагерь был охвачен пожаром, и дождь, как казалось, вместо того, чтобы тушить огонь, еще больше раздувал его. И на фоне красных языков пламени выделялись тощие фигуры неприятеля.

Дубэ и Теана, скользя по грязи, попытались воспользоваться всеобщей суматохой. В лагере лишь немногим удалось остаться в живых, и нападавшие с еще большим ожесточением набрасывались на них.

— Скорее в лес, в лесу наше спасение, — бормотала Дубэ.

Они бежали сквозь огонь, падали и вставали. Хромая, они добрались до опушки леса и, задыхаясь от изнеможения, уже на пределе своих сил продолжили бег. Наконец Теана споткнулась, потянув за собой и Дубэ.

Запыхавшиеся женщины лежали на земле под проливным дождем.

Вскоре Дубэ услышала шум шагов. Она, даже не раздумывая, резко вскочила на ноги и сразу же сделала мощный выпад мечом. Ее оружие вошло в живую плоть, как в масло. Нападавший был молод и очень бледен. Его длинные зеленые волосы, завязанные в косичку, прилипли к сырому от дождя лицу, а лиловые глаза были полны невыносимой боли.

Из груди нападавшего вырвался глухой стон. Он упал на землю, и вновь воцарилась тишина. И только учащенное дыхание двух женщин заполняло собой это убогое пространство.

— Он мертв? — неуверенно спросила Теана.

— Думаю, что да, — ответила Дубэ.

Они обе едва смогли найти в себе силы, чтобы подняться.

— Это эльф, — тихо произнесла королева, когда они рассмотрели наконец лежавшее на земле тело. Теперь для нее все встало на свои места.

33

КОНЕЦ ВСЕМУ

Тело Адхары не было приучено к длительным перелетам верхом на драконе, и вскоре ее спина и ноги стали настойчиво выражать свое недовольство.

Остановок они делали мало, преимущественно по ночам и не более чем на пять часов. Свой полет путники продолжали и ночью.

Но девушке не давало покоя не столько тело, сколько ее мысли.

Амхал... Где он сейчас? Что делает? Адхара воспринимала время как врага, шедшего вопреки ее желанию и пытавшегося любым способом лишить ее единственной опоры в жизни.

И Амина. Получила ли она послание? Предупредила ли она своего отца? А что бы тогда могло случиться? А если, чтобы остановить Амхала, ему причинили вред?

Адхара потеряла уже всякую уверенность. И эта неопределенность создавала вокруг нее непреодолимую стену, которая постепенно начинала сводить ее с ума.

— Мне нужно попасть в Новый Энавар, — сказала девушка за день до их прибытия к месту назначения.

Их путешествие длилось двенадцать дней, как ей казалось, целую вечность. За все время пути они почти не разговаривали: Так был человеком угрюмым и немногословным, и Адхара, целиком поглощенная своими заботами, так и не сумела сойтись с ним поближе.

Они лишь изредка обменивались фразами, по большей части касавшимися новой политической ситуации, сложившейся в Земле Солнца.

Всадник был значительно осведомленнее Адхары, и он рассказал ей обо всем, что случилось во дворце в ее отсутствие: и про смерть короля Леарко, и про переезд двора в Новый Энавар. В этот вечер Адхара дала волю слезам. Она не знала лично Леарко, но его смерть означала конец определенного этапа в жизни девушки. Королевский двор, где она жила, прекратил свое существование, и ей больше некуда было возвращаться. Теперь ей нечем вытеснить из памяти все те ужасные события, что произошли с ней за это время вдали от дворца.

Так с опаской отнесся к просьбе девушки.

— Ты слишком много просишь у меня, — ответил он. Затем он обнажил свою руку: она почти целиком была черной. — Вот это мой пропуск, а у тебя? Я не могу рисковать, ведь ты можешь занести инфекцию в Новый Энавар. А это единственный город, который до сих пор остался не охваченным эпидемией.

— Во мне есть кровь нимфы, и я невосприимчива к заразе, — решительно заявила Адхара.

Всадник саркастично улыбнулся:

— Ты не сможешь это доказать.

— Вы же знаете, что я работала с больными людьми и не заразилась.

Мужчина долго смотрел на Адхару. Возможно, за время их многодневного путешествия между ними все-таки успела возникнуть некая связь.

— Мне нужно попасть ко двору, — настаивала девушка. — Ведь прежде, чем отправиться в Дамилар, я была фрейлиной принцессы.

Так непонимающе смотрел на девушку.

— Я довольно долго не появлялся при дворе, и...

Адхара взяла его за руку:

— Клянусь вам, я не лгу. И мне нужно попасть туда как можно скорее. Умоляю, позвольте мне войти вместе с вами.

Так тяжело вздохнул.

И снова Адхара нарисовала на своем теле черные пятна.

— Ты отдаешь себе отчет в том, что если ты обманываешь меня, то на моей совести будет судьба всего города, а может, даже жизнь моего короля? — серьезно спросил ее Так.

— Я говорю правду, — в очередной раз повторила девушка.

Всадник внимательно посмотрел на нее:

— Хотелось бы верить. Да хранят тебя боги.

Они приземлились на закате, прямо на площадке перед Дворцом Объединенных войск.

Солдат было мало, и все выглядело довольно уныло.

Болезнь еще не дошла до этих мест, но Новый Энавар, так же как и когда-то Макрат, оказался во власти нарастающего беспокойства, вызванного страхом.

Стоявший у входа часовой внимательно рассмотрел обоих. Адхара молилась в душе о том, чтобы ее пятна выглядели убедительно.

— Я ручаюсь за то, что девушка ухаживала за больными в Дамиларе, — неожиданно

заявил Так.

Адхара от удивления вытаращила на него глаза.

— А зачем она сейчас сюда пожаловала? — поинтересовался охранник.

— Ее сестра очень больна. И поэтому она захотела вернуться, чтобы помочь ей.

Часовой недоверчиво посмотрел на Адхару, но похоже, что эти доводы убедили его.

— Не стоит слишком долго разгуливать по городу. В Новом Энаваре стало очень опасно, особенно по вечерам.

Так и Адхара вошли в здание, и на мгновение в сердце девушки промелькнула иллюзорная надежда. Дворец выглядел спокойно: быть может, она прибыла вовремя. Но сначала нужно отыскать Амину. Теперь она была ключевой фигурой.

Адхара повернулась к Таку:

— Не знаю, как и благодарить вас.

— Ты заплатила за дорогу, — грубо возразил мужчина.

— Я не это имела в виду.

Так ответил не сразу:

— Ты показалась мне порядочным человеком и очень несчастным. Надеюсь, что я не ошибся.

Адхара печально улыbnулась.

— Спасибо, — повторила она, крепко сжимая руку всадника.

Девушке повезло: у входа в королевские покои стоял знакомый ей караульный. Очевидно, Неор забрал с собой всех своих людей.

Завидев Адхару, он тем не менее перегородил ей дорогу копьём:

— Что ты здесь делаешь?

— Мне нужно срочно поговорить с принцессой Аминой.

Но охранник ее не пускал.

— Ты сбежала из дворца, и нам неизвестно, где ты была все это время. Здесь сейчас карантин, и...

Адхара показала ему свои пятна:

— Я болела, но потом выздоровела. Прошу тебя, мне нужно срочно увидеться с принцессой: это вопрос жизни и смерти.

Охранник постоял некоторое время в нерешительности, а потом опустил оружие:

— Поторопись, я провожу тебя.

Королевский двор расположился во Дворце Совета и занимал там не более десятка комнат. Его охрана была малочисленной: очевидно, все силы были брошены в охваченные эпидемией земли.

Идти им пришлось недолго. Совсем скоро охранник остановился напротив одной безымянной двери.

— Принцесса здесь, — указал он.

Внезапно Адхару охватил страх: что она скажет Амине? Поверит ли ей девочка? Как у нее дела?

Положив руку на ручку двери, девушка без стука открыла ее. Принцесса была в комнате, одетая в одно из тех платьев, которые она прежде не носила и которые так нравились ее матери. Амина сидела, прислонив голову к подоконнику.

Лучи заходящего солнца отбрасывали на ее лицо золотистые блики.

Едва слышав скрип открывающейся двери, девочка приподняла голову.

Они посмотрели друг на друга, и Адхара была потрясена увиденной в глазах принцессы пустотой.

Потребовалось совсем немного времени, чтобы эти же глаза вспыхнули глубочайшей ненавистью.

— Что ты здесь делаешь?

Адхара закрыла за собой дверь.

— Не смей входить в эту комнату! — закричала девочка.

— Позволь мне все объяснить...

Амина резко вскочила:

— Объяснить? Думаешь, что этого дурацкого письма, что ты написала мне, было достаточно? Ты действительно считаешь, что можно легко уйти из дворца и оставить меня одну в то время, как умирали мои дедушка и бабушка и как рушился весь этот проклятый мир! Ты была моей подругой и предала меня!

Злые слова не задели Адхару, она даже обрадовалась, увидев, что сила, которая, как ей показалось, погасла в Амине, никуда не делась.

Девушка просто подошла к принцессе и крепко обняла ее, не дав ей опомниться.

— Оставь меня, я тебя ненавижу, ненавижу! — кричала Амина, пытаясь вырваться.

Но очень скоро эти крики перешли в плач. Адхара обхватила руками ее лицо. Ей ужасно не хватало принцессы в эти длинные, полные ужаса дни.

— Прости меня, — пробормотала Адхара.

— Ненавижу тебя, — продолжала всхлипывать Амина.

Времени для объяснений не оставалось.

— Ты получила мое послание?

— Письмо?

— Нет, я отправила тебе послание.

Амина растерянно покачала головой.

— Маг сказал мне, что оно покажется тебе в виде фиолетового облачка... — продолжала Адхара.

— Ах, то облачко? Так, значит, это было наяву? Увидев его, я подумала, что уже начинаю сходить с ума... А разве это было послание?

Адхара обхватила голову руками. Уже слишком поздно. Здесь об Амхале ничего не известно.

— Нам нужно пойти к твоему отцу.

— А ты не объяснишь мне, зачем?

Смущенная Адхара наспех объяснила ей.

Амина побледнела.

— Мой отец спустился в подземелье, к Сану, — почти шепотом сказала она. — Сейчас он как раз там.

Адхара почувствовала, как у нее в груди перехватило дыхание.

Сан быстро нашел свой меч: он был в караульной комнате. Вся тюрьма была погружена в неестественную тишину, но уже откуда-то сверху до них доносился топот сапог.

— Нам нужно поторопиться.

— Амхал, ты совершаешь большую ошибку. Я не знаю, что он сказал тебе, но это его вина! — не унимался Неор.

— Молчи, черт тебя подери! — крикнул юноша, приставив кинжал к горлу короля. Затем он вдавил его в кожу, и на лезвие выступила капля крови. — Молчи, или я убью тебя.

Амхал чувствовал, как под его кинжалом нервно дергался кадык короля и как учащенно билось сердце в груди Неора. Короля охватил страх. Но и Амхал понял, что был напуган не меньше. Юноша делал очень серьезный шаг.

Солдаты ворвались кучей, словно хлынувшая из раны струя крови. Сан с размаху сразил их магическими чарами. И после этого на полу остались лежать обожженные стенающие тела.

— Вперед!

Они стремительно поднялись на один этаж. Но там они натолкнулись на других охранников. Сан яростно кинулся им навстречу.

— У меня король! — выкрикнул Амхал. — Дайте нам пройти, или я убью его!

Солдаты остановились, но Сан сразил и их.

Амхала охватила ненасытная ярость, которая требовала от него все больше крови и смертей. Зрелище, в котором Сан убивал, рубил на куски людей, неодолимо влекло юношу. Но у него на руках был король, их единственная возможность бежать, и поэтому он не мог сам сражаться.

— Он во всем признался. Он сказал даже, что убил моего отца, — продолжал неумолимо Неор хриплым голосом.

— Молчи, говорят тебе! — твердил Амхал не столько для того, чтобы заставить короля замолчать, сколько для того, чтобы не слышать этой страшной лжи. Эти слова, примешиваясь к тревогам Амхала, постепенно сводили его с ума. Он уже не был так уверен в своих действиях: образам настоящего, неистовству Сана, без промедления шагавшему впереди него, противопоставлялись воспоминания резни в деревне и всего того, что успела совершить поселившаяся в его сердце ярость.

Но как я смог дойти до такого? Что я делаю?

В его сознании роилось множество вопросов, когда он дрожащей рукой держал приставленный к горлу короля кинжал. Амхал ощущал стекавшую между пальцами липкую кровь, и от этого чувства он еще сильнее терял голову.

Покинув пределы тюрьмы, они оказались в лабиринтах Дворца Объединенных войск. Все их преследователи остались далеко позади: они останавливались в нерешительности, едва завидев короля, а потом Сан, своим черным мечом пробивая себе дорогу, сметал всех на своем пути.

— Где Джамила? — спросил он, обращаясь к юноше.

— В лесу, к югу от города.

Сан самодовольно ухмыльнулся.

Они бежали что есть духу: впереди Адхара, а за ней едва поспевала Амина. Отныне все обиды, злость и боль были позабыты. Главное — прийти вовремя. Но где-то в глубине души Адхара чувствовала, что уже ничего нельзя сделать. Она знала, вот-вот должно случиться нечто ужасное и неизбежное.

Это конец, конец, беспрестанно твердил ей внутренний голос, и не было никакой возможности заставить его замолчать.

Как только Адхара и Амина оказались во Дворце Объединенных войск, там уже творилось нечто невообразимое. Взад-вперед носились возбужденные военные, выкрикивая разные приказы. Действие разворачивалось на той самой площадке, куда Адхара вместе с Амхалом приземлились несколькими месяцами ранее.

Какой-то солдат их остановил.

— Ваше высочество! — возмущенно кричал он, хватая на ходу принцессу.

— Ты не понимаешь! Они пришли за Саном, и мой отец вместе с ними. Мне непременно нужно спасти моего отца! — отчаянно кричала девочка с раскрасневшимся от бега лицом.

— Мы уже в курсе, — ответил стражник, и Амина замолчала.

Адхара пробралась вперед, пытаясь любыми путями преодолеть линию ограждения или хотя бы своими глазами увидеть все происходящее.

И она увидела.

Сан, неистово размахивая впереди себя черным мечом, один за другим убивал своих противников, словно марионеток. Позади него Амхал нес на руках худое тело Неора, приставив к его горлу кинжал.

Эта картина выглядела нелепо и ужасно одновременно; от увиденного Адхара едва не лишилась дара речи. Выстроившиеся в ряд солдаты замолкли, словно в оцепенении. Запыхавшийся Сан остановился и издал протяжный шипящий свист. И тогда чары рухнули.

— Амхал! — выкрикнула Адхара что было сил. А в это время Амина со слезами на глазах звала своего отца.

Амхал ничего не слышал. После проведенной в Новом Энаваре ночи окружающий мир неожиданно показался ему удивительно спокойным. И на фоне этого ледяного спокойствия четко выделялись слова Неора, которые юноша больше не был в состоянии понять. Они звучали расплывчато, словно заклинания, и медленно вырывали из его сознания остатки трезвого восприятия действительности. Последнее, что у него оставалось, — это ярость, цельная и совершенная.

Ты знаешь, что тебе остался только этот последний шаг. Сделай его, и все будет хорошо.

В хаосе этого гиблого места подобная мысль казалась такой утешительной и расслабляющей. Впереди стоял истекавший кровью Сан: должно быть, кто-то ранил его в бок. Затем послышался звук хлопающих крыльев, и на горизонте показалось ужасное существо в виде крылатой змеи с пастью, полной острых зубов. Этой ужасной тварью была виверна Сана.

Наконец, тишина сменилась целой вереницей едва различимых голосов. Голос Сана звучал громче остальных:

— Мы сделали свое дело. Бросай Неора, и уходим отсюда.

Виверна приземлилась. Сан не без труда взобрался на ее хребет, а Амхал замер на мгновение: пришло время делать выбор.

— Ты еще можешь выбирать. — В голосе Неора не было и тени страха. — Оставь его, Амхал, он убийца, настоящий монстр. Он убил твоего учителя, и ты знаешь, что это правда. Он убил моего отца и принес заразу во дворец. Ты ведь не такой, как он, я это знаю. Ты не способен на то зло, что совершил он. Не иди за ним. Пусть он летит на своей виверне и остается там. С тобой ничего не случится, я сделаю так, что тебя не тронут. Но только не иди за ним.

— Молчи, — бросил ему Амхал.

— Он рассказал мне, как убил Миру. Ни в его словах, ни в глазах не было ни капли раскаяния.

— Молчи! — закричал Амхал.

И тогда рука юноши сама, словно и не принадлежав ему, вонзила кинжал в горло короля, а затем рывком выдернула клинок обратно. Из раны хлынула горячая и такая сладостная кровь. Тело Неора чуть дернулось, а потом замертво повисло на его руках. Кровь продолжала сочиться из раны под неистовые вопли подданных короля и отчаянные крики его дочери. На лице Амхала застыла улыбка блаженства. Он сделал выбор. Все кончено.

Юноша скинул на землю мертвое тело, метнув на окружившую его толпу один-единственный полный безумия и отчаяния взгляд. Он начал читать заклинание, и в его руках появился серебристый шар. Амхала со всех сторон окружили солдаты с оружием в руках, но юноша не испытывал страха. Продолжая улыбаться, он с готовностью ждал, когда из его рук заструится сила, способная громить все и вся в едином очистительном жертвоприношении.

Потом он увидел Адхару с огромными от страха и жалости, полными слез глазами; разбежавшиеся в ужасе солдаты сбили ее с ног.

Что-то екнуло в его сердце: он замер в нерешительности от далекого скорбного крика.

Шар уменьшился, и Амхал выпустил его из своих рук.

Вспыхнул яркий луч света. У стоявших поблизости людей не было шансов: свет поглотил их тела.

Амхал вскочил на виверну.

— Почему ты медлил? — спросил его Сан.

— Летим, — вместо ответа произнес юноша.

Адхара видела этот ослепительный свет. Она еще раз выкрикнула имя Амхала в отчаянной попытке привлечь юношу к себе. Потом все кругом погрузилось во тьму. Когда глаза девушки снова стали различать предметы, она заметила обугленные тела шести или

семи солдат. Другие израненные или просто остоленевшие люди лежали на земле, закрыв глаза руками. И посреди этого кошмара лежало невредимое тело Неора. Его глаза были закрыты, словно он просто спал; из огромной зияющей раны неспешно и лениво вытекала кровь.

Амина бросилась к отцу и крепко вцепилась в него.

Адхара вспомнила свою первую встречу с Неором, его обходительные манеры, его чувствительность и ум. На глазах девушки выступили слезы.

Затем Адхара услышала неторопливое пульсирующее хлопанье крыльев. Девушка резко обернулась: виверна улетала прочь. Тогда Адхара вскочила и бросилась бежать.

Это еще не конец.

34 ПРАВДА

Приземлились они недалеко от центра Нового Энавара. Виверна опустила голову, и ее наездники спешили.

— Ты в своем уме? — спросил своего спутника Амхал. Ему больше неведомы были чувства. Обдумывая произошедшее, он уже ничего не ощущал. Все его жесты стали механическими и были продиктованы лишь необходимостью. Его грудь переполняла лишь неудовлетворенная ярость: он слишком мало пролил крови.

— Это надежное место, — ответил Сан. — А главное, мы найдем здесь то, что нам нужно. Если ты успел заметить, я ранен, — добавил он, указывая на большой порез в боку.

Амхал больше ничего не спрашивал.

Они остановились перед деревянной дверью. На каменном архитраве был выгравирован незнакомый Амхалу символ. Чувствовался запах гари. Путники зашли в помещение. Внутри царила полная разруха: обгоревшие стены, на полу — расколотые горшки, разбитые вдребезги склянки и опаленные останки тел.

— Твоих рук дело? — спросил Амхал.

Сан усмехнулся:

— Как только я прибыл в Новый Энавар, я первым делом отправился именно сюда. Это не было частью приказа, но сделать это было весьма полезно. Как бы то ни было, но я испытывал крайнюю необходимость в этом. Я уверен, что ты поймешь меня.

Да, Амхал все понимал.

Они прошли по уничтоженным огнем комнатам, а потом остановились в одном из помещений, где в шкафах еще сохранилось несколько целых пузырьков.

— Я знал, что что-то еще осталось, — заметил Сан. Понюхав травы, он взял в руки один сосуд и показал его содержимое Амхалу. — Узнаешь?

Юноша вдохнул аромат и покачал головой.

— Мне нужно обучить тебя еще кое-чему в искусстве врачевания. Эта трава обладает дезинфицирующим действием и подходит для резаных ран. Тем не менее думаю, что ты немного разбираешься в лечебной магии.

Амхал согласно кивнул.

— В таком случае я попросил бы тебя помочь мне.

Он с трудом стянул с себя кожаный камзол и рубашку, что была под ним. Посмотрев на рану, он понял, что, хотя порез и был довольно глубоким, никакой опасности для жизни он не представлял.

— Когда ты будешь готов... — обратился он к Амхалу.

Юноша немедленно принялся за дело.

Некоторое время они сидели в полной тишине посреди царившей кругом разрухи.

Потом Амхал сказал:

— Я хочу, чтобы ты все мне объяснил. Я хочу знать правду.

Сан рассмеялся:

— Совсем недавно Неор тоже спрашивал у меня правду.

Глаза юноши засверкали.

Сан перестал смеяться.

— Ты же убил его. Как ты можешь знать, была ему известна правда или нет.

Амхал промолчал.

— Я хочу знать, кто я и почему я такой. И что мне нужно делать.

— Ты обо всем узнаешь, — спокойно ответил ему Сан. — Пришла пора обо всем тебе рассказать.

Ни один мускул не дрогнул на лице Амхала.

А потом за их спинами послышался какой-то звук.

Адхара отчаянно гналась за ними. Обратив свой взор на небо, она следила за полетом виверны, летевшей слишком быстро и слишком далеко, чтобы не потерять ее из виду. Девушка спотыкалась, падала и снова вставала. Когда животное вместе со своими наездниками скрылось из вида, Адхара стала наугад бродить по городу, пытаясь догадаться, куда они направились.

Она даже не осознавала весь ужас произошедшего. Девушка знала только, что все кончено. Амхал убил Неора, и теперь ему нет дороги назад. Если его поймают, то непременно казнят, а если ему и удастся бежать, то все равно ничего уже не изменить.

Однако навязчивая идея спасти юношу не покидала Адхару. Она с отчаянной решимостью продолжала думать об этом, словно в его спасении и заключалась ее миссия, навечно отпечатанная в сознании, единственный смысл, ради которого она проснулась на лугу и дожидая до этого момента.

Охваченная отчаянием, она блуждала по городу, переходя с одной стороны улицы на другую, теряясь в подворотнях, пока от неожиданно возникшего у нее ощущения не почувствовала комок в горле.

Она остановилась посреди улицы, словно невидимая сила удерживала ее, не давая идти дальше.

Девушка медленно повернула голову. Прямо перед собой она увидела вход с высеченным на его архитраве символом. Каменная кладка почернела от пожара; наполовину обугленная деревянная дверь висела только на одной петле.

Это ощущение было сродни снизошедшему сверху знанию, пробуждению от сна, чудесному узнаванию. Яркие воспоминания снов Адхары слились воедино с действительностью, и она *поняла*, что они исходят именно от этой обгоревшей двери, от этого почерневшего архитрава.

Девушка медленно направилась к входу, увлекаемая силой, которой уже не могла противиться. Она *припоминала* этот кирпичный свод, узкие коридоры, запах плесени и затхлости.

Это место мне знакомо.

Адхара двигалась будто под гипнозом, неожиданно позабыв о том, какова была ее первоначальная цель. В этот момент она отвечала на зов, посланный ей свыше.

Крыша здания местами обвалилась. Запах гари затруднял дыхание, заставляя глаза слезиться. Ее воспоминания, те самые, которые бог велел куда исчезли за последние пять месяцев, восстанавливали в памяти этот разрушенный дом, воспроизводя его в своем прежнем виде еще до пожара. И он.

Кто он?

Адхара его не помнила.

Лаборатория.

Лабиринт коридоров с низким потолком. Мириады похожих друг на друга комнат, и отовсюду доносятся монотонные причитания. В центре стоит огромный стол из неотесанной древесины, вдоль стен шкафы, забитые до отказа книгами.

И одиночные камеры для *созданий*.

Девушка ускорила шаг, словно волшебные чары наконец рухнули. Один коридор, другой. Она перепрыгивает через груды обломков и попадает в зал с проломанным потолком, с валявшимися на полу обожженными балками и почерневшим кирпичом. Амхал! Она нашла его. Освещенные руки юноши мелькают сбоку от Сана, сидящего напротив него. Адхара стиснула зубы. Она ни на мгновение не усомнилась в том, что ей нужно делать.

— Амхал!

Юноша резко обернулся. Адхара пришла в ужас от его взгляда. За внешней маской скрывалась одна пустота. Он совсем не походил на того человека, который только что совершил убийство: пустые глаза, невыразительное лицо.

Сан недовольно скривился:

— Какого дьявола тебе здесь нужно?

Адхара застыла на месте. Глядя на Сана, она неожиданно для себя поняла, *почувствовала*, что услышанные ею в тот день звуки означали, что тут происходило настоящее сражение с падавшими на пол телами, воплями, скрежетом металла. И виновным во всем этом стремительном разрушении, возникшем перед ее глазами, был только один человек — Сан. Ее ощущение было абсолютно четким. Это было его рук дело: это именно он устроил здесь погром. Тогда Адхара не смогла увидеть его, тем не менее девушка в определенной мере была убеждена в том, что человеком в черном был именно он.

— Это ты, — пробормотала Адхара. — Это ты устроил здесь резню...

Сан, свирепо улыбаясь, отстранил от себя Амхала и медленно поднялся.

Адхара не пошевелинулась. Яркие воспоминания, неожиданно разом обрушившиеся на девушку, парализовали ее тело, но более всего ее завораживала загадочная улыбка Сана, в которой его ненависть к ней превосходила ненависть к остальному миру.

Адхара обнажила кинжал.

— Тебе не увести его. Ты погубил Миру, Леарко и весь двор, но тебе не взять Амхала.

Сан шагнул вперед:

— Я никого не беру. Амхал сам желает пойти со мной.

Адхара подскочила к нему с кинжалом в руке.

Сан, увернувшись от удара, отступил назад.

— А ты не шутишь... — пробормотал он с ухмылкой.

— Ценой собственной жизни, — прошипела Адхара.

— Бесполезный труд. Ты не в состоянии разобраться даже в людях, ведь тебя сделали бездушной, куда тебе понять нас. Мы с Амхалом *другие*, мы над *всеми*, мы *выше* всех, и тебе никогда не достичь нас.

— Ты с самого начала только и делал, что морочил ему голову, но он еще может спастись. — Глаза Адхары неистово сверкали. — Потому что я люблю его.

Сан рассмеялся девушке прямо в лицо:

— Любишь? Да ты не имеешь ни малейшего представления, о чем говоришь. — Сан с протяжным скрежетом вынул меч Ниал из ножен. — Дело тут не в любви, девочка, а в том, кто мы такие, дело в данном свыше предназначении, которое связывает нас. Нет такой силы, уж не говоря про твою дурацкую любовь, которая смогла бы остановить разворачивающуюся на твоих глазах трагедию.

Затем Сан, выставив меч вперед, приготовился к нападению.

— А теперь посторонись и, пока тебя не раздавили, уйди из этой истории, в которой тебе не по силам разобраться. Потому что на твоих глазах мы творим Историю, и она единственная, которая когда-либо была рассказана во Всплывшем Мире, та самая, что веками точь-в-точь повторяется из поколения в поколение.

Адхара ринулась вперед, даже не дождавшись конца этой бредовой тирады. Она с кинжалом набросилась на Сана, вложив в свой удар всю силу. Ее рука наткнулась на серебристый барьер, возникший вокруг тела мужчины. Тогда девушка отступила назад, и Сан атаковал ее.

Все действие разворачивалось как по писаному: движения Адхары и Сана, его чары и

неведомая, инстинктивная, благодатная магическая сила, струившаяся из рук девушки, мелькание черного меча и кинжала, описывавших двухцветные дуги в тесном пространстве этого мертвого места, скрежет скрещенного оружия, глухие звуки бросаемых заклинаний. Сан произносил Запретные формулы, Адхара в ответ применяла оборонительные чары.

Вскоре девушка поняла, что Сан говорил правду. Это была История. Подобная схватка уже имела место в прошлом, и не один, а бесчисленное множество раз. И необходимость в ней была предначертана свыше.

Амхал, сидя в углу, равнодушно наблюдал за происходящим.

Адхара и Сан разошлись в стороны. Мужчина приложил руку к бедру: он истекал кровью.

— Если бы я был на пике своих сил, ты была бы уже мертва. А может, я недооценил тебя, и ты больше чем результат обычного эксперимента.

Он снова ринулся на девушку, но что-то преградило ему путь. Адхара неподвижно смотрела на выросшую буквально из воздуха спину какого-то человека. Она подсознательно поняла, кто это был.

— Она на самом деле не просто эксперимент.

Этот же самый голос в смутных воспоминаниях девушки твердил до изнеможения одну и ту же фразу: «Я приду за тобой». Адхара вздрогнула. Потом человек отвел своим мечом оружие Сана в сторону и обратился к ней:

— С тобой все в порядке?

Все: и борода, и волосы, и черты лица пришельца слились со снами девушки, и перед ней возник образ незнакомца, обещавшего вернуться за ней.

— Кто ты? — пробормотала Адхара.

У незнакомца не оказалось времени, чтобы ответить. Послышался свист, и оружие Сана с новой силой обрушилось на него. Жестокая схватка, в которой, без сомнения, мог быть только один победитель, возобновилась. Но движения внезапно появившегося человека даже отдаленно не напоминали плавные, мощные и вкрадчивые движения Сана. Последний оборот, и незнакомец сумел отскочить от противника на безопасное расстояние.

Сан воспользовался заминкой, чтобы перевести дыхание.

— Я и не думал, что кто-то выжил тогда, — буркнул он с явным интересом.

Незнакомец занял оборонительную позицию.

— Нас ведет Тенаар, и ничто нас не в силах остановить.

Сан громко рассмеялся:

— Ну конечно, а как же... Боги на моей стороне, и тебе это известно. Ты не сможешь остановить развитие этих событий, потому что они заложены в саму суть Всплывшего Мира.

— Я, возможно, и нет, но она — да, — парировал незнакомец, схватив Адхару за руку.

Сан внезапно сделался серьезным.

— Быть может, этот эксперимент оказался удачнее остальных, но тем не менее это всего лишь лабораторный эксперимент.

На этот раз загадочно улыбался уже незнакомец.

— Тогда почему ты так старался убить таких, как она? Да потому, что она истинная Сирен, и ты, Марваш, чувствуешь это всем своим нутром.

Сан заскрежетал зубами.

— Пусть она выйдет, и мы посмотрим, кто из нас победит.

Незнакомец еще сильнее сжал руку девушки.

— Еще не время.

— О чем вы говорите? — спросила Адхара с недоумением. Интересно, кто этот человек? О чем он говорит с Саном? И какую роль в этой истории играет Амхал?

Она вырвалась из рук незнакомца и, ухватившись за кинжал, отступила назад, к Амхалу.

— Меня не интересует ваш бред.

— Кандра, прекрати, — сказал незнакомец, направляясь к ней.

— Мне нужен только Амхал, вам ясно? Я уведу его отсюда!

Мужчина покачал головой:

— Кандра, он твой враг. И Марваш тоже.

Адхара не обратила на его слова никакого внимания.

— Амхал, поднимайся, пойдем отсюда! Какого дьявола мы здесь делаем? — крикнула девушка.

Амхал, казалось, пребывал во власти полнейшей апатии. Он встал, окинул Адхару ледяным взглядом и обнажил свой меч.

На мгновение девушка уверовала в то, что Амхал решился, и это его решение было окончательным, что он сумел заглянуть внутрь лживых рассказов Сана. Тогда она встанет рядом с ним и будет бороться ровно столько, сколько потребуется для того, чтобы покинуть это гиблое место. А потом они отправятся туда, где у них не будет необходимости бороться, где брошенные в их адрес слова Сана или того незнакомца окажутся вне закона.

Амхал медленно поднялся, а потом приставил свой меч к горло девушки. Адхара застыла в ужасе.

— Амхал... — пробормотала она.

Сан свирепо улыбался:

— Убей ее, она твой враг и всегда была им. Если ты сейчас не сделаешь этого, то будешь вынужден сделать в будущем.

Адхара пристально посмотрела в глаза юноши. Она пыталась выразить своим взглядом безмолвную мольбу и дать ему понять, что надежда еще жива, но ледяной взор юноши по-прежнему оставался потухшим. Казалось, что свет, который Адхара так часто замечала в его глазах и за который он так отчаянно боролся, безвозвратно исчез.

— Пошла прочь, — сказал юноша.

Сан резко повернулся к нему:

— Ты должен убить ее. Поверь мне, я все объясню тебе потом, но ты должен ее убить.

— Ты ранен, и нам нужно уходить. Мы совершили ошибку, остановившись здесь.

Сан заскрежетал зубами, но его лоб от слабости покрылся потом, а рана продолжала кровоточить.

— Амхал, заклинаю тебя...

— Пошла прочь, — сухо повторил юноша.

Он отошел от девушки, вложив меч в ножны, взял Сана под руку и исчез в темноте.

— Амхал! — закричала Адхара, бросаясь за ними вдогонку. Но незнакомец остановил девушку:

— Пусть они уходят, ведь это наше единственное спасение!

— Ты ничего не понимаешь, я... — Девушка хотела вырваться, но была слишком слаба, чтобы сопротивляться. Ее ноги подкосились, и она упала на пол, сотрясаемая рыданиями. Сквозь слезы она почувствовала, как незнакомец подошел к ней и положил руку ей на плечо.

— Это конец, — чуть слышно проговорил он. — Конец.

И Адхара подумала о том, что это была ужасная правда.

— Кто ты? — спросила Адхара незнакомца, когда немного успокоилась.

Мужчина поднял глаза:

— Меня зовут Андрас.

Девушка не помнила этого имени.

— Я так долго и так отчаянно тебя искал...

— Но почему?

Андрас тяжело вздохнул.

Он рассказал девушке о секте Недремлющих, о святых мучениках и защитниках истинной веры, которые всеми способами пытались убедить Братство Молнии в порядочности своих намерений, но все оказалось тщетно. Когда Теана закрыла перед ними

все двери и даже приказала начать их преследование, Недремлющие приняли решение уйти в подполье и уже там продолжить свою работу. Поэтому после безрезультатных попыток убить Марваша, прежде чем тот успел бы предстать перед миром, они решили найти Сирен. Они разыскивали ее по всему Всплывшему Миру. Но вскоре поняли, что нужно опередить своего врага. Недремлющие не могли ждать, когда появится Марваш, им непременно нужно было всегда иметь Сирен наготове, им нужно было обладать преимуществом перед ним. А если Сирен не появится раньше?

И тогда они любой ценой должны были создать ее своими руками, будь то при помощи магии или какого-либо оружия.

Они выкрадывали девочек из их семей, пытались обучать их, но тщетно. И потом наложенные на них магические чары и заклятия приводили их к смерти. Затем Недремлющие подумали про мертвых, про эксперименты над мертвыми, и стали возвращать к жизни мертвую плоть благодаря некоторым запрещенным заклинаниям, известным Недремлющим, чтобы на этой основе создавать что-то новое, видоизменяя ее и вкладывая в нее силу.

— Мы отобрали множество тел. Сначала дело продвигалось с трудом. Это вовсе не означало, что мы кого-то оживляли. Мы не хотели брать на себя такую кощунственную роль, как возвращение души назад из небытия. Нам нужны были всего лишь тела, способные двигаться и сражаться против Марваша. Этим мы и занимались.

Андрас замолчал, и Адхара почувствовала, как мороз пробежал у нее по коже. Но она не хотела верить этим словам.

— Вы занимались этим здесь, в этом подземелье?

Мужчина кивнул; скорбное выражение его лица вызвало у девушки только глубокое отвращение.

— Мы называли их «созданиями» и для удобства обозначали их эльфийскими цифрами. Каждый из нас работал над одним из этих созданий, следуя собственному методу: мы накладывали магические заклятия, передавали им врожденные знания искусства ведения боя. Но конечным испытанием было Копье Дессара — эта эльфийская реликвия предназначена специально для Посвященных, и только Посвященные могли привести его в действие. Созданий приводили на место, где они должны были своими руками воздействовать на копье. Если копье начинало реагировать, мы понимали, что наши труды увенчались успехом. Но такого еще не бывало.

Адхару охватила нервная дрожь.

— А что происходило с теми... созданиями, которым не удавалось воздействовать на копье?

— Они умирали.

Девушку пугал этот человек и его рассказы об этих бедных, истерзанных экспериментами телах, силой вырванных у смерти и доведенных до нового уничтожения.

— Ты понимаешь, они не были людьми в прямом смысле этого слова, — пояснил Андрас, заметив замешательство девушки.

Те же самые слова совсем недавно говорил и Сан. Адхара почувствовала, как по ее жилам потекла неудержимая ярость.

— Наличие в них души вовсе не являлось целью, они же были... созданиями.

Адхара сжала кулаки:

— Я не пойму, какое отношение все это имеет ко мне.

Но девушка лукавила.

Андрас улыбнулся:

— Ты — Кандра, на эльфийском означает «шестая». Ты была шестой по счету, над созданием которой я работал, и ты — Сирен.

Адхара бросилась к мужчине, выхватила кинжал и приставила его к горлу Андраса.

— Ты лжешь! У меня есть душа, я люблю, ненавижу, живу, наконец! Я есть!

Лицо Андраса побледнело: он попытался объяснить девушке то, чего в принципе объяснить было нельзя.

Адхара ослабила хватка, поняв, насколько она сама себе противна. *Если ты так сделаешь, то тогда ты ничем не отличаешься от Сана*, сказал ей внутренний голос.

Андрас, потирая шею, перевел дух:

— Я не знаю, кто ты, но мои собратья всегда говорили мне, что создания не являются людьми. Однако в действительности большое значение имеет то, откуда ты родом, либо то, что ты собой представляешь: человек ли, результат эксперимента или что-нибудь еще. Понимаешь, ты — Сирен? У меня получилось, я создал Посвященную!

Адхара посмотрела на него с нескрываемой ненавистью:

— Ты — сумасшедший...

— Я знаю, ты помнишь меня, а значит, ты не сможешь отрицать правду и все то, что я говорю тебе, Кандра.

— Не называй меня так!

Горло Адхары горело. Она была не в силах даже крикнуть. Девушка сползла на пол и посмотрела на свои руки. Чьи это были руки до того, как Андрас вдохнул в нее жизнь? Чем они занимались, когда принадлежали другим? Кто она была в иной жизни?

— Ты не помнишь ничего, потому что тебе нечего вспоминать, — продолжал Андрас. — Все из-за того, что мы слишком мало времени были вместе до того, как я разбудил тебя, сотворив тебя при помощи своих чар. Все было кончено в один день.

Они не знали, кто был этот Сан. Он просто пришел к ним и принес смерть. Он убивал всякого, кто вставал у него на пути, и уничтожал их создания. Он убил всех, кроме одной: Кандры.

— Я отвел тебя в безопасное место, в один тайный туннель, и сказал, чтобы ты дожидалась меня там.

Я приду за тобой. Адхара помнила эти слова.

— Однако потом я не смог вернуться. Я спасся только благодаря тому, что притворился мертвым: уверяю тебя, я действительно чуть не умер. Я выполз наружу, звал на помощь... — Андрас закрыл лицо руками. — Я не стану рассказывать тебе обо всех перипетиях моих скитаний. Это была довольно грустная история.

Мужчина посмотрел на Адхару: его глаза неистово сверкали.

— Я отчаянно искал тебя повсюду. И попутно собирал сведения об этом человеке. Это — Марваш. Сан — это Марваш.

Адхара уже знала об этом, она это чувствовала.

Девушка покачала головой: все не так, все ложь. Она в действительности ничто.

— Но только сегодня я понял всю правду. Кандра, их двое: Сан и Амхал. Ты видела, как они сражались? Они оба Разрушители!

Мужчина выглядел испуганно, но это было ничто в сравнении с тем холодом, что сковал все тело Адхары.

— Я... не...

— Ты должна будешь сразиться с двумя Разрушителями и убить и Амхала, и Сана.

Весь мир поплыл у девушки перед глазами. Казалось, что все остальное теряло свои зримые очертания перед лицом этих откровенных, ужасных и вместе с тем безумных слов. Сразиться, убить.

— Амхал мой друг. Он спас мне жизнь... Я люблю его...

Андрас закрыл ее рот своей рукой:

— Не говори этих глупостей! Он — враг, он — зло, с которым нужно бороться.

Адхара вскочила на ноги:

— Не смей так говорить! Это — ложь!

— Кандра, таково твое предназначение, ты создана для этого, я создал тебя для этой цели! Другие Посвященные, что были до тебя, делали это, и ты ничуть не хуже. Ты сделаешь

это, хочешь того или нет. Ты сделаешь это, потому что у тебя нет выбора.

Адхара продолжала трясти головой, словно пытаясь избавиться от этого кошмара.

— Ты ошибаешься, я — ничто. Быть может, разыгрывая из себя бога, ты и создал меня, но то, что в результате получилось, не имеет ничего общего с Посвященными. Я — Адхара, девушка с луга, я тот человек, в которого Амхал вдохнул жизнь, дал имя и чувство!

Андрас, сочувственно улыбаясь, продолжал твердить, словно молитву:

— У тебя нет выбора...

Его улыбка, его проникнутые слепой убежденностью слова сводили девушку с ума.

Она набросилась на Андраса, повалив на пол, и начала неистово его избивать.

Адхара сбила руки в кровь, не переставая сыпать на него удары, и остановилась лишь тогда, когда увидела под собой бездыханное тело мужчины. В этот момент она почувствовала отвращение к себе самой, к этой слепой ненависти, возникшей у нее от отчаяния и давшей волю ее рукам.

Обессиленная и опустошенная, девушка отпрянула в сторону со слезами на глазах: ее стошнило прямо рядом с телом Андраса. Потом она устремилась по тем же самым коридорам, по которым уходил прочь Амхал. Ноги девушки сами вели ее по лабиринтам ходов, наконец-то ставших ей знакомыми. Адхаре было совершенно безразлично, куда она шла: в выборе дороги она целиком доверилась своему телу.

Когда она остановилась, то увидела, что стоит на широком лугу, а над ее головой раскинулся купол безжалостного звездного неба. *Тот* самый луг, откуда все и началось. Адхара упала на колени, не в состоянии двигаться дальше. Дул ледяной зимний ветер.

А потом друг за другом, словно бусины ожерелья, всплыли ужасные воспоминания. Наконец девушка узнала, кто же она такая.

Эпилог

Мелькающие время от времени образы, бесконечные звуки.

Крики и скрежет мечей.

Пустота.

Кирпичный потолок.

Стеклянные сосуды, открытые книги, снадобья.

Снова пустота.

Потом он, лысый человек с бородой, с озабоченным, лихорадочным взглядом.

Он пытается что-то сказать ей, тянет ее из-за стола. Все тело Кандры изнывает от боли, у нее нет сил даже открыть рот. Он прислоняет ее к стене, а потом окатывает водой. Это похоже на уколы тысяч булавок. Кандра трясет головой и медленно открывает глаза. Все поле ее зрения занимает этот человек.

— Послушай, сейчас я отведу тебя в одно место, договорились?

Это были первые слова, которые Кандра сумела разобрать из всего сказанного им. У нее все болит, и потом эти оглушительные звуки, ужасный грохот... Ей хотелось бы, чтобы он оставил ее здесь, на полу. Пожалуй, это сулит верную гибель, но зато в абсолютном покое. У нее очень смутные воспоминания о том, что было раньше. Прежде всего боль, а потом неразборчивые слова, непонятный свет. Она знает только, что это было ужасно и очень мучительно. А еще раньше — совершенная пустота и ни единого воспоминания.

Мужчина хватает ее под мышки и куда-то тащит. Она чувствует, как задыхается. Она хочет закричать от боли, но не может.

Они оказались в мрачном туннеле, покрытом плесенью.

Теперь Кандра может двигаться сама. Полоска света в абсолютной темноте, а впереди тот человек.

Оставь меня здесь, дай мне умереть... — мелькает у нее в мозгу, но она знает, что ее ожидает что-то ужасное.

Засов открывается. Теперь звуки едва различимы и почти ничего не слышно.

Мужчина пропихивает ее в какую-то комнату; там очень тесно, и Кандра хотела бы воспротивиться, но не делает этого. Нельзя, чтобы ее оставили там взаперти.

— А теперь сиди тихо, понятно? Ты останешься здесь и будешь меня ждать. Я ненадолго, хорошо?

Кандра слабо кивает.

— Я приду за тобой. Я дважды постучу по камню: один раз сильно, другой раз — слабо. — И он показывает как. — Итак, ты все поняла?

Она снова соглашается, она все поняла.

— Молодец. Ни за что не уходи отсюда.

Затем дверь за ним закрывается, и становится темно.

Кандра не знает, сколько времени она пробыла там. Она плачет, пытается стучать кулаками по кирпичной стене, но она слишком слаба, поэтому уверена, что никто не сможет услышать ее.

Затем она вспоминает слова мужчины. Она верит, что он придет за ней.

За монотонным чередованием неспешных мгновений проходит время. Спектр ее восприятия расширяется. Она уже слышит отдаленные звуки, чувствует запах плесени, покрывающей стены. Сверху пробивается узкая полоска, вполне достаточная для того, чтобы в комнату смог проникать воздух. Чистый воздух, отдающий ночной прохладой. Она припадает глазами к этой щели. Какое-то время видит над собой бледный свет, а потом наступает тьма. Кандра неподвижно рассматривает ночную мглу, расцвеченную сначала в синие, потом в голубые, потом в бледно-розовые тона. Свет становится еще ярче. И никого.

Сколько прошло времени: часы, а может, дни? Она не знала. Кандра продолжает сидеть неподвижно на одном месте. Снова смеркается, снова красный цвет, что и много, слишком много часов назад. Затем бледно-голубой, синий, черный.

И тогда она решается уйти. Из всех сил толкает стену. Находит один кирпич и сдвигает его наружу. Дверь повернулась вокруг оси и открылась. Кандра вываливается из своего заточения и падает на землю.

Она очень слаба, и все же ей удается встать на ноги и пойти в противоположном направлении. Проход очень темный, и чем дальше она идет, тем сильнее становится всепроникающий запах гари.

Еще одна кирпичная дверь. На этот раз Кандра знает что делать и попадает в ад. Заполонивший все дым вызывает у нее приступ кашля. На полу груды обломков и обугленные фрагменты изуродованных до неузнаваемости тел. В общей массе она различает огромное количество рук, ног, частей туловища и голов. Кандру стошнило. Ею овладел страх и ужас.

Он больше не придет, думает она про себя и понимает, что теперь ей придется действовать самостоятельно.

Она идет вперед, стараясь не глядеть по сторонам. Она проходит мимо разрушенных залов — инстинкт указывает ей путь. На самом деле она и сама знает эту дорогу: он показал ее, равно как и все остальное, каким-то неведомым образом вложив ей эти знания в голову.

Кандра заворачивает в боковой коридор; она как можно скорее должна покинуть это место. Кандра знает, что отсюда есть выход наружу. Однако потребуется еще время. Все ее тело ноет от боли.

Прислонившись к стене, она трет ладонями по кирпичной кладке. Движимая страхом, она продолжает свой путь. Кандру преследует запах паленой плоти, от которого все переворачивается у нее внутри, но наконец кирпичные стены залов уступают место подземному ходу. Запах смерти почти не чувствуется.

Кандра думает про человека, который должен был прийти за ней. А что сейчас он делает? Что там, снаружи? Найдется ли ей там место?

Она знает только то, чему ее научили: как вести бой, как пользоваться магическими

чарами; ей известно, кто такая Посвященная. Но знает ли она, что там, снаружи? Есть ли там, за пределами этого мрачного места, что-либо еще?

Кандра плачет от усталости и страха. Ее сознание начинает путаться. Она не знает, где находится, и не точно помнит, что произошло.

Мне нужно сохранять трезвость ума, чтобы спастись, твердит она себе, однако не в состоянии помешать своим знаниям, подобно водам водопада, утекающим прочь. Очень скоро остается только невероятное желание двигаться вперед. Это единственное, в чем она продолжает быть уверена, и это все, что ей остается. Кандра не помнит лица того человека, не помнит, что кто-то сказал, что придет за ней. Она ничего не помнит о себе. Знает только, что нужно идти вперед.

Наконец выход. Над ее головой возник огромный белый диск, словно открытое в черном небе окно. Вокруг множество дрожащих маленьких огоньков. Кандра измучена и потрясена. Все ее тело изнывает от боли. Из последних сил она делает еще несколько шагов, а потом валится на землю.

Это огромный луг, покрытый росой. Дует легкий свежий ветерок. Над головой огромное незнакомое ей небо.

Раскинув руки и вытянув ноги, создание забывает о себе, о том, что с ним было, о своем предназначении, и, закрыв глаза, погружается в сон, который стирает остатки его сознания.

Так и начинается эта история.